

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

ВЫП. XXXII

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XXXII

Керчь

2016

Kerch

УДК 94 (477.75) (082)

ББК 63.4-63.3 (0)32

М 34

*Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского*

*Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф.
Е.А. Молев, д.и.н., проф.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
А.А. Тортика, д.и.н.
И.Н. Храпунов, д.и.н., проф.
К. Цукерман, д.и.н., проф. (Франция)

*Состав редколлегии утвержден Ученым советом
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Протокол № 9 от 3.08.2015 г.)*

Ответственный редактор: д.и.н. В.Н. Зинько
Ответственный секретарь: к.и.н. А.В. Зинько

Боспорские исследования: сборник – Вып. XXXII / Отв. ред.
М 34 В.Н. Зинько. – Керчь: Керченская городская типография,
2016. – 304 с.

ISBN 978-5-9906791-2-2

Очередной том «Боспорских исследований» состоит из 2-х разделов. В 1-м публикуются статьи по древней истории Боспора и Крыма, а во 2-м представлено большое исследование Г.А. Пашкевич по проблемам изучения палеоэтноботанических материалов Боспора.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется античной и средневековой историей и археологией Северного Причерноморья.

УДК 94 (477.75) (082)

ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISBN 978-5-9906791-2-2

ISSN 2413-1938

© НИЦ ИА КФУ им. В.И. Вернадского, 2016
© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2016
© Авторы, 2016

Раздел I

СТАТЬИ

В.П. КОПЫЛОВ
V.P. KOPYLOV

О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА ABOUT THE TIME OF THE CONSTRUCTION OF DEFENSIVE LINES OF ELIZAVETOVSKOE SETTLEMENT

Елизаветовское городище на Дону, исследования которого начались ещё в XIX веке, сегодня является одним из наиболее полно исследованных поселений скифо-античного времени в степной зоне Северного Причерноморья.

Широкомасштабные исследования Елизаветовского городища, проводящиеся с 60-х годов XX века, дали обширные материалы о характере данного поселения и позволили говорить о сложной военно-политической истории в устьевой области реки Танаис в период существования этого центра. После открытия в 1982 году в верхних напластованиях Елизаветовского городища греческой колонии, а затем и греческой энойкии, внедрённой в структуру варварского городища, данные о нестабильности военно-политической ситуации в Нижнедонском историко-культурном регионе значительно пополнились новыми, надёжно датированными материалами. Нестабильность ситуации в этом районе, по нашему мнению, в первую очередь объясняется стратегически выгодным расположением Елизаветовского поселения, находящегося в пограничье на пересечении важнейших транспортных коммуникаций того времени.

Наиболее достоверную информацию, позволяющую представить развёрнутую характеристику истории Нижнедонского региона в V – первой трети III вв. до Р.Х., дают надёжно документированные закрытые археологические комплексы 1-го порядка [Рогов, 2011, с. 35, сл.], которые были выявлены на памятнике как в ходе исследований скифского городища, так и греческой колонии, основанной Боспором на месте покинутого варварского поселения. Общеизвестно, что наиболее ценными закрытыми комплексами являются комплексы, образовавшиеся в результате катастроф, которые дают точную датировку верхних границ самих комплексов и всех артефактов, открытых в этих комплексах. Важную информацию обо всех изменениях военно-политической ситуации в Нижнедонском историко-культурном регионе в V – первой трети III в. до Р.Х., несомненно, может дать определение характера и точного времени возведения системы оборонительных рубежей Елизаветовского городища. Следует отметить, что вопросы о характере и времени возведения фортификационных сооружений одного из узловых поселений степной Скифии – Елизаветовского городища на Дону являлись предметом особенно пристального изучения в 70-х годах прошлого века [Брашинский, Марченко, 1972, с. 138; Брашинский и др., 1973, с. 116;

Копылов В.П. О времени сооружения ...

Брашинский и др., 1974, с. 99; Марченко, 1974, с. 253–257; Брашинский и др., 1975, с. 99–100]. Позже вновь проводились исследования на разных участках линии обороны данного городища [Копылов и др., 2001, с. 97–99]. Обобщённая информация, полученная в ходе исследований системы обороны этого памятника, была представлена в специальной главе коллективной монографии, посвящённой Елизаветовскому городищу [Марченко и др., 2000, с. 70–90]. В этой главе отмечалось, что полученная информация, несмотря на плохую сохранность раскрытых объектов фортификации, «позволяет всё же создать достаточно детализированную картину структуры и времени строительства укреплений городища» [Марченко и др., 2000, с. 74]. Работы по изучению системы оборонительных сооружений на разных её участках были продолжены Южно-Донской экспедицией НМЦА в период с 2005 по 2013 г. Сегодня общая реконструкция системы оборонительных сооружений городища, которая была дана в коллективной монографии, не вызывает особо серьёзных возражений. Однако предположение о том, что довольно продолжительный период своего существования – примерно до середины IV в. до Р.Х. – поселение функционировало без каких-либо искусственно созданных рубежей обороны, нуждается сегодня в корректировке.

Уже в конце XX века специалисты отмечали, что назрела острая необходимость проведения обобщающих интерпретационных исследований по северопонтийской античной фортификации [Буйских, 1998, с. 91–92]. И уже тогда исследования укреплений II Тенгинского городища показали, что время появления фортификации у меот-ов можно относить не к IV в. до н.э., как это считалось раньше, а, по крайней мере, к концу VI в. до н.э. [Беглова, Эрлих, 1998, с. 86–87]. Подробная информация о характере и хронологии оборонительных сооружений боспорских городов приведена в работе, посвящённой военной истории и военному делу Боспора Киммерийского [Виноградов, Горончаровский, 2009].

Какими новыми данными о времени возведения оборонительных сооружений Елизаветовского городища мы сегодня располагаем? Прежде всего, укажем, что работами на Елизаветовском могильнике был установлен факт полного отсутствия погребений V в. и первой половины IV в. до н.э. на территории, ограниченной внешней линией обороны, что свидетельствует о существовании уже в это время каких-то видимых рубежей Елизаветовского поселения. Все курганы этого времени сооружались вдоль внешней линии рубежей обороны поселения и, следовательно, можно довольно уверенно предположить, что с момента возникновения этого скифского поселения оно имело какие-то оборонительные сооружения. Это тем более вероятно, поскольку все исследователи отмечали, что поселение довольно хорошо было защищено естественными рубежами, особенно с северной и восточной его части (рис. 3). Возможно, первоначально были сооружены отдельные фортификационные рубежи, которые ещё не могли служить мощными укреплениями поселения, но защищали жителей до возведения более мощной системы обороны. Подобная первоначальная система обороны была зафиксирована археологически в ходе исследования Западного укрепления Бельского городища [Шрамко, 1987, с. 28–29].

Существование на раннем этапе какой-то системы укреплений вокруг Елизаветовского поселения тем более вероятно, поскольку именно на рубеже первой-второй четвертей V в. до Р.Х., когда было основано это поселение в дельте реки Танаис, на территории Боспора Киммерийского [Виноградов, Тохтасьев, 1994, с. 54, сл.; Зинько, 2013, с. 140; Столяренко, 2013, с. 54], а также и в степях Северного Причерноморья фиксируется резкое обострение военно-политической ситуации. В связи с этим особо отметим, что исследователи при структурировании территории Скифии именно в дельте Дона, где было основано Елизаветовское городище, выделяют восточный региональный центр скифского государства [Болтрик, 2013, с. 200-201].

Для решения вопроса о времени сооружения системы оборонительных рубежей Елизаветовского городища важным является и вопрос, связанный с выяснением условий образования этого поселения. Анализ всей совокупности археологических источников позволяет нам утверждать, что скифское городище в дельте Дона возникло не в результате постепенного превращения зимника кочевых скифов в долговременное поселение, а появилось в результате единовременной акции, проведённой скифским государством на рубеже первой-второй четверти V в. до Р.Х. Мы считаем, что создание в устье реки Танаис своего, важного в стратегическом и экономическом отношении, мощного центра было неразрывно связано со стремлением Скифии укрепить свои восточные рубежи после неудачной попытки расширить свои владения в западном направлении, а также поставить под свой контроль важный перекрёсток транспортных коммуникаций. Подчеркнём также, что неудачная попытка скифов подчинить себе основные греческие центры на Боспоре Киммерийском, где существовала переправа, показала скифским правителям насущную необходимость обеспечения надёжного контроля и системы безопасности переправы, находившейся в устье Танаиса. В представлении древних именно эта переправа являлась связующим звеном между Европой и Азией.

Анализ материалов, связанных с решением вопросов о восточной границе Скифии и её изменением на разных этапах скифской истории, показал, что граница по реке Танаис окончательно оформилась именно с появлением в устьевой области этой реки скифского Елизаветовского городища, а на среднем Дону – с начала формирования скифских курганных могильников [Копылов, Коваленко, Русаков, 2014, с. 318-319].

Возвращаясь к рассмотрению вопроса о времени возведения оборонительных сооружений на Елизаветовском поселении, укажем, что раскопки последних лет на северо-западной оконечности городища, в том числе и на участке внешней линии обороны, дали значительное количество импортной греческой керамики, которая датируется концом первой – второй четвертью V в. до Р.Х. (рис. 1). Отметим также, что находки, обнаруженные в заполнении внешнего оборонительного рва, несомненно, свидетельствуют о боевых действиях. При исследованиях оборонительных сооружений Елизаветовского городища в прежние годы также были засвидетельствованы

Копылов В.П. О времени сооружения ...

находки человеческих костей и даже полных костяков (рис. 2) в заполнении рвов как внешних, так и внутренних рубежей обороны, что только подтверждает полученные нами данные о боевых действиях, зафиксированных в ходе изучения фортификационных сооружений. Об этом также свидетельствуют находки бронзовых и железных наконечников стрел и пращевых камней, обнаруженных в процессе изучения поясов обороны этого городища [Копылов, Коваленко, 2014].

Наиболее сложной на сегодняшний день является проблема точного хронологического определения последовательности возведения системы оборонительных сооружений на Елизаветовском городище. Сегодня нами только чётко установлено, что в период существования отдельного греческого квартала в структуре скифского городища, который был основан в третьей четверти IV в. до Р.Х. и просуществовал до конца этого столетия, западная часть внутренней линии обороны городища не функционировала. Исследованиями было установлено, что квартал располагался на специально спланированном для возведения строительных сооружений этой греческой энойки оборонительном валу, и естественно, что с западной стороны поселение не было защищено. Конечно, не исключено, что дома греческого квартала, возведённые по одной линии, могли служить своеобразными рубежами обороны. Примечательно, что при исследовании греческого квартала на северо-западной оконечности поселения были обнаружены остатки вала, внешняя щека которого была укреплена каменной выкладкой. Учитывая, что северная часть Елизаветовского поселения была надёжно защищена водными рубежами, возведение здесь вала, укрепленного каменной обкладкой, может свидетельствовать о том, что угроза могла исходить не только от кочевых варваров. Находки в северной части акрополя значительного числа каменных ядер от баллисты позволяют предположить, что против жителей Елизаветовского городища могли применяться камнемётные орудия, которые могли быть установлены на кораблях [см. Петерс, 1984, с. 192-193].

У нас нет надёжных и достоверных данных, позволяющих точно установить время сооружения внутренней линии оборонительных рубежей, хотя такие попытки предпринимались. Так, работы 2012-2013 годов, проведённые на участке северо-восточной части внутренней обороны, зафиксировали лишь присутствие в заполнении рва материалов, синхронных времени существования большой боспорской колонии. Точное время начала сооружения внутреннего оборонительного вала смогут помочь определить только надёжно датирующиеся археологические находки, открытые на уровне погребённой почвы под основанием вала, поскольку материалы со дна оборонительного рва из-за высокого стояния грунтовых вод сегодня, к сожалению, недоступны.

Работы по определению точного времени сооружения поясов обороны Елизаветовского городища планируется продолжить Южно-Донской экспедицией НМЦА ЮФУ, однако уже сейчас очевидно, что их сооружение относится к более раннему времени, чем это считалось ранее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Беглова Е.А., Эрлих В.Р. Древнейшая фортификация меотской культуры.//Проблемы археологии Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998.
- Болтрик Ю.В. Территориальные центры Скифии// Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвящённых 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013.
- Брашинский И.Б., Марченко К.К. Раскопки и разведки в дельте Дона // АО – 1971. М., 1972.
- Брашинский И.Б., Марченко К.К., Мелентьева Г.М. Исследования в дельте Дона. // АО – 1972. М., 1973.
- Брашинский И.Б., Марченко К.К., Житников В.Г., Засецкая И.П. Работы в дельте Дона.// АО – 1973. М., 1974.
- Брашинский И.Б., Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Исследования Елизаветовского городища и его окружи.// АО – 1974. М., 1975.
- Буйских С.Б. Проблема изучения региональных школ античной фортификации Северного Причерноморья.// Проблемы археологии Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Санкт-Петербург, 2009.
- Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия// ВДИ. 1994. №1.
- Зинько В.Н. Архаическая Тиритака на Боспоре Киммерийском// Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 2013.
- Копылов В.П., Марченко К.К., Коваленко А.Н., Янгулов С.Ю. 2001. Итоги исследований Елизаветовского поселения на Дону в 1999-2000 гг. //ИИАИАНД. Вып. 17. Азов.
- Копылов В.П., Коваленко А.Н., Русаков М.Ю. Поселенческие структуры скифо-античного времени на Дону и вопросы определения восточной границы Скифии//Границы и пограничье в южнорусской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26-27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014.
- Копылов В.П., Коваленко А.Н. Предметы вооружения из материалов Большой греческой колонии на месте Елизаветовского городища в дельте Дона// Материалы международной научной конференции «Война и военное дело в скифо-сарматском мире» памяти А.И. Мелюковой. Издательство ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону, 2014.
- Марченко К.К. Оборонительные сооружения Елизаветовского городища на Дону// СА. 1972, № 2.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. Pontus Septentrionalis II. Танаис 2. М. 2000.
- Петерс Б.Г. Военное дело//Античные государства Северного Причерноморья, М., 1984.
- Рогов Е.Я. Некрополь Панское I в северо-западном Крыму. Симферополь, 2011.
- Столяренко П.Г. Новые данные об архаической оборонительной стене Порфения// Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2013.
- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (горд Гелон). Киев, 1987.

REFERENCES

- Beglova E.A., Erlikh V.R. Drevneishaia fortifikatsiia meotskoi kul'tury. *Problemy arkheologii Vostochnoi Evropy. VII Donskaia arkheologicheskaiia konferentsiia. Tezisy dokladov.* Rostov-na-Donu, 1998.
- Boltrik Iu.V. Territorial'nye tsentry Skifii. *Prichernomor'e v antichnoe I rannesrednevekovoe vremia. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennykh 65-letiiu professor V.P. Kopylova.* Rostov-na-Donu, 2013.
- Brashinskii I.B., Marchenko K.K. Raskopki i razvedki v del'te Dona. *AO - 1971.* Moscow, 1972.
- Brashinskii I.B., Marchenko K.K., Melent'eva G.M. Issledovaniia v del'te Dona. *AO – 1972.* Moscow, 1973.
- Brashinskii I.B., Marchenko K.K., Zhitnikov V.G., Zasetkaia I.P. Issledovaniia Elizavetovskogo gorodishcha i ego okrugii. *AO – 1974.* Moscow, 1974.

Копылов В.П. О времени сооружения ...

- Brashinskii I.B., Marchenko K.K., Zhitnikov V.G., Kopylov V.P. Issledovaniia Elizavetovskogo gorodishcha i ego okrug. AO – 1974. Moscow, 1975.
- Buiskikh S.B. Problema izucheniia regional'nykh shkol antichnoi fortifikatsii Severnogo Prichernomor'ia. *Problemy arkheologii Vostochnoi Evropy. VII Donskaia arkheologicheskaiia konferentsiia. Tezisy dokladov.* Rostov-on-Don, 1998.
- Kopylov V.P., Marchenko K.K., Kovalenko A.N., Iangulov S.Iu. Itogi issledovaniia Elizavetovskogo poseleniia na Donu v 1999- 2000 gg. *IAIAND.* 17. Azov, 2001.
- Kopylov V.P., Kovalenko A.N., Rusakov M.Iu. Poselencheskie struktury skifo-antichnogo vremeni na Donu i voprosy opredeleniia vostochnoi granitsy Skifii. *Granitsy I pograniich'e v iuzhnorusskoi istorii. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Rostov-na-Donu, 26-27 sentiabria 2014 g.).* Rostov-on-Don, 2014.
- Kopylov V.P., Kovalenko A.N. Predmety vooruzheniia iz materialov Bol'shoi grecheskoi kolonii na meste Elizavetovskogo gorodishcha v del'te Dona. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire" pamiati A.I. Meliukovoi.* Rostov-on-Don: Izdatel'stvo IuNTs RAN Publ., 2014.
- Marchenko K.K. Oboronitel'nye sooruzheniia Elisavetovskogo gorodishcha na Donu. SA, 1972, № 2.
- Marchenko K.K., Zhitnikov V.G., Kopylov V.P. Elizavetovskoe gorodishche na Donu. *Pontus Septentrionalis II.* Tanais 2. M., 2000.
- Peters B.G. Voennoe delo. *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia*, M., 1984.
- Rogov E.Ia. *Nekropol' Panskoe I v severo-zapadnom Krymu.* Simferopol', 2011.
- Shramko B.A. *Bel'skoe gorodishche skifskoi epokhi (gorod Gelon).* Kiev, 1987.
- Stoliarenko P.G. Novye dannye ob arkhaiskoi oboronitel'noi stene Porfeniia. *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* St.Petersburg, 2013.
- Vinogradov Iu.A., Goroncharovskii V.A. *Voennaia istoriia I voennoe delo Bospora Kimmeriiskogo (VI v. do n.e. – III v. n.e.)* St.Petersburg., 2009.
- Vinogradov Iu.A., Tokhtas'ev S.R. Ranniaia oboronitel'naia stena Mirmekiiia. *VDI.* 1994. №1.
- Zin'ko V.N. Arkhaicheskaiia Tiritaka na Bospore Kimmeriiskom. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia. Sbornik nauchnykh trudov.* Rostov-on-Don, 2013.

Резюме

Статья посвящена выяснению характера и времени сооружения системы оборонительных сооружений Елизаветовского городища. Прослеживается, что оборонительные рубежи начали возводиться сразу после основания поселения, а археологические находки свидетельствуют о боевых действиях.

Ключевые слова: скифское городище, боспорская колония, фортификация, дельта Дона, предметы вооружения.

Summary

The article dwells on clearing up the character and dating of defensive fortification system construction in Elizavetovskoe gorodishche. It is observed that first defensive lines appeared immediately after the settlement foundation, while the archaeological artifacts give evidence of military action.

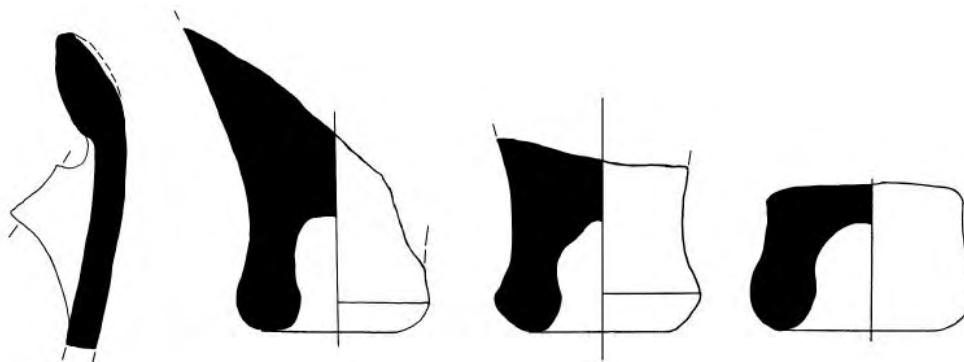
Keywords: Scythian settlement (gorodishche), Bosporan colony, fortification, the Don delta, weapons.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Копылов Виктор Павлович, к.и.н., профессор.
Научно-методический центр археологии
Южного федерального университета, директор.
+7 (903) 4383645
vpkopylov@sfnedu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kopylov Victor Pavlovich, CSc,
Scientific and Methodological Center of Archaeology
of the Southern Federal University,
Director of Scientific and Methodological Center
of Archaeology of the Southern Federal University, Prof.
+7 (903) 4383645
vpkopylov@sfnedu.ru

0 3см

Рис. 1. Амфорная керамика первой половины V в. до н.э.

Рис. 2. Костяк человека в заполнении оборонительного рва.

Рис. 3. Елизаветовское городище. Вид с северо-запада (фото 1954 года).

С.В. КАШАЕВ, Н.А. ПАВЛИЧЕНКО
S.V. KASHAEV, N.A. PAVLICHENKO

**НОВЫЙ ИСТОЧНИК О ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ
НА АЗИАТСКОМ БОСПОРЕ В IV В. ДО Н.Э.¹
NEW SOURCE ABOUT THE LAND USE
IN THE ASIATIC BOSPOROS IN THE 4TH CENTURY BC.**

Летом 2013 г. в рамках реконструкции железнодорожной станции Вышестеблиевская Таманским отрядом ИИМК РАН были проведены охранные археологические исследования поселения Вышестеблиевская-3 (Государственный № 4848). Памятник находится на территории Вышестеблиевского сельского округа в Темрюкском районе Краснодарского края.

Поселение расположено между станицами Вышестеблиевская и Старотитаровская. Оно вытянуто с северо-запада на юго-восток, форма его границ близка к трапеции. Размеры памятника 540 x 500 м. Раскоп прошел через весь памятник с запада на восток по южной окраине поселения (рис. 1). Он был вытянут вдоль линии железной дороги, в 4–5 м к северу от ее насыпи.

Основную массу находок в культурном слое и в исследованных комплексах составляют фрагменты керамических сосудов, большая часть из которых – фрагменты тарных амфор греческого производства. В небольшом количестве встречены фрагменты лепной керамики, столовых гончарных сосудов и единичные фрагменты чернолаковых сосудов, кости животных. Среди фрагментов амфор в основном встречаются обломки красноглиняных амфор таких центров производства, как Хиос, Лесбос, Фасос, Гераклея и Синопа.

К ранним типам относятся хиосские пухлогорлые и «протофасосские» амфоры, датирующиеся первой половиной V в. до н.э. К более позднему периоду относятся хиосские прямогорлые и колпачковые, синопские, гераклеийские, фасосские амфоры, относящиеся к IV в. до н.э.

Фрагменты столовой красно- и сероглиняной посуды представлены в небольшом количестве. Таким образом, основной категорией находок являются фрагменты амфор различных центров производства.

Кроме того, было найдено и около 70 керамических клейм различных греческих центров (Фасос, Гераклея, Синопа, Херсонес, Родос и др.)².

Чернолаковые и расписные сосуды аттического производства [Драчева, 2014,

¹ Авторы публикации выражают искреннюю признательность А.Л. Верлинскому, не пожалевшему времени на то, чтобы ознакомиться с текстом статьи, и высказавшему важные замечания.

² Кашаев С.В., Павличенко Н.А. Коллекция керамических клейм с поселения Вышестеблиевская-3 // Записки ИИМК РАН. Вып. 11. СПб., 2015 (в печати).

с. 43–47] представлены в основном небольшими фрагментами, но найдены и археологически целые сосуды. Среди находок имеются также предметы быта и вооружения – точильные камни, фрагменты светильников, наконечники стрел, свинцовое ядро пращи. Находками, отражающими культовые представления древних жителей поселения, являются терракотовые статуэтки, изображающие наиболее почитаемых богинь – Деметру и Афродиту.

Суммарно все находки из культурного слоя можно отнести к V в. до н.э. – I в. н.э. Самые ранние находки можно отнести к концу VI или рубежу VI – V вв. до н.э.

В процессе раскопок обнаружено 32 различных комплекса – серия хозяйственных ям и объект, получивший условное наименование «Ров» (рис. 1). Открытые археологические комплексы датируются V – II вв. до н.э. В западной части раскопа на участках 1 – 26 обнаружены комплексы и находки, относящиеся преимущественно к началу V в. до н.э. В восточной части – на участках 27–50 – комплексы и находки, относящиеся преимущественно к концу V – II вв. до н.э. Зафиксированное хронологическое разделение материала может в общих чертах маркировать границы распространения жизни на памятнике в обозначенные исторические периоды.

К числу наиболее интересных находок можно отнести два многострочных граффити на стенках амфор. Одно из них является частным письмом.

Рассматриваемое письмо было обнаружено на первом штыке – в дерновом слое – в квадрате А,Б-80 (участок 40), в котором на уровне материка зафиксирован и исследован объект «Ров» (рис. 2; 3). Объект «Ров» обнаружен в квадратах А,Б-80; А,Б-81 и А-82 на уровне 4 штыка при зачистке поверхности участков 40 и 41, затем была проведена разборка его заполнения. Вскрытая раскопками часть «Рва» в плане имеет форму, близкую к прямоугольнику. Размеры исследованной части 8,1 x 6,0 м, глубина от уровня материка 1,35 м, максимальная глубина до дна от современной дневной поверхности 2,22 м. От уровня древней поверхности его глубина могла быть около 1,7 м. Он имеет четкие границы и стенки, заполнение на всей глубине однородное – темно-серый суглинок с большим количеством золы.

В силу того, что была исследована только небольшая его часть, сложно предположить его первоначальное предназначение. Вполне возможно, что изначально «Ров» являлся фортификационным сооружением и выполнял оборонительные функции, защищая восточную границу поселения от нападения. Зафиксированная в раскопе планиграфия расположения хозяйственных ям также подтверждает эту точку зрения. Большинство открытых ям расположено на площади, ограниченной с востока «Рвом», а с запада – участком 28 (рис. 1). На участке 28, как и в заполнении «Рва», было найдено аномально большое количество фрагментов керамики.

Судя по тому, что на дне «Рва» не встречено никаких стратиграфических прослоек, линз, затеков или раннего материала, можно предположить, что заполнение «Рва» произошло если не одновременно, то довольно быстро. Возможно, в него было сброшено большое количество фрагментов керамики и золы в ходе расчистки поселения (или его участка) после пожара. Не исключено, что этот пожар мог быть

Кацаев С.В., Павличенко Н.А. Новый источник ...

связан с военными действиями, на что может указывать находка бронзового наконечника стрелы и свинцового ядра пращи.

Подавляющее большинство фрагментов керамики из заполнения «Рва» относится ко второй половине IV в. до н.э., а самые поздние находки можно датировать первой четвертью III в. до н.э. Таким образом, время засыпки «Рва» можно отнести примерно к рубежу первой и второй четверти III в. до н.э. Большая часть материала заполнения хронологически и типологически достаточно однородна. Например, фрагменты хиосских колпачковых и ножки синопских амфор встречены и в верхней и придонной частях «Рва».

К востоку от «Рва» количество находок в слое и количество археологических объектов резко снижается. Вероятно, в конце IV – начале III в. до н.э. «Ров» мог являться восточной границей поселения (рис.1).

Как было отмечено, письмо на остраконе найдено не в комплексе, а на первом штыке в дерновом слое над объектом «Ров». Не исключено, что оно происходит из заполнения «Рва», но в процессе современной распашки и хозяйственной деятельности черепок мог быть перемещен в верхние слои.

К самому раннему материалу, происходящему из этих слоев, то есть из первого – четвертого штыков в кв. А, Б-80, относятся фрагменты венчиков и ручек хиосских пухлогорлых амфор 80–70-х гг. V в. до н.э. (рис. 4.6), это вариант III-B по классификации С.Ю. Монахова [Монахов, 2003, с. 17, 236, табл. 6]. Надо отметить, что эти фрагменты единичны, они попали в слой в ранний период функционирования поселения.

К более позднему и наиболее распространенному массовому материалу относятся фрагменты венчиков, ручек и ножек хиосских колпачковых амфор, датирующихся в пределах IV в. до н.э. (рис. 4.1, 5, 22, 23; 3.12, 14), это вариант V-B по классификации С.Ю. Монахова [Монахов, 2003, с. 21, 22, 242, табл.12].

В большом количестве в слое представлены фрагменты столовой керамики – кувшинов, мисок, тарелок, рыбных блюд и т.п., что обычно для многих поселений IV в. до н.э. (рис. 4; 5; 6). Например, на поселении Панское I в слоях и комплексах этого времени представлено множество аналогичных находок [Кацаев, 2002, Р. 150–179].

Количество и процентное соотношение находок в квадрате А,Б-80 представлено в таблице 1.

Таблица 1. Количество и процентное соотношение находок в кв. А,Б-80.

	Чере- пица	Ам- форы	Столо- вая	Леп- ная	Лако- вая	Про- чие	Всего	%
ШТЫК 1	1	341	20	3	1	0	366	33,39
ШТЫК 2	2	132	5	0	0	0	139	12,68
ШТЫК 3	0	103	5	4	0	1	113	10,31
ШТЫК 4	3	407	48	19	1	0	478	43,61

Всего	6	983	78	26	2	1	1096	100,00
%	0,55	89,69	7,12	2,37	0,18	0,09	100,00	

Хронологически весь материал из штыков 1 – 4 укладывается в период примерно со второй половины V в. до начала III в. до н.э., так что сопутствующий материал позволяет датировать остракон с письмом только в очень широких пределах.

Текст письма состоит из трех строк греческого текста, прочерченного на внешней стороне фрагмента стенки амфоры (полевой № 340/30). Хорошо отмученная красноватая глина с примесью золотистой слюды и белых кварцевых (?) включений с ангобом более светлого оттенка, по-видимому, указывает на средиземноморское (круг Фасоса?) происхождение амфоры (рис. 7; 8). К сожалению, с левой стороны поверхность черепка сколота. На внутренней стороне черепка у левого края надписи можно заметить следы намеренного «подтесывания/подсечек» с помощью какого-то инструмента с плоским краем, сделанных, вероятно, для того, чтобы можно было ровно отбить кусок стенки. Таким образом, в момент написания графито левый край черепка находился, по-видимому, вдоль линии этого «подтеса». Размеры амфорного фрагмента: 8,0–7,5 см.

Шрифт письма характеризуется следующими особенностями: буквы в письме разного размера (0,2–0,5 см), строки изогнуты и повторяют форму верхнего края черепка. *Альфа* достаточно широкая, двух типов – с ровными или со слегка изогнутыми гастами, с горизонтальной перекладной и с вертикальной черточкой на вершине буквы. *Эпсилон* с горизонтальными гастами неодинаковой длины. *Лямбда*, как и *альфа* в первой строке письма, имеет слегка изогнутые гасты и вертикальную черточку на вершине буквы. *У ти* правая вертикальная гаста короче, чем левая. *Ро* с округлым полукружием. *Сигма* лунарная с «переломом» посередине. *Омега* с горизонтальными ножками. *И омега*, и *омикрон* значительно меньше габаритов строки и приподняты над нижней частью строки.

В лапидарных надписях постепенное уменьшение размеров *омикрон* и *омеги* относится к концу IV в. до н.э. и засвидетельствовано в надписях Спартока III [Болтунова, Книпович, 1962, с. 13; КБН-альбом, 2004, №№ 18, 974, 1043]. В надписях Перисада II [КБН-альбом, 2004, №№ 20, 21, 26, 1036.] *омикрон* и *омега* становятся значительно меньше габаритов строки, причем *омега* имеет такую же форму, что и в письме из пос. Вышестеблиевская-3, *альфа* и *лямбда* имеют слегка изогнутые линии. На основании таких надписей, как КБН № 254, в которой лунарные *эпсилон*, *сигма* и курсивная *омега* сочетаются с формами букв, характерными для III в. до н.э., А.И. Болтунова и Т.Н. Книпович полагают, что появление лунарной *сигмы* в лапидарных надписях можно отнести уже к этому времени. Конечно, в данном случае нужно учитывать, что в эпитафиях шрифт был менее регламентирован, чем, например, в декретах.

Сочетание лунарной *сигмы* с «перегибом» с *эпсилон* классической формы и

Кашаев С.В., Павличенко Н.А. Новый источник ...

альфой со слегка изогнутыми гасами представлено также на граффито на стенке фасосской (?) амфоры из Нимфея (участок М, эллинистический слой) (Гос. Эрмитаж. Инв. № НФ.82.226) [Намойлик, 2010, с. 443. Табл. 6.105]. Такие же формы *сигмы* и *альфы* засвидетельствованы в опубликованном А.В. Белоусовым заклятии со словом ΑΝΩΝΥΜΟΣ из частной коллекции, происходящим, по-видимому, из некрополя Пантикапея. Сходную с нашим письмом форму имеет и *омега*, правда, размеры *омикрон* и *омеги* в пантикапейском заклятии колеблются – иногда они значительно меньше соседних букв, иногда же в габаритах строки [Belousov, Fedoseev, 2014, S. 146]. Наличие лунарной *сигмы* дает основание А.В. Белоусову датировать это заклятие III в. до н.э., впрочем, никакого обоснования этой датировки не приводится.

Аналогичные в нашем письме формы *альфы*, *эпсилон*, *лямбды*, *пи*, *ро*, *сигмы* и *омеги* встречаются в письме на свинцовой пластинке, найденной в слое эллинистического времени на северо-восточном склоне г. Митридат вместе с материалом (клейма на боспорской черепице, гераклейские, синопские и фасосские амфорные клейма, пантикапейские тетрагалки типа бородатый сатир – протома грифона, осетр), который датируется авторами публикации в пределах середины IV – рубежа IV–III вв. до н.э. [Сапрыкин, Куликов, 1999, с. 201, 202, рис.1].

Еще одним свидетельством появления лунарной *сигмы* в нелапидарных надписях уже во второй половине IV в. до н.э. является храмовая маркировка ΙΕΡΟΣ ΔΗΜΗΤΡΟΣ, ΙΕΡΟΣ на чернолаковой аттической тарелке (rolled rim) со штампованным орнаментом из шести (?) пальметок в нескольких кругах насечек из святилища Деметры в Нимфее (Гос. Эрмитаж, инв. № НФ.39.345)³. С.А. Данильченко датирует эту тарелку рубежом 3-й и 4-й четв. IV в. до н.э.⁴ [Sparkes B., Talkott, 1970, Fig. 10, № 1060; Толстой, 1953, с. 79 № 123; Намойлик, 2007, с. 317, 320. Рис. 1.1]. Примерно в это же время лунарная сигма появляется в заклятиях на свинцовых пластинках и в других причерноморских полисах – в Ольвии и в Истрии [Тохтасьев, 2007, с. 48. Прим. 1; Avram, Chiriac, 2007, p. 391–393].

Форма *омеги* в письме из Вышестеблиевской-3 близка к одному из вариантов написания этой буквы (по мнению Ю.Г. Виноградова, наиболее позднему) в горгиппийском граффито (строка 3), которое он датирует серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. М. Дана относит это граффито к 350–325 гг. до н.э. [Dana, 2007, p. 89]. Как и в нашем граффито, она также меньше габаритов строки, имеет прямые ножки и приподнята над нижней частью строки [Виноградов, 1997, с. 545].

Таким образом, учитывая неизбежный разрыв между временем появления тех или иных форм букв в надписях частного характера на остраконах и свинцовых пластинках с одной стороны и в лапидарных надписях с другой [О соотношении

³ Авторы выражают искреннюю признательность начальнику Нимфейской экспедиции Гос. Эрмитажа О.Ю. Соколовой за возможность ознакомиться с материалом.

⁴ Данильченко С.А. Чернолаковая керамика из святилища Деметры в Нимфее // Материалы Нимфейской экспедиции. Святилище Деметры. Вып. 2. СПб. (в печати).

шрифтов лапидарных надписей и шрифтов надписей на свинцовых пластинках и остраконах см. также Сапрыкин, Белоусов, Федосеев, 2013, с. 272], можно датировать письмо на остраконе с пос. Вышестеблиевская-3 в широких рамках второй половины IV в. до н.э., что соответствует датировке основного массива материала 1 – 4 штыков над объектом «Ров». Остракон был найден на поселении, которое находится на хоре Фанагории. Этот факт, а также то, что для переписки с более отдаленными корреспондентами, скорее, следовало бы ожидать использования свинцовой пластинки, позволяет предположить, что перед нами, скажем так, «местная» корреспонденция. Это, в свою очередь, дает основание ожидать ионийского диалекта, присущего надписям на камне, свинце и керамике даже тех боспорских полисов, в основании которых участвовали, например, теосцы, основавшие Фанагорию, или митиленцы, как это имело место в Гермонассе, в языке которой пока что не отмечено никаких элизмов [Тохтасьев, 2011, с. 675, 676].

Перейдем к рассмотрению текста (рис. 7; 8).

Строка 1. В начале первой строки мы видим I и H, затем ЛИ ἸΑπολλῶς в дативе, затем *хи*, *альфу* и *йоту*, что сразу же наводит на мысль об одном из стандартных эпистолярных формуляров зачина письма – номинатив, датив и *χαίρειν* – «такой-то такому-то желает здравствовать». ИH в конце первого имени указывает на то, что автором послания, вероятнее всего, была женщина. Учитывая размер лакуны, из множества известных женских имен, оканчивающихся на -ιη⁵, здесь можно, *exempli gratia*, восстановить хорошо известное в боспорском ономастиконе имя Δημητρίη с ионийским -ιη вместо аттического -ια. Это имя известно, например, по пантикапейскому посвящению Деметре 2-й пол. IV в. до н.э. от лица жрицы Деметры Аристоники, дочери Ксенокрита, за свою дочь Деметрию (КБН № 14)⁶ и пантикапейскую эпитафию также IV в. до н.э. Деметрии, дочери Посидиппа (КБН № 176). Боспорская эпиграфика дает много примеров теофорных имен, происходящих от имени одного из главных богов боспорского пантеона: ἸΑπολλῶδωρος, ἸΑπολλοφάνης, ἸΑπολλῶν, ἸΑπολλώνιος, ἸΑπολλωνίδης. ЛИ ἸΑπολλῶς также уже встречалось: например, в списке имен из Нимфея III в. до н.э. (КБН № 912. ст. 1₈) – Аполла сын Апатурия, в списке имен из Гермонассы IV в. до н.э. (КБН № 1056. ст. 1₂₀, ст. 2₂) – Аполла сын T[---] и Аполла сын Кабафакса, а также Аполла, сын Сатира в горгиппийском агонистическом каталоге 1-й пол. III в. до н.э. (КБН № 1137 Б₆). Таким образом, оба имени – и восстанавливаемое Δημητρίη, и ἸΑπολλῶς вполне стандартны для Боспора.

⁵ Существуют, конечно, и другие женские имена, оканчивающиеся на -ια/ -ιη. Среди имен, встречающихся в боспорских надписях IV – III вв. до н.э., число букв в которых соответствует размеру лакуны, можно назвать, например, Ἄρτινοίη (КБН № 169 – Пантикапей, 2-я пол. IV в. до н.э.) или Φιλονοίη (КБН № 1017 – Патрасий, IV в. до н.э.). Наконец, вполне можно предположить существование вариантов женского рода для таких имен, как Ἐκοτάτος (КБН № 117 – Пантикапей, конец IV в. – начало III в. до н.э.) или Μητρόβιος (КБН № 1137 Горгиппия, 1-я пол. III в. до н.э.).

⁶ Издатели КБН отнесли эту надпись к пантикапейским памятникам вслед за В.В. Латышевым, Ю.Г. Виноградов, впрочем, полагал, что она происходит из Горгиппии – см. LGPN. Vol. IV. s.v. Δημητρίη.

Перед МНАПОПЕРА во второй строке мы видим ОРΩΙ. По форме – это датив единственного числа существительного 2 склонения, то есть это может быть форма датива от τὸ ὄρον – «деревянная часть пресса для отжима винограда и оливок» или от ὁ ὄρος – «сыворотка», что не дает удовлетворительного смысла. Кроме того, это может быть датив и от ὁ ὄρος – что означает «предел, граница», а также «межевой знак».

Между вторым слогом χαίρειν и [---]ΟΥΡΑΙ во второй строке остается место для двух или максимум трех букв. Судя по контексту, здесь должен быть или императив, или инфинитив в роли императива, что достаточно часто встречается, в том числе и в письмах (например, в адресе письма Мнесиерга (Syll.³ 1259, Аттика, 350 г. до н.э.). Обратные словари дают в качестве варианта ἄλοῦραΙ – инфинитив, который засвидетельствован только в комментарии к Илиаде Евстафия (II. IV, р. 661, 17) и, по-видимому, был образован Евстафием от гомеровского причастия ἄλοῦρας (ἄληϋρων – «лишать, отнимать»). Даже если допустить, что народная этимология могла объяснять ἄληϋρων посредством ὁ ὄρος («предел, граница, межевой камень»), необходимо будет объяснить появление подобной формы в тексте бытовой записки. Таким образом, хотя сохранившаяся часть слова позволяет предполагать здесь инфинитив глагола, который, учитывая контекст, по-видимому, должен иметь значение «отмечать, обозначать», восстановление [---]ΟΥΡΑΙ пока что представляется затруднительным. Что именно нужно отметить или обозначить, не говорится, но можно предположить, что речь идет об участке земли.

Ὀρωι, вероятнее всего, означает не «граница, межа»⁷, а то, что эту границу обозначает, т.е. межевой камень⁸ либо камень с надписью, указывающей на владельца земельного участка и/или содержащей информацию об этом участке. И в Аттике, и в других областях Греции ногоι, находясь на границе святилища или участка земли, не только ограничивали собственность вместе с собственно межевыми камнями (в отличие от них, ногоι зачастую ставились в единственном экземпляре, что согласуется с единственным числом ὄρωι в публикуемом письме), но служили, скорее, для предоставления информации о принадлежности и статусе земельного участка и, таким образом, вместе с межевыми камнями выполняли функции защиты собственности от вторжения и осквернения. Ногоι могли ставиться или по углам участка, или, сообразуясь с рельефом местности, в удобных для их установки местах. Стела, служившая в качестве ногоς, могла иметь надпись или только на внешней стороне, обращенной к проходящим мимо, или же быть опистографом, и надписи в этом случае относились к земельным участкам по обе стороны межевой линии. Некоторые ногоι имели надписи, указывающие на какое-либо обременение недвижимого имущества – на-

⁷ См., например, афинский декрет 352/1 г. о восстановлении ὄροι священного участка в Элевсине, в котором говорится, что следует στήλαινεσθαι λίθοις τοὺς ὄρους, т.е. «обозначить границу с помощью (межевых) камней» (Syll.³ 204.72).

⁸ Например, Феофраст (Theophr. X. 9), определяя черты характера, типичные для крохобора, говорит, что такому человеку свойственно каждый день проверять, на месте ли межевые камни (τοὺς ὄρους).

Кашаев С.В., Павличенко Н.А. Новый источник ...

пример, в надписи могла содержаться информация о том, что данная земля является обеспечением долга [Fine, 1951, p. 40–42; Lalonde, 1991, p. 5, 7, 18–21; Guarducci, 1995, vol. II, p. 430-434, vol. III, p. 227 ff.].

Таким образом, получается следующий текст: «Деметрия (?) Аполле желает здравствовать. [.. vel ...]ΟΥΡΑΙ (участок) камнем, чтобы он не продал». Кто является подлежащим при ἀποπεράσῃ не ясно, но вполне можно представить ситуацию, когда некий житель Фанагории, или одного из соседних сельских поселений, пытается продать спорный участок земли, и Аполла написал Деметрии (?) «Такой-то хочет продать землю», а та отвечает – «поставь hogos, чтобы он не продал». По мнению Дж. Файна, очень немногие из афинских hogoi высекались профессиональными резчиками, поэтому Аполла вполне мог самостоятельно поставить hogos с указанием на владельца участка или какое-либо обременение имущества – для этого ему был нужен только подходящий камень [Fine, 1951, p. 46].

Последний слог -σῃ в ἀποπεράσῃ перенесен из второй строки в третью. Учитывая, что буквы в третьей строке расположены достаточно свободно, с большими межбуквенными интервалами, получается, что между конечной йотой в -σῃ и мю в начале третьей строки остается место только для одной или двух букв. В начале третьей строки видна наклонная черточка, которая вполне может быть частью сигмы. Можно дополнить омегу, и получится союз [ὥς μῆ, близкий по значению к простому μῆ – «чтобы не», за которым еще раз повторено ἀποπεράσῃ. Почему два раза повторяется μῆ ἀποπεράσῃ? Скорее всего, для большей экспрессивности (в качестве аналогии можно привести повторение μᾶλλον, μᾶλλον в письме афинского мальчика [Jordan, 2000, p. 93; Denniston, 1952, p. 90–95]).

Строка 4. После скола мы видим горизонтальную и вертикальную черточки. Нельзя с уверенностью сказать, являются ли они остатками букв или случайными повреждениями. В первых двух строках последний слог в χαί[ρειν] и в ἀποπερά[σῃ] перенесен на следующую строку. В третьей же между конечной йотой в ἀποπεράσῃ и краем остракона места хватало только для одной или двух букв, поэтому автор письма мог написать следующее слово в новой строке. Это могло бы быть прямое дополнение при μῆ ἀποπεράσῃ – например, любое из слов со значением «земля» / «земельный участок»: например, γέας или, скорее, по аналогии с афинскими hogoi – χωρίον (IG. Vol. II² № 2593, 2594, 2714, 2765). К сожалению, учитывая степень сохранности остракона, о восстановлении 4-й строки можно говорить только гипотетически.

Целиком текст письма выглядит следующим образом: [Δημητρίῃ (?) Ἄπολλῶι χαί[ρειν .. vel ...]ΟΥΡΑΙ ὄρωι μῆ ἀποπερά[σῃ, ὥς μῆ ἀποπεράσῃ [---] – «Деметрия (?) Аполле желает здравствовать. [.. vel ...]ΟΥΡΑΙ (участок) камнем, чтобы он не продал. Чтобы он не продал [---]!».

Помимо «царских» и храмовых земель и земель, принадлежавших варварским племенам, на Боспоре, естественно, существовали и участки, принадлежавшие частным лицам. Проблемы, связанные с установлением права собственности

на подобный участок, по-видимому, и нашли отражение в остраконе из поселения Вышестеблиевская-3.

Если мы правильно понимаем текст на этом остраконе, к пантикапейской *tabula ansata* с надписью $\Sigma\tau\rho\alpha\tau\eta\gamma\omega\nu$ (КБН № 827, 2-я пол. I в. н.э.), которая, по мнению В.В. Латышева, являлась *hogos* и определяла границы участка некрополя, отведенного для погребений стратегов, добавляется свидетельство о существовании *hogoı* на азиатском Боспоре.

К сожалению, наши письменные источники о землепользовании на Боспоре крайне немногочисленны. К их числу относится, например, сообщение Диодора (Diod. XX. 25) о том, что Эвмел предоставил тысяче каллатийцев землю на Боспоре и разделил ее на наделы. В речи Демосфена *Contra Lacritum* (Dem. XXXV. 32) упоминается хозяин, по-видимому, более крупного землевладения, для работников которого он закупил 80 амфор прокисшего косского вина. Кроме того, о земельных участках говорится в нескольких надписях II – III вв. н.э. КБН № 976 (Фанагория, 151 г. н.э.) сообщает о существовании храмовых земель – Реметалк возвращает некой богине посвященные ей ранее земли в Фианнеях. КБН № 837 (Гермонасса (?), конец II – 1-я пол. III в. н.э.) является типичным *terminus* и определяет границы какого-то земельного участка. Кроме того, фанагорийское посвящение 1-й половины II в. н.э. (КБН 983) упоминает $\tau\omicron\upsilon\delta\varsigma\ \tau\omicron\lambda\lambda\{\omicron\upsilon\varsigma\}$, что также может означать «земельные участки».

Публикуемый остракон увеличивает таким образом число письменных свидетельств о существовании на Таманском полуострове системы древнего размежевания земельных наделов, что подтверждается и археологическими раскопками и разведками последних лет, в результате которых были обнаружены следы межевания у мыса Тузла [Горлов, Поротов, Требелев, 2006, с. 68–70, 75, рис. 1], на Фонталовском полуострове [Гарбузов, 2006, с. 57, рис. 5], в районе Центральной гряды Таманского полуострова [Гарбузов, 2005, с. 107, рис. 2], а также на участках вблизи поселения Вышестеблиевская-3 [Гарбузов, 2009, с. 137, рис. 10].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. Т. III. 1962. С. 3–31.
- Виноградов Ю.Г. Письмо с горгиппийских наделов / Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 543–556.
- Гарбузов Г.П. Признаки древнего землеустройства в районе Центральной гряды Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 8. 2005. С. 98–121.
- Гарбузов Г.П. Древнее землеустройство нелинейного типа и характеристики современного ландшафта Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 9. 2006. С. 36–66.
- Гарбузов Г.П. Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 13. 2009. С. 123–140.
- Горлов Ю.В., Поротов А.В., Требелев Г.В. Юго-западное побережье Таманского полуострова в античную эпоху // Древности Боспора. Т. 9. 2006. С. 67–74.
- Данильченко С.А. Чернолаковая керамика из святилища Деметры в Нимфее // Материалы Нимфейской экспедиции. Святилище Деметры. Вып. 2. СПб. (в печати).

Кашаев С.В., Павличенко Н.А. Новый источник ...

- Драчева Е.Ю. Краснофигурный килик из раскопок поселения Вышестеблиевская-3 // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и в конфликте. СПб., 2014. С. 43–47.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва, Саратов. 2003. с. 351.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Из фондов Государственного исторического музея, Государственного музея Востока, Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника. Каталог выставки. М., 2002. 143 с.
- Намойлик А.С. Граффити на чернолаковой керамике из святилища Деметры в Нимфее // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2. СПб., 2007. С. 317–325.
- Намойлик А.С. Граффити на амфорах из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // Древности Боспора. Т. 14. 2010. С. 397–450.
- Сапрыкин С.Ю., Белоусов А.В., Федосеев Н.Ф. Два фрагмента свинцовых пластин из Пантикапея // ДБ. Т. 17. М., 2013. С. 269–276.
- Сапрыкин С.Ю., Куликов А.В. Новые эпиграфические находки в Пантикапее // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 201–208.
- Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.–Л., 1953. 154 с.
- Тохтасьев С.Р. Новые материалы по истории койне // Индоевропейское языкознание и классическая филология – X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 19-21 июня 2006 г. СПб., 2006. С. 294–305.
- Тохтасьев С.Р. Новое заклятие на свинце из Северного Причерноморья // ВДИ. 2007. № 4. С. 48–49.
- Тохтасьев С.Р. Греческий язык на Боспоре: общее и особенное / Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 673–682.
- Avram A., Chiriac C., Matei I. Defixiones d'Istros // BCH. 2007. Vol. 131. P. 383–420.
- Awianowicz B. A New Hellenistic Ostrakon from Nikonion // ZPE. 2011. B-d 178. P. 237–239.
- Belousov A., Fedoseev N. A new magical inscription from Panticapaeum's necropolis // ZPE. B-d. 190. 2014. S. 145–148.
- Dana M. Lettres grecques dialectales nord-pontiques (sauf IGDOP 23–26) // REA. Vol. 106. 2007. P. 67–97.
- Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996. 208 p.
- Guarducci M. Epigrafia Greca. Roma, 1995. Vol.II. 769 p., Vol. III. Roma, 1995. p. 611.
- Jordan D.R. A personal letter found in the Athenian Agora // Hesperia. 69. 2000. P. 91–103.
- Kashaev S.V. Plain pottery, in: L. Hannestad, V. Stolba, A. Shcheglov (eds.) // The Archaeological investigations in Western Crimea. Panskoye I: The Monumental building U6. Aarhus University Press 2002. P. 150–179.
- Lalonde G.V. Horoi // The Athenian Agora. Vol. XIX. 1991. P. 6–51.
- Sparkes B., Talkott L. The Athenian Agora, Vol. VII. Black and Plain Pottery. New Jersey. 1970. V.1. P. 382; V.2. P. 472.

REFERENCES

- Avram A., Chiriac C., Matei I. Defixiones d'Istros. BCH. 2007. Vol. 131. pp. 383–420.
- Awianowicz B. A New Hellenistic Ostrakon from Nikonion. ZPE. 2011. B-d 178. pp. 237–239.
- Belousov A., Fedoseev N. A new magical inscription from Panticapaeum's necropolis. ZPE. B-d. 190. 2014. pp. 145–148.
- Boltunova A.I., Knipovich T.N.. Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pis'ma na Bospore. NE. Vol. III. 1962. pp. 3–31.
- Dana M. Lettres grecques dialectales nord-pontiques (sauf IGDOP 23–26). REA. Vol. 106. 2007. pp. 67–97.
- Danil'chenko S.A. Chernolakovaia keramika iz sviatilishcha Demetry v Nimfee. Materialy Nimfeiskoi ekspeditsii, Svyatilishche Demetry. Vol. 2. St. Petersburg. (in print).
- Dracheva E.Iu. Krasnofigurnyi kilik iz raskopok poseleniia Vyshesteblievskaia-3. Aktual'naia arkheologiya 2. Arkheologiya v sovremennom mire: v kontakte i v konflikte. St.Petersburg. 2014. pp. 43–47.
- Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996. 208 p.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Garbuzov G.P. Priznaki drevnego zemleustroistva v raione Tsentralnoi griady Tamanskogo poluostrova. *Drevnosti Bospora*. Vol. 8. 2005. pp. 98–121.
- Garbuzov G.P. Drevnee zemleustroistvo nelineinogo tipa i kharakteristiki sovremennogo landshafta. *Drevnosti Bospora*. Vol. 9. 2006. pp. 36–66.
- Garbuzov G.P. Raionirovanie antichnykh agrolandshaftov Tamanskogo poluostrova. *Drevnosti Bospora*. Vol. 13. 2009. pp. 123–140.
- Gorlov Iu.V., Porotov A.V., Trbelev G.V. Iugo-zapadnoe poberezh'e Tamanskogo poluostrova v antichnuu epokhu. *Drevnosti Bospora*. Vol. 9. 2006. pp. 67–74.
- Guarducci M. *Epigrafia Greca*. Roma, 1995. Vol. II. 769 p., Vol. III. Roma, 1995. p. 611.
- Jordan D.R. A personal letter found in the Athenian Agora. *Hesperia*. 69. 2000. pp. 91–103.
- Kašaeв S.V. 2002. Plain pottery, in : L. Hannestad, V. Stolba, A. Shcheglov (eds.). *The Archaeological investigations in Western Crimea. Panskoye I: The Monumental building U6*. Aarhus University Press 2002. pp. 150–179.
- Lalonde G.V. Horoi. *The Athenian Agora*. Vol. XIX. 1991. pp. 6–51.
- Monakhov S.Iu. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel'. Moscow, Saratov. 2003. p. 351.
- Namoilik A.S. Graffiti na chernolakovoi keramike iz sviatilishcha Demetry v Nimfee. *Bosporskii fenomen: sakral'nyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok*. P. 2. St. Petersburg, 2007. pp. 317–325.
- Namoilik A.S. Graffiti na amforakh iz raskopok Nimfeia v kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha. *Drevnosti Bospora*. Vol. 14. 2010. pp. 397–450.
- Na kraiu oikumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo. Iz fondov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia, Gosudarstvennogo muzeia Vostoka, Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Katalog vystavki. M., 2002. 143 p.
- Saprykin S.Iu., Belousov A.V., Fedoseev N.F. Dva fragmenta svintsovykh plastin iz Pantikapeia. *DB*. Vol. 17. M., 2013. pp. 269–276.
- Saprykin S.Iu., Kulikov A.V. Novye epigraficheskie nakhodki v Pantikapee. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy*. 1996–1997. M., 1999. pp. 201–208.
- Sparkes B., Talkott L. *The Athenian Agora*, Vol. VII. Black and Plain Pottery. New Jersey. 1970. V.1 P. 382; V.2 P. 472.
- Tokhtas'ev S.R. Novye materialy po istorii koine. *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya – X. Materialy chtenii, posviashchennykh pamiatii professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo. June 19-21, 2006*. St. Petersburg, 2006. pp. 294–305.
- Tokhtas'ev S.R. Novoe zakliatie na svintse iz Severnogo Prichernomor'ya. *VDI*. 2007. № 4. pp. 48–49.
- Tokhtas'ev S.R. Grecheskii yazyk na Bospore: obshchee i osobennoe. *Bosporskii fenomen. Naselenie, iazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. St. Petersburg, 2011. pp. 673–682.
- Tolstoi I.I. *Grecheskie graffiti drevnikh gorodov Severnogo Prichernomor'ya*. M.–L., 1953. 154 p.
- Vinogradov Iu.G. Pis'mo s gorgippiiskikh nadelov/ Alekseeva E.M. Antichny gorod Gorgippiya. M., 1997. pp. 543–556.

Резюме

В 2013 г. на поселении Вышестеблиевская-3 в дерновом слое был найден фрагмент стенки средиземноморской амфоры с письмом: «*Деметрия (?) Аполле желает здравствовать. [.. vel ...] ΟΥΡΑΙ (участок) закладным камнем, чтобы он не продал. Чтобы он не продал [---?] !*». Шрифт письма может датироваться 2-й половиной IV в. до н.э. В тексте письма упоминается *horos* – камень, который не только ограничивал собственность вместе с собственно межевыми камнями, но нередко служил для предоставления информации о принадлежности и статусе земельного участка. Таким образом, публикуемый остракон увеличивает число письменных свидетельств о существовании на Таманском полуострове системы древнего размежевания земельных наделов, что подтверждается и

Кашаев С.В., Павличенко Н.А. Новый источник ...

археологическими раскопками и разведками последних лет у мыса Тузла, на Фонталовском полуострове, в районе Центральной гряды Таманского полуострова, а также на участках вблизи от поселения Вышестеблиевская-3.

Ключевые слова: сельское поселение, Вышестеблиевская-3, греческое письмо, межевые камни, античное землепользование, хора Фанагории.

Summary

In 2013, in the settlement Vyshesteblievskaia-3 a fragment of the wall of Mediterranean amphorae with the inscription was found: «*Demetrius (?)wishes Apollo good health. [.. vel ...] ΟΥΠΑΙ (allotment) with the foundation stone, not to sell. In order he will not sell[---?]!*». Font of the inscription may be dated to the 2nd half of the IV century BC. The text of the inscription refers to 'horos' – a stone, which not only limited the property, along with boundary stones, but often served to provide information about the status and property of land. Thus, published ostrakon increases the number of written evidence of the existence of the ancient demarcation of allotments on the Taman Peninsula, which is confirmed by archaeological excavations and exploration of recent years at the Cape Tuzla, on Fontalovskii peninsula, near the central ridge of the Taman peninsula, as well as in the areas near the settlement of Vyshesteblievskaya-3.

Keywords: rural settlement, Vyshesteblievskaia-3, Greek letter, landmark stones, ancient land use, chora of Phanagoria.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кашаев Сергей Владимирович,
Институт истории материальной культуры РАН,
младший научный сотрудник.
8-911-292-90-82
kashaevs@mail.ru

Павличенко Наталья Андреевна,
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
старший научный сотрудник.
8-921-347-40-56
nat.pavlichenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kashaev Sergei Vladimirovich,
Institute of History of Material Culture,
Jr. Researcher.
8-911-292-90-82
kashaevs@mail.ru

Pavlichenko Natal'ia Andreevna,
St. Petersburg Institute of History of Sciences,
Senior Researcher.
8-921-347-40-56
nat.pavlichenko@gmail.com

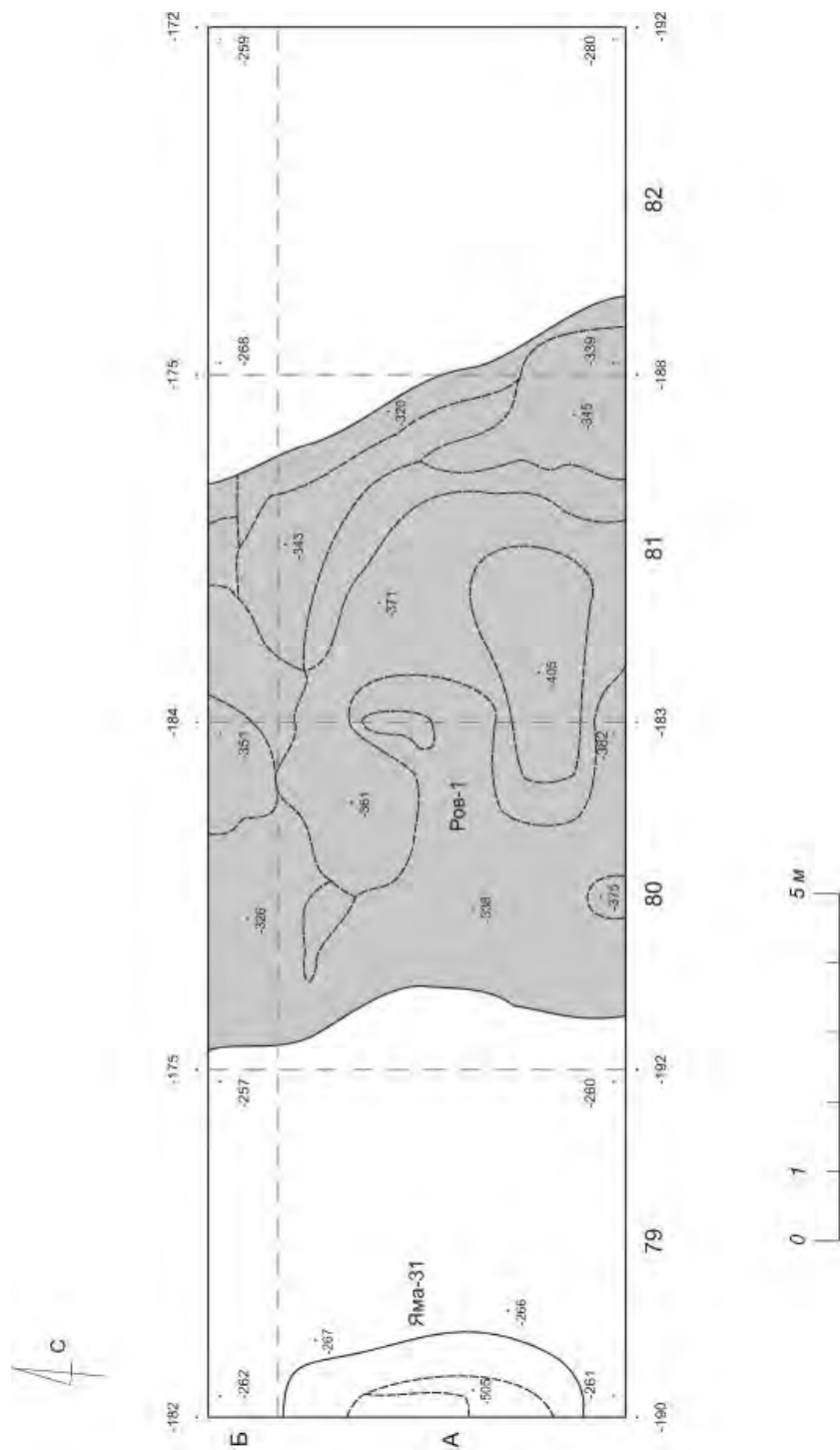

Рис. 2. Поселение Вышестеблиевская-3. Фрагмент плана раскопа с объектом «Ров». Участок 40, кв. А, Б-79, 80 и участок 41, кв. А, Б-81, 82.

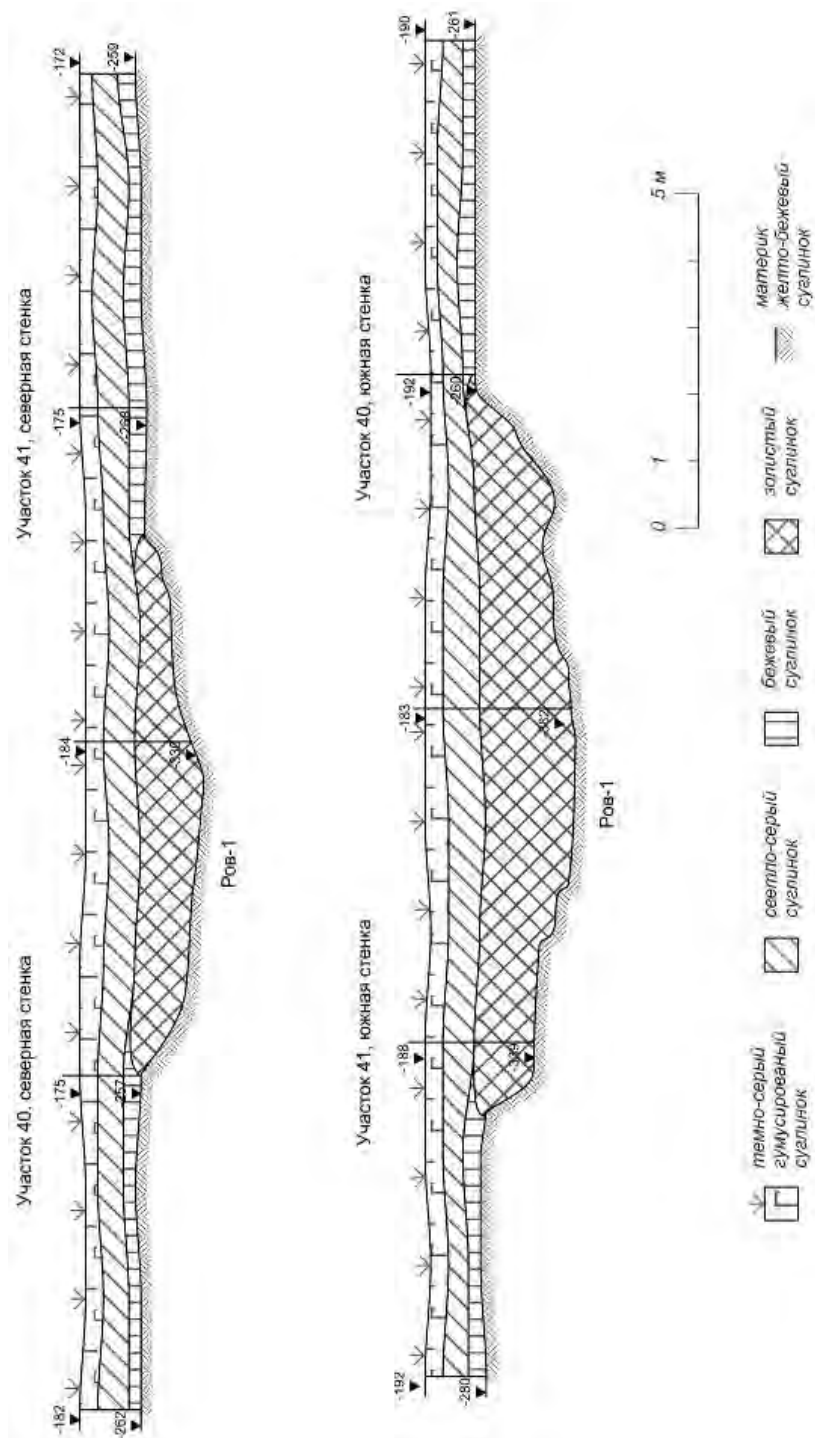

Рис. 3. Поселение Вышестеблиевская-3. Стратиграфия участка раскопа с объектом «Ров». Участок 40, кв. А, Б-79, 80 и участок 41, кв. А, Б-81, 82.

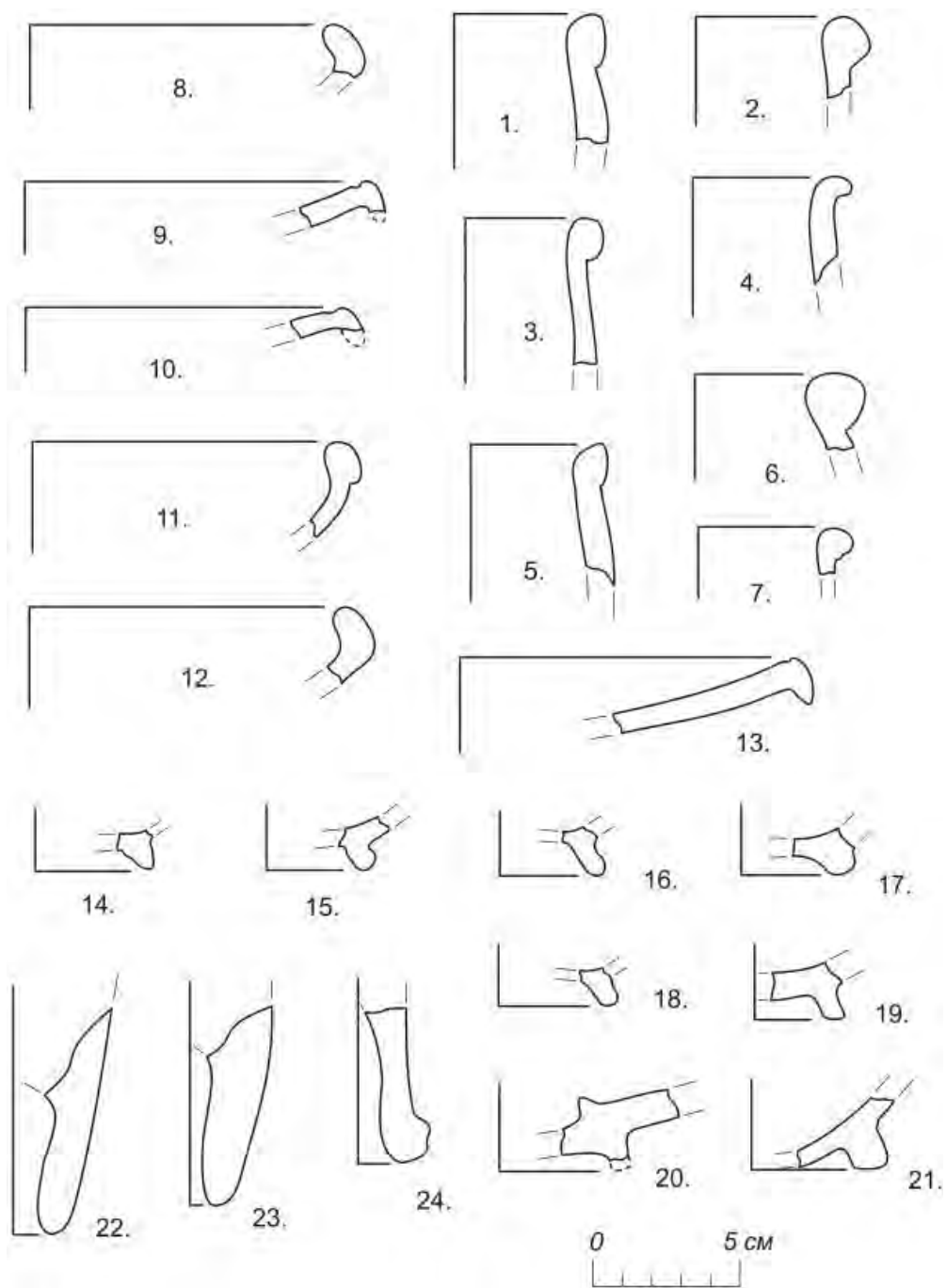

Рис. 4. Поселение Вышестеблиевская-3. Участок 40, кв. А, Б-80.
Находки. 1-7, 22-24 – фрагменты амфор, 8-21 – фрагменты столовых сосудов. Штык 1.

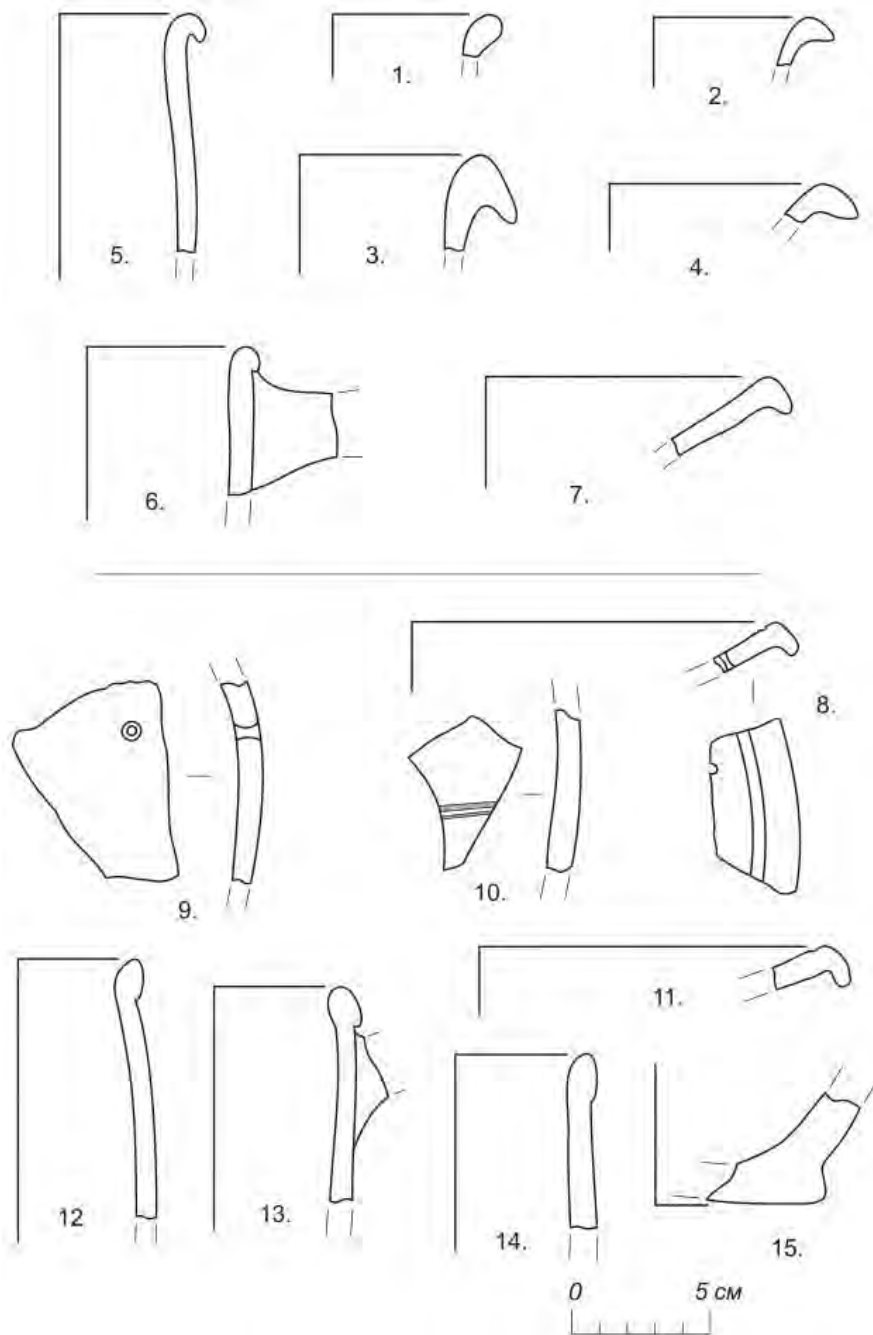

Рис. 5. Поселение Вышестеблиевская-3. Участок 40, кв. А, Б-80.
Находки. 1-7 – фрагменты амфор. Штык 2. 8-11 – фрагменты столовых сосудов, 12-14 – фрагменты амфор, 15 – фрагмент лепного сосуда. Штык 3.

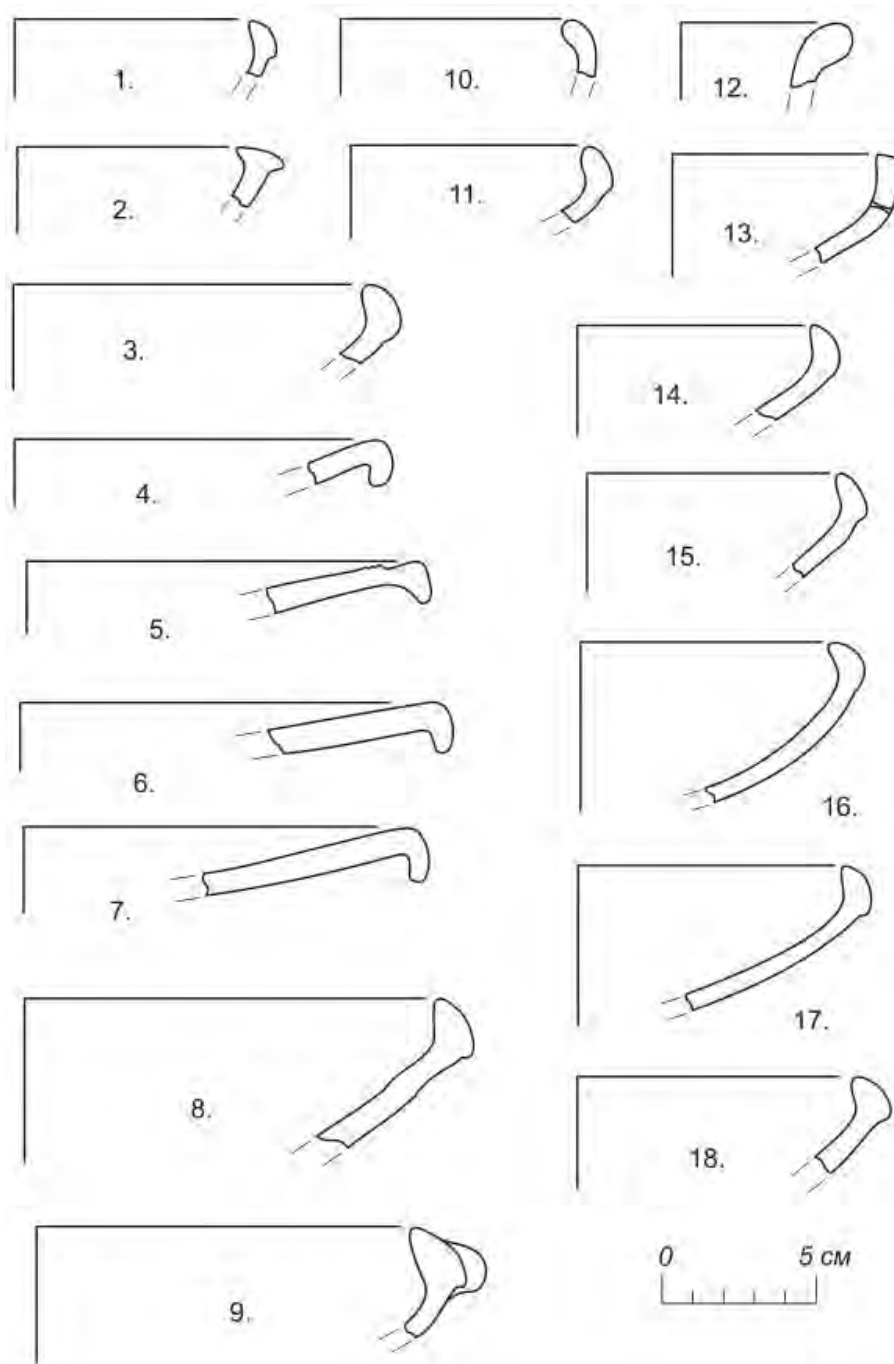

Рис. 6. Поселение Вышестеблиевская-3. Участок 40, кв. А, Б-80.
Находки. 1-18 – фрагменты столовых сосудов. Штык 4.

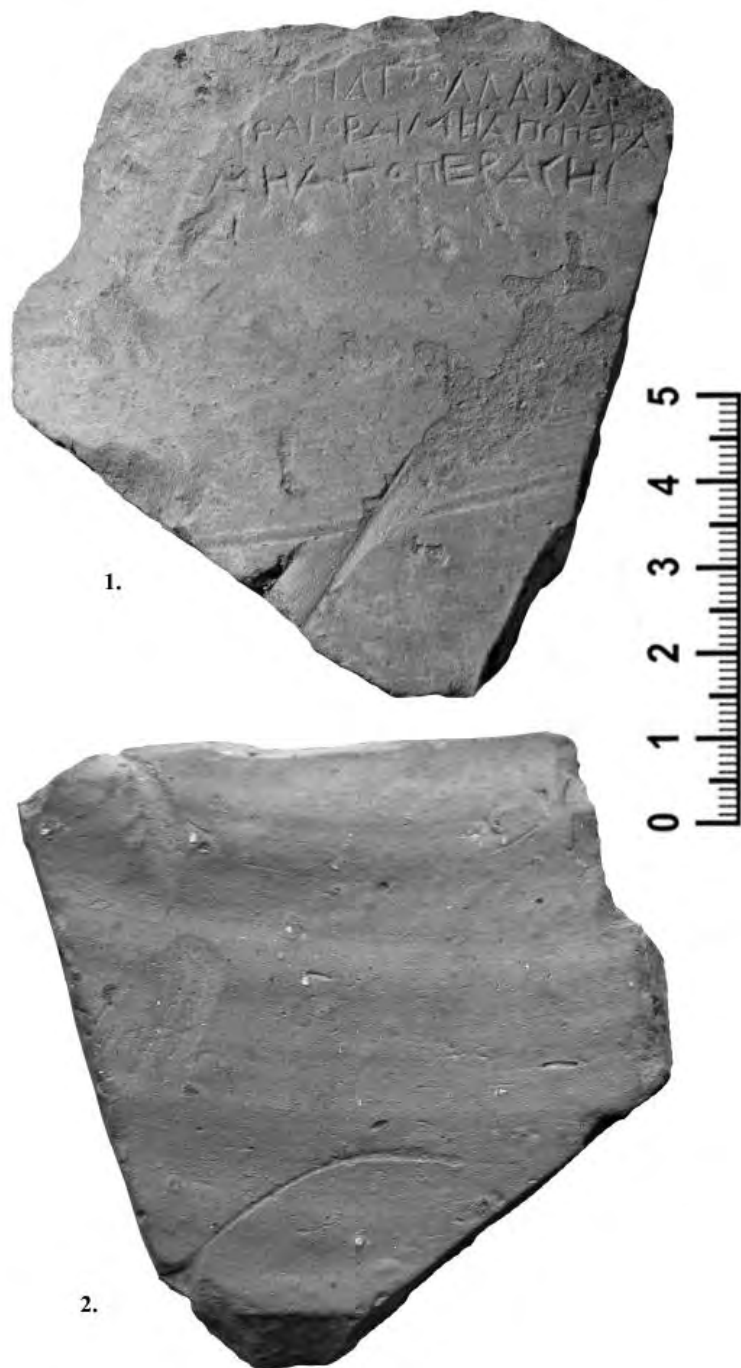

Рис. 7. Поселение Вышестеблиевская-3. Письмо на остраконе. 1, 2 – фото двух сторон.

Рис. 8. Поселение Вышестеблиевская-3. Письмо на остраконе.
1 – прорисовка текста.

М.В. СКРЖИНСКАЯ
M.V. SKRZHINSKAIA

**ЗОЛОТЫЕ ВЕНКИ И ИХ РОЛЬ НА БОСПОРЕ И В ДРУГИХ
АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
GOLD WREATHS AND THEIR ROLE IN THE BOSPORUS AND
OTHER ANTIQUE STATES OF THE NORTHERN BLACK SEA
COAST STATES**

В Северном Причерноморье золотые античные венки с точными известиями об обстоятельствах и местах их находок известны лишь по раскопкам на Боспоре. В XIX – начале XX вв. археологи обнаружили их в греческих погребениях; почти все хорошо сохранившиеся экземпляры были переданы в Эрмитаж. Сейчас многие из этих венков можно увидеть в двух золотых кладовых этого музея.

В некрополях других античных государств Северного Причерноморья археологи находили отдельные золотые листочки, а целые образцы удавалось разыскать лишь грабителям, о чем сохранились отрывочные сведения. Например, В.В. Латышеву [1887, с. 243] и А.В. Орешникову [1894, с. 8] было известно о находках золотых венков из лавра и сельдерея в некрополе Ольвии. К сожалению, и теперь черные археологи отыскивают и через посредников продают подобные изделия в частные коллекции. В известной на Украине коллекции древностей Платар находятся несколько античных золотых венков, о которых определенно можно сказать лишь то, что они найдены в Северном Причерноморье, по-видимому, на территории древнего Боспора, то есть на Керченском и Таманском полуостровах. Недавно эти венки экспонировались на выставке во Львове, и их изображения появились в интернете. Трудно без специальной экспертизы решить, все ли они античные или какие-то являются современными подделками, так как простой погребальный венок как в древности, так и теперь не требует особо высокого ювелирного мастерства.

Сейчас можно составить определенное представление о том, как в разные исторические периоды выглядели золотые венки боспорян, о которых нет упоминаний ни в боспорских надписях, ни в античной литературе. Зато декреты из Тиры, Ольвии и Херсонеса содержат сведения о разнообразной роли золотых венков в жизни этих государств на протяжении нескольких столетий. Такой венок служил почетной наградой от Совета и Народа в государствах с демократической формой правления; почетные декреты с известием об этой почести вырезали на каменных стелах и устанавливали на видном месте в городе. На Боспоре отсутствуют надписи с упоминанием золотых венков, потому что монархи не давали подобных наград своим подданным.

Так как все боспорские венки обнаружены в могилах, их обычно называют погребальными и считают принадлежностью похоронного ритуала. Однако я

Скржинская М.В. Золотые венки и их роль ...

постараюсь показать, что некоторые из этих венков имели иное предназначение и могут рассказать о жизни их владельцев.

Отличительной особенностью всех погребальных венков являются их тончайшие золотые лепестки и общий небольшой вес использованного в них драгоценного металла. О них можно сказать, что это вещи для одноразового использования. Таковы, например, четыре венка II в. до н.э. из Артюховского кургана (рис. 1). Однако некоторые боспорские венки IV – III вв. до н.э. гораздо тяжелее; они выполнены с большим мастерством и, на мой взгляд, первоначально предназначались для иных целей. Ведь известно, какую большую роль играли венки в жизни граждан любого древнегреческого государства.

В русском языке далекое воспоминание об античных венках живет в словах корона (латинское *corona* – венок, затем венец из драгоценного металла) и лауреат (*laureatus* – увенчанный лавровым венком), а также в имени Степан (от греческого *στέφανος* – венок). Памятники искусства и античные писатели свидетельствуют о разнообразных венках в парадном уборе мужчин и женщин во время семейных и общественных праздников. Венки сплетали из полевых и садовых цветов, ветвей и листьев лавра, оливы, плюща, винограда, мирта, дуба, тополя, пальмы и других растений. Их приносили в храмы в качестве дара богам, самих же богов нередко изображали в венках, как правило, из посвященных им растений. Так Аполлон обычно имел лавровый венок, а Дионис – плющевой.

Победители состязаний в честь богов и героев получали венок из священного растения. Например, на праздниках Аполлона в Дельфах и на Делосе венчали венком из лавра, священного дерева этого бога, а на Олимпийских играх давали оливковый венок, потому что, по преданию, учредитель этих игр Геракл установил такую награду. Кроме того, венок у греков служил желанной наградой для многих граждан за военные, финансовые, дипломатические и другие услуги государству.

Греческие ювелиры начали изготавливать металлические венки в V в. до н.э. [Higgins, 1961, p. 121]. Они воспроизводили преимущественно в золоте, а также в серебре и бронзе ветви различных деревьев и кустарников, в которые иногда включали цветы [Deppert-Lippitz, 1985, S. 196, Taf. 21; ГЗ. № 60, 105, 113, 115]. Такие венки приносили в дар богам [Dem. XXII, 72–74; HO. 68, 80; Guarducci, 1969, p. 139, fig. 26; Harris, 1995, p. 115–200], а также надевали участники праздничных шествий и состязаний хоров (Dem. XXI, 16, 22). С V в. до н.э. и до конца античной эпохи во многих греческих государствах золотой венок служил наградой соотечественникам и иностранным гражданам. Одно из первых упоминаний об этом встречается у Фукидида: во время Пелопоннесской войны Народное собрание небольшого города Скионы в северной части Греции постановило в 423 г. до н.э. увенчать золотым венком спартанского полководца Брасида «как освободителя Эллады» (Thuc. IV, 121).

К числу подобных ювелирных изделий, на мой взгляд, принадлежит самый известный по публикациям золотой оливковый венок, изготовленный в середине IV в. до н.э. (рис. 2). Он найден А. Ашиком в 1839 г. при раскопках кургана Кекуватского,

Боспорские исследования, вып. XXXII

находящегося сейчас на территории Керчи (ДБК. табл. 4, 2; Артамонов, 1966, табл. 268-269; ГЗ. № 105). Там был похоронен воин в защитных доспехах. Его голову венчал венок, который, по справедливой оценке М.И. Ростовцева [1925, с. 192], является лучшим по ювелирной работе из всех, найденных на Боспоре, и, пожалуй, самым большим по весу (около 250 гр.). Переплетенные стебли ветвей, украшенных круглыми плодами, образуют обруч. Ветви на затылке связаны тонкой проволочкой, так что венок можно было завязать по размеру головы. Концы ветвей обрезаны наискось и оформлены пластинками с концентрическими кругами, имитирующими срез. Последнее говорит о том, что мастер думал, как его изделие будет выглядеть сзади, а для погребального венка это было неважно, так как его надевали на лежащего человека, поэтому заднюю часть венка никак не оформляли.

Другой венок, сделанный в последней трети IV в. до н.э. (ГЗ. № 115), также обнаружен в могиле воина. Боспорянина похоронили в кургане Большая Близница на Таманском полуострове близ античной Фанагории. Его положили в роскошный саркофаг, украшенный пластинами из слоновой кости. Там сохранился шлем, панцирь, поножи, меч, кинжал, копья, стрелы и шлем с надетым на него золотым оливковым венком [Толстой, Кондаков, 1889, с. 45; Гайдукевич, 1949, с. 289]. Он легче предыдущего (около 168 гр.), но также тщательно сделан хорошим ювелиром, который на каждом листике посередине рельефом обозначил прожилку. Венок особенно интересен тем, что на нем есть следы починки. Это указывает, что умерший неоднократно надевал его в торжественных случаях и повредил мелкие веточки, которые пришлось чинить.

Итак, есть все основания считать, что оба названных венка изначально предназначались для праздничного наряда или награды при жизни, а не для похорон. То же самое можно сказать о венке, надетом на золотой ажурный головной убор боспорянина, похороненного в некрополе близ Пантикапея в конце IV в. до н.э. [ОАК 1876, с. 5, 109]. Оружие символизировало его военные подвиги, а находившаяся в склепе наградная панафинейская амфора за победу в беге напоминала о его триумфе в Афинах. Стилистически амфора датируется серединой IV в. до н.э., то есть временем молодости умершего. Венок, вероятно, был наградой за какие-то деяния на межгосударственном поприще. В качестве параллели приведем надписи III в. до н.э. из Северного Причерноморья: ольвийский декрет в честь херсонеситов, которые дали Ольвии заем на выгодных условиях (НО. 28), или мраморную стелу из Тиры с изображением венков, полученных местным гражданином на Родосе, в Кизике и в Ольвии [Фурманская, 1960, с. 173-179].

Поэтому можно с уверенностью предположить, что некоторые боспоряне получали золотые венки за свою деятельность в разных государствах и носили их в торжественных случаях у себя на родине. Ведь известно, что греки включали золотые венки в свой праздничный убор. Например, Демосфен в речи «Против Мидия» рассказал, как он, исполняя литургию хорега, заказал ювелиру золотые венки для участников хора на празднике Дионисии; сам же оратор шел в праздничной

Скржинская М.В. Золотые венки и их роль ...

процессии в шитом золотом гиматии и золотом венке (Dem. XXI, 16, 22). Боспоряне, о которых речь шла выше, жили примерно в то же время, что и Демосфен, когда между Боспором и Афинами были особо тесные связи [Брашинский, 1963, с. 118-139], и афинское влияние ощущалось в разных областях жизни всех государств Северного Причерноморья.

Золотой веночек в числе других драгоценных украшений мог изредка присутствовать и в женском праздничном уборе, о чем свидетельствует погребение второй половины IV в. до н.э. в кургане Большая Близница [Гайдукевич, 1949, с. 289]. Еще один золотой веночек, принадлежавший боспорянке, обнаружен в инвентаре пантикапейского погребения III в. до н.э., он венчал богатый наряд женщины наряду с серьгами, ожерельем и перстнями (ДБК, табл. 15, 17; Ростовцев, 1925, с. 203–204). Венки надевали во время праздников, а, возможно, в таком венке жрицы совершали определенные ритуалы.

Обо всех венках более позднего времени можно сказать, что их сделали специально для погребения. Они обладают всеми уже отмеченными признаками, о которых говорилось при упоминании венков Артюховского кургана, то есть использованием минимального количества золота для украшения и часто заметной небрежностью в работе. По авторитетному мнению М.И. Максимовой, все четыре венка из этого кургана сделаны боспорским мастером; об этом свидетельствует способ крепления листьев и веток, который сходен с прочими изделиями, найденными на Боспоре, но отличается от того, как это делали ювелиры в других греческих городах. Кроме того, листья прикреплены так, что на обратной стороне не заглажены острые шипы, которые могли поранить кожу; это показывает, что веночек предназначался умершему. Изготовление большинства погребальных веночков настолько просто, что мастер мог сделать его на заказ в короткий промежуток времени между смертью человека и его похоронами [Максимова, 1979, с. 41-44]. Когда же в погребальном ритуале состоятельных граждан наличие золотого веночка стало широко распространенным, ювелиры, вероятно, могли предложить желающим уже готовые изделия.

Начиная с I в. до н.э. чаще всего на голову покойного надевали веночек из сельдерея, так как это растение считалось олицетворением печали. Венки из живого сельдерея, по свидетельству Плиния Старшего, надевали на поминках (Plin. NH. XX, 44). Центр погребального веночка нередко украшали тонким золотым кружком с рельефом. Часто таким рельефом служил оттиск монеты, называемый индикцией. Такой оттиск можно увидеть на украшении веночка из сельдерея I в. до н.э. (рис. 3). Мастер использовал боспорскую монету с изображением гермы и прислоненной к ней пальмовой ветви [Толстой, Кондаков, 1889, с. 40, рис. 49; Зограф, 1951, с. 194-196, табл. 45, 10]. Выбор изображения не случаен, так как Гермес считался проводником душ в потустороннее царство, поэтому одним из его эпитетов был Психопомп, то есть ведущий душу. Оттиск боспорской монеты определенно свидетельствует о местном производстве этого веночка.

Наличие специально сделанного погребального веночка, начиная с эллинистиче-

ского периода, не всегда соотносилось, как прежде, с определенной деятельностью покойного. Тогда у греков появилось представление о том, что после смерти человек за добродетельную жизнь, подобно героям, может попасть в общество богов, а венок знаменовал награду за победу в битве, которой уподобляли жизнь [Higgins, 1961, p. 121; Nilsson, 1976. S. 328, 329]. Находки погребальных венков на Боспоре свидетельствуют, что здесь следовали общегреческим похоронным ритуалам вплоть до конца античной эпохи.

Сравнение погребальных венков разного времени показывает, как менялась мода на них. В классический и эллинистический периоды боспорские золотые венки в основном состояли из лавровых и оливковых ветвей, изредка из дубовых (ОАК 1880, с. 11; ОАК 1911, с. 41; ГЗ. № 113). Затем в римское время появился некий гибрид из прежнего венка и тении, нарядной головной повязки, которая в древности, подобно венку, могла служить не только украшением, но и наградой [Скржинская, 2010, с. 303–304]. На основу такой повязки из материи или из кожи накладывалась тонкая золотая пластина, обычно с листьями сельдерея, в центре зачастую помещали оттиск монеты и украшали повязку полудрагоценными камнями (рис. 4).

О золотых венках в Тире, Ольвии и Херсонесе сейчас известно из текстов уцелевших древних надписей [Скржинская, 2010, с. 287]. По количеству интересующих нас надписей лидирует Ольвия, где к настоящему времени обнаружено около трех десятков декретов о награждении золотым венком, далее идет Херсонес (12 надписей) и Тира (2 надписи). В них можно выделить несколько групп: награды государства соотечественникам и иностранцам, венчание золотым венком граждан Северного Причерноморья в других греческих государствах и приношение венка в дар божеству.

Награды соотечественникам названы в наибольшем количестве интересующих нас надписей. Первоначально поводом для венчания золотым венком были особые единовременные важные услуги государству, в эллинистический период к этому присоединились высокая оценка добросовестного исполнения верховных государственных должностей. Древнейшие надписи такого рода найдены в Тире и Ольвии и датируются концом IV – началом III в. до н.э.

Гражданин Тиры (его имя не сохранилось) «за доблесть и благожелательность по отношению к народу» получил золотой венок на местном празднике, и в дальнейшем его, как и прочих благодетелей, следовало продолжать увенчивать во время общественных праздников [Карышковский, 1959, с. 112]. Здесь упомянут сравнительно редкий случай особо почетной награды: публичное чтение почетного декрета о венчании золотым венком не единожды, а на протяжении нескольких лет. Подобное решение записано также в ольвийском декрете третьей четверти III в. до н.э. Там перечислены заслуги Антестерия: он успешно исполнял государственные должности, на собственные средства построил для родины военный корабль, отремонтировал старые государственные суда, во время голода входил в коллегию ситонов, раздававшую гражданам хлебные пайки. За эти деяния ольвиополиты постановили ежегодно

Скржинская М.В. Золотые венки и их роль ...

увенчивать Антестерия золотым венком во время празднования Дионисий в театре [Виноградов, 1984, с. 57].

В театре же глашатай объявил о даровании венка Каллинику. Ольвиополиты увенковали Каллиника статуей и на ее мраморном постаменте начертали почетный декрет. Как явствует из частично уцелевшей надписи (рис. 5), Каллиника чествовали за то, что он способствовал гражданскому примирению, реорганизовал городские финансы и урегулировал вопрос о налогах и долгах граждан. В датировке надписи и в толковании слов о награде существуют разногласия, поэтому на них стоит остановиться подробнее.

Декрет полностью издан, датирован 330–320 гг. до н.э., переведен на русский язык и прокомментирован в статье Ю.Г. Виноградова и П.О. Карышковского [1982, с. 26–46; 1983, с. 21–39]. Иное толкование декрета и перевод, а также более поздняя датировка предложены в работе В.П. Яйленко [1990, с. 268–272]. Надпись заключается словами: *στέφανωθῆναι αὐτὸν χρυσοῖς χιλίοις καὶ ἀνδριάντι τὸν δὲ στέφανον ἀναγορευθῆναι τοῖς Διονυσίοις ἐν τῷ θεάτρῳ*. Ю.Г. Виноградов и П.О. Карышковский понимают смысл постановления практически так же, как В.В. Латышев, переводом которого пользуются все, кто обращается к истории Ольвии (IOSPE I². 31): «пусть он будет награжден тысячей золотых и статуей, а о награждении возвестить на Дионисии в театре». Мне кажется предпочтительней толкование в переводе В.П. Яйленко [1990, с. 269]: «увенчать его (венком) в тысячу золотых, а также почтить статуей, о венке же объявить на (празднике) Дионисий в театре». Ведь глагол *στέφανω* в первую очередь означает «увенчать венком» и только изредка имеет значение «наградить». То же самое можно сказать о слове *στέφανος* – это венки, и лишь в редких случаях награда вообще.

На первый взгляд поражает огромная стоимость венка, равная 20 000 аттических драхм, в то время как обычная цена дорогого венка в это время составляла 500 или 1000 драхм [Guarducci, 1969, p. 21]. Вероятно, именно это обстоятельство побудило исследователей искать более редкий смысл указанных глагола и существительного. Однако 20 000 драхм получается, если ольвийские золотые приравнять к статерам Александра Македонского или Лисимаха, как это было во второй половине IV в. до н.э. По наблюдению В.П. Яйленко [1990, с. 272], декрет издан в начале III века, когда в Ольвии некоторое время выпускали золотые полудрахмы; в таком случае речь шла о венке ценой 500 афинских драхм и венок Каллиника не представлял ничего из ряда вон выходящего. Например, в афинском декрете 346 г. до н.э. в честь боспорских царей Спартока и Перисада сказано, что их венчают венками по 1000 драхм (MIS. 3).

В качестве аналогии толкования цены упомянутого ольвийского венка укажем цитированный Демосфеном (XVIII, 92) декрет Херсонеса Фракийского. В нем также говорится о золотом венке, казалось бы, непомерной стоимости в 60 талантов, то есть более 1500 кг золота. Вероятнее всего, здесь имелся в виду расчет по талантам малого веса (он известен из позднейших источников), и в таком случае венок оказы-

вается равен цене немного более 800 г золота [Радциг, 1954, с. 559-560]. Венки такого веса неоднократно зарегистрированы в сохранившихся инвентарях сокровищниц храмов в Афинах [Harris, 1995, p. 115–200].

Конечно, Каллиник за свои экстраординарные заслуги получил дорогой, особенно по ольвийским меркам, венок. Его размер явно указывает, что он не был украшением для ношения на голове. Судя по тому, что известно о крупных наградных венках в Афинах, их приносили в дар верховной богине города. Так поступали боспорские цари, посвящая свой венок Афине Полиаде (МИС. 3). Можно предположить, что Каллиник и другие его соотечественники в эллинистический период посвящали свои венки в храм Аполлона Дельфиния, возглавлявшего пантеон Ольвии. Ведь в это время влияние Афин проявлялось в разных областях жизни этого государства [Виноградов, 1989, с. 129–131].

Немногочисленные надписи с указанием цены венков сообщают о гораздо более скромных венках в Северном Причерноморье. Воина, отдавшего жизнь за родину в III в. до н.э., ольвиополиты увенчали венком в 30 золотых, а жрец Агрот посвятил Афродите венок ценой в 5 золотых (НО. 34, 68). В большинстве надписей стоимость венка не называлась. Зачастую почетное постановление о венчании золотым венком, особенно в римское время, давало лишь право на награду, венок же оплачивали и приносили на церемонию те, кого награждали, или их близкие [Латышев, 1909, с. 243]. Так, ольвиополиты неоднократно издавали декреты о награждении Протогена золотым венком, но вряд ли в период жестокого финансового кризиса они могли оплатить изготовление достойной награды своему благодетелю, не раз выручавшему родину в критических ситуациях (IOSPE I². 32), а I в. н.э., когда в Ольвии недавно возобновилась жизнь после гетского разгрома, Сократ, поставивший за свой счет стелу с декретом о награждении золотым венком умершего брата (IOSPE I². 38), скорее всего, оплатил и венок [Сапрыкин, 1988, с. 147-155].

О венчании венком в Херсонесе известно начиная с III в. до н.э. Тогда этой награды не раз удостоивался Агасикл за исполнение высоких выборных государственных должностей и за выполнение отдельных важных поручений (IOSPE I². 418). К тому же веку относится уникальный херсонесский декрет в честь историка Сириска (IOSPE I². 344). Это единственное в Северном Причерноморье и вообще весьма редкое свидетельство о награждении писателя. Из уцелевшей надписи мы узнаем, что Сирииск литературно обработал все сведения о чудесах Девы, верховной богини Херсонеса, а также изложил отношения государства с другими полисами и с царями Боспора. Вероятно, Сирииск читал свой труд либо в Народном собрании, либо в театре. Херсонеситам очень понравилось правдивое изложение истории и патриотическая окраска всего сочинения; во время празднования Дионисий они увенчали своего соотечественника золотым венком, который изображен на фронте мраморной стелы с декретом в честь историка (рис. 6).

В римское время в Северном Причерноморье распространился обычай награждать золотым венком граждан за образцовое исполнение государственных должностей.

Скржинская М.В. Золотые венки и их роль ...

Такую награду неоднократно получали ольвийские стратеги (IOSPE I². 94, 107; HO. 80, 81). На постаменте херсонесской статуи Аристона, жившего в середине II в. н.э., сказано, что народ увенчал его венком за исполнение должности жреца и дамиурга (IOSPE I². 423).

Золотой венок как посмертная награда выдающемуся гражданину известен в Ольвии с конца III в. до н.э. (HO. 34). При выносе тела на торжественных похоронах покойного венчали золотым венком и глашатай читал текст почетного декрета, где перечислялись заслуги гражданина. В качестве особой благодарности умершему ольвиополиты постановляли читать ежегодно этот декрет во время государственных праздников или народных собраний. Так было на рубеже III–II в. до н.э., когда хоронили неизвестного теперь по имени гражданина, отдавшего жизнь за родину (HO. 34), и в первой половине II в. до н.э., когда погиб Никерат в сражении с варварами, напавшими на греков, возвращавшихся с праздника на Ахилловом Дроме (IOSPE I². 34). Подробное перечисление в надписи разнообразных заслуг Никерата перекликается с еще более обстоятельным рассказом в декрете о деятельности Протогена на благо Ольвии во второй половине III в. до н.э. (IOSPE I². 32); это позволяет предположить с достаточной уверенностью, что в несохранившейся нижней части стелы были слова о посмертном венчании венком. Декреты в честь покойных ольвиополитов Дада, Карзоаза и Посидея свидетельствуют о существовании подобного ритуала и в римское время (IOSPE I². 39, 51, 52). В надписи из Тиры о венчании золотым венком Коккея в 201 г. н.э. (IOSPE I². 2) говорится о том, что постановление следует передать его отцу. Поэтому можно предположить, что декрет издан посмертно и в Тире существовала такая посмертная награда.

Золотой венок в качестве награды гражданам других государств. По надписям можно заключить, что ольвиополиты и херсонеситы награждали венками иностранцев, а граждане всех государств Северного Причерноморья начиная с IV в. до н.э. вплоть до заката античности получали венки во многих греческих государствах. Древнейшие сведения о подобных наградах относятся к боспорским царям Сатиру, Левкону, Спартоку и Перисаду, которых несколько раз венчали золотыми венками на Панафинейх в первую очередь за бесперебойные доставки хлеба в Афины (МИС. 3). В 284 г. до н.э. такую награду получил Спарток III во время Великих Дионисий (МИС. 4). И позже боспорских царей венчали золотыми венками в других государствах, например, в Ольвии в середине I в. н.э. так были отмечены деяния Котиса I (IOSPE I². 38).

Видные граждане всех крупнейших городов Северного Причерноморья получали подобные награды на праздниках за пределами своей родины. В III в. до н.э. три херсонесита за крупные финансовые услуги Ольвии получили золотые венки в местном театре (HO. 28; Виноградов, 1989, с. 215-217), а не известный по имени уроженец Тиры был увенчан в Ольвии, Кизике и Родосе [Фурманская, 1960, с. 173–179]. Во II в. н.э. восемнадцать городов вручили венки ольвиополиту Феоклу (IOSPE I². 40), в их числе были Милет, метрополия Ольвии, ее ближние и дальние со-

седи по Причерноморью (Тира, Херсонес, Боспор, Истрия, Томы, Каллатис, Одесс, Синопа, Гераклея, Амастрия, Тиеон), Византий и несколько малоазийских городов (Апамея, Кизик, Никомедия, Прусы, Никея). В этой надписи единственный раз встречается упоминание о награде венком на Боспоре. Возможно, там в римское время по примеру других городов награждали венком тех, кто оказывал гостеприимство боспорянам.

Другой ольвиополит, имя которого утрачено, также удостоился такой чести во многих городах (IOSPE I². 41). Вероятно, во многих случаях венок служил благодарностью гражданам Ольвии за то, что они у себя на родине оказывали гостеприимство и содействие в разных делах приезжим из этих государств, то есть, говоря современным языком, выполняли функции консулов.

Особо стоит выделить два херсонесских декрета. В первом говорится о награде золотым венком полководца Диофанта, уроженца Синопы (IOSPE I². 352). Его прислал царь Митридат, чтобы помочь херсонеситам отразить нападения скифов в конце II в. до н.э., и Диофант с этим блестяще справился. Это единственное в Северном Причерноморье известие о награждении венком иностранного полководца. В другом декрете, изданном в 174 г. н.э., говорится о постановке статуи Аврелию Аполлонида, римскому наместнику Мезии, и о венчании золотым венком его жены Аврелии Паулины [Антонова, Яйленко, 1995, с. 63]. Здесь сохранилось уникальное свидетельство о награждении золотым венком женщины. Досадно, что не уцелела та часть текста, где перечислялись заслуги Аврелии. Напомним, что в римское время в Херсонесе женщины иногда получали награды, которых ранее удостоивались только мужчины. В городе стояли статуи Гикии, раскрывшей заговор боспорян, которые стремились подчинить Херсонес своей власти в последней четверти I в. до н.э. (Const.Porph. De adm. Imp. 53), а в первой половине II в. н.э. херсонеситы удостоили статуей свою соотечественницу Лаодику (IOSPE I². 431). К сожалению, на частично сохранившемся постаменте статуи отсутствуют сведения о ее заслугах.

Приношение венка в храм. Золотой венок наряду с другими ювелирными изделиями из драгоценных металлов греки приносили в дар божествам. Лучше всего об этом известно по сохранившимся описям сокровищ Парфенона и по речи Демосфена «Против Андротиона» (XXII, 70-75). Важно отметить слова оратора об отличии золотого венка от прочих драгоценностей: он является символом доблести, а не богатства, ведь, «сколь бы мал он ни был, он внушает те же честолюбивые устремления, как и большие венки». Демосфен цитирует некоторые надписи на ободках венков, например, «Союзники богине Афине награду за победу», «Конон из добычи, взятой в морском сражении с лакедемонянами». На упомянутом выше венке, врученном боспорским царям в IV в. до н.э. и затем посвященном в храм, была такая надпись: «Спарток и Перисад, дети Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны афинским народом» (МИС. 3). Как следует из слов афинского декрета, подобные надписи ранее наносили на венки Сатира и Левкона. Венок Спартока III, полученный в Афинах во время Великих Дионисий 284 г. до н.э. (МИС. 4), по установленной

Скржинская М.В. Золотые венки и их роль ...

этих праздниках традиции, тоже был передан с посвящением божеству в афинский храм (Aeschyn. III, 46). Кроме того, боспорские цари дарили в храмы золотые венки, изготовленные на собственные средства, о чем свидетельствует одна сохранившаяся запись в актах передачи храмового имущества жрецами Афины: «Спарток с Понта увенчал народ афинян» (IG II² 731).

В храмах греческих государств в Северном Причерноморье также можно было увидеть венки, принесенные в дар разным богам. В III до н.э. ольвийский жрец Агрот посвятил Афродите золотой венок (НО. 68). В том же веке Каллиник, по всей вероятности, передал свою награду в храм Аполлона; в святилище этого бога относили в римское время свой наградной венок ольвийские стратеги (НО. 80, 81), архонты делали подобные приношения Ахиллу Понтарху (IOSPE I². 53).

Оглашение почетных декретов и раздача наград в греческих полисах обычно проходили в театрах, куда на празднование Дионисий собиралась почти вся греческая община, а также на главных городских праздниках, например, на Панафинейях, и во время панэллинских состязаний (Dem. XVIII, 90, 116). Так было и в Северном Причерноморье. Ольвиополиты совершали торжественные церемонии награждения в театре и на Ахилловом Дроме, где под патронатом Ольвии устраивались панэллинские игры Ахиллеи. «На Дионисии в театре» читали почетные постановления и венчали золотыми венками Каллиника, Антестерия и сыновей херсонесита Аполлония. Декрет в честь Никерата со словами о его награде венком ежегодно повторяли во время самого престижного состязания колесниц на Ахилловом Дроме (IOSPE I². 34). Кроме того, подобные декреты оглашались в Народном собрании (IOSPE I². 34; НО. 28, 34). В Херсонесе золотой венок вручали на главном городском празднике Парфении и в театре во время празднования Дионисий (IOSPE I². 344, 352).

На основании всего сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Только в городах с демократической формой правления происходило публичное венчание золотым венком и чтение почетного декрета об этой награде в театре и других местах, где собиралось много народа. Граждане Тире, Ольвии и Херсонеса получали награду за разнообразные деяния на благо государства. Цари Боспора не давали таких наград.

2. За пределами своей родины граждане всех государств Северного Причерноморья, включая Боспор, получали золотые венки в качестве награды за услуги многим греческим государствам.

3. В Ольвии и Херсонесе венком награждали не только соотечественников, но и граждан других греческих государств, а в первые века нашей эры золотой венок могли получить и римляне.

4. Начиная с IV в. до н.э. золотые венки составляли часть ритуала при погребении, а в Ольвии во время похорон оглашался почетный декрет о награждении золотым венком посмертно. Наградные золотые венки IV–III вв. до н.э. помещали в могилы боспорян как значимые для покойного предметы наряду с парадными доспехами и оружием, которыми гордились и надевали в торжественных случаях. Значительная

Боспорские исследования, вып. XXXII

часть погребальных боспорских золотых венков сделана в местных мастерских, о чем свидетельствуют особенности их изготовления и украшения в виде оттисков местных монет.

5. Граждане античных государств Северного Причерноморья нередко посвящали золотой венок в храмы разных божеств у себя на родине и в других городах Эллады.

6. Золотой венок мог входить в мужской и женский праздничные уборы.

7. Поводы для наград венком и его роль в погребальном обряде на северном краю ойкумены находят много аналогий в почетных декретах и археологических находках в других эллинических городах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов. Л., 1966.
- Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI – II вв. до н.э. М., 1963.
- Виноградов Ю.Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ, 1984, № 1.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
- Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О.* Каллиник, сын Евксена // ВДИ. 1982. №4; 1983. № 1.
- Гайдужевич В.Ф.* Боспорское царство. М., Л., 1949.
- Зограф А.Н.* Античные монеты. М., Л., 1951.
- Карышковский П.О.* Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. № 4.
- Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887.
- Латышев В.В.* Pontica. СПб., 1909.
- Макимова М.И.* Артюховский курган. Л., 1979.
- Орешиников А.В.* Несколько замечаний о древностях, найденных в селе Парутино в 1891 г. // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1894. Т.15. Вып.2.
- Радциг С.И.* Примечания к речам Демосфена // Демосфен. Речи. М., 1954.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Сапрыкин С.Ю.* К ольвийской надписи IOSPE F. 38 // ВДИ. 1988. № 1.
- Скрябинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. СПб., 1889.
- Фурманская А.И.* Новый эпиграфический памятник из Тире // СА. 1960. № 4.
- Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, культура, политика. М., 1990.
- Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985.
- Guarducci M.* Epigrafia Greca. T. 2. Roma. 1969.
- Harris D.* The Treasures of the Parthenon and Erechteion. Oxford, 1995.
- Higgins R.A.* Greek and Roman Jewellery. London, 1961.
- Nilsson M.P.* Geschichte der Griechischen Religion. München, 1976.

REFERENCES

- Antonova I.A., Iailenko V.P. Khersones, Severnoe Prichernomor'e I Markomanskie voiny po dannym khersonesskogo dekreta 174 g. n.e. v chest' Tita Avreliia Kal'purniana Apollonida. *VDI*. 1995. № 4.
- Artamonov M.I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov*. L., 1966.
- Brashinskii I.B. *Afiny I Severnoe Prichernomor'e b VI-II vv.do n.e.* M., 1963.
- Deppert-Lippitz B. *Griechischer Goldschmuck*. Mainz am Rhein, 1985.

Скржинская М.В. Золотые венки и их роль ...

- Furmanskaia A.I. Novyi epigraficheskii pamiatnik iz Tiry. SA. 1960. № 4.
Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. M., L., 1949.
Guarducci M. *Epigrafia Greca*. T. 2. Roma. 1969.
Harris D. *The Treasures of the Parthenon and Erechtheion*. Oxford, 1995.
Higgins R.A. *Greek and Roman Jewellery*. London, 1961.
Iailenko V.P. Ol'viia I Bospor v ellinisticheskuiu epokhu. *Ellinizm. Ekonomika, kul'tura, politika*. M., 1990.
Karyshkovskii P.O. Materialy k sobraniuu drevnikh nadpisei Sarmatii I Tavridy. *VDI*. 1959. № 4.
Latyshev V.V. *Issledovaniia ob istorii I gosudarstvennom stroe Ol'vii*. St.Petersburg, 1887.
Latyshev V.V. *Pontica*. St.Petersburg, 1909.
Maksimova M.I. *Artukhovskii kurgan*. L., 1979.
Nilsson M.P. *Geschichte der Griechischen Religion*. München, 1976.
Oreshnikov A.V. Neskol'ko zamechanii o drevnostiakh, naidennykh v sele Parutino v 1891 g. *Drevnosti. Trudy imp. Moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva*. M., 1894. vol.15, Issue 2.
Radtsig S.I. Primechaniia k recham Demosfena. *Demosfen. Rechii*. M., 1954.
Rostovtsev M.I. *Skifiia I Bospor*. L., 1925.
Saprykin S.Iu. K ol'viiskoi nadpisi IOSPE P. 38 *VDI*. 1988. № 1.
Skrzhinskaia M.V. *Drevnegrechskie prazdniki v Ellade I v Severnom Prichernomor'e*. St.Petersburg, 2010.
Tolstoi I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva*. 1. St.Petersburg, 1889.
Vinogradov Iu.G. Dekret v chest' Antesteriia I krizis Ol'viiskogo polisa v epokhu ellinizma. *VDI*, 1984, № 1.
Vinogradov Iu.G. *Politicheskaia istoriia Ol'viiskogo polisa*. M., 1989.
Vinogradov Iu.G. Karyshkovskii P.O. Kallinik, syn Evksena. *VDI*. 1982. №4; 1983. № 1.
Zograf A.N. *Antichnye monety*. M., L., 1951.

Резюме

Большинство золотых венков, найденных на Боспоре, специально сделаны для погребения, часть из них изготовлена местными мастерами. Помещение венка в могилу соответствовало общегреческим похоронным ритуалам. Некоторые венки IV–III вв. до н.э., отличающиеся большим весом и тщательностью изготовления, носили во время праздников мужчины и женщины, и эти украшения клали в могилу наряду с другими предметами, которые были дороги усопшему при жизни. Вид венка менялся в соответствии с модой на такие изделия в Элладе.

Начиная с IV в. до н.э. вплоть до заката античного периода истории, по свидетельству древних надписей, в Тире, Ольвии и Херсонесе Совет и Народ награждали золотыми венками соотечественников и иностранцев за различные услуги государству. В Ольвии во время похорон выдающихся граждан оглашали декрет с перечислением заслуг покойного и решением наградить его золотым венком. Цари Боспора не награждали своих граждан золотыми венками, но сами получали такие награды в других греческих городах. Граждане государств Северного Причерноморья посвящали золотые венки разным божествам у себя на родине и за ее пределами.

Ключевые слова: Боспорское царство, золотые венки, эллинские обряды.

Summary

Most of the gold wreaths found in the Bosporus, are specially made for burials, some of them were made by local craftsmen. Placing a wreath at the grave corresponded common Greek funeral rituals. Some wreaths of the IV–III centuries BC characterized by great weight and manufacturing

Боспорские исследования, вып. XXXII

care were worn during the holidays by men and women, and those decorations were put into the grave, along with other items that were dear to the deceased during his lifetime. Designs of wreaths changed in accordance with the fashion for such products in Hellas.

Starting from the IV century BC until the decline of the ancient period of history, according to the testimony of ancient inscriptions, in Tyre, Olbia and Chersonesos, the Council and the People awarded compatriots and foreigners with gold wreaths for various services to the state. In Olbia, during the funeral of prominent citizens, the decree listing the merits of the deceased was preconized and the decision to award him with a gold wreath was announced. The kings of the Bosphorus did not award their citizens with gold wreaths, but they received such awards in other Greek cities. Citizens of the Northern Black Sea area dedicated gold wreaths to different deities at home and abroad.

Keywords: the Kingdom of Bosphorus, gold wreaths, Hellenic rites.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Скржинская Марина Владимировна, д.и.н.,
Институт истории НАН Украины,
старший научный сотрудник.
+ 38 (044) 278 09 08
kij@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skrzhinskaia Marina Vladimirovna, DSc,
Institute of History of NAS of Ukraine,
Senior Researcher.
+ 38 (044) 278 09 08
kij@bk.ru

Рис. 1. Золотые погребальные венки из Артюховского кургана. II в. до н.э. Тамань.

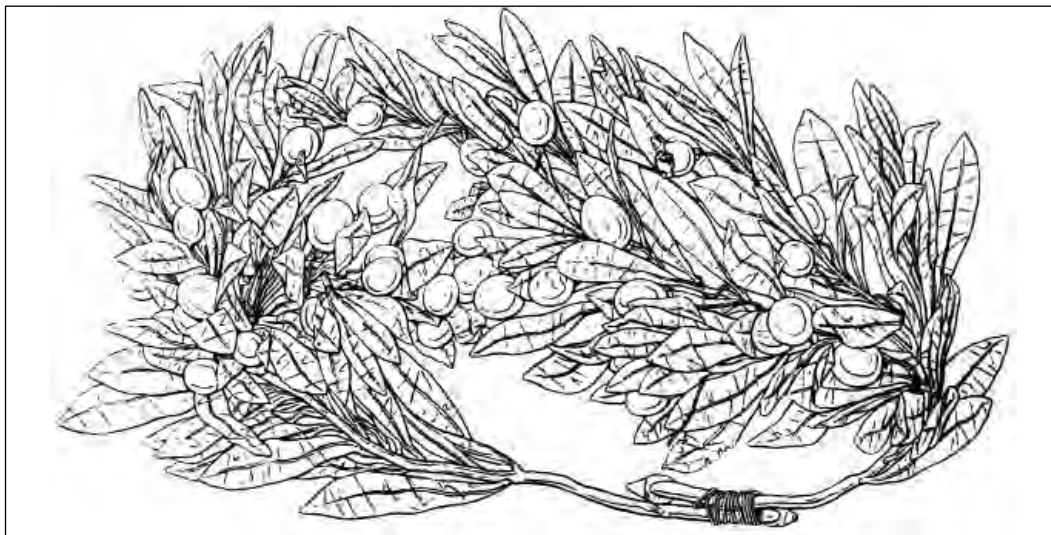

Рис. 2. Золотой наградной оливковый венок из кургана Кекуватского. IV в. до н.э. Пантикапей.

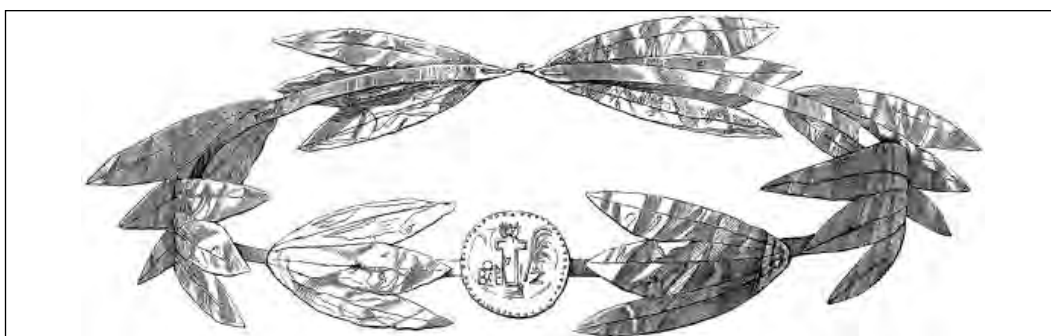

Рис. 3. Золотой погребальный венок из сельдерея с оттиском боспорской монеты. I в. до н.э. Пантикапей.

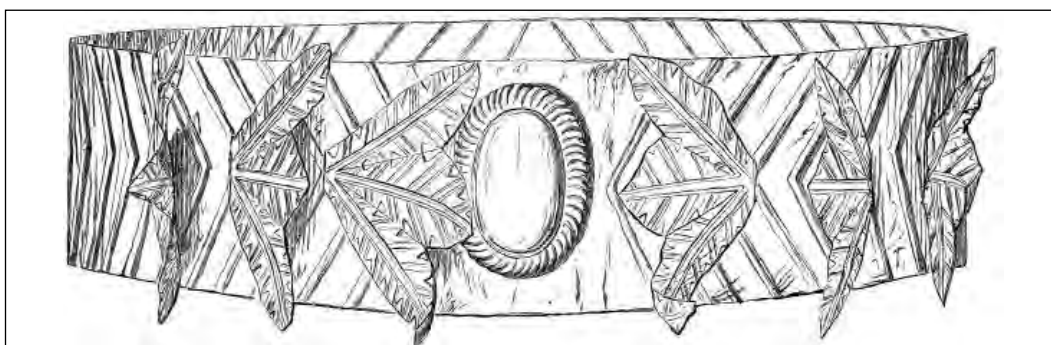

Рис. 4. Золотой погребальный венок-тения римского времени со вставкой из полудрагоценного камня. Пантикапей.

Рис. 5. Надпись о награждении Каллиника золотым венком в театре. Шв. до н.э. Оливия.

Рис. 6. Стела с изображением венка и надписью о награждении золотым венком историка Сирика.
III в. до н.э. Херсонес.

Е.А. МОЛЕВ

E.A. MOLEV

АРХОНТ ГИГИЕНОНТ В ИСТОРИИ БОСПОРА ARCHON HYGIAINON IN THE HISTORY OF THE BOSPORUS

В политической истории Боспора архонт Гигиенонт – одна из наиболее неясных фигур. Причем как по своему происхождению, так и по хронологии правления. Он воспринимался исследователями и как представитель династии Спартокидов [Шкорпил, 1911б, с. 41], и как архонт Агриппии [Бурачков, 1884, с. 24], и как руководитель восстания боспорян против Митридата Евпатора в 80-е годы I в. до н.э. [Reinach, 1895, p. 184, 296; RE. Bosphoros. Sp. 775], и как руководитель пантикапейского гражданства в борьбе с тиранией Спартокидов [Ростовцев, 1918, с. 102; Gajdukevič, 1971, s. 93]. Хронология же его правления определялась в пределах от III в. до I в. до н.э.

Мне уже не раз приходилось рассматривать эти проблемы, и материалы этих исследований опубликованы, в том числе и в интернете [Молев, 1994; его же, 2004; его же, 2005]. В 2007 г. вышла статья Н.А. Фроловой, в которой она рассматривает хронологию монет последних Спартокидов [Фролова, 2007], среди которых и монеты архонта Гигиенонта. Однако ссылок или критических замечаний в статье Н.А. Фроловой на мои работы нет. Разумеется, выбор объектов для дискуссии – это право автора. Однако при близких, в общем, оценках хронологии монет последних Спартокидов у нас с Н.А. Фроловой имеются и некоторые расхождения, что вынуждает меня, учитывая высокий уровень работ Н.А. Фроловой как специалиста-нумизмата, вновь вернуться к этой теме [Молев, 2014, с. 280–283].

Начнем с того, что новых источниковых фактов Н.А. Фролова в своей статье не приводит. Следовательно, моя задача состоит только в том, чтобы определить наши совпадения и расхождения в аргументах по датировке имеющихся памятников. Однако прежде уточним два момента, которые, на мой взгляд, следует обязательно учитывать при решении нашего вопроса: во-первых, несомненную принадлежность Гигиенонта к числу правителей именно Боспора [Молев, 2004, с. 61], хотя прямо наши источники не называют его таковым; во-вторых, необходимость датировки памятников нумизматики с обязательным учетом хронологии источников другого рода по нашей теме, прежде всего памятников эпиграфики, что в статье Н.А. Фроловой фактически проигнорировано.

Итак, что дает нам основания связывать Гигиенонта с историей Боспора? На монетах и черепичных клеймах с именем этого правителя нет указаний на место

его правления. Более того, обстоятельства находок монет (отсутствие точных данных о местах их обнаружения) заставляют ряд нумизматов сомневаться в их подлинности. Так, в подлинности золотых статеров (правда, разных) сомневались П.О. Карышковский и К.В. Голенко, в подлинности серебряных монет – Д.Б. Шелов. Не считали возможным связывать с Гигиенонтом медный тетрахалк с легендой ΥΓΙΑ Ε.С. Столярик и Ю.Г. Виноградов (данные о монетах и фото см. Приложение).

Иное дело черепичные клейма. Абсолютное большинство из них нанесены на изделия из типичной боспорской кирпично-красной глины и их находки не выходят за пределы Боспорского государства. Причем все проверенные мной находки клейм относятся к территории европейского Боспора. Лишь одно клеймо из сборов В.В. Веселова не может быть локализовано с абсолютной точностью, поскольку в книге поступлений указано, что оно происходит из сборов В.В. Веселова на Керченском и Таманском полуостровах (хранится в Керченском музее. Инв. № ККК 7037). Из просмотренных мной клейм только одно клеймо из Нимфея выполнено на калиптере из серой глины (Табл. 1,6. Хранится в Эрмитаже. Инв. № НФ. 84. 233. и НФ. 85.231), но и оно могло принадлежать пантикапейскому производству, где засвидетельствован выпуск во II в. до н.э. сероглиняных мегарских чаш [Блаватский, 1953, с. 280].

Еще В.Ф. Гайдукевич отмечал, что производство черепицы на Боспоре «находилось в руках боспорской аристократии, верхушку которой составляли Спартокиды», а в соединении с тем, что «рынки сбыта боспорских клейменных черепиц ограничиваются пределами крупнейших боспорских поселений Керченского и Таманского полуостровов... экспорта черепиц за пределы Боспорского царства, по всей видимости, совершенно не было» [Гайдукевич, 1934, с. 270, 297-298; ср. Шелов, 1957, с. 224–226]. Это дает основание предполагать принадлежность Гигиенонта к высшей аристократии Боспора. Прямо к Спартокидам относил его В.В. Шкорпил, на основании наличия эмблемы в виде трезубца и дельфина на статерах Гигиенонта, Перисадов и на черепичных клеймах с легендой «ΒΑΣΙΛΙΚΗ», в которой он предполагал «именной знак Спартокидов» [Шкорпил, 1911, с. 41]. И это справедливо.

О принадлежности Гигиенонта к правящей династии косвенно свидетельствует и его титул. Все источники с именем этого исторического деятеля (монеты и клейма на черепицах) называют его просто «архонтом» без указания на место его правления. Во всех опубликованных памятниках боспорской эпиграфики и нумизматики IV–II вв. до н.э. этот титул применяется только по отношению к Спартокидам. Официальная титулатура боспорских Спартокидов со времени своего появления при Левконе I в тех случаях, когда она использовалась, как правило, указывала на место правления (архонт Боспора и Феодосии – КБН, 1111, архонт Боспора, Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев и псессов [Соколова, Павличенко, 2002, с. 101], архонт Боспора, Феодосии и Синдики и царь торетов, дандариев, псессов – КБН 6а и т.д.). Заметим сразу, что указания на титул правителя в боспорской эпиграфике присутствуют преимущественно в посвячительных и почетных надписях. Однако и в них датировочная форма, указывающая на время правления, не является обязательной.

Молев Е.А. Архонт Гиgienонт в истории ...

Так, из 45 посвячительных надписей в КБН только 34 (75,5%) дают указания на имя и титул правителя, что позволяет определить время издания документа. Предположение С.Р. Тохтасьева о том, что «каждая выставленная для публичного обозрения надпись (по крайней мере, сакрального характера) в обязательном порядке должна была содержать датирующую формулу, состоявшую из имени и титулатуры правителя» [Тохтасьев, 2001, с. 162], таким образом, не вполне точно отражает состояние данного вопроса.

Исключением из этого правила до времени правления Гиgienонта являются только посвячительная надпись КБН 18, датированная временем правления архонта Спартока, сына Эвмела, и граффити на блюде Гереея из Мирмекия [Гайдукевич, 1966, с. 70–76], где тот же Спарток назван только архонтом.

Таким образом, прецедент наименования правителя династии Спартокидов только архонтом был, и Гиgienонт оказывается вторым политическим деятелем Боспора, который в имеющихся на сегодня источниках именуется только как архонт. Но в отличие от Спартока III, который в других аналогичных документах именуется и как «царь», Гиgienонт во всех случаях упоминается только как архонт. Мой вариант объяснения такой ситуации, основанием для которого послужил анализ всех нумизматических и эпиграфических материалов, имеющих отношение к вопросу (опекун последнего Перисада до его совершеннолетия, возможно, член рода Спартокидов), опровергается в статьях Е.С. Столярик и Ю.Г. Виноградова в соавторстве с В.П. Толстиком [Толстик, Виноградов, 1999, с. 296].

Основным аргументом невозможности предложенной мной реконструкции мои коллеги считают невозможность принадлежности Гиgienонту медного тетрахеала из собрания Эрмитажа, на котором в сокращении сохранилась легенда YΓIA. Е.С. Столярик опровергает такую возможность на том основании, что возникает слишком много вопросов (почему на аверсе не портрет архонта, почему имя дано в аббревиатуре и без титула, почему их так немного и т.д. [Stolyarik, 1998, с. 62]). Однако сокращенное написание имени царя присутствует и на монетах Левкона II, выпускавшихся до Гиgienонта [Анохин, 1986. № 135,136]. Небольшое число находок может указывать на краткость его правления. А избрание эмблемы изображения на аверсе на монете, предназначенной для внутреннего обращения, могло быть связано также со многими причинами, в том числе и с конкретной политической ситуацией в стране, и с ролью того или иного культа в то время в государстве, и с личными религиозными взглядами Гиgienонта, и с влиянием сил, приведших его к власти на Боспоре, и т.д.

Ю.Г. Виноградов считал возможным сблизить медь Гиgienонта с портретами, символикой и легендами монет фракийских (?) династий ΠΥΞΙ и ΥΜΝΙ, что, по его мнению, делает невозможным отнесение ее к правителю Боспора. Однако подлинность нашей монеты не подвергалась сомнению никем из нумизматов. Обстоятельства ее приобретения (куплена Императорской археологической комиссией у какого-то торговца в 1909 г.) также не дают оснований для отнесения ее к фракийским династиям, тем более что ни портрет, ни символика на этих монетах вовсе

не соответствуют нашему тетрахалку. Да и других находок, подобных приведенным Ю.Г. Виноградовым монетам фракийских династов [Анохин, 1989, с. 95. № 471, 472; Price, 1993. № 354, 355], на Боспоре нет.

Я вполне солидарен с Н.А. Фроловой (и, кстати, всеми остальными нашими предшественниками) в том, что изображения на реверсе медной монеты Гигиенонта (шапки Диоскуров) позволяют относить ее к последней четверти II в. до н.э. В.А. Анохин даже датирует серию монет с изображениями шапок Диоскуров и рога изобилия более узко: 130–125 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 65].

Принято считать, что данный тип реверса заимствован боспорянами из чеканки Понта, где такие монеты датируются II в. до н.э. [Waddington, Babelon, Reinach, 1925. Tabl. IV,7; VII,28]. Однако монеты с такими изображениями реверса известны и в Египте. В 246–245 гг. до н.э. золотые октодрахмы с рогом и шапками Диоскуров выпустила царица Береника II, жена Птолемея Эвергета [Kurieleis, 1976. S. 94]. Учитывая достаточно тесные связи Боспора с Египтом в III в. до н.э., что отмечает целый ряд авторов [Грач, 1984, с. 81–92; Трейстер, 1985, с. 126–139; Basch, 1985, p. 129–152; Höckmann, 1985. S. 106–114; Грач, 1989, с. 77; Литвиненко, 1991, с. 12–26; Молев, 1994, с. 98–101], не исключено, что данная эмблема могла быть воспринята на Боспоре и через этот канал. Тем более что и там, и на Боспоре монеты с этой символикой были выпущены соправителями. Однако, учитывая достаточно тесные контакты Понта и Боспора во II в. до н.э. [Молев, 1994, с. 78; Русяева, 2002, с. 121; ее же, 2003, с. 259–260], вероятность заимствования этой типологии Гигиенонтом из Понта также вполне допустима (и, заметим, более вероятна).

Поскольку новых аргументов в пользу невозможности отнесения этой монеты к чеканке Гигиенонта, кроме высказанных в свое время Д.Б. Шеловым [Шелов, 1956. С. 185] и вышеотмеченными авторами, Н.А. Фролова не приводит, отметим еще раз, что все эти аргументы носят косвенный характер и не дают оснований для исключения нашей медной монеты из числа аргументов о хронологии правления архонта Гигиенонта.

Помимо медных монет в исследовании Е.С. Столярик, в качестве источника проанализированы также золотые и серебряные монеты и клейма Гигиенонта из гробницы, опубликованной В.В. Шкорпиллом. Приведенные нумизматические аналогии со ссылками на исследования Анри Сейрига, которые имелись и в моей работе, дополнены ссылками на диссертацию Константина Маринеску (1996), в которой автор отмечает, что статер Гигиенонта наиболее соответствует статерам и тетрадрахам Византия, выпущенным между 195–175 гг. до н.э. (группа 6, выпуски 92–108) [Stolyarik, 1998, p. 64]. Даты, предложенные в свое время А. Сейригом (190–180 гг. до н.э., [Seyrig, 1968, p. 199–200] и использованные в моей работе, таким образом, отличаются незначительно. В любом случае в то время на Боспоре, согласно эпиграфическим данным (КБН, 75), правил Спарток V.

Далее рассматривается датировка черепицы с клеймами Гигиенонта из погребения, открытого и опубликованного В.В. Шкорпиллом. Автор приводит новейшие

Молев Е.А. Архонт Гиgienонт в истории ...

датировки находок, аналогичных найденным в этой могиле, прежде всего по Артюховскому кургану, и отмечает, что артефакты, найденные в этом кургане, датируются от 175 до 125 г. до н.э. Добавляя к этому аргументу датировку монеты из погребения с черепицами Гиgienонта 225–175 гг. до н.э., автор, со ссылкой на мнение Ю.Г. Виноградова, относит правление Гиgienонта к 180 г. до н.э.

Получается, что автор сознательно отмечает такие приведенные ею самой факты, как датировка гидрии по аналогии с находками Артюховского кургана, временем не ранее середины II в. до н.э. [Stolyarik, 1998, p. 65 со ссылкой на датировку С. Ротрофф], датировка погребения статера Лисимаха и Перисада V, найденных в том же кургане 160–140 гг. до н.э. [Stolyarik, 1988, p. 66 со ссылкой на датировку А. Сейрига], и общая датировка погребения Артюховского кургана 140–125 гг. до н.э., даваемая М.И. Максимовой [Максимова, 1979, с. 8]. Кроме того, совершенно опущен такой аргумент, как чередование прямой (на калиптерах) и ломаной (на соленых) поперечной густы альфы на клеймах. Такое чередование в боспорской нумизматике впервые наблюдается согласно А.Н. Зографу и Д.Б. Шелову в первой половине II в. до н.э. А по более узкой датировке В.А. Анохина – в 150–140 гг. до н.э. [Зограф, 1951, табл. XIII,3; Шелов, 1956, табл. VII, 88; Анохин, 1986, № 169]. По мнению Н.Ф. Федосеева, эти различия в штампах объясняются тем, что солены и калиптеры были изготовлены в разных мастерских [Федосеев, 2012, с. 86]. Однако клейма на них ставили не хозяева мастерских, а чиновники, и такое разделение выпуска продукции одного предназначения маловероятно. А потому возможны и другие объяснения такого феномена. Но для нас это сейчас важно только тем, что такое же явление наблюдается и в нумизматической палеографии.

В любом случае все эти аргументы свидетельствуют о невозможности передвигать выпуск клейм и монет Гиgienонта далее середины II в. до н.э.

Более того, все авторы исследований о монетах последних Спартокидов и Гиgienонта единодушно пишут о заимствовании боспорскими монетариями того времени монетных типов с погребных статеров Лисимаха, выпущенных Византием. А заимствования новых элементов в монетном деле, как отмечал К.В. Голенко, всегда проходят с учетом существующих традиций в государстве. Даже при потере самостоятельности, при переходе под власть Митридата Евпатора боспорский «монетный двор некоторое время продолжал выпускать монеты в традициях чеканки поздних Спартокидов» [Голенко, 1968, с. 42; Нестеренко, 1987, с. 78]. С учетом этого фактора нельзя не заметить, что первыми выпусками на Боспоре, сочетающими и боспорские элементы (серебро, эмблема «лук в горите»), и новые заимствования (расположение легенды, монограмма, трезубец с дельфинами), являются дидрахмы царя Спартока V [Молев, 2005, с. 382 и сл.]. И дальнейшее развитие этих типов на Боспоре связано не только с именем Гиgienонта, но и с именами Перисадов III, IV и V.

Что касается черепичных клейм, то мной просмотрено несколько десятков клейм Гиgienонта из раскопок Пантикапея, Нимфея, Загородной усадьбы и случайных находок, хранящихся в Керченском историко-культурном музее-заповед-

нике (40 экз.). Клейма из Пантикапея (8 экз.) найдены все в слое II в. до н.э., причем одно из них в слое пожарища, датированном В.П. Толстиком последней четвертью II в. до н.э. В Нимфее все находки (12 экз.) найдены в слоях, датируемых Н.Л. Грач III–II и II–I вв. до н.э. Клейма из этих городов принадлежат, по крайней мере, четырем штемпелям, использовавшимся для клеймения соленов, и двум штемпелям для клеймения калиптеров. В совокупности с общим количеством находок черепиц с клеймами Гигиенонта это свидетельствует о его правлении явно более одного года, что опровергает версию о его правлении не более одного года, предлагаемую Ю.Г. Виноградовым и Е.С. Столяриком.

Рассмотрев аргументы тех же авторов, которые были проанализированы и нами, Н.А. Фролова приходит к тому же, что и я, выводу о несостоятельности предлагаемой ими даты правления Гигиенонта первой четвертью II в. до н.э. и предлагает свою дату – 165–150 гг. до н.э. [Фролова, 2007, с. 83]. Однако это предположение расходится с данными эпиграфики [КБН. 75; 1044; Виноградов, 1987; SIG. II, 2885; Rehm. 1958. № 463,464; BCH. 1966. 90,2. P. 442; SEG. 23. 1968, № 314], согласно которым правления Спартока V, Перисада III и Перисада IV следовали друг за другом. При этом, при сопоставлении данных эпиграфики и нумизматики, Перисады III и IV должны были царствовать, как минимум, до 150 г. до н.э. Причем какое-то время они правили в соправительстве с царицей Камасарией, хотя существуют и предположения, что эта царица могла править какое-то время самостоятельно [ср. Шелов-Коведяев, 1990, с. 178; Русяева, 2002, с. 111; ее же, 2003, с. 249], что, на мой взгляд, маловероятно. Следовательно, время начала правления Гигиенонта никак не может быть раньше 150 г. до н.э.

Наличие сходной по форме и месту наложения монограммы монетного двора на статере Гигиенонта и последнего из Перисадов заставляет отдать предпочтение версии о последовательности их правления друг за другом. А это значит, и сегодня у нас нет достаточных оснований датировать время правления боспорского архонта Гигиенонта ранее чем третьей четвертью II в. до н.э. Факт же выпуска им золотых монет от своего имени, что говорит о полноте его власти в государстве, и наличие титула архонт, который в то время носили на Боспоре только Спартокиды, свидетельствуют скорее всего о том, что он принадлежал к роду Спартокидов и выполнял роль опекуна при законном наследнике престола, каковым, вероятнее всего, и был последний Перисад.

Еще одним косвенным аргументом в пользу датировки времени правления Гигиенонта может быть распространение этого имени на Боспоре как раз со II в. до н.э. В лапидарных памятниках его имя упоминается 9 раз до 210 г. н.э. Две трети (а с учетом нашего Гигиенонта чуть больше) из них представлены в находках из Пантикапея и чуть меньше трети – из Ахиллия.

Таким образом, все имеющиеся у нас сегодня источники позволяют видеть в архонте Гигиенонте представителя династии Спартокидов, имевшего законную власть в государстве в третьей четверти II в. до н.э.

Молев Е.А. Архонт Гигиенонт в истории ...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Блаватский В.Д.* История античной расписной керамики. М., 1953.
- Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884.
- Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1.
- Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. Вып. 104. М.: 1934.
- Гайдукевич В.Ф.* Вотив Герая из Мирмекия // Культура античного мира. М.: 1966.
- Голенко К.В.* Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н.э. со следами перечеканки // НЭ. 1968. № 7.
- Грач Н.Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1.
- Грач Н.Л.* Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973–1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1989.
- Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
- Корпус боспорских надписей. М-Л.: 1965.
- Литвиненко Ю.Н.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. // ВДИ. 1991. № 1.
- Максимова М.И.* Артюховский курган. Л.: 1979.
- Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. Н.Новгород, 1994.
- Молев Е.А.* Еще об архонте Гигиенонте // Историк. Археолог. Литератор. К 90-летию Михаила Моисеевича Кубланова. СПб., 2004.
- Молев Е.А.* О правлении царя Спартока VI на Боспоре в середине II в. до н.э. // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. – СПб., 2005.
- Молев Е.А.* О хронологии правления архонта Гигиенонта // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014.
- Нестеренко Н.Д.* Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 2.
- Ростовцев М.И.* Эллинизация и иранство на юге России. Пгр., 1918.
- Русяева А.С.* Боспорская царица Камасария // Боспорские исследования. Вып. II. Симферополь, 2002.
- Русяева А.С., Супруненко А.Б.* Исторические личности эллино-скифской эпохи. – Киев–Комсомольск. 2003.
- Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Nurperboreus*. 2002. V.8. Fasc.1.
- Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г.* Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.: 1999.
- Тохтасьев С.Р.* Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001.
- Трейстер М.Ю.* Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1.
- Федосеев Н.Ф.* Керамические клейма. Боспор. Киев, 2012.
- Фролова Н.А.* Каталог монет царей династии Спартокидов II в. до н.э. (Гигиенонта, Спартока, Перисадов). ВДИ. 2007. № 4.
- Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора. М.: 1956.
- Шелов Д.Б.* Клейма на амфорах и черепицах из Пантикапея // МИА. 1957. Вып. 56.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* Замечания о динамике титулатуры Спартокидов // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990.
- Шкорпил В.В.* К вопросу о времени правления архонта Игиэнонта // Сб. статей, посвященных графу Бобринскому. СПб., 1911.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Basch L. The ΙΣΙΣ of Ptolemy II Philadelphus // *The Mariner's Mirror*. 1985. V. 71. May, № 2.
- Bousquet J. Inscriptions de Delphes // *Bulletin de correspondance hellénique*. Paris, 1966. 90, 2.
- Brandis. Bosphoros. *RE*. III. Sp. 775.
- Gajdukevič V.F. *Das Bosporanische Reich*. Berlin. 1971.
- Höckmann O. *Antike Seefahrt*. Verlag C.H.Beck. München, 1985.
- Kurieleis H. Bidnisse der Ptolemäer // *Deutsches Archäologisches Institut. Archäologische Forschungen*. Bd. II. 1976.
- Price M. *Sylloge numorum Graecorum*. IX, 1. British Museum. The Black Sea. London 1993. № 354, 355.
- Reinach T. Mithridates Eupator König von Pontos. Lpz., – 1895.
- Rehm A. Didyma. II. Berlin, 1958. № 463, 464.
- Seyrig H. Monnaies hellénistiques de Byzance et de Calcedoin // *Essays in Greek Coin-age presented to Stanley Robinson*. Oxford, 1968.
- Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden-Amsterdam. 23. 1968. № 314.
- Stolyarik E. The Reign and Chronology of the archon Hygienon // *American Journal of Numismatic*. 2d series. № 10. 1998.
- Waddington W., Babelon E., Reinach Th. *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. Bd. II. Paris, 1925.

REFERENCES

- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Bospora*. Kiev, 1986.
- Anokhin V.A. *Monety antichnykh gorodov Severo-zapadnogo Prichernomor'ia*. Kiev, 1989.
- Basch L. The ΙΣΙΣ of Ptolemy II Philadelphus. *The Mariner's Mirror*. 1985. V. 71. May, № 2.
- Blavatskii V.D. *Istoriia antichnoi raspisnoi keramiki*. M., 1953.
- Bousquet J. Inscriptions de Delphes. *Bulletin de correspondance hellénique*. Paris, 1966. 90, 2.
- Brandis. Bosphoros. *RE*. III. Sp. 775.
- Burachkov P.O. *Obshchii katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniiam, sushchestvovavshim na severnom beregu Chernogo moria*. Odessa, 1884.
- Fedoseev N.F. *Keramicheskie kleima. Bospor*. Kiev, 2012.
- Frolova N.A. Katalog monet tsarei dinastii Spartokidov II v. do. n.e. (Gigienonta, Spartoka, Perisadov). *VDI*. 2007. № 4.
- Gaidukevich V.F. Stroitel'nye keramicheskie materialy Bospora. *IGAIMK*. 104. M., 1934.
- Gaidukevich V.F. Votiv Gereia iz Mirmekiia. *Kul'tura antichnogo mira*. M., 1966.
- Gajdukevič V.F. *Das Bosporanische Reich*. Berlin. 1971.
- Golenko K.V. Neskol'ko serebrianykh monet Pantikapeia II v. do. n.e. so sledami perechekanki. *NE*. 1968. № 7.
- Grach N.L. Otkrytie novogo istoricheskogo istochnika v Nimfee. *VDI*. 1984. № 1.
- Grach. N.L. Nimfeiskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia (osnovnye itogi issledovaniia za 1973-1987 gg.). *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, 1989.
- Höckmann O. *Antike Seefahrt*. Verlag C.H.Beck. München, 1985.
- Korpus bosporskikh nadpisei. M.-L., 1965.
- Kurieleis H. Bidnisse der Ptolemäer. *Deutsches Archäologisches Institut. – Archäologische Forschungen*. Bd. II. 1976.
- Litvinenko Iu.N. Ptolemeevskii Egipet I Severnoe Prichernomor'e v III v. do n.e. *VDI*. 1991. № 1.
- Maksimova M.I. *Artukhovskii kurgan*. L., 1979.
- Molev E.A. Eshche ob arkhonte Gigienonte. *Istoriik. Arkheolog. Literat. K 90-letiiu Mikhaela Moiseevicha Kublanova*. St.Petersburg, 2004.
- Molev E.A. O pravlenii tsaria Spartoka VI na Bospore v seredine II v. do n.e. *Bosporskii fenomen. Problema sootnosheniia pis'mennykh i* St.Petersburg, 2005.
- Molev E.A. O khronologii pravleniia arkhonta Gigienonta. *XV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti isrednevekov'ia. Aktual'nye problem khronologii*. Kerch', 2014.

Молев Е.А. Архонт Гигиенонт в истории ...

- Nesterenko N.D. Zametki po denezhnomu obrashcheniiu medi Bospora poslednei chetverti II v. do n.e. *VDI*. 1987. № 2.
- Price M. *Sylloge numorum Graecorum*. IX, 1. British Museum. The Black Sea. London – 1993. № 354, 355.
- Reinach T. *Mithridates Eupator Konig von Pontos*. Lpz., 1895.
- Rehm A. *Didyma*. II. Berlin, 1958. № 463, 464.
- Rostovtsev M.I. *Ellinstvo i iranstvo na iuge Rossii*. Pgr., 1918.
- Rusiaeva A.S. Bosporskaia tsaritsa Kamasariia. *Bosporskie issledovaniia*. II. Simferopol', 2002.
- Rusiaeva A.S., Suprunenko A.B. *Istoricheskie lichnosti ellino-skifskoi epokhi*. Kiev-Komsomol'sk, 2003.
- Seyrig H. Monnaies hellénistiques de Byzance et de Calcedoin. *Essays in Greek Coinage presented to Stanley Robinson*. Oxford, 1968.
- Shelov D.B. *Monetnoe delo Bospora*. M., 1956.
- Shelov D.B. Kleima na amforakh i cherepitsakh iz Pantikapeia. *MIA*. 1957. 56.
- Shelov-Kovediaev F.V. Zamechaniia o dinamike titulatury Spartokidov. *Drevnee Prichernomor'e*. Odessa, 1990.
- Shkorpil V.V. K voprosu o vremeni pravleniia arkhonta Igienonta. *Sb.statei, posviashchennykh grafu Bobrinskomu*. St.Petersburg, 1911.
- Sokolova O.Iu., Pavlichenko N.A. Novaia posviatitel'naia nadpis' iz Nimfeia. *Hyperboreus*. 2002. V.8. Fasc.1.
- Stolyarik E. The Reign and Chronology of the archon Hygienon. *American Journal of Numismatic*. 2d series. № 10. 1998.
- Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden-Amsterdam. 23. 1968. – № 314.
- Tolstikov V.P., Vinogradov Iu.G. Dekret Sparokidov iz dvortsovogo khrama na akropole Pantikapeia. *Evraziiskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i*. M., 1999.
- Tokhtas'ev S.R. Proiskhozhdenie titulatury Spartokidov. *Bospor Kimmeriiskii i Pont v period antichnosti i srednevekov'ia. Materialy II Bosporskikh chtenii*. Kerch', 2001.
- Treister M.Iu. Bospor I Egipetv III v. do n.e. *VDI*. 1985. № 1.
- Vinogradov Iu.G. Votivnaia nadpis' docheri tsaria Skilura iz Pantikapeia i problem istorii Skifii i Bospora vo II v. do n.e. *VDI*. 1987. № 1.
- Waddington W., Babelon E., Reinach Th. *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. Bd. II. Paris, 1925.
- Zograf A.N. Antichnye monety. *MIA*. 1951. № 16.

Резюме

В статье рассматриваются все имеющиеся на сегодня точки зрения о личности правителя Боспора Гигиенонта и исследуются различные источники. В результате автор приходит к выводу, что в архонте Гигиенонте можно видеть представителя династии Спартокидов, имевшего законную власть в государстве в третьей четверти II в. до н.э.

Ключевые слова: Боспор, архонт, Гигиенонт.

Summary

The article deals with all available today terms of the identity of the ruler of the Bosporus-Hygiainon and investigates various sources. As a result, the author concludes that one can see the Archons Hygiainon as a representative of Spartocids dynasty, who had legitimate power in the country in the third quarter of the 2nd century BC.

Keywords: the Bosporus, archon, Hygiainon.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Молев Евгений Александрович, д.и.н.,
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры истории древнего мира и
классических языков ННГУ Института международных
отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.
+7 (910) 388 46 80
molev.eugeny@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Molev Evgenii, DSc,
Nizhny Novgorod State University,
Prof. of the Department of Ancient History and
Classical Languages of the UNN Institute
of International Relations and World History of NNSU
+ 7 (910) 388 46 80
molev.eugeny@yandex.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Золотой статер. Л.с. мужская голова
вправо; о.с. Афина на троне с копьем и щитом
влево, монограммы в поле (Α) и под
троном (Β). Первая размещена так, что
есть свободное пространство между рукой и
ногой; у второй есть свободное пространство
между ножкой трона и щитом.
Легенда: ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ.

Хранится в Государственном историческом музее. Инв. № 384. Вес 8,48 г (у
Анохина № 148 ошибочно 8,38). Размеры 2 x 1,9 см. Проба 990.

2. Возможная копия с предыдущего.
Л.с. мужская голова вправо; о.с. Афина
на троне с копьем и щитом влево, монограммы
в поле (Α) и под тронном (Β).
Легенда: ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ.
Монограммы неровные и сливаются с изображением
деталей. В легенде не видна конечная
сигма.

Хранится в Государственном историческом музее. Инв. № 385. Вес. 8,75 г.
Размеры 2 x 1,9 см. Проба 800.

Молев Е.А. Архонт Гигиенонт в истории ...

3. Серебряная драхма. Л.с. мужская голова вправо; о.с. скачущий всадник влево, те же и расположенные так же монограммы. Легенда: ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ. Вес 3,53 г. Диаметр 2 см.

Хранится в Государственном Эрмитаже. Инв. № 27703.

4. Медный тетрахалк. Л.с. женская голова в покрывале, сзади ветвь, линейный ободок; о.с. рог изобилия, по сторонам шапки Диоскуров. Легенда: ΥΓΙΑ. Вес 2 г. Диаметр 1,4 см.

Хранится в Государственном Эрмитаже. Инв. № 27704.

О.В. ШАРОВ
O.V. SHAROV

**ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ ТАРАКТАШ
В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ**
**CHRONOLOGY OF TARAKTASH CULT COMPLEXES
IN EASTERN CRIMEA**

Культурный комплекс Таракташ расположен на склонах одноименного горного хребта в 0,5 км к северо-востоку от современного с. Дачное, в 3 км к северу от г. Судак, у юго-восточного побережья Крыма. Место у подножия западной вершины Таракташского хребта имело выгодное стратегическое положение. Это самое узкое место Судакской долины, зажатое между горными хребтами, которые венчают две главные вершины – Бакаташ [тюрк. «Гора-лягушка»] и Таракташ [тюрк. «Гора-зуб»]. Отсюда полностью просматривается Судакская бухта и контролируется главная дорога, ведущая в глубь Крымского полуострова [Шаров, 2009, с. 459-460] (рис. 1).

В 1995, 2002–2008 гг. на Таракташе были открыты 3 культурных комплекса и поселение римской эпохи (рис. 2).

В 1995 году на южном склоне Таракташской гряды Горно-Крымской экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ (начальник экспедиции В.Л. Мыц) на месте глубокой грабительской ямы было открыто и исследовано святилище римского времени, получившее название Таракташ-I. В пределах раскопа, площадь которого составила 130 кв.м, были изучены остатки двух храмовых построек и погребение, составляющие единый культурный комплекс, существовавший с начала I в. н.э. по вторую половину IV в. н.э. [Мыц, Лысенко, 2001, с. 96–100]. Основная часть культурного комплекса – это храм № 1 по обозначению авторов раскопок (рис. 3,1). Он имеет подпрямоугольную форму, ориентирован длинными сторонами по линии запад-восток с небольшим отклонением к северу. Вход в храм № 1 расположен с восточной стороны, к западной стене пристроены два выступа. Его размеры по внешнему контуру: 5,2 x 7,6 м. В районе дверей и вдоль западной стены прослежены следы столбовых конструкций. Напротив входа, у западной стены, располагался каменный алтарь подпрямоугольной формы высотой 0,5 м. В центре храма было зафиксировано овальное углубление, служившее жертвенником. К западной и южной стенам были пристроены каменные скамьи шириной 0,6 м. В кладке алтаря, скамьи и в основании фундамента стен были найдены несколько трехлопастных железных черешковых наконечников стрел, бронзовые смычковые фибулы I в. н.э., фрагменты стеклянных бальзамариев и кубков типа «Rierenschale», стеклянные и фаянсовые бусы (рис. 4,1-7,18-24). В яме-жертвеннике найдены кальцинированные кости петуха, барана, маленькие лепные кубки с ручками-упорами и курильницы

Шаров О.В. Хронология культовых комплексов ...

(рис. 4,8-10,13,16-17). Особый интерес представляют находки 270 краснолаковых сосудов II–IV вв. и фрагменты 20 стеклянных кубков III–IV вв., найденные между скамьями и южной стороной алтаря [Мыц, Лысенко, 2001, с. 97] (рис. 4,25). К сожалению, керамика до сих пор не опубликована¹. Авторы раскопок считают, что находки 270 сосудов являются следами коллективного жертвоприношения и ритуальной трапезы. Храм № 2 располагался в 3,5 м к ю-з от храма № 1. Общий размер строения 4,9 x 3,2 м, но помещение имеет квадратную форму 2,1 x 2,1 м [Мыц, Лысенко, 2001, с. 97, рис. 1]. Храм № 2 ориентирован четко по сторонам света (рис. 3,2). С северной и южной сторон зафиксированы столбовые ямки. В северо-западном углу были обнаружены три лепных антропоморфных статуэтки из слабо обожженной глины (рис. 3,3-4; 5-2). Они лежали головой на запад, вплотную друг к другу, лицом вверх [Мыц, Лысенко, 2001, рис. 1,2-3]. Низ всех фигурок был преднамеренно отбит, у двух не сохранились и личины. Из заполнения храма № 2 происходят также фрагменты алтариков, курильниц и лепных чашечек (рис. 4,11-12,14-15). Алтарики имеют подпрямоугольное основание с подквадратными неглубокими резервуарами, а курильница – выступы по краям резервуара и подквадратный резервуар. Авторы считают, что храм № 2, на основании находок фрагментов краснолаковой посуды и данных стратиграфии, был возведен несколько позднее, чем храм № 1 [Мыц, Лысенко, 2001, с. 97].

В 2002 году прямо под гребнем горы Таракташ Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто и исследовано еще одно святилище римского времени, получившее название *Таракташ-II* [Щукин и др., 2003, с. 54-60; 1]. В одном метре к западу от основания гребня скалы, на крутом склоне, была сделана подрубка, и на образовавшейся прямоугольной площадке был заложен фундамент подпрямоугольного сооружения (рис. 6). Хорошо сохранилась восточная стена, протянувшаяся вдоль скалы на 1,85 м и в высоту 0,7 м. Северная стена имела длину 0,8 м и высоту 0,6 м, южная стена сохранилась в длину 1 м и в высоту 0,6 м. Следов четвертой стены выявлено не было. В центре помещения находился алтарь высотой 0,5 м подтреугольной формы. На нем лежали фрагменты 6 краснолаковых мисок с загнутыми внутрь венчиками (рис. 7,1-2,8-11). Между северной стеной и алтарем на полу были найдены фрагменты еще 10 краснолаковых сосудов, часть из которых можно отнести к понтийской сигилляте, к форме VI по Дж. Хейсу [Hayes, 1985. Tav. XXII; Шаров, 2007, рис. 19] (рис. 7,5,6). Часть сосудов является имитацией формы I и формы V понтийской сигилляты [Шаров, 2007, рис. 41, 78] (рис. 7,14,15). С уровня пола вблизи алтаря происходят фрагменты двух лепных курильниц на высоких ножках с выступами по краям резервуара (рис. 8). У основания алтаря найдены фрагменты трёх стеклянных сосудов (рис. 9), а между южной стеной и алтарем зафиксировано скопление кальцинированных костей. Антропоморфные идола лежали в одном метре к югу от южной стены святилища. Они были разбиты и сохранились

¹ Весь керамический комплекс святилища Таракташ-I готовится в настоящее время к публикации. В статье даются предварительные выводы по поводу хронологии основных типов керамики данного комплекса.

лишь две личины (рис. 5,5,6), там же лежали составные части маленьких лепных антропоморфных статуэток [руки и ноги] и части еще двух курильниц с подквадратными резервуарами. Перечисленные категории находок в целом аналогичны вещевому и керамическому комплексу Таракташ-I, но есть и некоторые отличия: часть курильниц и обе антропоморфные статуэтки, происходящие из святилища Таракташ-II, были выброшены за пределы святилища, в то время как антропоморфные идолы и курильницы с выступами по краю резервуара лежали внутри храма № 2 святилища Таракташ-I. В составе находок святилища Таракташ-II нет изделий из металла, бус и маленьких лепных сосудов.

В 2006 году Таракташской археологической экспедицией ИИМК РАН совместно со Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто еще одно культовое сооружение на западном склоне горы Таракташ, которое получило название Таракташ-III (далее: КСТ-III) (рис. 2,1). Оно было открыто на поселении римской эпохи, в центре второй террасы. Стены культового сооружения Таракташ-III находились прямо под стенами жилого помещения постройки № 6 первой половины III в. н.э. [Шаров и др., 2007] (рис. 10). Размеры открытого культового помещения 2,2 x 1,5 м (рис. 11). Фиксация всех материалов святилища велась по уровням зачистки толщиной 5-7 см, всего было зафиксировано 10 уровней зачистки, с 8 по 17 (1-7 относились к более поздней постройке № 6). В КСТ-III были найдены многочисленные краснолаковые и лепные сосуды, кости жертвенных животных, а на 16 уровне – две глиняные антропоморфные статуэтки (рис. 12). В северо-восточном углу на отметке 290-310 была зафиксирована первая статуэтка – женское божество на троне, раскрашенная красной и белой краской (рис. 5,7). На троне, покрытом черной краской, прослежены следы желтой краски или охры. Статуэтка вплотную примыкала к стене и была поставлена лицом на юг. Она стояла на большом фрагменте стенки лепного сосуда, лежащего вверх лощеной поверхностью. Две краснолаковых чашечки вплотную лежали у стены к западу от трона, обе вверх венчиком (рис. 11). В 0,15 м к юго-востоку была найдена на той же глубине вторая статуэтка, которая лежала на спине головой на север и лицом вверх [Шаров и др., 2007, рис. 62–64]. Статуэтка лежала на утрамбованной плотной земле – на втором полу (рис. 5,8). Ниже утрамбованного пола (слоя глиняной обмазки и плоских камней) на 17 уровне (уровне первого пола), в центре помещения, лежали фрагменты краснолаковой открытой миски производства Чандарли: тесто розовое, без видимых примесей, лак темно-красный, густой, очень высокого качества [Науес, 1972, р. 318–319].

Стены постройки № 6 были возведены через некоторое время после оставления жителями КСТ-III, в котором совершались ритуальные действия. Между каменными стенами существует не очень значительная по мощности прослойка материковой глины (рис. 10). Возможно, это было центральное культовое место на горном поселении Таракташ.

Также на южном склоне горы Таракташ на другом поселении в постройке 1 – конца II в. – первой половины III в. н.э. была найдена фигурка антропоморфного глиняного идола (далее: «ТРИШ-IV») (рис. 5,4).

Шаров О.В. Хронология культовых комплексов ...

Датировка культовых комплексов Таракташа очень различна:

Культовое сооружение Таракташ-I, (далее: КСТ-I) датируется авторами раскопок в широких рамках второй половины I в. н.э. – IV в. н.э., но в святилище № 2, где были найдены антропоморфные статуэтки, нет, по моему мнению, позднего материала. Краснолаковые сосуды представлены формами высоких мисок с загнутым внутрь венчиком, которые относятся к группе «Понтийской сигилляты А». По классификации Дж. Хейса, это форма IV, которая имеет массу разнообразных вариантов и датируется обобщенно в широких рамках I – III вв. н.э. [Hayes, 1985. Tav. XXII,4]. Используя типологию Д.В. Журавлева, можно эту дату уточнить. Склеенные сосуды, происходящие из заполнения культовой постройки 2, относятся по своей морфологии к формам 14.3, 14.4 и 17.1 по Д.В. Журавлеву и могут датироваться в целом концом I в. – первой половиной III в. н.э. [Журавлев, 2010, с. 54-55, таб. 23-24, №№ 155-157, 166, 170]. Большинство из 270 краснолаковых сосудов из святилища № 1 КСТ-I представлены также мисками форм 14 и 17 «Понтийской сигилляты А» по Д.В. Журавлеву и могут датироваться тем же временем. Помимо этого массового материала, в заполнении святилища 1 присутствуют и редкие формы поздней понтийской краснолаковой керамики «Pontic Red Slip Ware», представленные фрагментами трех тарелок с отогнутым наружу венчиком, украшенных линейно-волнистым декором «Медуза» в центре дна в виде «пятнадцатилучевой звезды» и вписанной в него розеттой. Подобные блюда из Танаиса относятся по К. Домжальскому и Т.М. Арсеньевой к форме 3 «понтийской краснолаковой» керамики и датируются концом IV – середины V вв. н.э. [Arsen'eva, Domzalski, 2002, p. 426–427]. Такие сосуды были найдены повсеместно в Крыму практически на всех позднеантичных памятниках [Иванова, 2009, с. 35–39, рис. 7–9; Смокотина, 2014, с. 53-54, рис. 11, 12; Сазанов, 2012, с. 135–138, рис. 1–7]. Также в заполнении святилища 1 присутствовали фрагменты трех блюд формы 1 группы «Pontic Red Slip Ware». Эта форма сосудов была выделена по тесту и лаковому покрытию К. Домжальским, и ее ранее часто путали по близости морфологических признаков с формой 62B африканской сигилляты [African Red Slip Ware: ARSW] Дж. Хейса [Сазанов, 2012, с. 135] К. Домжальский и Т.М. Арсеньева на основании материала из Танаиса датируют такие блюда второй половиной IV–серединой V вв. н.э. [Arsen'eva, Domzalski, 2002, p. 425-426]. Можно принять уточнения этой даты А.И. Айбабиным [Айбабин, 1984, с. 115-116; Айбабин, 1990, с. 16] и А.В. Сазановым [Сазанов, 2012, с. 138] на основании дат закрытых комплексов. Авторы предложили датировать форму 1 группы «понтийская краснолаковая» с начала IV в. до второй четверти VI в. н.э., но мне кажется, что не стоит принимать столь широкие даты бытования данной формы, так как здесь возможны ошибки ввиду того, что определение форм сосудов было проведено по внешним морфологическим признакам, а не по тесту и лаковому покрытию. Также мне кажется чрезмерно завышенной дата для этой формы, предложенная О.С. Ивановой (сер. IV–первая четверть VII вв. н.э.), несмотря на то, что в склепах Алмалык-Дере форма 1 представлена только в комплексах середины IV–V вв. н.э. [Иванова, 2009, с. 34]. Мне кажется, что

следует доверять все же датам закрытых комплексов и использовать предложенную К. Домжалским дату для этой формы (сер. IV–сер. V вв.), а в городских и поселенческих комплексах следует всегда учитывать естественную «примесь снизу», на что уже неоднократно обращали внимание некоторые авторы [Шаров, 2007, с. 165–170; Сазанов, 2012, с. 138; Смокотина, 2014, с. 50].

Также в заполнении слоя III постройки 1 найдены высокие чашки с вертикальными или прямыми бортиками, иногда украшенные по бортику зигзагом. Они являются позднейшим развитием форм V и VI понтийской сигилляты по Дж. Хейсу [Шаров, 2007, рис. 41, 78]. Такие сосуды были встречены в целом ряде позднеантичных комплексов, и исследователями были предложены даты их бытования. А.И. Айбабин на основании находок в чернореченском погребении № 19 (38), в керамическом комплексе «последотского дома» из Тиры и в погребении № 8 (19) из Тиритаки, отнёс эти комплексы к IV–V вв. н.э. [Айбабин, 1990, с. 17, рис. 5: 13]. Такой вывод он сделал ввиду совстречаемости таких «чашек» вместе с красноглиняными широкогорлыми амфорами типа 100 по И.Б. Зеест [Зеест, 1960, с. 120, табл. XXXIX: 100] в «последотском доме» в Тире [Кравченко, Корпусова, 1975, с. 30, рис. 4: 3] и в урновом трупосожжении 19 (38) некрополя Черной Речки [Бабенчиков, 1963, с. 120, табл. IV: 11; V: 3; XVI: 3], где такая «чашка» была встречена вместе с красноглиняной широкогорлой амфорой, напоминающей по морфологии амфору типа «Делакеу». Уже в докладе 1995 года на XVI Международном семинаре в Антибе и в своих более поздних работах А.И. Айбабин отнес чернореченское погребение 19 [38] к III хронологической группе [Айбабин, 1996, с. 293-294; Ajbabin, 1995, с. 25, 27; Айбабин, 1999, с. 255, 260-261, табл. XVIII: 1; XIX: 1], а позднее – к IV хронологической группе [Айбабин, 2003, с. 16, табл. 3: 66], датируя обе группы только второй половиной IV века н.э. (350–400 гг.) [Шаров, 2007, с. 96, 99]. Так как дата такого рода краснолаковых сосудов зависит напрямую от даты амфор «Зеест-100», то я попытался уточнить дату амфор на основании закрытых комплексов «последотского дома» из Тиры и постройки IX черняховского поселения Каменка - Анчекрак. В этих комплексах встречены также узкогорлые светлоглиняные амфоры типов «F» и «E» по Д.Б. Шелову или типов 104-105 по И.Б. Зеест [Зеест, 1960, табл. XLI: 104-105]. Комплекс постройки IX поселения Каменка-Анчекрак на основании находки блюда формы 1 «Pontic Red Slip Ware» и светлоглиняной узкогорлой амфоры типа «E» можно отнести ко второй половине IV в. – первой половине V в., хотя не исключена более узкая дата – рубеж IV–V вв. В керамическом комплексе «последотского дома» из Тиры присутствует целая амфора типа «F», которая по типологии А.В. Сазанова относится к подтипу 2 типа 1 и датируется не позднее середины V века, хотя в тексте именно этот комплекс А.В. Сазанов относит ко второй половине IV века [Сазанов, 1993, с. 17, 18]. А.И. Айбабин относит данный комплекс к концу IV-V вв., а на хронологической таблице – к первой половине V века [Айбабин, 1990, с. 17]. В.В. Кропотов отнес амфору типа «F» из тирского комплекса к варианту 3 своей классификации и датировал ее концом IV в. – началом V в. н.э. [Кропотов, 1998, с. 129-131]. На основании этого я полагаю,

Шаров О.В. Хронология культовых комплексов ...

что можно принять максимально позднюю дату этого комплекса, как дату наиболее позднего, зафиксированного археологически в закрытом комплексе бытования амфор типа «Зеест-100», и считаю, что амфоры и чашки с прямым бортиком датируются на основании закрытых комплексов второй половиной IV в. – первой половиной V в. н.э. [Шаров, 2007, с. 170]. О.С. Иванова выделила на основании материалов из Алмалык-Дере ряд новых форм группы «понтитской краснолаковой» и учла подобного рода сосуды в своей классификации. Это кубки с вертикальным округлым венчиком формы 14 по О.С. Ивановой на высоком кольцевом поддоне. Дата для них предложена достаточно широкая: IV–V вв., в склепе № 184 кубок формы 14 датируется по сопутствующему материалу 430/440–470/480 гг. [Иванова, 2009, с. 49–50, рис. 13,77]. Таким образом, на основании проведенного анализа хронологии ряда форм керамики следует, вероятно, выделить два периода функционирования КСТ-I:

1 период: середина I в. – середина III в. н.э. – период строительства и активного функционирования культовых построек 1 и 2, причем святилище 1 было построено, судя по материалу, не позднее середины I в. н.э., а святилище 2 было построено позднее, не ранее рубежа I в. – II в. н.э., и оба храма функционировали с различной степенью активности вплоть до середины III в. н.э. Если со строительством святилища 1 все ясно, исходя из датирующих типов находок (рис. 4,5,6,18,22,23), то ввиду отсутствия узких дат для краснолаковой посуды святилище 2 могли построить в любой отрезок указанного времени. Вероятно, данное святилище использовалось кратковременно из-за крайне немногочисленного материала в заполнении.

2 период: вторая половина IV в. – первая половина V в. н.э., период функционирования, исходя из археологического материала, только культовой постройки 1, а культовая постройка 2, где были спрятаны антропоморфные идола, вероятно, была оставлена и законсервирована уже не позднее середины III в. н.э.

Представленный на культовом сооружении Таракташ-II (далее: КСТ-II) керамический материал относится, главным образом, к концу II в. – первой половине III в., в основном это понтитская сигиллята форм I, IV, V, VI по Дж. Хейсу [Hayes, 1985, Tav. XXII; 5, рис. 18]. Отдельные типы сосудов, имитирующие форму V понтитской сигилляты по Дж. Хейсу (рис. 7,15), могут относиться и к IV в. н.э. и имеют аналогии в керамике из погребений №№ 18, 58 некрополя Дружное [Храпунов, 2002; 5, рис. 41,78]. Также типы краснолаковых высоких мисок, напоминающих форму VI понтитской сигилляты по Дж. Хейсу, со слегка отогнутым наружу венчиком и двумя прорезными линиями на нем, не характерны только для комплексов конца II в. – первой половины III в. и морфологически больше напоминают керамику херсонесского производства второй половины III – IV вв. н.э., выделенную С.В. Ушаковым [Ушаков, 2004, рис. 1-2; 5, рис. 27; Ушаков, 2010, рис. 11,1,6,8] (рис. 7,5-6).

Стекланные стаканы на высоком поддоне [Мыц, Лысенко, 2001, рис. 2,25; Щукин и др., 2003, рис. 102] (рис. 4,25; 9) также датируются более поздним временем. А.И. Айбабин датировал подобные сосуды в широких пределах IV–начала V вв. [Айбабин, 1990, с. 13, рис. 3.3]. И.Н. Храпунов, опираясь на материалы раскопок

некрополя Дружное, смог уточнить датировку данного вида стеклянных сосудов, которые найдены в 7 склепах. Стеклянные стаканы на высоком поддоне с плавными очертаниями тулова и отогнутым венчиком автор отнес к типу I, варианту 1 и датировал их второй половиной III–IV вв. н.э. [Храпунов, 2002, с. 56]. Наиболее ранний из найденных в Крыму стакан типа I, 1 обнаружен, по мнению И.Н. Храпунова, в могиле № 9 [35] Чернореченского некрополя вместе с монетами середины III в. н.э., а также выразительным набором инвентаря второй половины III века [Бабенчиков, 1963, с. 97–100, рис. 4 9]. Мне кажется, что к ранним находкам в Крыму стеклянных стаканов типа I, 1 по И.Н. Храпунову можно добавить и стакан из склепа № 21 могильника Дружное [Храпунов, 2002, рис. 99, 9]. Сосуд находился между погребенными D и E на уровне плечей, оба погребения можно датировать на основании четких хроноиндикаторов: бронзовой пряжки, серебряной фибулы и серебряных сережек в полихромном стиле [Храпунов, 2002, с. 55, рис. 102,18; 104,5,6,11] второй половиной III в. – началом IV в. н.э. И.Н. Храпунов полагает, что «первые стаканы типа II, произведенные, очевидно, в Херсонесе, появились в предгорном Крыму во второй половине III в., в IV веке их количество многократно возросло. Они становятся наиболее популярным типом стеклянной посуды у варваров, живших в центральном и юго-западном Крыму. Стаканы V в. н.э. уже украшались каплями синего стекла [Храпунов, 2002, с. 56]. Второй стеклянный сосуд из КСТ-II с шаровидным туловом, резко отогнутым венчиком и вогнутым дном соответствует типу II, варианту 1 по И.Н. Храпунову и представлен в том же склепе № 21. Автор предлагает такую же датировку для типа II, так как они встречены в комплексах середины–второй половины III в. н.э. и в комплексах IV века, при этом часто вместе с сосудами типа I, 1. В частности, в могильнике Озерное III стакан типа I, 1 найден рядом со стаканом типа II, на полу склепа лежали монеты Гордиана III, Александра Севера и Деция Траяна, а на полке – четыре монеты Константина I [Храпунов, 2002, с. 56].

В работе, посвященной стеклянным сосудам из некрополя могильника Нейзац, этим стаканам также уделено немало внимания [Шабанов, 2011, с. 142–144, рис. 1-2]. С.Б. Шабанов не стал принимать классификацию, предложенную И.Н. Храпуновым для могильника Дружное, а использовал, на мой взгляд, не совсем удачно классификацию К. Айсингс, отнеся данные стеклянные сосуды к ее формам 108 и 96 [Isings, 1957, p. 113,134]. Автор соотнес с формой 108 по К. Айсингс совершенно разные морфологически формы, очень отдаленно напоминающие форму 108, среди которых форм, близких стаканам из КСТ-I и КСТ-II, очень немного [Шабанов, 2011, рис. 1,7,8; 2,10,13]. Их отличает максимальное расширение тулова в нижней части и прямые сужающиеся кверху стенки. Даты стаканов, найденных в комплексах склепов могильника Нейзац, совпадают с датами, которые И.Н. Храпунов предложил, опираясь на комплексы могильника Дружное (вторая пол. III–IV вв. н.э.).

Таким образом, материал КСТ-II дает нам при преобладании материалов конца II в. – первой половины III века также находки, которые можно отнести к IV в. н.э. Это поздние типы краснолаковой керамики, возможно херсонесского производства,

Шаров О.В. Хронология культовых комплексов ...

и стеклянные стаканы. Вероятно, перерыв все же был, так как керамики и находок второй половины III в. н.э. в комплексе святилища не представлено. Поэтому можно говорить также о двух периодах функционирования святилища КСТ-II: 1 период: конец II в. – первая половина III в. н.э.; 2 период: IV в. н.э.

Культовое сооружение Таракташ-III (далее: «КСТ-III») я датировал ранее на основании находок краснолаковой керамики достаточно узким периодом первой половины – середины II в. н.э. [Шаров, 2013, с. 30]. На основании более тщательного рассмотрения керамического материала я предлагаю дату бытования КСТ-III несколько расширить. Краснолаковая керамика данного комплекса представлена в подавляющем большинстве керамикой группы «Понтийская сигиллята А». Это тарелки формы 4.1 и 4.2 по Д.В. Журавлеву [Журавлев, 2010, с. 46-47, таб. 18], миски типов 14.1-14.3, 16.1 и 19 по Д.В. Журавлеву [Журавлев, 2010, с. 54-56, таб. 23-25], чаши типа 30 по Д.В. Журавлеву [Журавлев, 2010, с. 60-61, таб. 27] (рис. 14,1,3), кубки типов 31 и 33 [Журавлев, 2010, с. 61–63, таб. 28–31] и канфары типа 34 [Журавлев, 2010, с. 64-65, таб. 32-33]. Все представленные типы посуды характерны в основном для конца I – первой половины II в. н.э., но ряд типов, таких как тарелки типа 4.3, миски типа 16.1, чаши типа 30, канфары типа 34, мог бытовать до конца II в. н.э. На дне постройки лежала миска группы «Восточная сигиллята С» формы Чандарли 2 по Дж. Хейсу [Hayes, 1972, p. 318-319] или форма «Loeschke 26B», которая датируется в основном концом I в. – первой половиной II в. н.э., но в ряде случаев бытует до конца II в. н.э. [Журавлев, 2010, с. 32-33, таб. 4]. Эту более позднюю дату подтверждает ряд сосудов из КСТ-III, которые относятся также к группе «Понтийская сигиллята А», но к форме VI по Дж. Хейсу [Hayes, 1972, Tav. XXII, VI]. Это миски с высоким бортиком, украшенные псевдоручками, которые относятся к форме S-5a по Э. Кюнелту и датируются второй половиной II в. н.э. (рис. 13), а без декора в виде псевдоручек, но украшенные прорезными линиями, появляются не ранее последней четверти II в. н.э. и бытуют вплоть до середины III в. н.э. и, возможно, позднее [Kühnelt, 2008, S. 235, № 245, 246; Шаров, 2007, с. 77] (рис. 14,2). Я не принял более позднюю дату вплоть до середины III в. н.э. по причине того, что данное святилище было перекрыто жилой постройкой № 6, каменные стены которой стояли прямо на каменных стенах КСТ-III (рис. 10). Постройка № 6 по амфорному и керамическому материалу относится к концу II в. – первой половине III в. н.э. Поэтому можно считать, что КСТ-III появилось в конце I – первой половине II вв. н.э. и перестало функционировать в конце II в. н.э., когда появилось новое население, которое построило другое святилище уже высоко в горах (КСТ-II), под гребнем горы Таракташ, а на месте более раннего поселения и святилища были построены прямо на культурном слое новые жилые постройки.

Подведем некоторые предварительные итоги. Таракташский культовый комплекс КСТ-I на южном склоне хребта Таракташ является самым ранним, святилище 1 [рис. 3-1] было построено в середине I в. н.э. и функционировало вплоть до середины III в. н.э., святилище 2 (рис. 3-2) было построено позднее: на рубеже I–II вв. н.э. и также функционировало вплоть до середины III в. н.э. Видимо,

почти одновременно с ним на крутом западном склоне (рис. 2-1), в центре поселения, возникает КСТ-III в конце I – первой половине II вв. н.э., но по каким-то причинам перестает функционировать еще в конце II в. н.э. В конце II в. н.э. появляется новое население, которое строит каменные постройки прямо на культурном слое предшествующего времени и, видимо, основывает новое святилище – КСТ-II прямо под гребнем горы Таракташ (рис. 2-2).

Поселение и святилища КСТ-I и КСТ-II были разрушены и покинуты в середине III в. н.э. и, скорее всего, не ранее середины IV в. н.э. на южных склонах Таракташа появляется вновь население и возобновляется культ поклонения предкам в одной из культовых построек КСТ-I.

В заключение следует отметить, что это предварительные данные о хронологии культовых комплексов Таракташа и уточнить полученные даты мы сможем лишь при полной публикации всех материалов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода. // СА. 1984. № 1. С. 104–121.
- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990.
- Айбабин А.И.* Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 290–303.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999-А. 350 с.
- Айбабин А.И.* Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М.: Наука, 2003.
- Бабенчиков В.П.* Чорноріченський могильник. // АП УРСР. 1963. № 13. С. 90–123.
- Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э., Симферополь, МАИЭТ, Suppl. 9, 2010.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА № 83, 1960.
- Иванова О.С.* Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. Симферополь. Вып. XV, 2009.
- Кравченко Н.М., Корпусова В.Н.* Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. 18, 1975.
- Кропотов В.В.* Світлоглинняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія. 1198. № 4, с. 128–134.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В.* Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Часть 2. СПб., 2001. С. 96–100.
- Сазанов А.В.* Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология. // Петербургский археологический вестник, № 2, 1993. С. 100–112.
- Сазанов А.В.* Азиатский Боспор в позднеримское время. // ISEUM, Сборник статей, посвященных истории, религии и культуре Древнего мира. Москва, 2012.
- Смокотина А.В.* Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV– первой половине VII вв.: Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Москва, 2014.
- Ушаков С.В.* Херсонесская сигиллята [к постановке проблемы]. // Херсонесский сборник, вып. XIII, Севастополь. 2004.
- Ушаков С.В.* Керамический комплекс Херсонеса Таврического (по материалам работ BSP-Причерноморского проекта у «Базилики 1935 г.») // Материалы по археологии и истории Северного Причерноморья, вып. 2, 2010.
- Храпунов И.Н.* Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Люблин, 2002.
- Шабанов С.Б.* Стекланные сосуды из могильника Нейзац, МАИЭТ, XVII, с. 141–191, 2011.
- Шаров О.В., Шукун М.Б., Палагута И.В.* Отчет о раскопках поселения Таракташ у с. Дачное Судакского района, АР Крым Украины в 2006 году. СПб. // РА ИА НАНУ. 2007.

Шаров О.В. Хронология культовых комплексов ...

- Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007.
- Шаров О.В. Святилище на склонах горы Таракташ в восточном Крыму//Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 459–464.
- Шаров О.В. Антропоморфные глиняные статуэтки из раскопок культового комплекса Таракташ в Восточном Крыму// Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке, СПб., 2013. С. 313–319.
- Шаров О.В. Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму //Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани, Казань, 2014, Т. II, с. 184–187.
- Шукин М.Б., Шаров О.В., Шувалов П.В., Соколова Л.А., Гарбуз И.А. Исследования поселения и святилища Таракташ 1 у с. Дачное Судакского района // Отчётная археологическая сессия за 2002 год. Государственный Эрмитаж. СПб., 2003. С. 54–60.
- Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IIe siècle au VIe siècle // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIe au VIe siècle. Conde-sur-Noireau, 1995.
- Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua 8. Zeitschrift für Archéologie Eurasiens. 2002.
- Hayes, J.W. Late Roman Pottery. L., 1972. – 477 p.
- Hayes, J.W. Sigillate Orientali // Ceramica Romana nel Bacino Mediterraneo. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Rome, 1985. P. 1–96.
- Isings C., Roman Glass from Dated Finds // Archaeologica Traiectina, 2. Groningen, Djakarta, Wolters, 1957.
- Kühnelt E. Terra sigillata aus Alma-Kermen // Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Rostock, 2008.

REFERENCES

- Aibabin A.I. Problemy khronologii mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo perioda. SA, 1984. № 1. pp. 104–121.
- Aibabin A.I. Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo I rannesrednevekovogo vremeni. MAIET, 1990, vyp. I. Simferopol'.
- Aibabin A.I. Naselenie Kryma v seredine III–IV vv. MAIET, 1996, vyp. V, pp. 290–303.
- Aibabin A.I. Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma. Simferopol': DAR Publ., 1999-A, 350 p.
- Aibabin A.I. Krym v VI–VII vekakh (pod vlast'iu Vizantiiskoi imperii). Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia: IV–XIII veka. Moscow: Nauka Publ., 2003.
- Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IIe siècle au VIe siècle. La noblesse romaine et les chefs barbares du IIe au VIe siècle. Conde-sur-Noireau, 1995.
- Babenchikov V.P. Chernorichens'kii mogil'nik. AP URSSR, 1963, № 13, pp. 90–123.
- Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais. Eurasia Antiqua 8. Zeitschrift für Archéologie Eurasiens. 2002.
- Hayes, J.W. Late Roman Pottery. L., 1972. 477 p.
- Hayes, J.W. Sigillate Orientali. Ceramica Romana nel Bacino Mediterraneo. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Rome, 1985, pp. 1–96.
- Isings C., Roman Glass from Dated Finds. Archaeologica Traiectina, 2. Groningen, Djakarta, Wolters, 1957.
- Ivanova O.S. Krasnolakovaiia keramika iz raskopok mogil'nika v balke Almalyk-dere (Mangup). MAIET, 2009, vyp. XV, Simferopol'.
- Khrapunov I.N. Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. nashei ery). Liublin, 2002.
- Kravchenko N.M., Korpusova V.N. Deiaki rysy material'noi kul'tury pizn'oryms'koi Tiry. Arkheologiya, 1975, vyp. 18.
- Kropotov V.V. Svitloglyniani vyz'kogorli amfory "inkermans'kogo" typu. Arkheologiya, № 4, pp. 128–134.
- Kühnelt E. Terra sigillata aus Alma-Kermen. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Rostock, 2008.
- Myts V.L., Lysenko A.V. Pozdneantichnoe sviatilishche Taraktash v Krymu. Bosporskii fenomen: kolonizatsiia regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Part 2. Saint-Petersburg, 2001, pp. 96–100.
- Sazanov A.V. Tonkostennyye krasnoglaniiane amfory tipa 95 po I.B. Zeest: tipologiya i khronologiya. Peterburgskii arkheologicheskii vestnik, 1993, № 2, pp. 100–112.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Sazanov A.V. Aziatskii Bospor v pozdnerimskoe vremia. *ĪSĒUM, Sbornik statei, posviashchennykh istorii, religii kul'ture Drevnego mira*. Moscow, 2012.
- Shabanov S.B. Stekliannye sosudy iz mogil'nika Neizats. *MAIET*, XVII, 2011, pp. 141–191.
- Sharov O.V., Shchukin M.B., Palaguta I.V. Otchet o raskopkakh poseleniia Taraktash u s. Dachnoe Sudakskogo raiona, AR Krym Ukrainy v 2006 godu. *RA IA NANU*, Saint-Petersburg, 2007.
- Sharov O.V. *Keramicheskii kompleks nekropolia Chatyr-Dag. Khronologiya kompleksov s rimskimi importami*. Saint-Petersburg, 2007.
- Sharov O.V. Sviatilishche na sklonakh gory Taraktash v vostochnom Krymu. *Bosporskii fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira*. Saint-Petersburg, 2009, pp. 459–464.
- Sharov O.V. Antropomorfnye gliniane statuetki iz raskopok kul'tovogo kompleksa Taraktash v Vostochnom Krymu. *Bosporskii fenomen: greki I varvary na evraziiskom perekrestke*, Saint-Petersburg, 2013, pp. 313–319.
- Sharov O.V. Kul'tovyi kompleks Taraktash v vostochnom Krymu. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani*. Kazan', 2014, Vol. II, pp. 184–187.
- Shchukin M.B., Sharov O.V., Shuvalov P.V., Sokolova L.A., Garbuz I.A. Issledovaniia poseleniia I sviatilishcha Taraktash 1 u s. Dachnoe Sudakskogo raiona. *Otchetnaia arkheologicheskaiia sessiia za 2002 god. Gosudarstvennyi Ermitazh*. Saint-Petersburg, pp. 54–60.
- Smokotina A.V. Krasnolakovaia keramika goroda Bospora v kontse IV–pervoi polovine VII vv. Abstract of kandidat. diss. Moscow, 2014.
- Ushakov S.V. Khersonesskaia sigilliata [k postanovke problemy]. *Khersonesskii sbornik*, 2004, XIII, Sevastopol'.
- Ushakov S.V. Keramicheskii kompleks Khersonesa Tavricheskogo (po materialam rabot BSP- Pricher-nomorskogo proekta u "Baziliki 1935 g."). *Materialy po arkheologii istorii Severnogo Prichernomor'ia*. 2010, vyp. 2.
- Zeest I.B. Keramicheskaia tara Bospora. *MIA*, 1960, № 83.
- Zhuravlev D.V. Krasnolakovaia keramika Iugo-Zapadnogo Kryma I-III vv. n.e. *MAIET*, 2010, Suppl. 9, Simferopol'.

Резюме

В статье рассмотрена хронология культовых сооружений Таракташа римской эпохи, расположенных на склонах горного хребта Таракташ, в 3 км к северу от г. Судак, у юго-восточного побережья Крыма. На основе анализа археологического материала предложены новые даты для трех культовых сооружений Таракташа.

Ключевые слова: Боспор, римское время, культовое сооружение, святилище, антропоморфный идол, краснолаковая керамика.

Summary

The article discusses chronology of Taraktash cult constructions of Roman times located on the slopes of Taraktash mountain range, 3 km to the north of Sudak near south-eastern seaside of the Crimea. New dating for three cult constructions are proposed after analysis of archaeological material.

Key words: Bosphorus, Roman times, cult construction, sanctuary, anthropomorphic idol, red glazed ware.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаров Олег Васильевич, д.и.н.,
Институт истории материальной культуры РАН,
ведущий научный сотрудник.
+7 (921) 3955645,
olegsharov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharov Oleg, DSc Hab.
Institute of History of Material Culture RAS,
Leading Researcher.
+7 (921) 3955645,
olegsharov@mail.ru

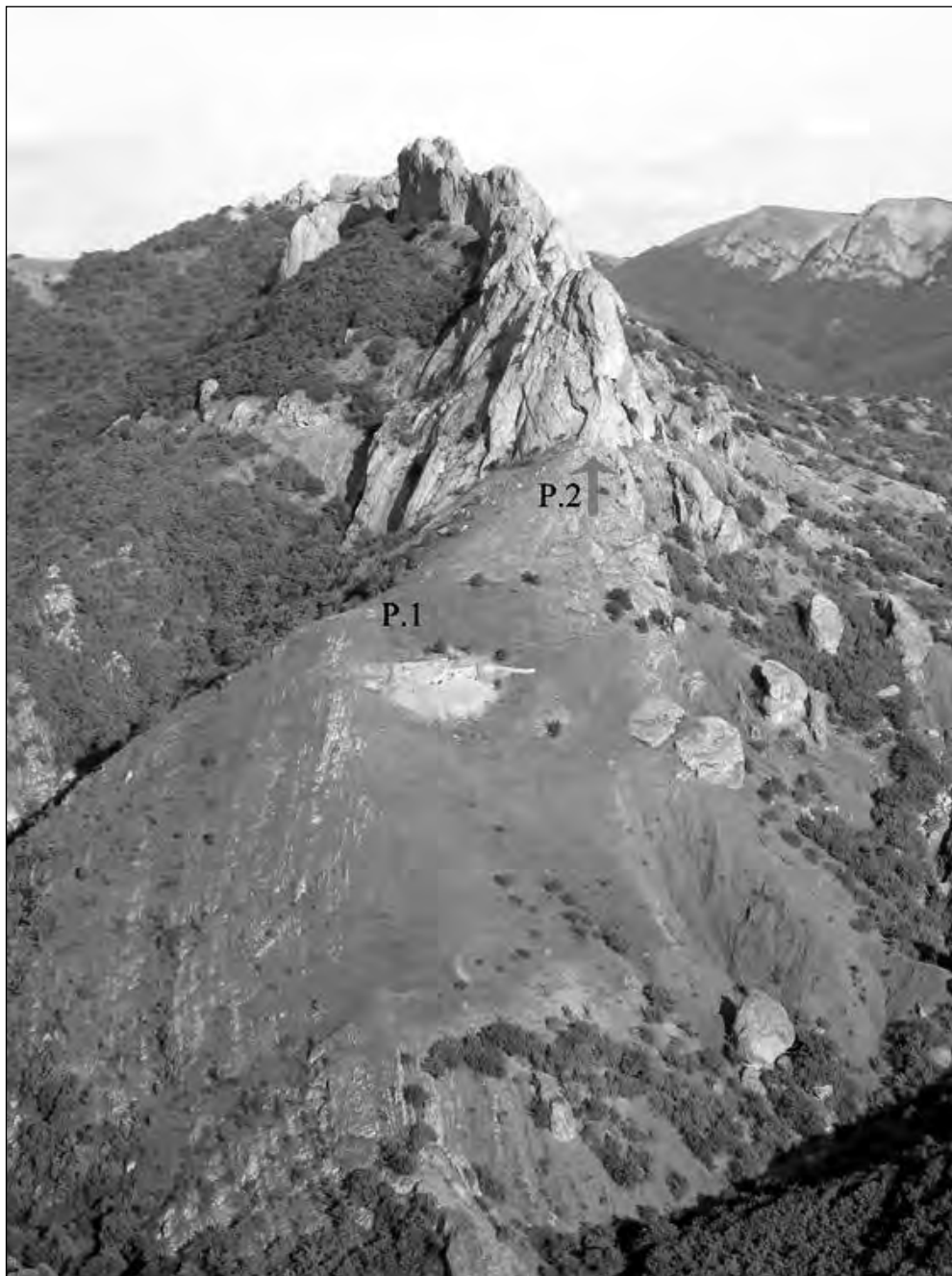

Рис. 2. Вид на горный хребет Таракташ.

P.1 – местонахождение поселения римской эпохи и культового сооружения Таракташ-III;
P.2 – местонахождение культового сооружения Таракташ-II.

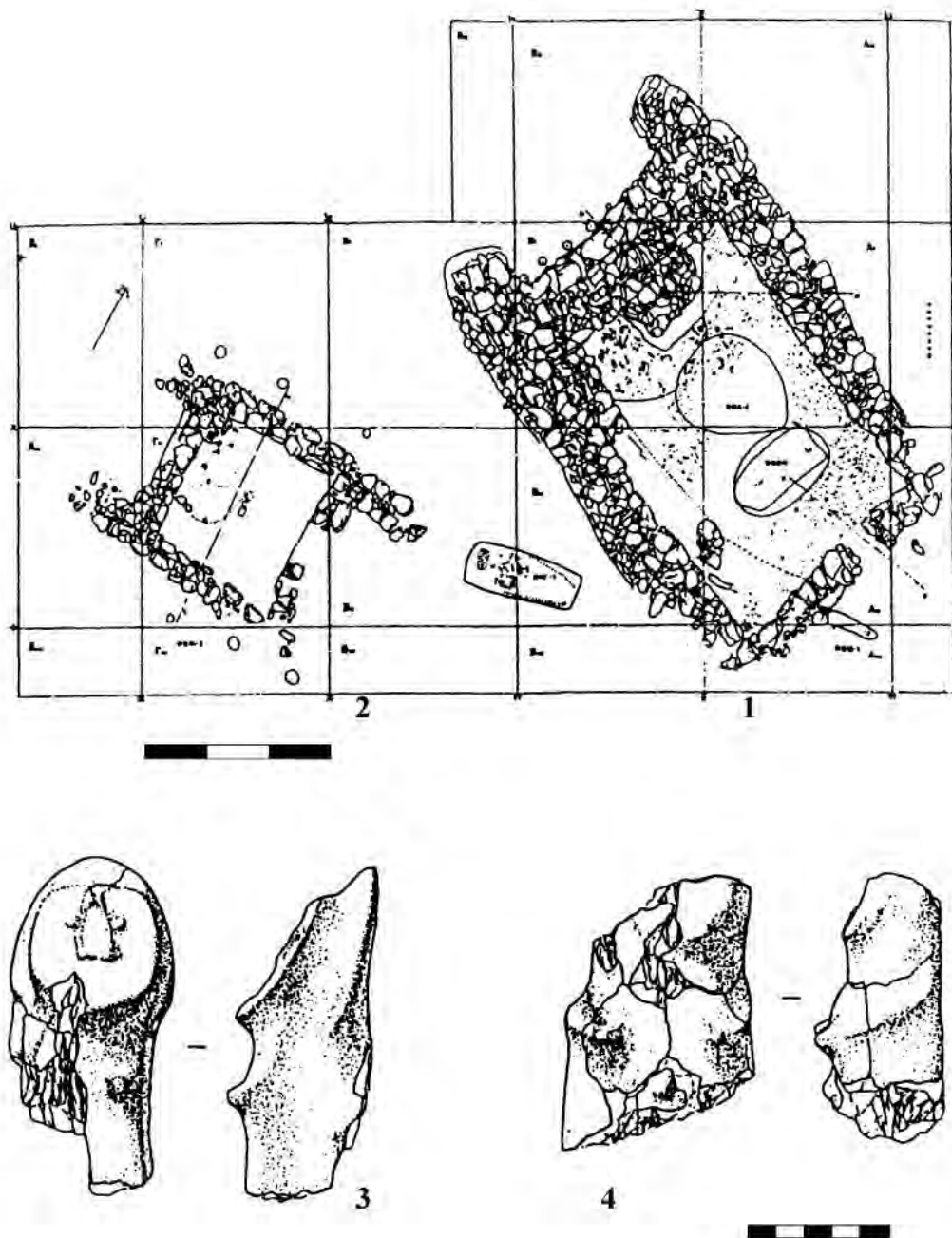

Рис. 3. План раскопок культового комплекса Таракш-I.

1 – святилище 1; 2 – святилище 2; 3-4 – антропоморфные глиняные идола из святилища 2.

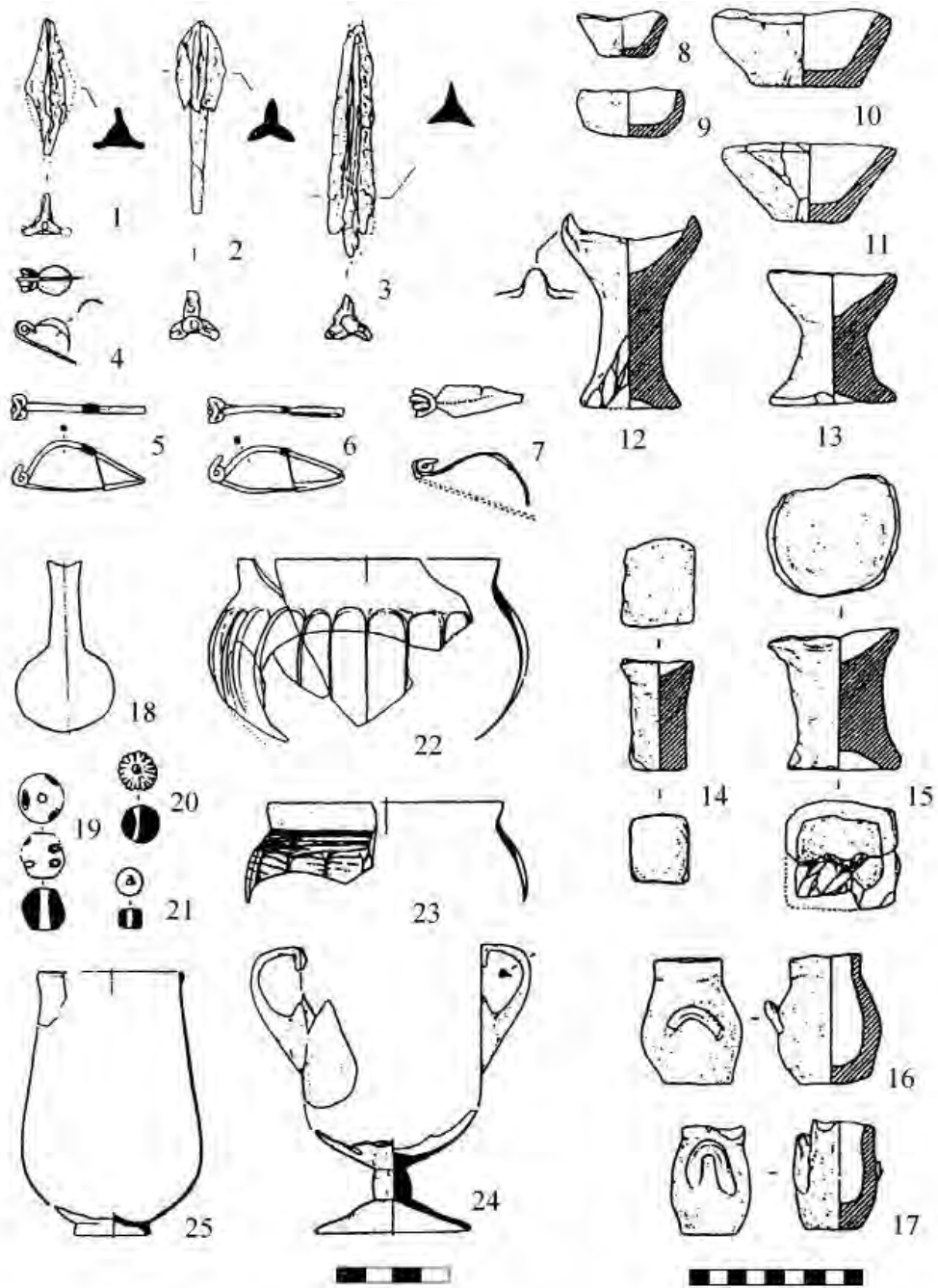

Рис. 4. Культовое сооружение Таракташ-I.

1-10, 13, 16-25 – материал из святилища 1; 11, 12, 14, 15 – материал из святилища 2 (2, с. 99).

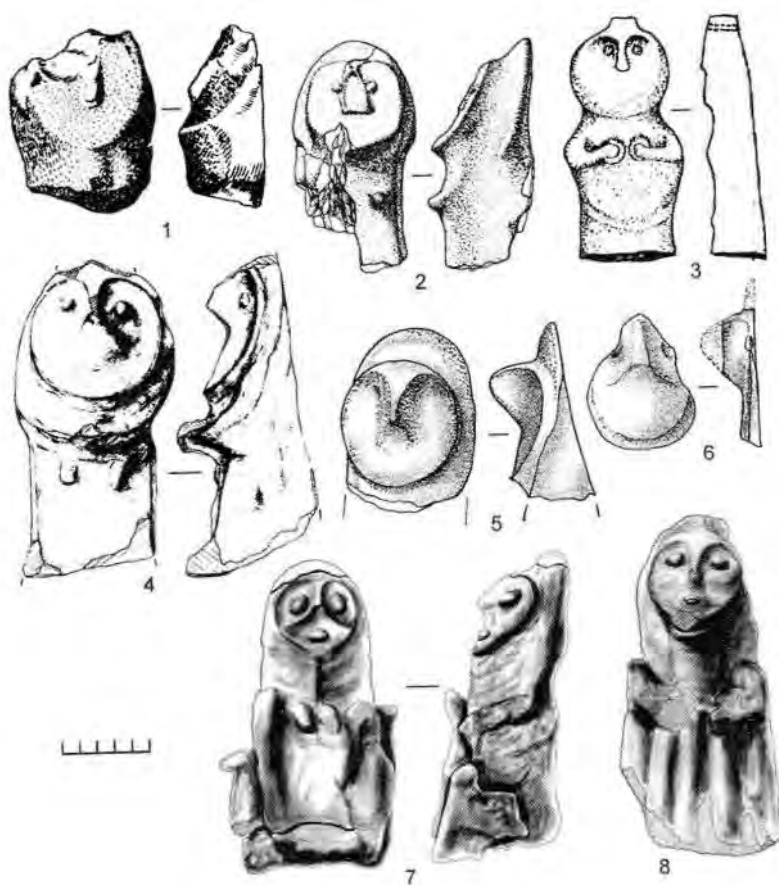

Рис. 5. Антропоморфные глиняные идолы Таракташа и их аналоги.

1 – городище Бедаик-Асар, джетыасарская культура; 2 – КСТ-I; 3 – Киммерик; 4 – ТРШ-IV; 5, 6 – КСТ-II; 7, 8 – КСТ-III.

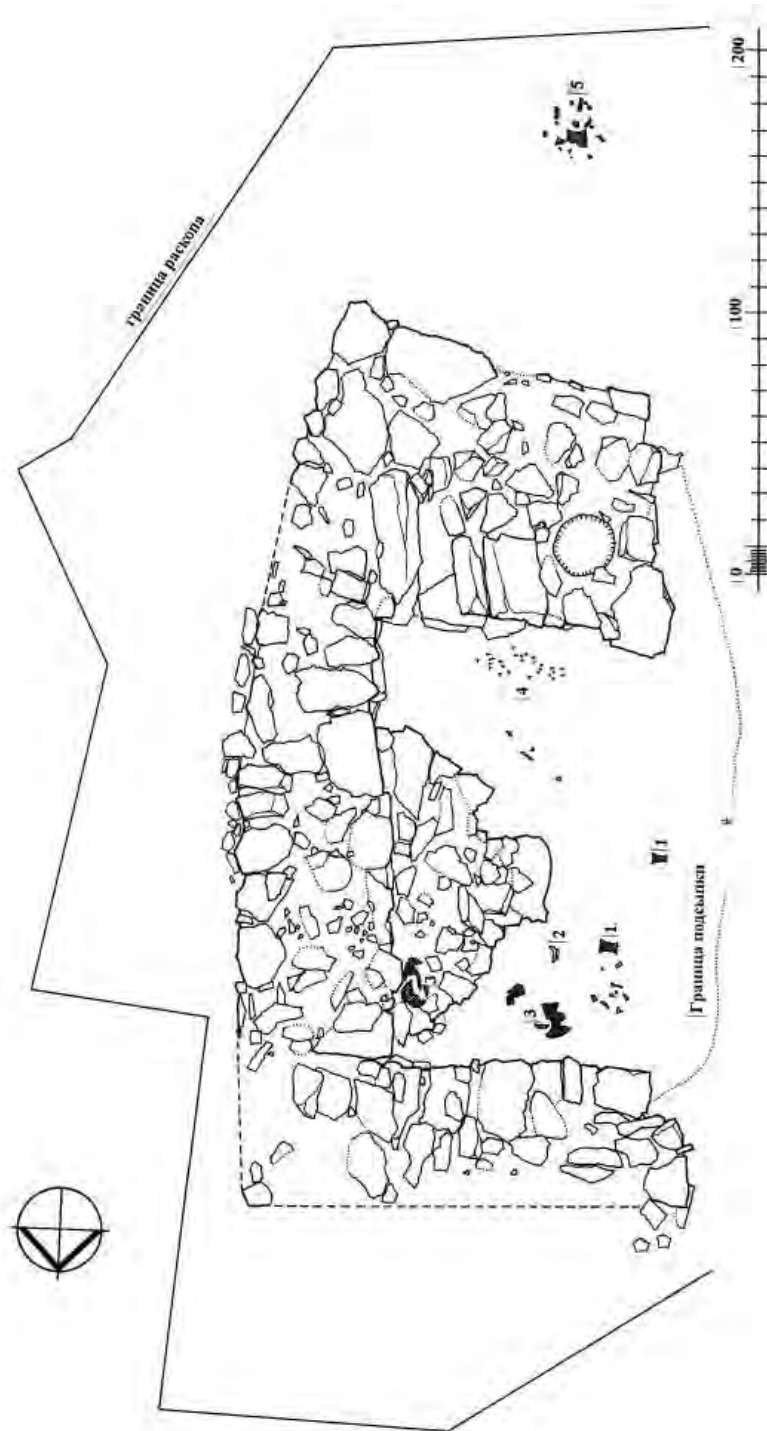

Рис. 6. План культового комплекса Таракдаш-II.

- 1 – лепные курьельницы; 2 – фрагменты стеклянных изделий;
- 3 – фрагменты краснолаковых мисок; 4 – скопление кальцинированных костей и углей; 5 – фрагменты антропоморфных статуэток.

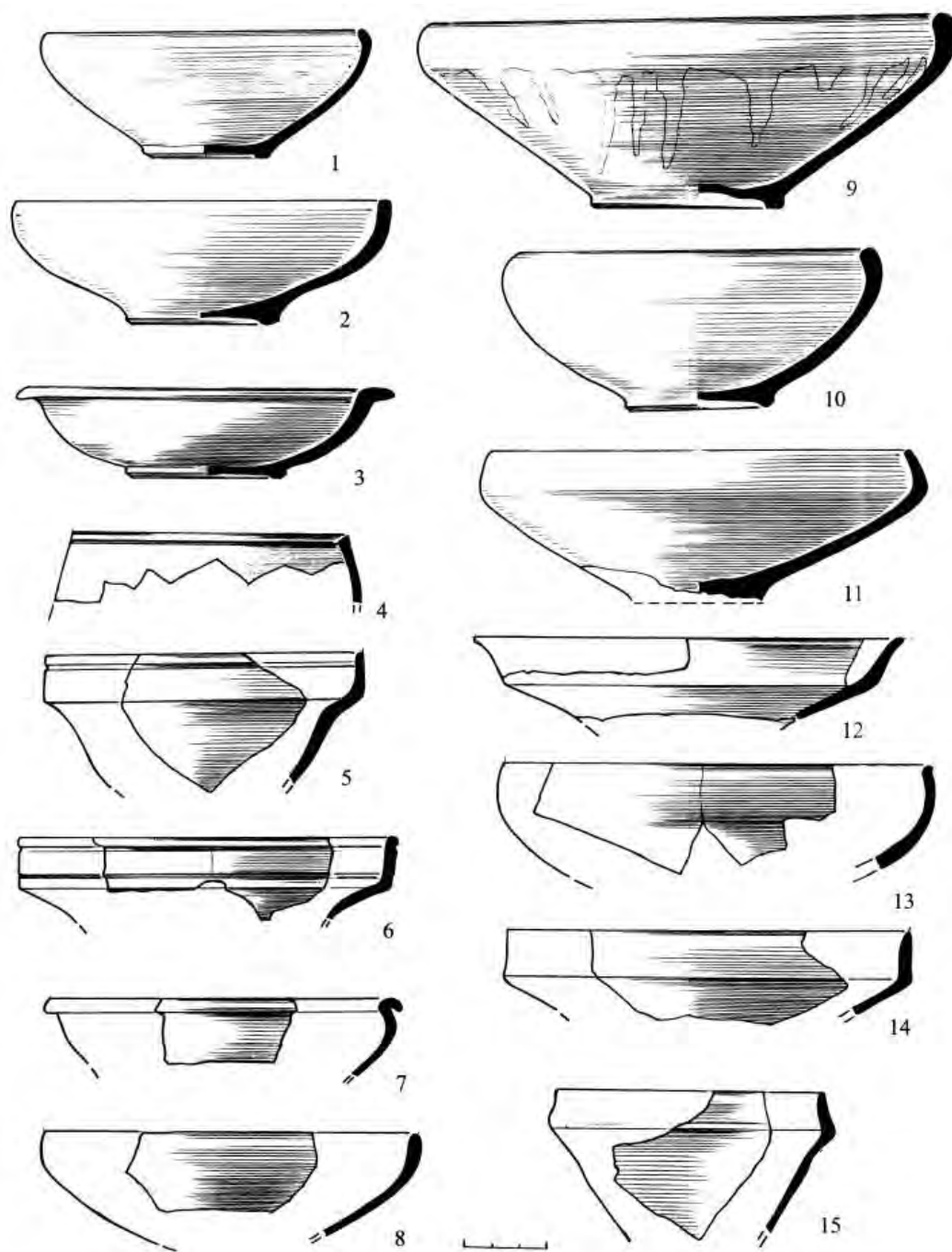

Рис. 7. Краснолаковая керамика из культового сооружения Таракташ-II.

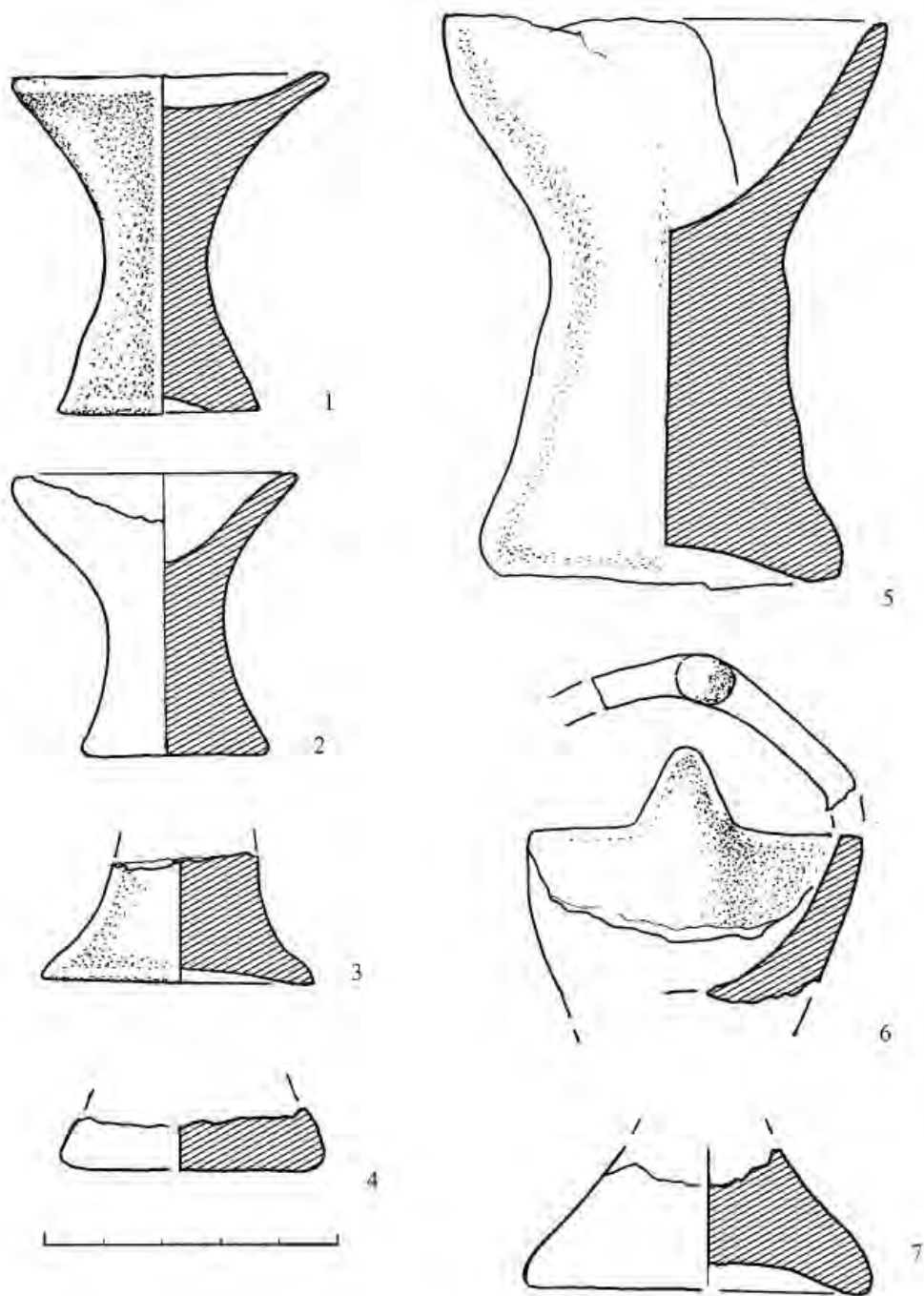

Рис. 8. Лепные курильницы из культового сооружения Таракташ-II.

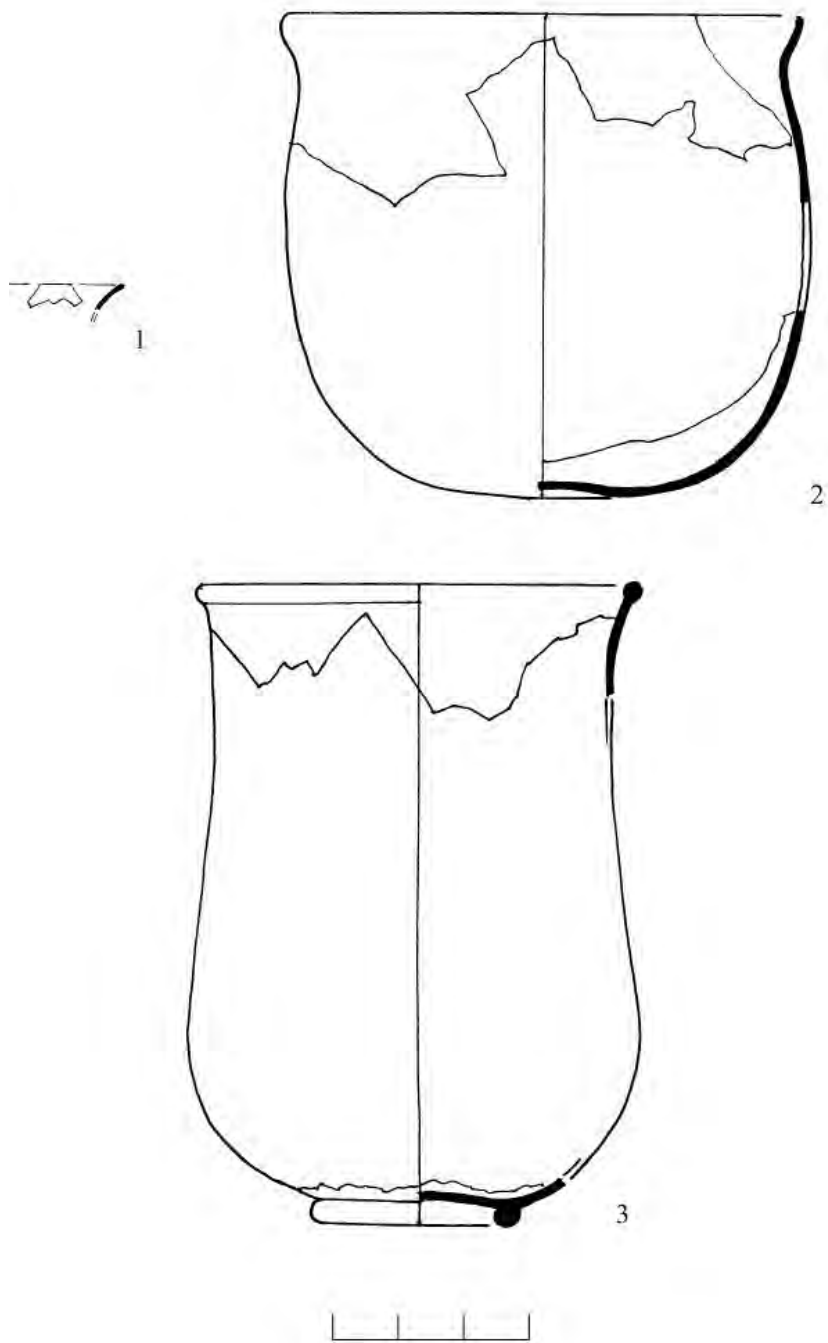

Рис. 9. Стеклоянные стаканы из культового сооружения Таракташ-II.

Рис. 10. Культовое сооружение Таракташ-III.
Сверху его перекрывает жилая постройка № 6 первой половины III в. н.э.

Рис. 11. Фиксация антропоморфного идола на 16 уровне расчистки в культовом сооружении Таракташ-III.

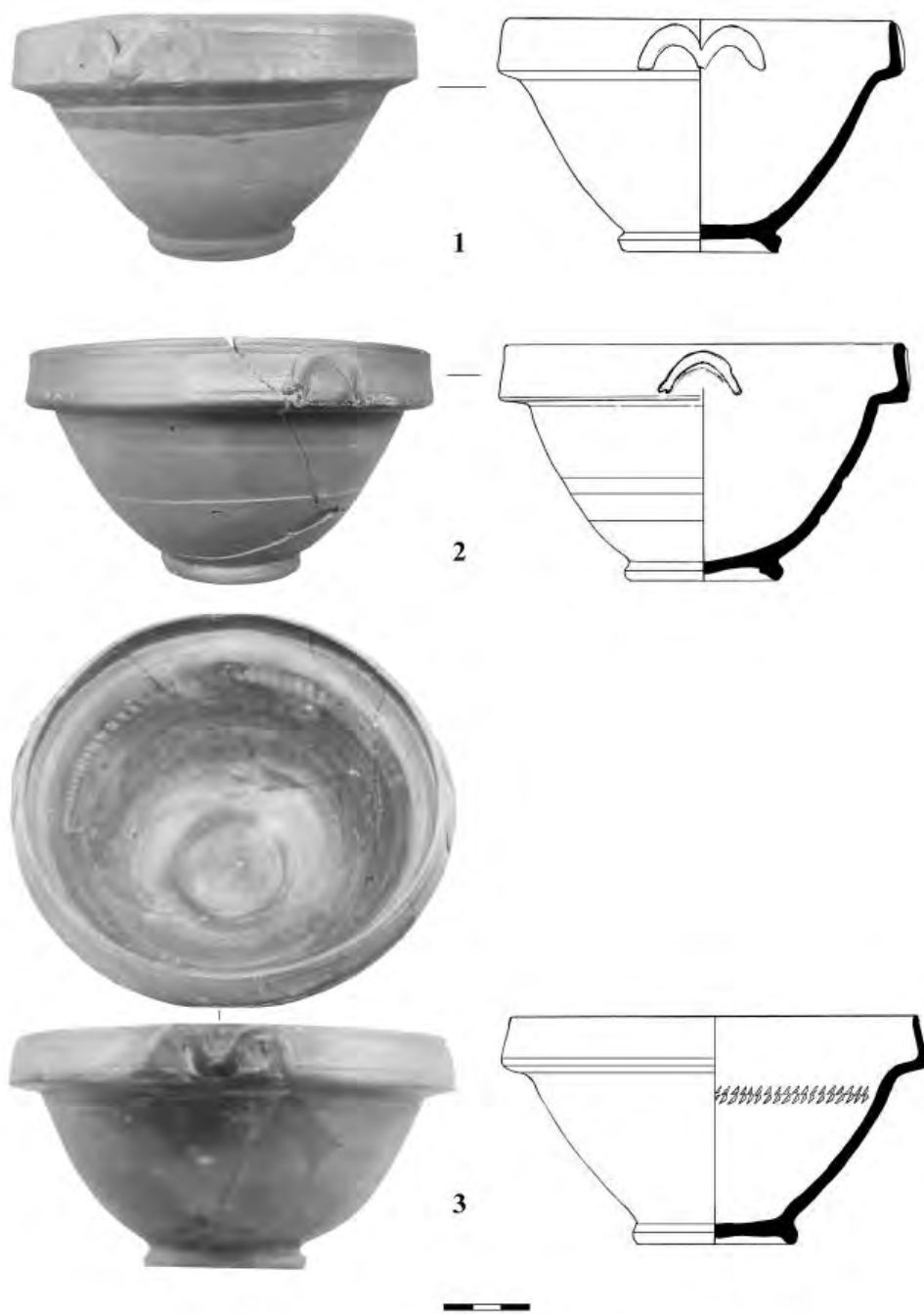

Рис. 13. Краснолаковая керамика культового сооружения Таракташ-III.

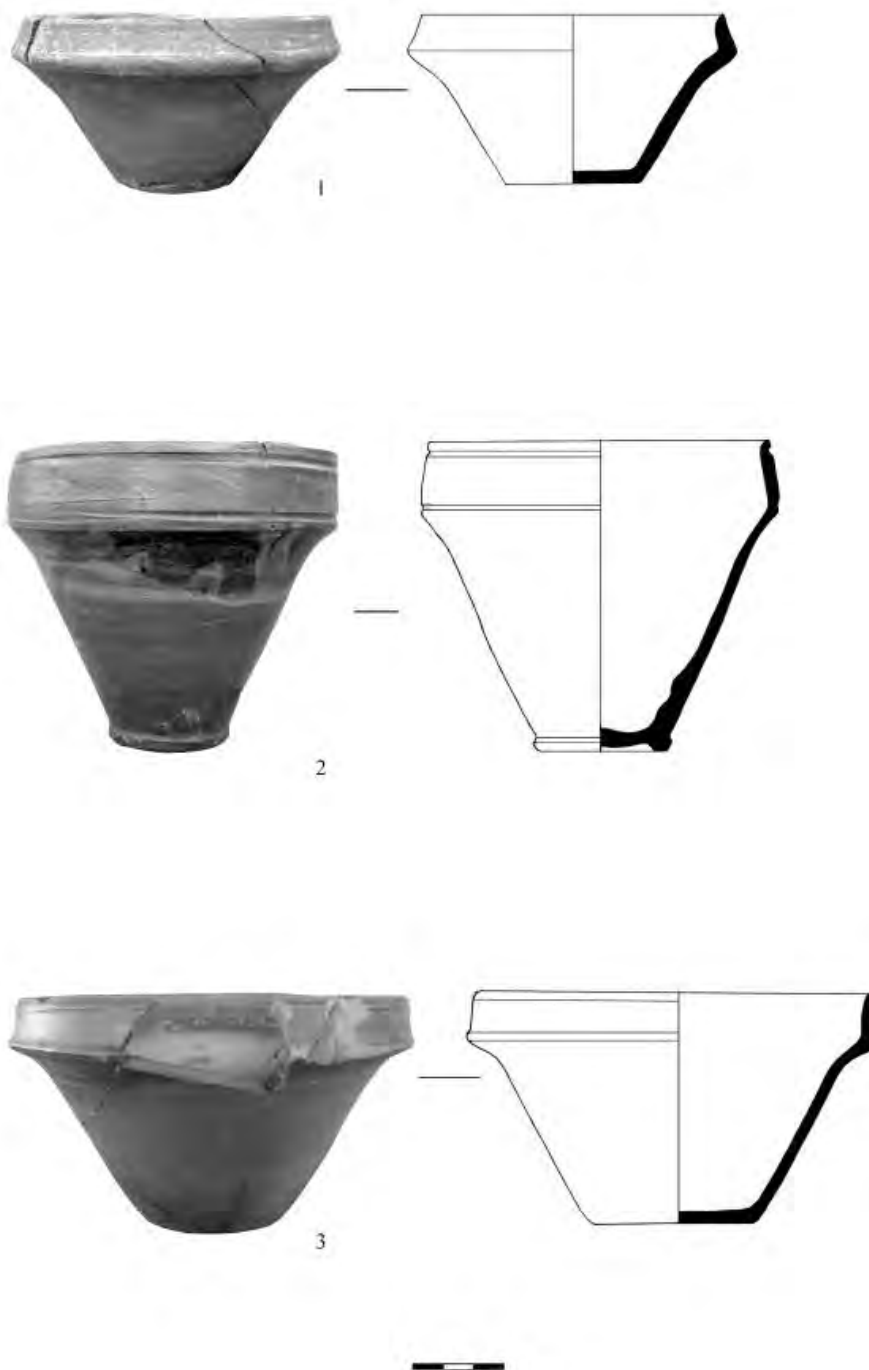

Рис. 14. Краснолаковая керамика культового сооружения Таракташ-III.

В.Г. ЗУБАРЕВ, М.С. ШАПЦЕВ
V.G. ZUBAREV, M.S. SHAPTSEV

**КОМПЛЕКСЫ С АМФОРАМИ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ¹.
ASSEMBLAGES WITH LATE ROMAN AMPHORAE FROM
BELINSKOE SETTLEMENT EXCAVATION**

В 2013-2014 годах на городище Белинское, расположенном в полутора километрах от села Белинское Ленинского района Республики Крым, в восточной его части, были открыты остатки фундамента помещения прямоугольной формы (помещение № 52), вплотную примыкавшего к краю холма, на котором расположено городище. Фундамент помещения сохранился с трёх образующих сторон (северо-запада, северо-востока и юго-востока). Юго-восточная сторона не сохранилась. Скорее всего, она была разрушена по склону Аджиэльской балки в период Великой Отечественной войны. Общая площадь сохранившейся части помещения – 45,5 м². Ориентировано по сторонам света с-з – ю-в.

Кладка образующих фундамент стен трехслойная, двухлицевая, иррегулярная. Внешний и внутренние слои сложены из частично обработанных камней желтого ракушечника местного происхождения (0,3 x 0,4 x 0,1; 0,3 x 0,2 x 0,1; 0,6 x 0,6 x 0,2). Между ними расположена полоса забутовки внутреннего слоя стены из глины, земли и мелкого бута (0,05 x 0,06; 0,07 x 0,05). Некоторые из крупных камней кладки (0,6 x 0,4 x 0,3) перекрывают всю ширину фундамента. Кладочный раствор глинистый. Пригонка камней не плотная, зазоры забиты мелким бутлом. Максимальная высота выявленной кладки 0,5 м.

Аналогичные по конструкции помещения, одно из которых непосредственно примыкало к оборонительной стене (помещение № 7), а другое (помещение № 8), отделённое от первого улицей, располагалось параллельно ей, были ранее обнаружены и исследованы на северном участке городища [Зубарев, 2005, с. 85, рис. 2]. Интерес представляет структура грунта заполнения внутри фундамента помещения № 7; второй (более поздний) уровень пола здесь располагался на слое сырцово-глиняной, из которой, по-видимому, были сложены стены ранней постройки, а слой заполнения над полом состоял из жёлто-коричневого суглинка [Зубарев, 2000, с. 64-65]. Аналогичный слой сохранился и в помещении № 8 на тех участках, которые не были затронуты ямами-перекопами салтовского времени. Из этого

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Структурно-пространственное изучение памятников как парадигма археологического исследования истории конкретного региона (на примере урочища Аджиэль и городища Белинское)» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание № 2014/389 Минобрнауки России, № НИР 1799).

слоя происходит большое количество крупных фрагментов амфор типа «Делакеу» [Зубарев, 2005, с. 5, рис. 5].

В 2013 году выборка грунта заполнения внутри фундамента, выявленного на раскопе «Восточный» помещения, была осуществлена лишь в юго-восточной его части. Структура грунта здесь на первый взгляд оказалась схожа с грунтом заполнения аналогичных помещений на северном участке городища. Это позволило сделать предположение о наличии двух периодов функционирования нового помещения, хронологическим рубежом между которыми стали варварские походы III в. н.э. Отсюда обнаруженные здесь несколько развалов амфор были соотнесены со слоем заполнения помещения второго периода, а подтёс материковой скалы был интерпретирован как ниша внутри помещения [Зубарев, Шапцев, 2014, с. 190-191]. Работы, проведённые в 2014 году, показали, что эти выводы требуют существенной корректировки.

Прежде всего, слой, подстилающий жёлто-коричневый суглинок, в отличие от помещения 7 на северном участке городища, представлял собой нивелировочную насыпь под фундамент помещения. Само помещение 52 было построено и функционировало только во втором строительном периоде, т.е. после разрушений в III в. н.э. Об этом свидетельствует и полное отсутствие внутри периметра фундамента каких-либо находок раннего времени. Более раннее помещение, как показали раскопки 2014 года, располагалось севернее и часть фундамента его юго-восточной стены, возможно, была использована при возведении новой постройки (рис. 1).

Образование слоя жёлто-коричневого суглинка связано скорее всего с временем прекращения использования помещения, либо в результате разгрома городища в конце первой четверти IV в. н.э., либо в результате последующей строительной деятельности сразу после этого разгрома. И в этом контексте мы находим полную аналогию с помещениями на северном участке городища.

Слой жёлто-коричневого суглинка внутри фундамента помещения 52 частично был нарушен хозяйственными ямами как позднеантичного времени, так и более позднего салтовского периода. Салтовские ямы, заполненные преимущественно золой, имели горловины значительно выше верхнего горизонта жёлто-коричневого суглинка и были впущены в него и в нивелировочную насыпь. И, хотя почти всегда они оказывались либо рядом, либо над ямами античного времени, внутри помещения салтовские перекопы ни разу не опустились ниже нивелировочной насыпи. Это полностью исключает попадание несинхронного заполнения античных ям материалом в той их части, которая вырублена в материковой скале.

Что касается ям античного времени, то некоторые из них удалось проследить от верхнего горизонта жёлто-коричневого суглинка, а часть – от нивелировочной насыпи. Скорее всего ямы, впущенные в жёлто-коричневый суглинок, более поздние, чем ямы, идущие от нивелировочной насыпи. Последние, по нашему мнению, функционально были связаны с помещением 52, которое являлось хозяйственным, возможно, складским помещением. В нём отсутствовал источник обогрева, а из находок доминировала тарная посуда.

Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплексы самфорами ...

Исследования 2014 года показали, что ниша внутри помещения 52 являлась верхним краем хозяйственной ямы № 117, смежной с ещё двумя ямами (№№ 132 и 133) в юго-восточной части помещения. При этом яма № 132, являясь более поздней, частично затронула по краям ямы №№ 117 и 133 (рис. 2; 3). Впрочем, понятие «более поздняя» в данном случае скорее отражает последовательность сооружения объектов, нежели существенный временной интервал. Во всяком случае, судя по материалу, найденному в грунте заполнения ям, их засыпка производилась примерно в один и тот же период.

По своей конструкции ямы однотипные и различаются только размерами.

Яма 117

Яма была выявлена в 2013 году на глубине 0,5-0,6 м от дневной поверхности в слое нивелировочной насыпи внутри помещения № 52 (юго-восточный участок). Западный край ямы перекрыт ямой № 132. Форма ямы округлая в плане, колоколовидная в разрезе. Вырублена в скальном грунте, в который была впущена с более высокого уровня. Дно скальное ровное, плавно переходящее в стенки. Диаметр горловины 2,0 м. Диаметр дна 2,2 м. Глубина ямы 0,9 м (рис. 3). В 2013 году в яме на глубине 0,3-0,7 м в слое желто-коричневого суглинка были найдены развалы 5 фрагментированных амфор типа C Snp I («Делакеу») и монета Рескупорида VI [Зубарев, Шапцев, 2014, с. 190–196].

В 2014 году выборка грунта заполнения ямы была продолжена. Ниже слоя жёлто-коричневого суглинка грунт заполнения ямы представлял собой тот же суглинок, но с примесью золы, раковин мидий и крошки жёлтого ракушечника. В нём на глубине 0,1 м от развала амфор 2013 года были обнаружены развалы ещё трёх фрагментированных амфор типа C Snp I («Делакеу») (рис. 4).

Прочий материал представлен многочисленными фрагментами тарной посуды, из которых отметим фрагменты профилированных частей амфор типа 72 и 77 по И.Б. Зеест, а также крупный фрагмент лепной корчаги.

Яма 132

Яма была выявлена на глубине 0,5-0,6 м от дневной поверхности в слое желто-коричневого суглинка внутри помещения № 52 (юго-восточный участок). Частично перекрывает ямы №№ 133 и 117. Форма яма округлая в плане, колоколовидная в разрезе. Вырублена в скальном грунте, в который была впущена с более высокого уровня. Дно ровное, плавно переходящее в стенки. Диаметр горловины 1,8 м. Диаметр дна 2,0 м. Глубина ямы 0,9 м (рис. 3).

Грунт заполнения ямы двухслойный. В верхней части на глубину 0,5 м яма была заполнена рыхлым суглинком с большим количеством золы, раковин мидий и виноградной улитки. Под ним вплоть до самого дна – слой жёлто-коричневого суглинка с примесью необработанных камней и небольшим количеством раковин мидий. Мощность слоя 0,4 м.

На дне ямы был обнаружен скелет человека. Скелет ориентирован головой на север, с небольшим отклонением на северо-восток, на левом боку, ноги согнуты в

тазобедренных и коленных суставах. Руки согнуты в локтях, левая рука располагалась под туловищем. Анализ антропологического материала показал, что скелет принадлежал мужчине, биологический возраст которого на момент смерти составлял порядка 41–50 лет, а рост 161–163 см. При жизни этот индивид был наделён целым букетом как врождённых, так и приобретённых заболеваний, включая посттравматические последствия (перелом правой малой берцовой кости и травма голеностопного сустава)².

Находки из грунта заполнения ямы немногочисленны и в основном представлены обломками тарной, столовой красноглиняной и лепной посуды. Среди них отметим фрагменты амфор типа 72 по И.Б. Зеест и типа «F» по Д.Б. Шелову. Первый тип происходит из нижнего слоя жёлто-коричневого суглинка, второй – из верхнего слоя суглинка с большим количеством золы.

Яма 133

Яма была выявлена в 2014 году на глубине 0,5-0,6 м от дневной поверхности в слое нивелировочной насыпи внутри помещения № 52 (юго-восточный участок). Южный край ямы перекрыт ямой № 132. Форма ямы округлая в плане, колоколо-видная в разрезе. Вырублена в скальном грунте, в который была впущена с более высокого уровня. Дно скальное ровное, плавно переходящее в стенки. Диаметр горловины 1,5 м. Диаметр дна 1,7 м. Глубина ямы 0,7 м (рис. 3).

Грунт заполнения ямы двухслойный. В верхней части на глубину 0,5 м яма была заполнена рыхлым суглинком с большим количеством золы. Под ним желто-коричневый суглинок мощностью до 0,2 м. В нём на самом дне ямы был выявлен развал амфоры типа C Snp I («Делакеу») (рис. 5).

Материал из верхнего слоя заполнения ямы представлен амфорными стенками и фрагментом ручки амфоры типа «F».

Амфоры типа C Snp I («Делакеу»). Амфоры типа C Snp I были выделены Д. Кассаб Тезгёр в 2010 г. среди материалов, полученных при раскопках гончарных мастерских Демерджи в районе античной Синопы [Kassab Tezgör, 2010, S. 128]. В русскоязычной историографии они получили название «Делакеу» благодаря публикации Э.А. Рикмана [Рикман, 1967, с. 194, рис. 18,1]. Среди амфор, найденных на территории Боспора, они выделены И.Б. Зеест в тип 100, по её классификации [Зеест 1960, с. 120, табл. XXXIX, 100].

При раскопках ям №№ 117 и 133 было обнаружено 9 фрагментов амфор типа «Делакеу» (рис. 6–11; 12,10). На двух фрагментах имеется дипинти красной краской в виде букв *υ* и *ο* (рис. 11,1) и в виде косоугольного креста (рис. 12,10), на ручках двух других (рис. 7,1; 9) – граффити в виде насечек на перегибе ручек, все вышеописанные граффити являются торговыми метками.

Все амфоры имеют двучастный венчик, цилиндрическое горло (за исключением одной амфоры), сложно профилированные ручки и конические ножки. Тесто раз-

² Антропологический анализ сделан Д.Ю. Пономарёвым и А.В. Никитаевым (г. Керчь).

Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплексы с амфорами ...

личных оттенков красного, с примесью пироксена, железистых частиц, слюды и известняка. Отдельные морфологические особенности позволяют выделить среди найденных амфор несколько вариантов.

1 вариант. К нему могут быть отнесены три амфоры (рис. 6; 8,2). Существуют некоторые отличия в профилировке венчика, однако как указывает Д. Кассаб Тезгёр, такие различия не могут быть использованы в качестве типобразующих признаков [Kassab Tezgör, 2010, S. 128].

2 вариант. Он также объединяет три амфоры (рис. 8.1; 11,1; 12,10). Отличительной особенностью этого варианта является высокое горло с рифлением в нижней части и вертикальными ручками.

3 вариант. Он представлен одной амфорой с широким горлом, расширяющимся книзу, с покатыми плечами, покрытыми горизонтальными желобками (рис. 7.1).

4 вариант. Он представлен одной амфорой с широким пухлым горлом (рис. 9).

5 вариант. Он также представлен одной амфорой с широким коротким горлом (рис. 10).

Обстоятельства находки амфор этого типа на городище указывают на одновременное (или, по крайней мере, очень близкое по времени) бытование всех пяти морфологических вариантов внутри типа C Snp I.

В недавно вышедшей статье А.В. Смокотина попыталась разобраться с хронологией вышеупомянутых амфор, проанализировав комплексы с находками амфор типа C Snp I, она предлагает отнести время появления подобных сосудов к первой половине или началу IV в. н.э. [Смокотина, 2011, с. 358]. Основой для таких выводов А.В. Смокотиной послужили материалы городища Белинское [Зубарев, 2002, с. 123-124; Юрочкин, Зубарев, 2001, с. 460-461]. Этим же временем датируются их появление в комплексах Ятруса [Böttger, 1982, S. 33, Taf. 21, 14, 15] и начало их производства в Демерджи [Kassab Tezgör, 2010, S. 132].

Тип 72 по И.Б. Зеест (рис. 12,1,2,5,6). Местом их производства, как считается, был Боспор (Пантикапей, Мирмекий) [Зеест, 1960, с. 111; Крапивина, 1993, с. 97; Сазанов, 2012, с. 349].

Данная группа амфор датируется исследователями по-разному: концом II в. – серединой III в. н.э. [Зеест, 1960, с. 112; Крапивин, 1993, с. 97, рис. 30, 1–3], первой половиной IV в. н.э. [Böttger, 1982, с. 44, 95–96, taf. 21,5–9], IV в. н.э. [Кузманов, 1973, с. 15], концом II – серединой V вв. н.э. [Oraiç, 2004, с. 27–28], серединой III в. – последней четвертью V в. н.э. [Сазанов, 1999, с. 239]. Хронологии амфор этого типа посвящена отдельная публикация А.В. Сазанова, где он датирует тип 72 первой половиной III – сер. IV вв. н.э. [Сазанов, 2012, с. 348 – 349].

Тип 77 по И.Б. Зеест (рис. 12, 4, 8).

Данный тип датируется в основном II–III вв. н. э. [Зеест, 1960, с. 113 – 114, табл. XXXII, 77; Клёнина, 2004, с. 25 – 26, рис. 7,58; 8,84; Крапивина, 1993, тип 36, 100, рис. 31, 7], но, по-видимому, заходят и в IV в. н.э.

Тип F по Д.Б. Шелову. В ямах обнаружено горло амфоры данного типа и

фрагмент ручки. Датируются такие сосуды IV в. н. э. [Айбабин, 1999, с. 253, табл. XII, 3; Шеллов, 1978, с. 19, рис. 10; Scorpan, 1977, type I, 2, S. 269 – 270, fig. 1, 2 Юрочкин, Труфанов, 2003, с. 212; Юрочкин, Зубарев, 2001, с. 457].

Фрагмент лепной корчаги с узким подцилиндрическим горлом. Поскольку профиль обломка сохранился до места перегиба стенок тулова ко дну, целое изделие могло иметь как сферическое, так и расширенное в верхней части оваловидное тулово (рис. 11,2).

Аналогии корчаге из городища Белинское в Крыму встречены в слое II–III вв. н.э. позднескифского городища Альма-Кермен [Дашевская, 1991, с. 19, табл. 26,1], а также в Чернореченском могильнике, где они использовались в качестве урн кремаций №№ 20(39) и 25(88) [Бабенчиков, 1963, с. 120, табл. V,5; XI,3]. За пределами полуострова сопоставимые с крымскими корчаги известны в погребениях предсарматского времени в междуречье Волги и Дона [Рыбаков (ред.), 1989, табл. 61,18], в сарматском захоронении II–I вв. до н.э. в Херсонской обл. [Симоненко, 1993, 15, рис. 4,2Г], а также в комплексе IV в. н.э. Тиры [Кравченко, Корпусова, 1975, рис. 12,4]. Вероятнее всего, данный тип корчаг несет сарматские черты.

Следует иметь в виду, что рассматриваемые в статье комплексы вписываются в достаточно узкие хронологические рамки. Нижняя граница этого периода относится ко времени не ранее последней четверти III в. н.э., а именно ко времени начала восстановления и реконструкции оборонительных сооружений городища Белинское [Зубарев, Леонтьева, Пономарёв, 2013, с. 209]. Ни одного, даже самого незначительного фрагмента амфор типа «Делакеу» в культурном горизонте, предшествующем разрушениям периода варварских походов, до сих пор не обнаружено. Нет их и в хорошо фиксируемых слоях разрушений на городище периода этих походов. Более того, как мы уже отмечали ранее, количество фрагментов амфор этого типа в слое, связанном с восстановительными работами на городище, т. е. в слое последней четверти III в. н.э., крайне незначительно. В то же время в слое разрушения рубежа первой – второй четверти IV в. н. э. они доминируют (до 60 % от общего числа амфорного материала) [Зубарев, 2005, 82]. Отметим также, что найденная в комплексе с амфорами «Делакеу» монета Рескупорида VI датируется 324/5 гг., т.е. концом первой четверти IV в. н.э.

С другой стороны, в слое, перекрывающем разрушения первой – второй четверти IV в. н.э., количество фрагментов амфор с аналогичными морфологическими признаками, в первую очередь венчика (в сечении он приближается к четырёхугольнику), резко сокращается. Венчик эволюционируют в сторону постепенного вытягивания по вертикали. При этом прежде всего исчезает вогнутый характер верхней образующей линии контура, что, скорее всего, связывает этот тип со сменившим его типом «carottes» [Зубарев, 2005, с. 82].

Вторым по численности типом амфор, встречающимся на городище в слоях этого периода, являются амфоры типа 72 по И.Б. Зеест. В более поздних слоях их практически нет. Амфоры типа F по Д.Б. Шелову довольно равномерно представлены в

Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплексы с амфорами ...

слоях начиная с конца III в. н.э. После событий рубежа первой – второй четверти IV в. н.э. их доля сокращается, и они постепенно полностью вытесняются массивными и довольно грубо сделанными амфорами типа Е по Д.Б. Шелову, значительная часть из которых имеет смещённые к краям горла асимметричные ручки.

Чрезвычайно важным для определения времени заполнения рассматриваемых в статье хозяйственных ям является вопрос о дате захоронения в яме № 132. Отсутствие какого-либо сопутствующего инвентаря рядом со скелетом как будто бы не позволяет ответить на этот вопрос (наличие в грунте заполнения ямы двух амфорных профилей лишь косвенно может указывать на IV в. н.э.). Однако данное захоронение не является единичным на городище. В 2007 году на северном участке городища в слое золистой супеси, перекрывавшей остатки ранней оборонительной стены и примыкавшие к ней помещения, было обнаружено несколько человеческих захоронений. Антропологический анализ показал, что останки принадлежали трём взрослым людям (двое из которых мужчины) в возрасте 25 – 30 лет и трём детям, включая скелет, лежавший на груди, по-видимому, матери. Возраст детей от 1 – 1,5 до 8 – 9 лет. Большинство погребений безинвентарны. Лишь в одном из детских погребений у запястья правой руки была обнаружена низка бус из жёлтого стекла.

Не вдаваясь в подробности интерпретации таких захоронений и поиск их аналогий за пределами городища (этому была посвящена специальная статья [Зубарев, Ярцев, 2008, с. 17 – 26]), остановимся на датировке обнаруженной низки бус. Шаровидные уплощённые бусы с ребристой поверхностью из прозрачного жёлтого стекла (тип 146 по Е.М. Алексеевой) [Алексеева, 1978, с. 71] встречаются в Северном Причерноморье. Один экземпляр происходит из Ольвии, датируется концом VI – V вв. до н.э. Ещё три экземпляра происходят из комплексов II – IV вв. н.э. могильника «Совхоз 10». В Крыму известен один экземпляр из могильника «Дружное», датируемый в пределах второй половины III – IV вв. н.э. В целом ребристые бусы из одноцветного стекла получают распространение с I в. до н.э. и фиксируются вплоть до IV в. н.э. Максимальное их количество сосредоточено в комплексах раннеримского времени³.

Подобная датировка вполне согласуется с нашим случаем, особенно в контексте того, что в восточной части городища, так же как и в северной, все ранние постройки были перекрыты золистой супесью. И в ней помимо захоронения в яме № 132 было выявлено ещё одно безинвентарное захоронение, аналогичное погребениям на северном участке.

Начало формирования зольников на северном и восточном участках городища следует отнести к началу второй четверти IV в. н.э. На это указывает, с одной стороны, крайне незначительное количество фрагментов амфор типа «Делакеу» (да и то преимущественно в нижнем горизонте зольников). А с другой стороны, находки здесь же монет Рескупорида VI, датируемых началом второй четверти IV в. н.э.

На наш взгляд, все захоронения, выявленные на северном и восточном участках

³ Определение бус А.А. Стояновой (Симферополь).

городища, совершались в одно и то же время. Связаны они были с последствиями разгрома поселения на рубеже первой и второй четверти IV в. н.э. и приходом сюда какой-то новой этнической группы, не связанной традициями с предшествующим населением.

В рассматриваемых комплексах впервые встречено сочетание практически всех вариаций амфор типа «Делакеу». При этом выделение отдельных морфологических хроноиндикаторов для IV в. н.э., фактически теряет смысл, по крайней мере, в том варианте, который предлагает в своей работе О.В. Шаров, разделивший амфоры, встреченные в наших комплексах, на отдельные классы [Шаров, 2007, с. 99 – 176]. Во всяком случае, к концу первой четверти IV в. н.э. их сосуществование несомненно. Возможно, это указывает на отсутствие строгой стандартизации сосудов в период начала их производства (а может, и всё время), что в целом характерно для позднеримской тары.

С другой стороны, доминирующее положение амфор типа «Делакеу» в сочетании с некоторыми другими типами (и в первую очередь с типом 72 по И.Б. Зеест) может служить довольно надёжным хронологическим репером для первой четверти IV в. н.э., по крайней мере, в рамках Европейского Боспора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь. 1999.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12.
- Бабенчиков В.П.* Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. 1963. Т. XIII. С. 90 – 122.
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. – М.: Наука, 1991. Вып. Д1-7.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА, 1960. № 83.
- Зубарев В.Г.* Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996 – 1999 годах) // ДБ. 2000. Вып. 3, с. 63 – 77.
- Зубарев В.Г.* Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села Белинское // ДБ. 2002. Вып. 5, с. 120 – 132.
- Зубарев В.Г.* Возможности использования амфорных инноваций при датировании слов и комплексов поселений (из практики раскопок городища Белинское) // БИ. 2005. Вып. X, с. 80 – 89.
- Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* К вопросу об этнической принадлежности позднеантичного населения городища Белинское // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований. Материалы III Международной научно-практической конференции. 2008. Том 3. / О.Г. Вронский (ред.), Тула, с. 17–23.
- Зубарев В.Г., Леонтьева В.А., Пономарёв Д.Ю.* Некоторые вопросы истории Европейского Боспора во второй половине III в. н.э. (по материалам раскопок склепа № 19 некрополя городища «Белинское») // БЧ. XIV, 2013. С. 204 – 2013.
- Зубарев В.Г., Шапцев М.С.* Комплекс с амфорами типа SNP I («Делакеу») из раскопок городища Белинское // БЧ, Вып. XV, Керчь, 2014. С. 190 – 196.
- Кленина Е.Ю.* Керамические сосуды II – III в. н.э. из усадьбы Близнацы (Хора Херсонеса Таврического). Познань. 2004.
- Кравченко Н.М., Корпусова В.М.* Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. 1975. Вип. 18. С. 20 – 41.
- Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. Киев, 1993.

Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплексы с амфорами ...

- Рикман Э.А. Черняховское селище Делакеу (Молдавия) // МИА, 1967. № 139.
- Рыбаков Б. А. (ред.) 1989: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV – V вв. // ПИФК. 1999. Вып. VII, с. 224 – 293.
- Сазанов А.В. Хронология амфор мирмекийского типа (Zeest 72 – Böttger I. 5) римского времени // ДБ, 2012. Вып. 16, с. 321 – 347.
- Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев. 1993.
- Смокотина А.В. О хронологии амфор типа С SNP I («Делакеу») // БЧ. Вып XII. Керчь, 2011. С. 355 – 365.
- Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб. 2007.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. // КСИА., 1978. С. 156.
- Юрочкин В. Ю., Зубарев В. Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. 2001. Вып. 4, с. 454 – 473.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХС, 2003. Вып. XII,
- Böttger B. Die Gefässkeramik aus dem Kastel Iatrus // Iatrus - Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Berlin. 1982 - Band II. - P. 33 – 148.
- Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre le IIIe s. et le VIe s. ap. J.C.”, in : D. Kassab Tezgör (éd.), // Les fouilles et le matériel de l’atelier amphorique de Demirci près de Sinope [Varia Anatolica XXII]. Istanbul-Paris. 2010. P. 423 – 442.
- Opait A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th-6th centuries AD). Oxford. 2004.
- Scorpan C. Contribution a la connaissance de certains types ceramiques romano-byzantins dans l’e-space Istro-Pontique. Dacia. 1977. T. XXI.

REFERENCES

- Aibabin A.I. Etnicheskaya istoriya rannevizantiiskogo Kryma. – Simferopol, 1999.
- Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor’ya // SAI. Issue G1-12, 1978.
- Babenchikov. V.P. Chornorechenskii mogil’nik // Arkheologichni pam’yatki URSR. Kyiv. 1963. Vol. 13, pp. 90 – 122.
- Dashevskaya O.D. Pozdnie skify v Krymu // SAI/ - M., 1991. Nauka, Issue D1-7.
- Zeest I.B. Keramicheskaya tara Bospora // MIA, 1960. № 83.
- Zubarev V.G. Antichnoe poselenie u sela “Belinskoe” (predvaritel’nye itogi raskopok v 1996 – 1999) // DB. 2000. Issue. 3, pp. 63 – 77.
- Zubarev V.G. Nekotorye voprosy pozdneantichnoi istorii Evropeiskogo Bospora po rezul’tatam raskopok gorodishcha u sela Belinskoe // DB. 2002. Issue 5, pp. 120 – 132.
- Zubarev V.G. Vozmozhnosti ispol’zovaniya amfornykh innovatsii pri datirovani sloev I kompleksov poselenii (iz praktiki raskopok gorodishcha Belinskoe) // BI. 2005. Issue 10, pp. 80 – 89.
- Zubarev V.G., Yartsev S.V. K voprosu ob etnicheskoi prinadlezhnosti pozdneantichnogo naseleniya gorodishcha Belinskoe // Rol’ universitetov v podderzhke gumanitarnykh nauchnykh issledovani. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vol. 3. / O.G. Vronsky (editor), Tula, 2008, pp. 17 – 23.
- Zubarev V.G., Leont’eva V.A., Ponomarev D.Y. Nekotorye voprosy istorii Evropeiskogo Bospora vo vtoroi polovine III veka n.e. (po materialam raskopok sklepa № 19 nekropolya gorodishcha Belinskoe) // BC. 14, 2013, pp. 204 – 203.
- Zubarev V.G., Shaptsev M.S. Kompleks s amforami tipa SNP I («Delakei») iz raskopok gorodishcha Belinskoe // BC, Issue 15, Kerch, 2014, pp. 190 – 196.
- Klenina E.Yu. Keramicheskie sosudy II–III vv. n.e. iz usad’by Bliznetsy (khora Khersonesa Tavricheskogo). Poznan’. 2004.
- Kravchenko N.M., Korpusova V.M. Deyaki rysy material’noi kulturi pizn’orims’koi Tiry // Arkheologiya. 1975. Issue 18, pp. 20 – 41.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Krapivina V.V. Ol'viya. Material'naya kultura I – IV vv. n.e. Kyiv. 1993.
- Rikman E.A. Chernyakhovskoe selishche Delakei (Moldavia) // MIA, 1967. № 139.
- Rybakov B.A. (ed.) Stepi Evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. M., 1989.
- Sazanov A.V. Keramicheskie komplekсы Severnogo Prichernomor'ya vtoroi poloviny IV – V vv. // PIFK. 1999. Issue 7, pp. 224 – 293.
- Sazanov A.V. Khronologiya amfor mirmekhiiskogo tipa (Zeest 72 – Bottger I. 5) rimskogo vremeni // DB, 2012. Issue 16, pp. 321 – 347.
- Simonenko A.V. Sarmaty Tavrii. Kyiv. 1993.
- Smokotina A.V. O khronologii amfor tipa C SNP I («Delakeu») // BC. Issue XII. Kerch, 2011, pp. 355 – 365.
- Sharov O.V. Keramicheski kompleks nekropolya Chatyr-Dug. Khronologiya kompleksov s rimskimi importami. St. Petersburg. 2007.
- Shelov D.B. Uzkogorlye svetloglinyanye amfory pervykh vekov n.e. // KSIA, 1978, p.156.
- Yurochkin V.Yu., Zubarev V.G. Kompleks s monetami IVveka iz raskopok gorodishcha Belinskoye // DB. 2001. Issue 4, pp. 454 – 473.
- Yurochkin V.Yu., Trufanov A.A. Pozdneantichny pogrebalny kompleks v nizov'yakh reki Kachi// KS, 2003. Issue. XII.
- Böttger B. Die Gefäßkeramik aus dem Kastel Iatrus // Iatrus - Krivina. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau. Berlin. 1982. - Band II. - P. 33 – 148.
- Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre le IIIe s. et le VIe s. ap. J.C.", in : D. Kassab Tezgör (éd.), // Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope [Varia Anatolica XXII]. Istanbul-Paris. 2010. P. 423 – 442.
- Opait A. 2004: Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th-6th centuries AD). Oxford.
- Scorpan C. Contribution a la connaissance de certains types ceramiques romano-byzantins dans l'e-space Istro-Pontique. Dacia. 1977. T. XXI.

Резюме

В статье анализируются комплексы с амфорами позднеантичного времени из трёх хозяйственных ям на восточном участке городища Белинское, расположенного в Восточном Крыму. Основную часть комплексов составляют амфоры типа C Snp I («Делакеу»). Авторы статьи выделяют пять вариантов этого типа. На основе стратиграфического анализа и сопоставления с аналогичными объектами на городище и за его пределами делается вывод о единовременном бытовании всех выделенных типов в первой четверти IV в. н.э. Подобное сочетание в комплексах встречено впервые.

Ключевые слова: Восточный Крым, городище Белинское, хозяйственные ямы, комплекс с амфорами позднеантичного времени.

Summary

Authors discuss assemblages with late Roman amphorae from three household pits at the western part of “Belinskoe” settlement situated in the Eastern Crimea are. They consist of amphorae of the type C Snp I (“Delakeu”) mainly. The authors distinguish five variants of this type. On the basis of stratigraphic analysis and comparison with other similar properties on the site and beyond it authors make the conclusion about one-time existence of all distinguished types in the first quarter of the 4th century BC. Such combination in assemblages was met for the first time.

Key words: Eastern Crimea, Belinskoe settlements, household pits, assemblages with Late Roman amphorae.

Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплексы самфорами ...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н.,
Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
профессор кафедры истории и археологии
parosta@mail.ru

Шапцев Михаил Сергеевич,
Крымский институт археологии,
младший научный сотрудник
shapcevm@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victor Gennad'evich Zubarev,
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
Professor of the Department of History and Archaeology, Doctor Hab. of Historical Sciences
parosta@mail.ru

Mikhail Sergeevich Shaptsev,
Crimean Institute of Archaeology,
Junior Researcher
shapcevm@mail.ru.

Рис. 1. Нивелировочная насыпь под фундаментом помещения 52.

Рис. 2. Хозяйственные ямы в юго-восточной части помещения 52.

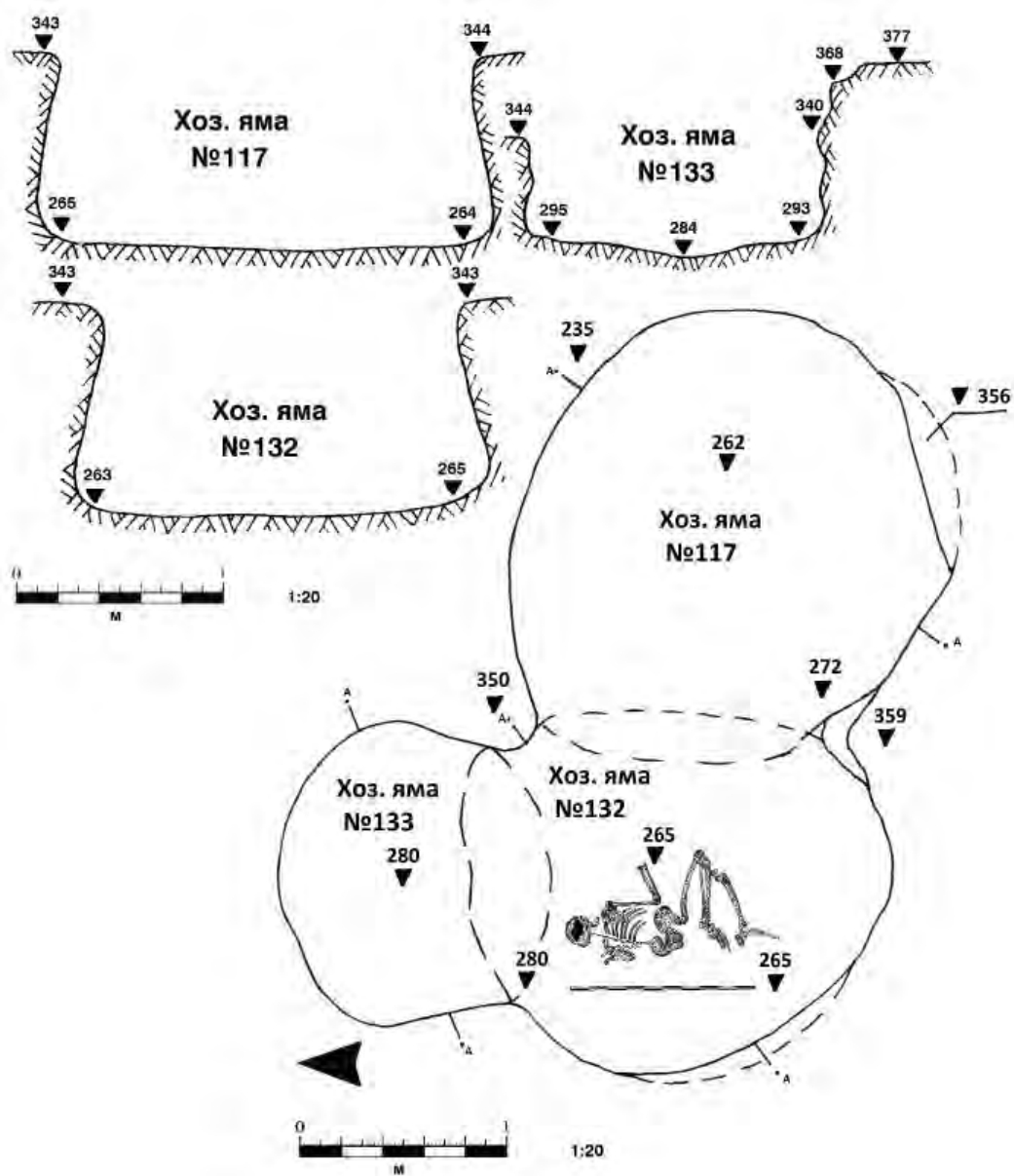

Рис. 3. План и разрезы хозяйственных ям №№ 117, 132, 133. Захоронение в яме № 132.

Рис. 4. Развалы амфор типа «Делакеу» в хозяйственной яме № 117.

Рис. 5. Развал амфоры типа «Делакеу» в хозяйственной яме № 133.

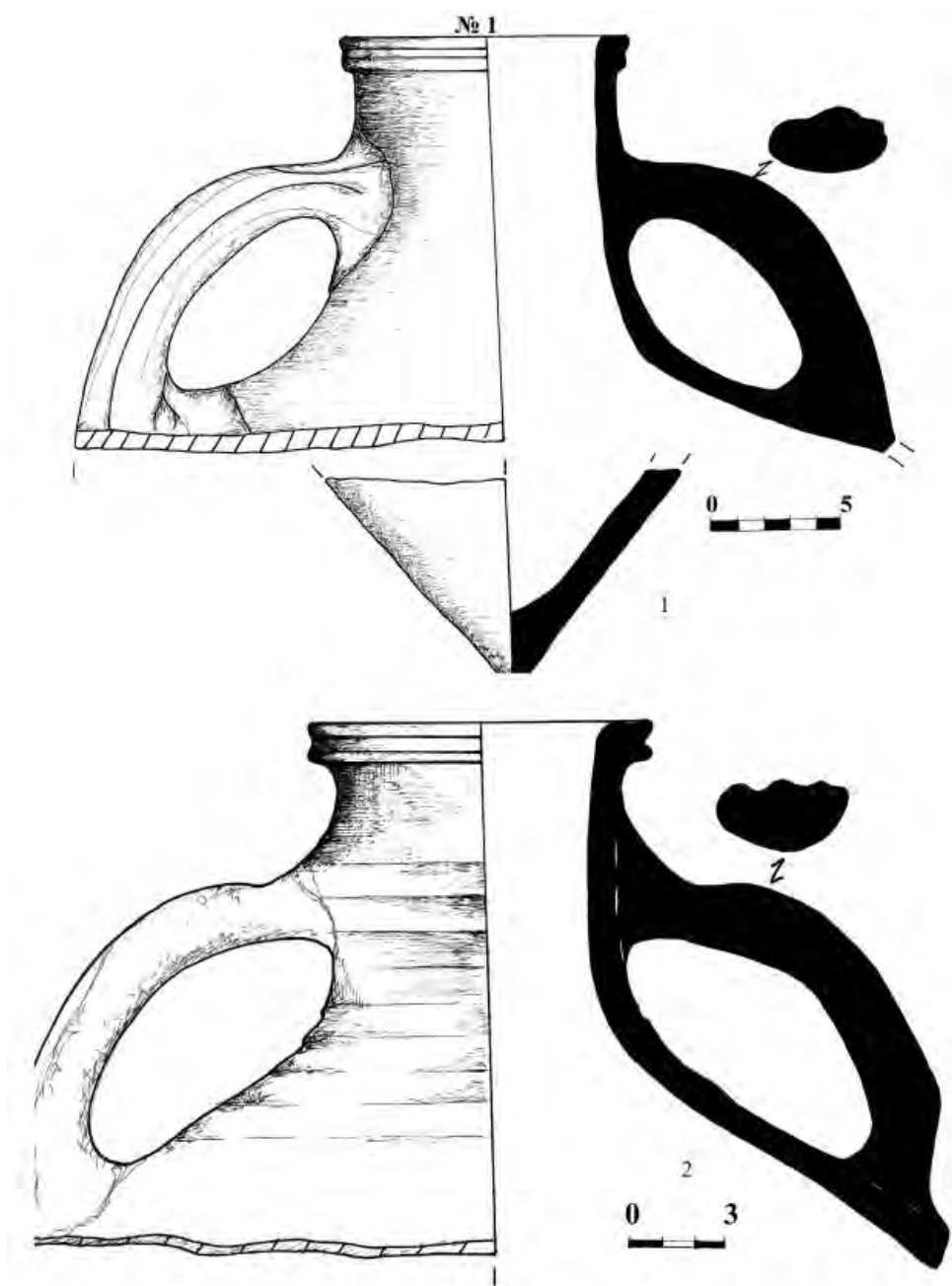

Рис. 6. Фрагменты амфор типа «Делакеу» из хозяйственной ямы № 117 городища Белинское.

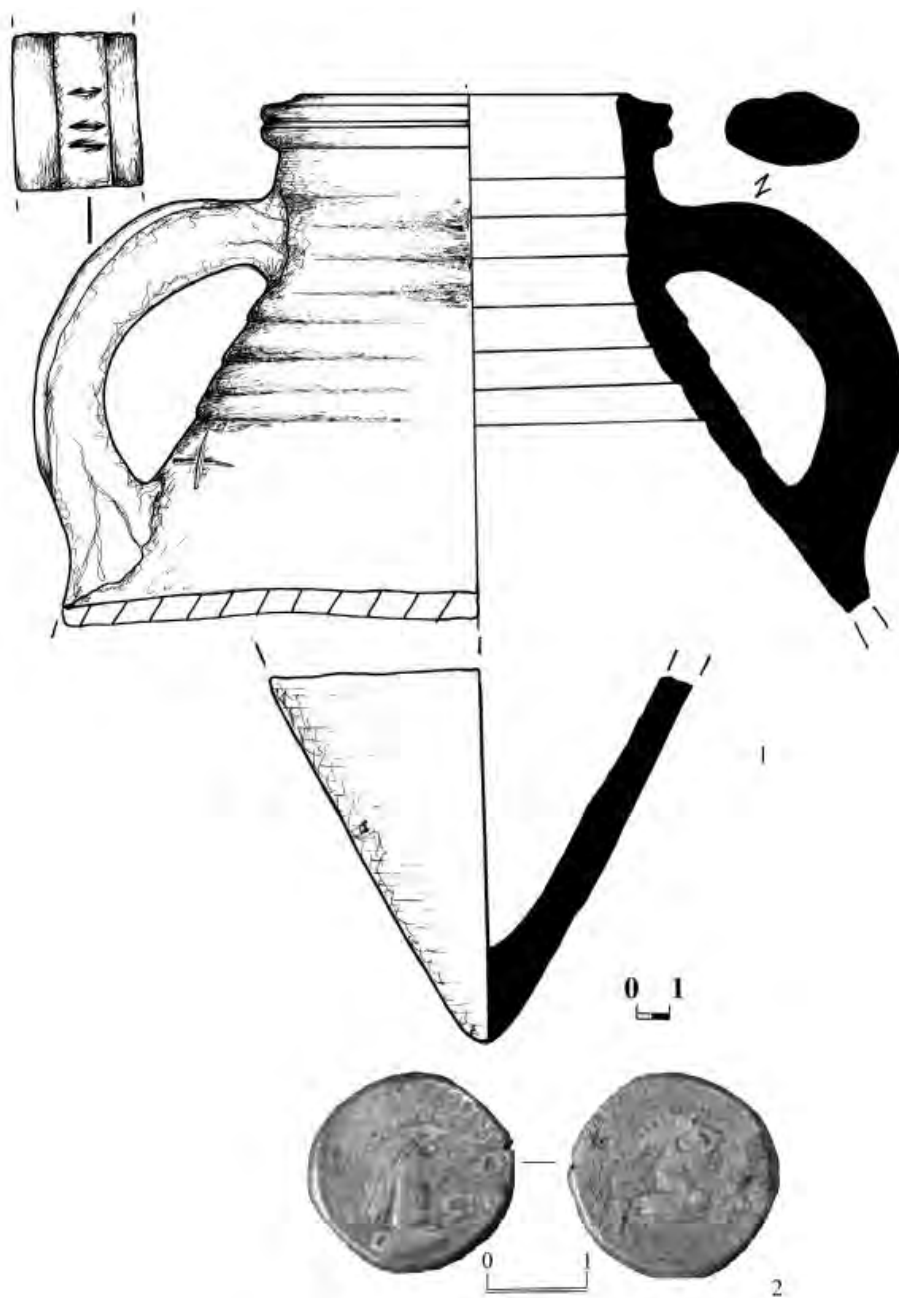

Рис. 7. Фрагменты амфоры типа «Делакеу» (1) и монета Рескупорида VI (2) из хозяйственной ямы № 117 городища Белинское.

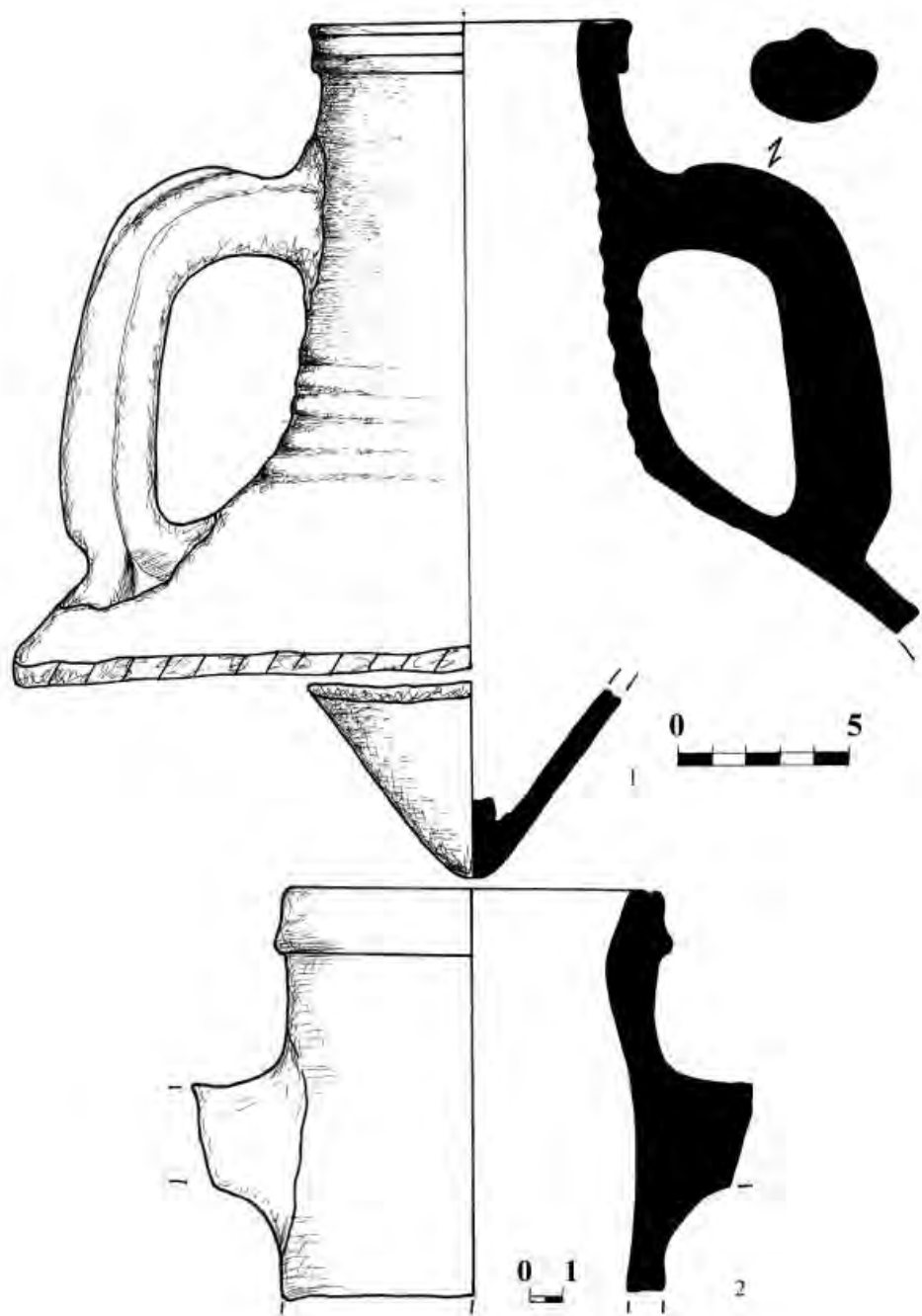

Рис. 8. Фрагменты амфор типа «Делакеу» из хозяйственной ямы № 117 городища Белинское.

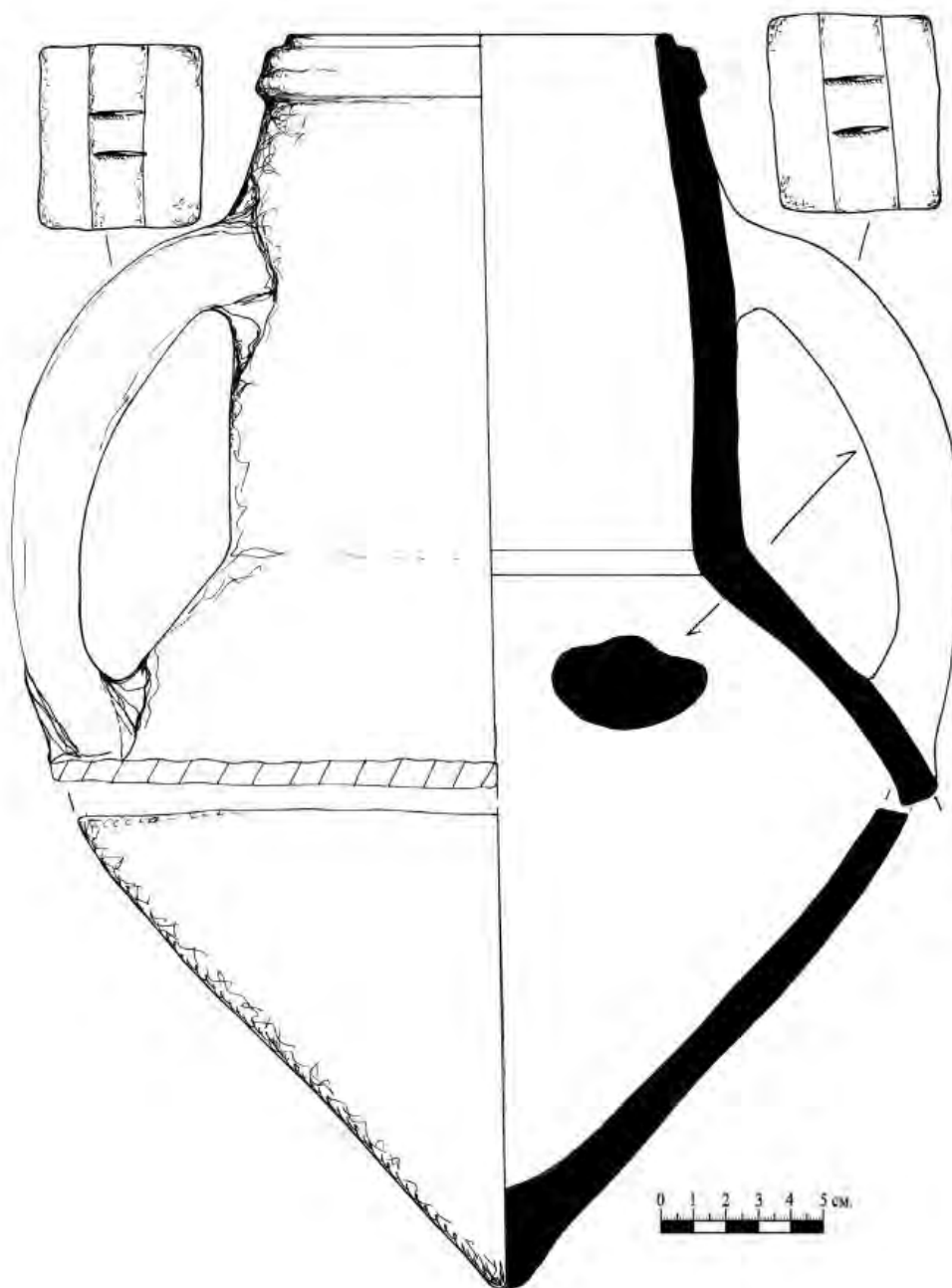

Рис. 9. Фрагменты амфоры типа «Делакеу» из хозяйственной ямы № 117 городища Белинское.

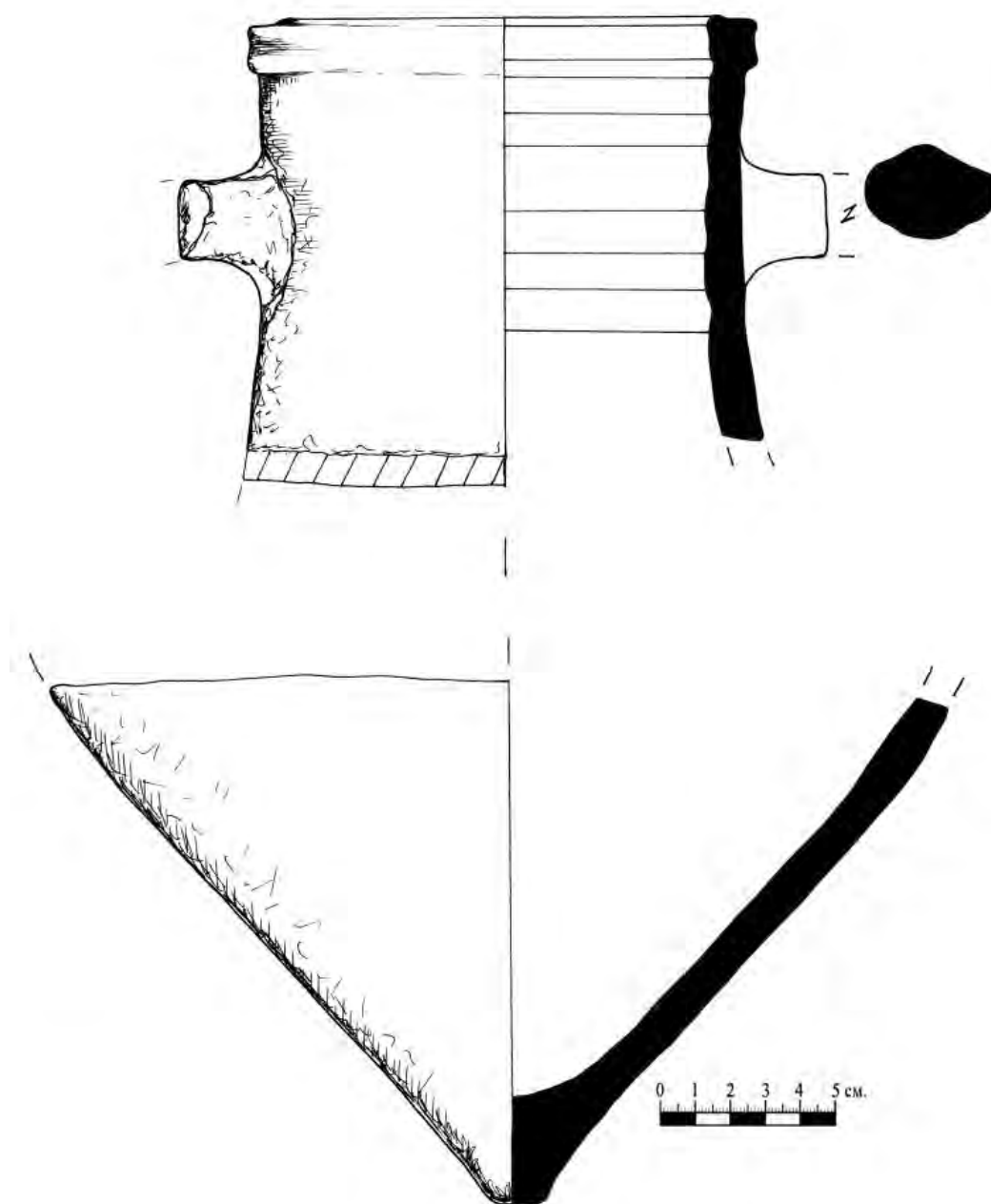

Рис. 10. Фрагменты амфоры типа «Делакеу» из хозяйственной ямы № 117 городища Белинское.

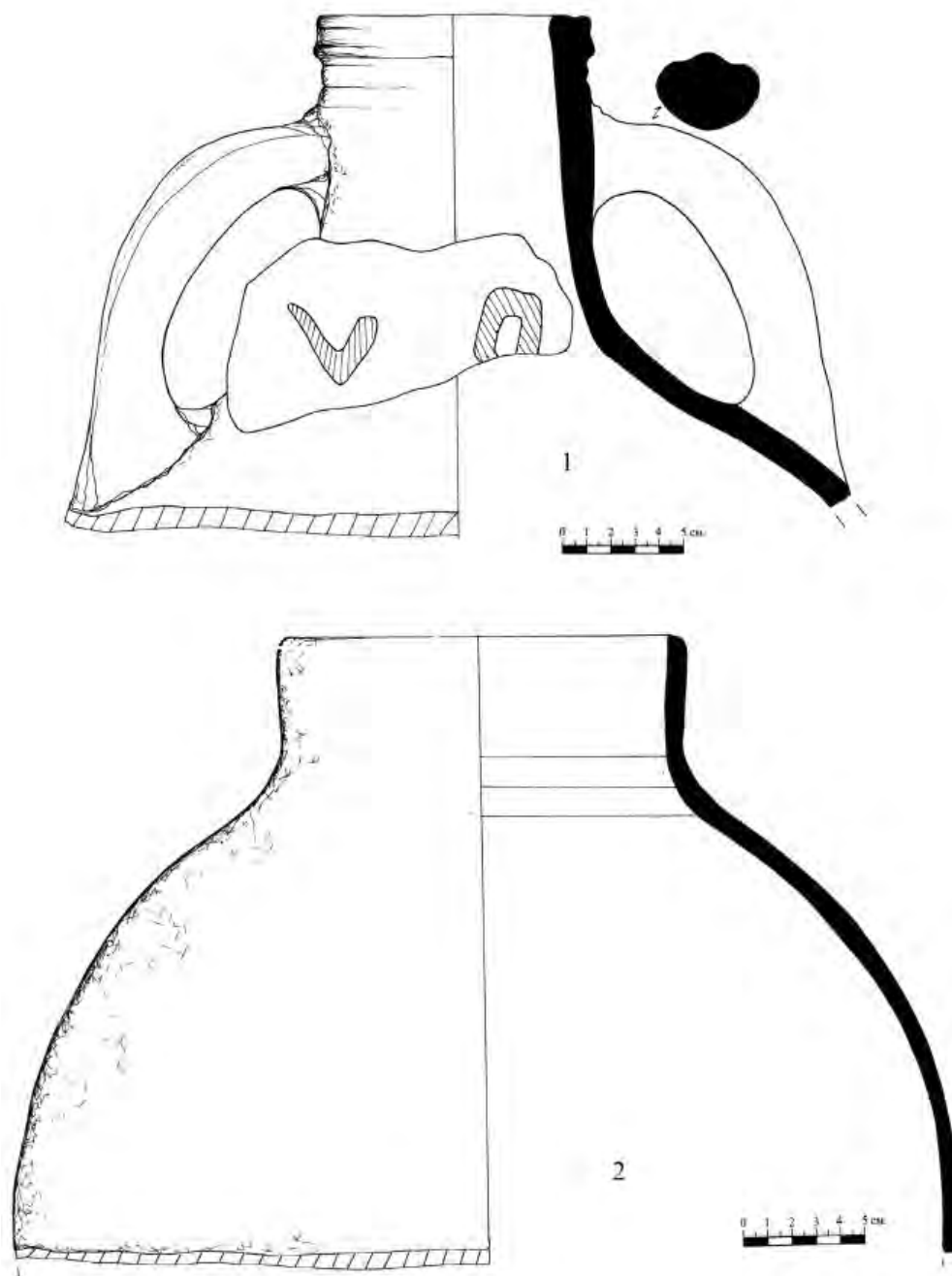

Рис. 11. Фрагменты амфоры типа «Делакеу» (1) и фрагмент лепной корчаги из хозяйственной ямы № 117 (2).

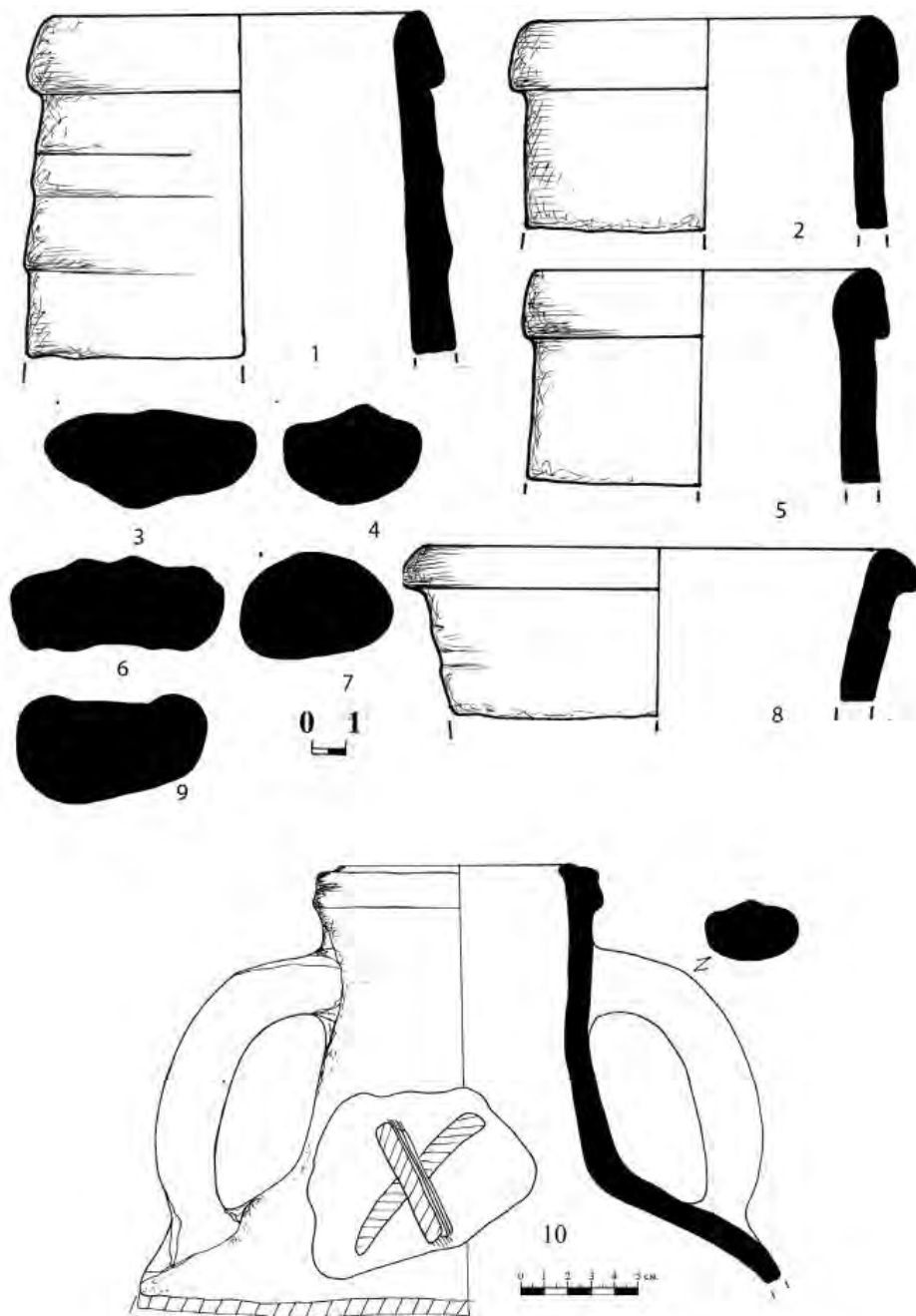

Рис. 12. Фрагменты амфор из хозяйственной ямы № 117 (1-9) и фрагменты амфоры типа «Делакеу» из хозяйственной ямы № 133 (10) городища Белинское.

А.В. ЗИНЬКО, Л.Ю. ПОНОМАРЕВ
A.V. ZIN'KO, L.IU. PONOMAREV

**К ТОПОГРАФИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА БОСПОРА
И ЕГО ПЛИТОВО-ГРУНТОВЫХ НЕКРОПОЛЕЙ ***
**TO THE TOPOGRAPHY OF THE EARLY BYZANTINE CITY
OF BOSPORUS AND ITS SLAB AND GROUND NECROPOLEIS**

Согласно сложившимся к 50-м – 60-м гг. XX в. представлениям о динамике изменения территории позднеантичного Пантикапея и ранневизантийского Боспора, город к концу V в. значительно сократился в размерах, прежде всего за счет акрополя и прилегающих к нему кварталов, расположенных на восточной оконечности вершины г. Митридат и ее склонах. Со временем оставленную жителями территорию заняли городские некрополи, а город сместился к подножию горы, при этом новое его ядро стало формироваться к западу от небольшого мыса, к южному основанию которого примыкает Генуэзский мол (рис. 1; рис. 3,2). Исследователи предполагали, что сильно уменьшившийся в размерах город не мог воспользоваться для успешной обороны старой оборонительной системой, причем не только ввиду ее плохого состояния, но и слишком большой протяженности. Поэтому, по мнению А.Л. Якобсона, позднейшие стены турецкой (генуэзской) крепости примерно повторили контур стен фортификационных сооружений, возведенных в период правления Юстиниана I. Таким образом, размеры Боспора в ранневизантийский период в направлении запад-восток едва ли могли превышать 250 м и не выходили за пределы современной площади Ленина в центральной части Керчи. Также считалось, что в этих же пределах границы города сохранялись на протяжении всего средневековья [Марти, 1928, с. 311; Марти, 1933, с. 168; Цветаева, 1951, с. 84; Блаватский, 1951а, с. 33; Блаватский, 1952, с. 54; Якобсон, 1954, с. 151; Якобсон, 1958, с. 466; Якобсон, 1964, с. 7; Блаватский, 1962а, с. 54; Блаватский, 1964, с. 226; Кропоткин, 1967, с. 115; Сокольский, 1968, с. 256–261; Блаватский, 1985а, с. 255, 260, прим. 154; Блаватский, 1985б, с. 29; Фронджуло, 1975, с. 476; Баранов, 1990, с. 14; Амброз, 1992, с. 52–53].

Однако, несмотря на то, что предложенная концепция была безоговорочно поддержана исследователями¹, она уже изначально потребовала существенной корректировки, поскольку позиционировалась на весьма слабой археологической базе и разного рода исторических допущениях. В дальнейшем, по мере накопления археологического материала, ее ошибочность стала проявляться еще отчетливее, поскольку

* Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

¹ В лучшем случае, город Боспор характеризовался как «сравнительно большой пункт, в какой-то степени оправившийся от гуннского вторжения» [Талис, 1961, с. 245].

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

ку большая часть выявленных за последние несколько десятилетий комплексов и отдельных находок ранневизантийского периода оказалась далеко за пределами территории, которую якобы занимал город Боспор.

Помимо неоправданного сокращения территориальных границ ранневизантийского Боспора, слабо изученными остались и другие вопросы его градостроительной и ландшафтной реконструкции, включая важнейшие из них – планировки городской застройки, выделения основных функциональных узлов и архитектурно-топографических доминант. В немалой степени решению этих вопросов препятствовал ограниченный объем письменных источников, в которых, к тому же, не содержалось топографическое описание города. При отсутствии такого рода свидетельств ведущая роль должна была отводиться результатам археологического изучения памятника. Однако в случае с Керчью ведение крупномасштабных и планомерных полевых исследований оказалось ограничено континуитетом ее городской застройки. Еще в первой половине XIX в. городское ядро Керчи полностью поглотило территорию, которую занимал средневековый Боспор. Таким образом, более чем столетие назад его культурные напластования оказались практически недоступны для археологов, не говоря уже о том, что в результате активной строительной деятельности они понесли невосполнимые утраты. Вплоть до 60-х гг. XX в. их археологическое изучение сводилось к наблюдениям за земляными работами и доследованию случайно выявленных небольших комплексов, в основном погребений. В последующие десятилетия при строительстве в центральной части Керчи все же удалось провести археологические исследования. Так, в процессе охранных раскопок были открыты отдельные строительные комплексы и небольшие участки жилых кварталов Боспора в районе площади Ленина [Макарова, 1998, с. 350–356], ул. Театральной [Занкин, 2001, с. 46], пер. Кооперативный [Айбабин, 2000, с. 169; Айбабин, 2003, с. 29–30] и пер. 1-й Босфорский [Айбабин, Хайрединова, 2009, с. 15–16]. К сожалению, эти отдаленные друг от друга участки городища дают пока еще весьма поверхностное представление о специфике и динамике его застройки, а также расположении и структуре отдельных функциональных узлов. К тому же, на ряде участков (ул. Ленина; пер. Почтовый; ул. 23 Мая) дирекция Крымского филиала института археологии НАНУ разрешила строителям провести работы без предварительных охранных раскопок и ограничилась лишь «наблюдениями», что привело к утрате культурных слоев древнего городища на значительных площадях.

Тем не менее, в совокупности с другими имеющимися в распоряжении исследователей археологическими материалами, в том числе не учтенными ранее случайными находками и результатами охранных наблюдений во время земляных работ, проведенных сотрудниками Керченского музея, они позволяют в значительной степени расширить территорию ранневизантийского Боспора. Как оказалось, город простирался значительно дальше периметра стен генуэзско-турецкой крепости, охватывая подошву г. Митридат как в южном, так и в западном направлениях [Холодков, 1991, с. 35; Пономарев, 2002, с. 202–205; Зинько, Пономарев, 2014, с. 482–483]. Однако речь не

может пока идти о каких-либо надежно зафиксированных границах города, включая его южные окраины, условно маркированные городскими некрополями. Недостаточно еще материала и для решения многих других вопросов, касающихся его градостроительной реконструкции. На данном этапе важен сам прецедент, позволяющий судить о Боспоре как о довольно крупном и не утратившем свою значимость портовом городе, который, к тому же, на протяжении всего рассматриваемого периода сохранял функции регионального военно-административного и епархиального центра.

С учетом ландшафтных особенностей город Боспор в предполагаемых новых границах условно можно разделить на две основные части – северную и юго-восточную. При этом еще не совсем ясно, насколько органично была включена в городскую территорию восточная оконечность г. Митридат, и прежде всего ее северный склон, где помимо действовавших и постоянно расширявших свои границы городских некрополей, возможно, сохранялись небольшие участки жилой застройки и функционировали немногочисленные производственные комплексы [Журавлев, 1999, с. 29–30; Зинько, 2013, с. 425].

Северный – наиболее обширный участок города занимал территорию, ограниченную с юга склонами г. Митридат, а с севера – заболоченной поймой древнего русла р. Мелек-Чесме, на месте которой еще в первой половине XIX в. находилось «болото, низменное место, куда стекаются ручьи из всех фонтанов и которое, при сильных ветрах с моря, затопляется» [Синенко, 2001, рис. на с. 49; Толстиков, 1992, с. 53–56, рис. 5; Механиков, 2006, с. 471]. На современной карте Керчи северная его граница локализуется несколько южнее ул. Советская или немногим севернее пер. Кооперативный, где в 1990–1992 гг. А.И. Айбабиным был выявлен участок ранневизантийской квартальной застройки (рис. 1,9) [Айбабин, 2013а, с. 284–285]². Западная граница пока что может быть условно маркирована переулком Почтовый, через который пролегает один из участков оборонительной стены Пантикапея и где во время строительства жилого дома был прослежен культурный слой, содержащий керамику VI–VII вв. (рис. 1,10) [Сапрыкин, Куликов, 1999, с. 201]³. К западу от него, в пределах ул. Ленина и ул. Самойленко, культурные напластования датируются не позднее первых веков нашей эры. В свою очередь, южная граница, по линии которой надежно зафиксированы слои и строительные остатки ранневизантийского времени, пролегает у подошвы г. Митридат южнее ул. Театральной (рис. 1,6,7,8). И, наконец, с восточной стороны природной границей городу служила береговая черта

² Отсутствие ранневизантийского культурного слоя к северу от ул. Советской отчасти подтвердили результаты наблюдений за земляными работами, проводившихся в 1957 г. по ул. В. Дубинина (на участке между ее пересечением с ул. Советской и ул. К. Маркса) [Чуїстова, 1962, с. 184–185].

³ В процессе наблюдений за земляными работами, проводившихся на участке строящегося дома в 1996 г. сотрудниками Керченского заповедника, были выявлены разновременные культурные напластования, датированные между V–IV вв. до н.э. и VI–VII вв. н.э. Как оказалось, этот участок горы на протяжении длительного времени использовался в качестве свалки строительного и бытового мусора, который сбрасывался в овраги для укрепления склона у основания оборонительной стены, остатки которой были зафиксированы выше по склону [Сапрыкин, Куликов, 1999, с. 201].

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

Керченского залива, претерпевшая со временем в результате воздействия природных и антропогенных факторов значительные изменения.

Прилежавший к порту и гавани участок средневекового Боспора, на территории которого, видимо, были сосредоточены его основные функциональные узлы, традиционно локализуется в районе Генуэзского мола и церкви Иоанна Предтечи. К северу от мола, по данным геологического бурения, в античную эпоху находился узкий залив, в который двумя рукавами впадала река. К рубежу нашей эры он был полностью занесен илом и песком. Тогда же эта часть города была отсыпана строительным мусором и застроена, а в районе современной площади Ленина, возможно, расположилась агора позднеантичного Пантикапея [Толстикова, 1992, с. 54–56]. Вероятно, в это же время был реконструирован порт, защищенный новым молом, функционировавшим, надо полагать, на протяжении всего средневекового периода [Шкорпил, 1908, с. 63; Шкорпил, 1914а, с. 16, прим. 3; Яковсон, 1958, с. 494]. В XIX в. его остатки отчетливо прослеживались в виде каменистой гряды, вытягивающейся по направлению к северо-востоку более чем на 300 метров [Свиньин, 1828, с. 4; Дюбрюкс, 2010, I, с. 288; Лоция..., 1854, с. 18; Ашик, 1848, I, табл. IV; Гайдукевич, 1949, рис. 26]⁴.

Недалеко от него находился единственный обнаруженный в припортовой части города производственный комплекс, связанный с рыболовным промыслом. Имеется в виду комплекс рыбозасолочных цистерн, частично исследованный Т.И. Макаровой в 1971 г. в 1 м к востоку от апсид церкви Иоанна Предтечи (рис. 1,2; 4; 5). Он состоял, как минимум, из трех цистерн шириной 1,3 м и глубиной не менее 2 м. По мнению исследовательницы, они были сооружены в первые века н.э., но продолжали использоваться по назначению вплоть до рубежа IX–X вв. [Макарова, 1971, с. 19; Макарова, 1991, с. 140–141; Макарова, 1998, с. 356, 389, рис. 15].

К западу от порта, как в свое время предположил А.Л. Яковсон, примерно по периметру современной площади Ленина (бывшей Предтеченской площади), были возведены стены ранневизантийской цитадели Боспора. Именно о них, по мнению исследователя, идет речь в трактате «О постройках» Прокопия Кесарийского, упомянувшего о стенах Боспора, ставших благодаря усилиям Юстиниана I «замечательно красивыми и крепкими» [Прокопий Кесарийский, 1939, с. 249, VIII, 10, 12–13]. В дальнейшем их остатки, видимо, использовали при сооружении генуэзской (а затем турецкой) крепости [Зеест, Яковсон, 1965, с. 62; Яковсон, 1958, с. 466; Яковсон, 1970, с. 29; Яковсон, 1979, с. 7; Гадло, 2004, с. 100, прим. 84; Бочаров, 2003а, рис. 1; Бочаров, 2005, рис. 1]. В османский период крепость без существенных изменений прослужила еще три столетия, но после того, как Керчь отошла в состав Российской империи, она постепенно утратила свое значение и в 1829 г. в ходе реконструкции

⁴ В 1845 г. А.Б. Ашик в донесении Керчь-Еникальскому градоначальнику З.С. Херхеулидзе определил его длину в 160 сажень [Шкорпил, 1908, с. 63]. В описании Н.Н. Мурзакевича, посетившего Керчь в 1836 г., «след древнего эллинского мола» представлял собой длинную полосу красного цвета, «которая тянется от берега сажень на двести» и «удостоверяет в существовании эллинской гавани на этом месте» [Мурзакевич, 1837, с. 675].

центральной части города была полностью разобрана [Бочаров, 2013, с. 347]. Однако некоторое представление о ней дают рисунки Керчи третьей четверти XVIII – первой четверти XIX вв. и генеральные планы города, на которые вплоть до 40-х гг. XIX в. наносились крепостные верки (рис. 3,1,2) [Ашик, 1848, I, табл. I; Санжаровец, 2007, с. 41; Зайончковский, 2002, с. 574; Михайлова, 1976, рис. 1; 2; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 9; 10; 37; 406–408; 417; 420; 424]. Используя картографические материалы, Ю.Ю. Марти реконструировал внешнее оборонительное кольцо турецкой крепости по линии ул. Адмиралтейской (Адмиралтейский проезд), южной оконечности ул. Энгельса (ул. Кирова), юго-восточной оконечности ул. Воронцовской (ул. Ленина), сквера Л.Н. Толстого (сквера Славы) и пер. Церковный (пер. Димитрова) [Марти, 1928, с. 311]. В целом же площадь защищенной стенами части города в генуэзский и турецкий периоды составляла 3,2 га, а протяженность стен достигала 617 м [Бочаров, 2003а, с. 36–38; Бочаров, 2003б, с. 46]. Примерно такую же территорию, следуя логике А.Л. Якобсона, занимал Боспор, окруженный стенами, сооруженными при Юстиниане I. К сожалению, обнаружить следы этих стен в приморской части Боспора пока не удалось [Якобсон, 1958, с. 466; Макарова, 1982, с. 98], как нет и указаний в источниках, где же они находились.

Впрочем, большинство исследователей, ссылаясь на тот же отрывок из трактата «О постройках», справедливо полагают, что стены Боспора при Юстиниане I, которые он застал «в совершенно разрушенном состоянии», были только отремонтированы [ср.: Латышев, 1894, с. 660; Кулаковский, 1896, с. 6; Макарова, 1982, с. 98; Айбабин, 2003, с. 27–28; Храпунов, 2005, с. 32]. Эту же ситуацию, но только в одной из своих ранних публикаций, оговорил А.Л. Якобсон, предположив, что линия стен Боспора в период его правления была лишь «воссоздана (вновь построена или... восстановлена)». Соответственно, возведена она была гораздо раньше, по крайней мере, крепостное строительство велось уже при императоре Юстиниане I, в пользу чего, по его мнению, свидетельствовала надпись V в. боспорского царя Тиберия Юлия Дуптуна, в которой говорится о построении некой башни [Якобсон, 1958, с. 465–466; Макарова, 1998, с. 350; Айбабин, 1999, с. 78]. Этой же точки зрения придерживался и В.Д. Блаватский [Блаватский, 1985а, с. 255]. Однако подобный вариант трактовки пассажа Прокопия Кесарийского порождает ряд вопросов, в том числе, о каких же восстановленных стенах идет речь, где они находились и когда были построены. Впрочем, возможен и другой вариант, при котором под разрушенными стенами Боспора Прокопия Кесарийского следует подразумевать старые городские укрепления Пантикапея, а под «замечательно красивыми и крепкими» стенами Юстиниана I – новую цитадель, возведенную, как полагал А.Л. Якобсон, рядом с портом. И, наконец, не так давно предпринята попытка связать с крепостью, возведенной при Юстиниане I, отрезок трассы северо-западного участка оборонительных стен Пантикапея, зафиксированный на планах П. Дюбрюкса и И. П. Бларамберга в 20-е гг. XIX в. [Толстиков, Журавлев, 2001, с. 156–157; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 406–408].

Иными словами, предположение А.Л. Якобсона нуждается в дальнейшем обо-

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

сновании, и прежде всего в подкреплении археологическими материалами. При всем при этом оно не лишено своего основания, но с одной оговоркой – возведенная, вероятно, еще до Юстиниана I крепость защищала своими стенами не весь город, а лишь его небольшую – припортовую часть, в пределах которой концентрировались важнейшие функциональные узлы Боспора.

После того, как турецкая крепость в 1829 г. была разобрана, единственным, к тому же хорошо сохранившимся памятником средневекового Боспора остался крестово-купольный храм X в., известный ныне как церковь Иоанна Предтечи (рис. 1,1). Благодаря этому обстоятельству ей традиционно уделяли особое внимание, используя в различного рода исторических реконструкциях. Согласно одной из них, церковь была возведена на месте ранневизантийской базилики [Протоколы..., 1909, с. 69–70; Макарова, 1982, с. 98–99; Макарова, 1991, с. 136, 143; Зубарь, 1999, с. 293]⁵. Среди исследователей такую возможность одним из первых стал последовательно отстаивать Ю.Ю. Марти, определив время сооружения более раннего храма периодом правления Юстиниана I [Марти, 1926, с. 11; Марти, 1932, с. 8; Марти, 1937, с. 43]. Причем единственным, к тому же косвенным аргументом на то время ему послужили мраморные колонны с византийско-коринфскими капителями конца V – начала (первой половины) VI вв. и две небольшие колонны алтарной преграды, повторно использованные при сооружении церкви Иоанна Предтечи [Тиханова-Клименко, 1926, с. 5]. В 1934 г. обломок еще одной мраморной колонны с крестом был обнаружен В.Д. Блаватским в шурфе, заложенном к югу от церкви (рис. 1,3) [Блаватский, 1957, с. 16]. И лишь два десятилетия спустя в процессе раскопок, проведенных внутри и вокруг церкви Иоанна Предтечи, были открыты строительные остатки, возможно, принадлежавшие более ранней базилике. В 1957 г. Е.В. Веймарном в шурфах №№ 1, 2, 4, заложенных вдоль северной стены храма, были обнаружены стены шириной до 0,75 м «более древней постройки, план которой не совпадал с осями плана церкви». Время ее функционирования он предварительно отнес к концу IV / началу V вв. – концу VI в. [Веймарн, 1957, с. 4–7]. Предложенную им дату, хоть и в более обтекаемой формулировке, поддержал В.Д. Блаватский, по мнению которого постройку следовало датировать «постгуннским» временем [Веймарн, 1957, с. 4]. К сожалению, ни в том, ни в другом случае аргументация по этому вопросу подробно изложена не была, а материал, полученный в процессе раскопок, так и не был опубликован. Позднее Т.И. Макаровой в центральной апсиде церкви были зачищены

⁵ Более осторожно к вопросу подошел А.Л. Якобсон. Исходя из общеисторических посылок, он не сомневался в том, что базилика на Боспоре была возведена, но конкретного ее местоположения не указал [Якобсон, 1958, с. 466; Якобсон, 1959, с. 29–30]. Примерно такую же позицию занимал В.В. Кропоткин [Кропоткин, 1958, с. 207]. Иной точки зрения придерживается Н.Н. Болгов, по мнению которого, в припортовой части Боспора было сооружено две базилики. Одну из них, вслед за другими исследователями, он размещает на месте церкви Иоанна Предтечи, а другую – в 40 м к северу от нее, на месте раскопанной Т.И. Макаровой общественной постройки, интерпретированной как баптистерий [Болгов, 2002а с. 220–221; Болгов, 2002б, с. 20; Болгов, 2005а, с. 276; Болгов, 2005б, с. 245; Болгов, 2005в, с. 155; Болгов, 2011, с. 103–104].

несколько рядов кладки более древней и большей по диаметру апсиды (рис. 6,1) [Макарова, 1998, с. 388, рис. 20]. Исследовательница расценила эту находку как «доказательство того, что храм Иоанна Предтечи построен прямо на остатках базилики», функционировавшей, «судя по надписи Кириака, еще в VIII в.». В пользу этого же предположения, по ее мнению, свидетельствовали использованные в фундаменте более позднего храма мраморные блоки, сборный характер колонн и капителей, поддерживающих купол церкви, а также многочисленные находки рядом с церковью обломков мраморных архитектурных деталей [Макарова, 1998, с. 388].

Возможно, в один комплекс построек, связанных с этой базиликой, входило помещение № 8 площадью не менее 48 кв. м, открытое Т.И. Макаровой на раскопе III в 30 м к северу от церкви (рис. 1,4; 5; 6,3) [Макарова, 1991, рис. 3]. На его общественный характер указывали мощение пола известняковыми, а затем мраморными плитами, обломки штукатурки с красной краской и могила, прорезавшая настил нижнего пола. Устройство в помещении колодца и квадратного в плане каменного сооружения глубиной 0,75 м, интерпретированного Т.И. Макаровой как купель, позволили исследовательнице рассматривать помещение № 8 как «часть крещальни». Время его сооружения она определила «юстиниановским временем», а сопровождавшееся пожаром «тотальное разрушение» комплекса отнесла к концу VII в., связав его с появлением в Крыму хазар [Макарова, 1991, с. 132–136, рис. 11; Макарова, 1998, с. 350–355, рис. 5–8; Макарова, 2003, с. 53]. В последние годы трактовка и датировка помещения № 8 Т.И. Макаровой были подвергнуты сомнению. Как считают А.В. Сазанов и Ю. М. Могаричев, предложенная исследовательницей интерпретация комплекса возможна, но скорее только для его второго строительного периода. Более «весомой аргументации», по их мнению, требует и трактовка резервуара как купели. Сама же постройка могла быть связана с резиденцией византийского наместника Боспора. Относительно времени сооружения помещения № 8 А.В. Сазанов и Ю.М. Могаричев согласны в целом с Т. И. Макаровой, но гибель комплекса относят к концу VI – началу VII вв. и связывают с тюркским разгромом Боспора в 576 г. [Сазанов, Могаричев, 2002, с. 475–483; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 46–56]⁶.

К сожалению, дискуссионные аргументы относительно назначения помещения № 8 на данный момент исчерпаны, поскольку оно так и не было до конца раскопано, а на прилегающем к нему раскопе II, исследованном Т. И. Макаровой в 1963 г., работы практически повсеместно были остановлены на более поздних горизонтах⁷. Для

⁶ Предложенной А.В. Сазановым и Ю.М. Могаричевым дате гибели помещения № 8 противоречит находка на его каменном полу монеты Ираклия Константина [Иванина, Куликов, Холодков, 2006, с. 160, № 29].

⁷ На раскопе I, заложенном в 40 м к северо-востоку от церкви Иоанна Предтечи и в 12 м к востоку от раскопа II Т.И. Макаровой, наблюдалась иная ситуация. Наиболее ранний культурный слой с значительными строительными остатками, прослеженный непосредственно на материке, был датирован И.Б. Зеест и А.Л. Якобсоном VIII–IX вв. Впрочем, следует отметить, что на этот горизонт удалось выйти не по всей площади раскопа, к тому же его исследование сопровождалось постоянной откачкой грунтовых вод [Якобсон, Зеест, 1963, с. 13, 17]. Никаких существенных результатов не принесло

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

более полной характеристики этого пока еще недоисследованного участка городища можно лишь отметить, что в верхних слоях раскопов II и III в качестве примеси «снизу» повсеместно встречались обломки ранневизантийских амфор и краснолаковой посуды. Здесь же, вне соответствующего археологического контекста, было обнаружено несколько византийских монет VI–VII вв., в том числе полуфоллис Тиберия II Константина (578–582), четыре фоллиса Маврикия Тиберия (582–602), фоллис Фоки (602–610), фоллис Ираклия и Ираклия Константина (610–641), фоллис Тиберия III Апсимара (698–705) [Макарова, 1998, с. 363; Кропоткин, 1965, с. 175–176, № 57, а-в; Кропоткин, 1971, с. 216–217; Иванина, Куликов, Холодков, 2006, с. 156–161, № 14, 19, 23, 28, 31; Сидоренко, 2003, с. 368]⁸.

Обзор ранневизантийских памятников и комплексов, открытых в припортовой части Боспора, был бы не полон, если не упомянуть еще об одном храме, располагавшемся в 100 м к юго-западу от церкви Иоанна Предтечи (рис. 1,5). Речь идет о так называемой «церкви Шевелева», или «церкви 1833 г.», раскопанной в 1833 г. на участке, отведенном под строительство дома керченского купца П.В. Митрова [Шевелев, 1848, с. 731–732; Науменко, Пономарев, 2013а, рис. 3]. В настоящее время это место занимает один из участков квартальной застройки по южной стороне пер. Димитрова. Храм имел прямоугольно-вытянутую форму и завершался тремя полукруглыми апсидами, вытянутыми по одной оси (рис. 6,2). Западная ее часть раскопана не была, но при расчистке алтаря нашли закладной камень с изображением креста. Характер перекрытия и планировку храма установить не удалось, поскольку базы колонн (или столбов) не указаны на плане Е.П. Шевелева, возможно, даже не сохранились *in situ*. В то же время П.А. Дюбрюкс упоминает, что при раскопках храма были найдены «обломки колонн, баз, капителей, различные архитектурные обломки... все это из белого и голубого мрамора» [Дюбрюкс, 2010, с. 290]. К сожалению, о каких-либо находках, указывающих на время сооружения церкви, Е.П. Шевелев не сообщил, но большое количество мраморных деталей внутреннего убранства храма в совокупности с его трехнефной композицией позволяет предположительно отнести время его постройки к ранневизантийскому периоду [Науменко, Пономарев, 2013а, с. 298–302, рис. 2; Науменко, Пономарев, 2013б, с. 249–250, рис. 1; 2,3].

Помимо припортовой части Боспора, строительные остатки и культурный слой ранневизантийского времени были исследованы на его северной окраине и у подношвы г. Митридат, преимущественно на восточном отрезке ул. Театральной (за зданием театра А.С. Пушкина) и ее пересечении с ул. Свердлова.

В 50-е годы прошлого столетия отдельные находки этого периода, преимуще-

и разведочные работы В.Д. Блаватского в 1934 г. В двух раскопах, заложенных им к югу от церкви Иоанна Предтечи, средневековый культурный слой оказался практически полностью уничтоженным подвалами построек и перекопами XIX в. [Блаватский, 1957, с. 251–253].

⁸ Еще одна византийская монета – фоллис Маврикия Тиберия 587 г. – была обнаружена при раскопках В.Д. Блаватского во дворе церкви Иоанна Предтечи в 1934 г. [Зограф, 1941, с. 172, № 292; Кропоткин, 1962, с. 34, № 208].

ственно фрагментов амфор, были зафиксированы в процессе земляных работ, проводимых на пересечении ул. Театральной с ул. Свердлова (рис. 1,7) [Якобсон, 1979, с. 7; Могаричев, 2009, с. 268, рис. 4; 5]. В 1957 г. в траншее, проложенной по этой же улице между ул. Свердлова и школой им. В. Г. Короленко, на глубине до 1,4 м работниками Керченского музея отмечены многочисленные находки средневековой керамики, в том числе амфор IV–V вв. и VI–VII вв. [Охранные..., 1957, с. 11]. В 1990 г. охранные раскопки на ул. Театральная с западной стороны здания театра провел А.Б. Занкин (рис. 1,6). В процессе исследований на площади около 300 кв. м удалось открыть участок средневекового городского квартала, наиболее ранние постройки которого были отнесены к V–VII вв. [Занкин, 2001, с. 46]. К сожалению, материалы этих раскопок, в том числе и ранневизантийского периода, до сих пор не введены в научный оборот. Исключение составляют мраморная ступка V–VI вв., поступившая на хранение в фонды НМИУ [Строкова, 2004, с. 60–63] и монета Константа II с буквами KB на реверсе, принадлежащая монетной чеканке Боспора [Сидоренко, 2003, с. 376, табл. XIII, 14]. И, наконец, в 2006 г. культурный слой ранневизантийского периода был выявлен в процессе охранных зачисток на ул. Театральная напротив дома № 12 (рис. 1,8). Небольшой, но хронологически однородный комплекс керамических находок позволил датировать его концом VI – началом VII вв. [Fedoseev, Domzalski, Opait, Kulikov, 2012, p. 63–94].

В пределах северной окраины Боспора единственный участок ранневизантийской квартальной застройки был археологически исследован в 1990–1992 гг. А.И. Айбабиным в пер. Кооперативный (рис. 1,9). Наиболее ранние, сохранившиеся в виде отдельных кладок постройки были датированы им III–IV вв. и концом IV (первой половиной V) – третьей четвертью VI вв. Соответственно, более поздние строительные комплексы и стратиграфически соответствующий им слой Д – последней четвертью (концом) VI – третьей четвертью VII вв. (рис. 7,1). Здесь же был зафиксирован слой пожара, связанный с нападением на Боспор тюрков в 576 г., после которого из трех сгоревших усадеб восстановили только одну [Айбабин, 1999, с. 79, 135–137, рис. 54; 55; Айбабин, 2000, с. 169; Айбабин, 2003, с. 29–30, табл. 10; Айбабин, 2013а, с. 284–285, рис. 2].

Еще один выделенный нами участок Боспора охватывал его юго-восточную часть, вытянутую в юго-западном направлении в виде узкой полосы, ограниченной берегом моря и склонами нижней террасы г. Митридат. При этом следует учитывать, что в рассматриваемый период береговая черта подступала значительно ближе к подошве горы. На современной карте Керчи он локализуется в пределах квартальной застройки, расположенной вдоль ул. Свердлова – от остановки «Военкомат», южнее пер. Клабукова, до пересечения с ул. Театральная (рис. 2). На этой территории, начиная с 50-х годов прошлого века, были обнаружены участки ранневизантийской квартальной застройки и плитово-грунтового некрополя, а также отдельные находки, датирующиеся в основном VI–VII вв.

В 1956 г. остатки позднеантичного-ранневизантийского городского квартала были зафиксированы сотрудниками Керченского музея во время строительства зда-

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

ния ЮгНИРО, недалеко от пересечения ул. Свердлова и ул. Театральная (рис. 2,1). Помимо жилых построек, здесь удалось обнаружить несколько рыбозасолочных цистерн⁹ и пифосов [Баукова, 2008, с. 190]. К сожалению, материалы, полученные в процессе наблюдений за земляными работами, на должном уровне обработаны не были. В научный оборот пока что введена только монета – фоллис Юстина II (565–578), но условия ее находки остаются неизвестными [Иванина, Куликов, Холодков, 2006, с. 156, № 13].

В 1957 г. при зачистке борта траншеи, проложенной по ул. Петра Алексея (к востоку от ул. Свердлова), из слоя суглинка на глубине 1,15–1,20 м был извлечен фрагмент краснолакового блюда фокейской группы с клеймом в виде креста (рис. 2,2) [Леви, 1957, с. 1]. В 1958 г. в котловане в районе пересечения ул. Свердлова и пер. 1-й Босфорский (в 22 м к востоку от дома № 26) была обнаружена круглодонная рифленая амфора VI в. с дипинти в виде миноры (рис. 2,3; 7,2) [Охранные..., 1957, с. 40; Могаричев, 2009, с. 266–267]. В 2004 г. слои раннесредневекового времени были прослежены в кернах под опоры троллейбусной контактной линии по ул. Свердлова, откуда происходила керамика VI–VII вв., в том числе амфоры типа LRA-2, LRA-1 и 103 Зеест. Особый интерес представляют керны № 255, 253, 251, расположенные между остановками «Переулоч Босфорский» и «Военкомат», поскольку именно они позволяют маркировать юго-восточную границу Боспора в прибрежной части города (рис. 2,4) [Федосеев, Столяренко, Куликов, 2006, с. 245–249, рис. 2; 7; 8].

Последний и наиболее обширный участок в этой части городища исследован в 2007–2009 гг. экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАНУ под руководством А. И. Айбабина на пересечении ул. Свердлова и пер. 1-й Босфорский (рис. 2,5). В раскопе площадью около 1000 кв. м, заложенном на склоне нижней террасы г. Митридат, были обнаружены многочисленные комплексы римского и ранневизантийского времени. На уровне горизонта 3 были открыты остатки четырех усадеб. Две из них функционировали в VI в., две другие в IV (второй половине V) – начале VII вв. В северо-восточной части раскопа исследован комплекс рыбозасолочных цистерн, сооруженный в позднеантичное время. Часть цистерн была заброшена в конце IV – начале (первой половине) V вв., другие, очевидно, функционировали до первой четверти VI в. Позднее этот участок занял плитово-грунтовый могильник, датированный VII–VIII вв. Что особенно важно, материалы этих раскопок оперативно вводятся в научный оборот [Айбабин, Смокотина, Хайрединова, 2008, с. 5–8; Айбабин, Хайрединова, 2009, с. 15–16; Айбабин, Хайрединова, 2010, с. 10–11; Айбабин, 2012, с. 5–6; Хайрединова, 2013, с. 286–317; Хайрединова, 2014, с. 442–460; Смокотина, 2008, с. 103–144; Смокотина, 2009а, с. 419–422; Смокотина, 2009б, с. 132–173; Смокотина, 2010, с. 416–418; Смокотина, 2011, с. 328–362; Смокотина, 2012, с. 396–397; Смокотина, 2013, с. 430–433; Смокотина, 2014, с. 68–87].

⁹ В 1974 г. в борту траншеи напротив здания ЮгНИРО были прослежены остатки пяти рыбозасолочных цистерн, вероятно, позднеантичного и ранневизантийского времени [Молева, 1974, с. 2].

Гораздо сложнее реконструировать городскую структуру и границы Боспора на северных и северо-восточных склонах г. Митридат. Еще совсем недавно эта территория считалась покинутой и едва ли не полностью занятой городскими некрополями. Однако археологические реалии свидетельствуют о том, что наряду с некрополями здесь, по крайней мере, до конца VI – начала VII вв. сохранялись отдельные очаги городской застройки.

В последнее время жилые и хозяйственные комплексы этого времени достоверно зафиксированы на западном плато горы и прилегающем к нему северном склоне. На полу одной из построек, сооруженной не ранее первой половины IV в., обнаружены фрагменты амфор LRA-1. Другая постройка датируется материалом второй половиной VI – первой половиной VII вв. О строительной активности на плато в этот период свидетельствуют амфоры типа 99 Зеест, LRA-1 и краснолаковая миска фокейской группы с клеймом в виде креста, найденные в заполнении некоторых перекопов и ям, связанных с выборкой камня. Немаловажным представляется также вывод о сохранении на г. Митридат вплоть до V–VI вв. системы террас Пантикапея [Журавлев, 1999, с. 29–30; Толстикова, Журавлев, 2001, с. 152; Айбабин, 1999, с. 79].

Помимо недавно исследованных участков, слои IV – второй четверти VI вв. были в свое время раскопаны В.Д. Блаватским на Эспланадном и Верхнем Эспланадном раскопах, но датировались они традиционно не позднее IV в. н.э. (рис. 1,12,13) [Сазанов, 1989, с. 57, табл. 5]. До V–VI вв., видимо, продолжали функционировать отдельные производственно-хозяйственные комплексы северо-западного предместья Пантикапея-Боспора, локализуемого между ул. Госпитальной и Старым кладбищем у церкви Святого Афанасия, вдоль которых, соответственно, пролегли восточная граница городского некрополя и спускавшийся по склону крепостной ров [Зинько, 2012, с. 157–161]. Один из таких комплексов в 1929 г. исследовал В.Ф. Гайдукевич. В юго-западном углу Старого кладбища (на пересечении ул. Пугачева и ул. Эспланадная) он раскопал керамическую обжигательную печь (рис. 1,14) [Гайдукевич, 1934, с. 16–50, рис. 1–9; Гайдукевич, 1949, с. 166]. На уровне ее верхних камней кладки была найдена монета Рискупорида VI, а в засыпи обломок стеклянного сосуда с синими каплями и закрытый светильник с рельефными изображениями виноградной лозы на щитке. В топке печи была обнаружена краснолаковая миска фокейской группы. Эти находки позволили В.Ф. Гайдукевичу обозначить хронологические границы комплекса в пределах второй половины IV в. н.э. [Гайдукевич, 1934, с. 32–33, рис. 10; 11]. Позднее верхняя граница была смещена А.В. Сазановым ко второй четверти VI в. [Сазанов, 1989, табл. 5], чему не противоречат находки миски группы «Фокейской краснолаковой» и позднебоспорской монеты, которая могла находиться в обращении, по крайней мере, до VI в. [Фролова, Николаева, 1978, с. 173–179]¹⁰.

Обитаемость северного и отчасти северо-восточного склонов г. Митридат в ранневизантийский период иллюстрируют отдельные, в большинстве своем случайные

¹⁰ В качестве примера можно привести клад деградированных боспорских статов из раскопок

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

находки. Так, в 1947 г. на Эспланадном раскопе был обнаружен экзагий из синего непрозрачного стекла, на котором имелись рельефные изображения бюста императора, двух крестов и монограмма – ПΑΠΠΟΥΣ, близкая монограммам на клеймах эпохи правления императора Маврикия (582-602) (рис. 1,12) [Кропоткин, 1973, с. 262–263]. В 1977 г. у подошвы северо-восточного склона в насыпи подпорной стены улицы 23 Мая 1919 г. (на верхней террасе двора школы им. В.Г. Короленко) случайно найдена каменная форма для отливки пальчатых фибул VI–VII вв. (рис. 1,15) [Холодков, 1996, с. 70–71; Айбабин, 1999, с. 142, рис. 57]. В конце 90-х годов прошлого столетия на северном склоне горы (на окраине Старого кладбища по ул. Пантикапейской) найден моливдовул с крестообразной монограммой имени, ранга или имени владельца (рис. 1,16). Особенности сфрагистического типа в совокупности с крестообразной монограммой позволили Н.А. Алексеенко отнести его к VII в. [Алексеенко, 2011, с. 128, рис. 7]. В 1886 г. к западу от Первого кресла Митридата обнаружен фрагмент скульптуры из белого мрамора в виде головы мужчины со стилизованной прической. Одна из атрибуций предполагает рассматривать ее как изображение молодого императора Юстиниана I [Куликов, Иванина, 2008, с. 44–49]. Кроме того, на склонах горы регулярно находят византийские монеты VI–VII вв., но лишь немногие из них попадают в музейные коллекции. В 1915 г. на г. Митридат (точное место находки неизвестно) обнаружен золотой солид Константина IV Погоната, Ираклия и Тиберия (668-685) [Кропоткин, 1962, с. 34, № 207]. В 1959 г. на ул. Верхняя Митридатская близ дома № 31 найден фоллис Тиберия III Апсимара (698-705) (рис. 1,17) [Кропоткин, 1965, с. 175, № 55 (528); Кропоткин, 1971, с. 218, № 5; Иванина, Куликов, Холодков, 2006, с. 161, № 32]. К северо-западу от Первого кресла Митридата обнаружен пентануммий Маврикия с надчеканкой Ираклия [Кропоткин, 1971, с. 218, № 3].

В совокупности с исследованными участками и отдельными комплексами нанесенные на карту индивидуальные находки позволяют условно очертить территорию, в пределах которой на г. Митридат могли размещаться отдельные очаги жилой застройки ранневизантийского периода. По всей видимости, они более всего тяготели к ее северному склону, при этом не выходили за пределы западной линии оборонительных стен Пантикапея. Однако для того, чтобы рассматривать этот район как полноценный – с плотной жилой застройкой и сопутствующей ему инфраструктурой – участок города, имеющихся данных пока еще очень мало.

Здесь же, на вершине горы и ее обращенных к городу – северном, северо-восточном и юго-восточном склонах, к середине/второй половине VI – началу VII вв. сформировалось несколько новых могильников, где, в отличие от старых городских некрополей, стали хоронить не в семейных склепах, а в плитовых и грунтовых могилах [Айбабин, 1991, с. 9; Айбабин, 1993а, с. 128, 130; Айбабин, 1993б, с. 22; Айбабин,

А.И. Айбабина в пер. 1-й Босфорский. По мнению В.А. Сидоренко, время его сокрытия может варьироваться между 341-342 гг. н.э. и VI в. [Сидоренко, 2011, с. 479].

1999, с. 93–94; Айбабин, 2002, с. 8; Амброз, 1992, с. 53]¹¹. В настоящее время удалось локализовать четыре таких могильника, хотя нельзя исключать, что, по крайней мере, два из них представляют собой отдельные участки одного некрополя.

К сожалению, до недавнего времени они практически не привлекали внимание исследователей. К тому же, широкую известность, в основном благодаря раскопкам В.Д. Блаватского, получил только один плитово-грунтовый некрополь, разместившийся на восточной оконечности г. Митридат, включая ее вершину между скальными массивами Первое и Второе кресло Митридата и северо-восточные склоны, примерно до ул. Эспланадной и ул. Рыбакова (рис. 8). Возможно, этот же некрополь занимал и южный склон горы, по крайней мере, его верхний участок между Первым и Третьим Босфорскими раскопами В.Д. Блаватского, где были обнаружены две небольшие группы погребений¹².

Наиболее ранние свидетельства о некрополе, а если быть точнее, его участке на верхнем плато между часовней керченского градоначальника И.А. Стемпковского и Первым креслом Митридата, относятся к первой трети XIX в. Первое документальное упоминание о нем удалось обнаружить в эпистолярном наследии А.С. Пушкина, посетившего Керчь в 1820 г. [Пушкин, 1937, с. 18]. О «кладбище» рядом «со скалою» (Первым креслом Митридата) был прекрасно осведомлен и П.А. Дюбрюкс, но «современные», как считал исследователь, могилы его не заинтересовали [Дюбрюкс, 2010, I, с. 287]. В 1834 г. «кресло Митридата» и место раскопок, произведенных Д.В. Карейшей в июле этого же года, осмотрел Ф. Дюбуа де Монпере. Здесь он заметил «множество гробниц... из тонких плиток керченского известняка», отсутствие находок в которых позволило ему сделать вывод о христианской принадлежности погребенных [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 21–22; Спасский, 1846, с. 9–10; Дюбрюкс, 2010, I, с. 547]. В 1849 г. несколько могил, обнаруженных между часовней И.А. Стемпковского и Первым креслом Митридата, исследовал К.Р. Бегичев. В одной из них были найдены стеклянные бусы, в другой медный крестик. В числе других керченских археологов К. Р. Бегичев ошибочно отнес открытые погребения к «генуэзскому» или «турецкому» периоду [Блаватский, 1951а, с. 36]. В мемуарной литературе тех лет этот участок могильника и вовсе характеризовался как «старин-

¹¹ Вопросы топографии и истории изучения боспорского некрополя второй половины IV – конца VII вв., расположенного на северном склоне г. Митридат, в пределах ул. Госпитальная – ул. Чернышевского – ул. Эспланадная – ул. 23 Мая 1919 г., неоднократно рассматривались в работах Е.А. Зинько [Зинько Е.А., 2000, с. 69–71; Зинько Е.А., 2003, с. 49–60; Зинько Е.А., 2007, с. 59–65; Зинько Е.А., 2013, с. 523–533]. В рамках данной статьи отметим лишь, что даже на последнем этапе функционирования этот некрополь, видимо, не выходил в восточном направлении за пределы ул. Госпитальной [Цветаева, 1951, с. 82–83; Зинько Е.А., 2003, с. 60].

¹² На первом Босфорском раскопе были обнаружены три плитовых детских могилы, на торцевой плите одной из них вырезан крест [Блаватский, 1947, с. 92; Блаватский, 1962б, с. 49–50]. На Третьем Босфорском раскопе расчищено шесть различных по конструкции погребений, в том числе грунтовые могилы с приступками для досок перекрытия и гробовинами, плитовая могила, подбойная могила с каменным обкладом и грунтовое погребение, закрытое каменным закладом [Блаватский, 1951б, с. 212–213; Блаватский, 1962б, с. 49–50, 73, рис. 1].

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

ное... и теперь упраздненное кладбище», а могилы нередко принимались за «недавние сооружения» [Беккер, 1853, с. 353; Ховен фон дер, 2014, с. 595].

Во второй половине XIX – первой трети XX вв. раскопки на территории могильника эпизодически предпринимали А.Е. Люценко, К.Е. Думберг, В.В. Шкорпил и Ю.Ю. Марти, но приоритетной для них задачей, чаще всего, являлось изучение «пепелища древнего города Пантикапея» и его некрополей. Как правило, точных данных о количестве, месте нахождения и конструкции открытых могил в их кратких отчетах не приводилось. Относительно подробно фиксировались лишь те погребальные комплексы, в которых были найдены изделия из драгоценных металлов или предметы христианского культа. Так, в 1862 г. в районе часовни была открыта могила, в которой оказался деревянный гроб, украшенный крестами из листового серебра [Кулаковский, 1891, с. 29; Кулаковский, 1908, с. 538]. В 1864 г. на верхней террасе у часовни А.Е. Люценко раскопал плитовую детскую могилу, в которой были обнаружены золотые серьги и стеклянный флакон [Блаватский, 1951а, с. 38]. Спустя три года им же на северном склоне горы «выше лестницы, ведущей к церкви Св. Александра Невского» (бывшее здание Керченского музея древностей), открыта еще одна «генуэзская гробница». Погребенный был ориентирован головой на восток. При зачистке костяка были найдены бусы и детали поясного набора византийского круга первой половины VII в. [Блаватский, 1951а, с. 39; Айбабин, 1990, рис. 50, 1–12; Айбабин, 1999, табл. XXXI, 26, 27, 29, 31, 38–45]. В 1899 г. К.Е. Думберг к югу от раскопанного в 1895 г. участка городища, в насыпи над античным зданием VI, исследовал несколько «каменных, так называемых генуэзских могил» [Отчет., 1902, с. 24, рис. 26; 28; Блаватский, 1951а, с. 46–47]. В одной из них был найден колбообразный стеклянный сосуд, датированный И.П. Засецкой VI в. [Засецкая, 2005, с. 113, кат. 40, табл. VIII, 2; Засецкая, 2008, с. 137, № 98, табл. XXIV, 5, рис. 29, 3]. В 1903 г. в одном из погребений был обнаружен серебряный крест с расширяющимися концами. Отверстия в кресте и сохранившиеся в них гвозди указывали на то, что изначально он был прибит к гробу, остатки которого сохранились в виде истлевших досок [Кулаковский, 1908, с. 538]. В 1902–1905 гг. на ул. Эспланадной В.В. Шкорпилом были раскопаны несколько плитовых и грунтовых (преимущественно подбойных) могил, датирующихся материалом не позднее второй половины VI в. [Шкорпил, 1904, с. 84; Шкорпил, 1907, с. 4–8; Шкорпил, 1909, с. 3]. В некоторых из них обнаружен богатый погребальный инвентарь. К примеру, в могиле № 19 1904 г. (с двумя подбоями) были найдены краснолаковые миски типа LRC-3F, стеклянный сосуд, бронзовые серьги с многогранниками и серебряные позолоченные фибулы типа Керчь, а в плитовой могиле № 1 1905 г. костюм погребенной в ней женщины украшали 15 треугольных золотых подвесок, серебряная орлиноголовая пряжка и бусы из янтаря и сердолика. Здесь же найден колбообразный стеклянный сосуд [Шкорпил, 1907, с. 7–8; Шкорпил, 1909, с. 3; Айбабин, 1999, с. 100, 104–105, рис. 37, 1–7; Засецкая, 2005, с. 104, 110, 112–113, кат. 9, 29, 38, табл. II, 4; VI, 2; VIII, 1; Засецкая, 1998, с. 443, кат. 35–36, табл. III, 35, 35; XI; XII]. В 1909 г., согласно рапорту В.В. Шкорпила, «счастливчиками» в районе часовни И.А. Стемпковского

был найден золотой медальон с изображением Христа [Гайдукевич, 1940, с. 201, прим. 2]. В 1913 г. недалеко от нее нашли надгробный известняковый крест с пятистрочной надписью «Здесь покоится Феодор», датированный V–VI вв. [Шкорпил, 1914б, с. 82, № 12; Диатроптов, Емец, 1995, с. 12–13, № 19]. Здесь же в 1930 г. сотрудники Керченского музея открыли плитовую могилу, перекрытую досками с богатым погребальным инвентарем, включавшим золотой крест и детали поясного набора из золота в серебряной оправе с зернью [Гайдукевич, 1940, с. 201, прим. 2].

Исследованные к началу 30-х годов небольшие участки некрополя и отдельные погребальные комплексы позволили Ю.Ю. Марти, а вслед за ним и В.Ф. Гайдукевичу определиться с его нижней датой и занимаемой территорией [Марти, 1928, с. 311; Марти, 1932, с. 8; Гайдукевич, 1940, с. 201]. С этого времени он вместе с катакомбными погребениями в бывшем предместье Глинище и на северном склоне г. Митридат стал рассматриваться как один из городских некрополей ранневизантийского Боспора.

Во второй половине прошлого столетия в связи с возобновившимися раскопками на г. Митридат отдельные участки некрополя впервые удалось исследовать на широких площадях. Более сотни плитовых и грунтовых могил были открыты В.Д. Блаватским на Эспланадном раскопе (1945–1949 гг.), Верхнем Митридатском раскопе (1949–1953 гг., 33 могилы), Северном раскопе в 30 м к ВЮВ от раскопа К.Е. Думберга (1954–1958 гг., 36 могил), Ново-Эспланадном раскопе (1954–1958 гг., 40 могил), Первом Босфорском раскопе (1946 г., 3 могилы), Третьем Босфорском раскопе (1949 г., 6 могил) [Блаватский, 1949, с. 36; Блаватский, 1951б, с. 226; Блаватский, 1955, с. 85–87; Блаватский, 1956, с. 117–118; Блаватский, 1960, с. 170–171, 185, рис. 3; Блаватский, 1962б, с. 32–38, 49–51, 65, 72, 73, рис. 1,2,3,5,8,10,11; Блаватский, 1964, с. 223, рис. 75; 76]. В 1959–1976 гг. еще несколько десятков погребений были открыты И.Д. Марченко на Ново-Эспланадном, Центральном и Восточном раскопах [Марченко, 1968, с. 27–28; Марченко, 1974, с. 306; Марченко, 1984, с. 24–25]. Последний, пожалуй, один из наиболее обширных участков могильника исследован Боспорской экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина на западном плато г. Митридат и прилегающем к нему северном склоне [Толстикова, 1992, с. 52; Журавлев, 1999, с. 29–30].

Открытые и частично опубликованные В.Д. Блаватским погребальные сооружения можно разделить на четыре типа. Тип I – могилы с перекрытием из каменных плит без гробовины; тип II – могилы с перекрытием из каменных плит и гробовиной; тип III – могилы с перекрытием из каменных плит и деревянных балок с гробовиной; тип IV – могилы, перекрытые небольшими бревнами, без гробовины. На четыре типа можно разделить и грунтовые могилы. Тип I – могилы без перекрытия; тип II – могилы без перекрытия с гробовиной; тип III – могилы с перекрытием из каменных плит с гробовиной¹³; тип IV – могилы с перекрытием из досок и выложенными камнями приступками [Блаватский, 1956, с. 117–118].

¹³ Среди плит перекрытия одной из грунтовых могил типа III (№ 37, 1953 г., Верхний Митридатский

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

В большей части могил были совершены одиночные захоронения, но встречаются и коллективные погребения, в которых зачищены два, четыре и даже шесть скелетов, располагавшихся в два или три яруса. Погребенные в плитовых и грунтовых могилах уложены в вытянутом положении, на спине, головой на запад, з – ю-з, ю – ю-з, юг, ю-в, в – ю-в, восток, с – с-з, с-з, з – с-з. В могиле № 28, открытой на Ново-Эспланадном раскопе, один из костяков лежал в обратном направлении к другим [Сокольский, 1961, с. 45]. Прямой взаимосвязи между ориентировкой погребенных и типом могилы проследить не удалось. Не исключено, что такое их разнообразие связано с тем, что в могильнике хоронили представителей различных этнических групп [Айбабин, 1999, с. 141; Айбабин, 2013б, с. 7].

Погребальный инвентарь обнаружен не во всех могилах и в основной массе датируется второй половиной VI – VII вв. Гораздо реже встречаются изделия VIII–IX вв. В могилах обнаружены глиняная и стеклянная посуда, стеклянные и янтарные бусы, бронзовые, серебряные и золотые украшения (браслеты, серьги, подвески), поясная гарнитура, железные ножи и кинжалы, изделия из кости, амулеты, медные монеты и изготовленные из них медальоны с ушками. Хронологические рамки могильника надежно определяют пальчатые фибулы типа «Аквилея», орлиноголовые пряжки, детали поясных наборов VII в., византийские пряжки типа «Сиракузы» и «Коринф» [Блаватский, 1955, рис. 32; Айбабин, 1990, с. 69, рис. 46,17; 48,22; 50,36; 51,27; Айбабин, 1993б, с. 22; Амброз, 1992, с. 82; Амброз, 1994, рис. 10,73]. Вероятно, с могильником связана случайная находка в перекопанном слое византийской пряжки типа «Болонья» второй половины VII – VIII вв. [Марченко, 1957, рис. 1,16; Айбабин, 1990, с. 46, рис. 42,16, подвариант 5]. К числу наиболее ранних находок относится стеклянный сосуд с декором из напаянных капель синего стекла, обнаруженный в одной из могил, раскопанных В.Д. Блаватским на III Босфорском раскопе [Блаватский, 1951б, с. 212–213].

На христианскую принадлежность погребенных указывают находки предметов личного благочестия, в том числе бронзовых и золотых нательных крестов и медальона с изображением Христа. На некоторых могильных плитах были вырезаны кресты, а на деревянные гробовины набиты крестики из листового серебра. Кроме того, на территории могильника были обнаружены надгробия в виде креста. Пожалуй, самой известной, вызвавшей многолетнюю дискуссию находкой является лекифобразный расписной кувшин с надписью ΕΦΩ, обнаруженный в 1957 г. в плитовой могиле № 25 на Ново-Эспланадном раскопе. На его тулове изображен лик святого, голова которого обрамлена нимбом [Блаватский, 1960, с. 185; Блаватский, 1961, с. 95–99, рис. 1–3; Блаватский, 1964, с. 225, рис. 77]. По мнению В.Д. Блаватского, надпись представляет собой сокращение выражения ἐφίημι («чтобы я предстал» или «чтобы я получил»). Условия находки сосуда, а также характер надписи и изображе-

раскоп) обнаружен известняковый крест с эпитафией Феодора, датированной VI–VII вв. [Блаватский, 1956, с. 117; Блаватский, 1962б, с. 36, рис. 23; Диатроптов, Емец, 1995, с. 13, № 22].

ния позволили ему датировать сосуд концом IV – V вв., но не исключалась и более поздняя дата [Блаватский, 1985б, с. 25–28]¹⁴.

В отличие от конфессиональной принадлежности погребенных, относительно хронологических границ могильника единого мнения в историографии не сформировалось. Ю.Ю. Марти датировал его не ранее VI в. [Марти, 1932, с. 8], А.Л. Якобсон – V–VI вв. [Якобсон, 1958, с. 463; Зеест, Якобсон, 1965, с. 67; Якобсон, 1979, с. 7]¹⁵, В.Ф. Гайдукевич – не ранее VI–VII вв., а затем V–VI вв. [Гайдукевич, 1940, с. 201; Гайдукевич, 1949, с. 482], Н.И. Сокольский – V–X вв. [Сокольский, 1961, с. 45], В.Д. Блаватский – V–VIII вв. и VI–VIII вв. [Блаватский, 1962б, с. 38; Блаватский, 1964, с. 223], И.А. Баранов – V–VIII вв. и второй половиной VII – X вв. [Баранов, 1974, с. 154; Баранов, 1990, с. 107], А.И. Айбабин – второй половиной VI / началом VII – IX вв. [Айбабин, 1990, с. 69; Айбабин, 1999, с. 141, 189], А.В. Гадло – IV / V – VIII вв. [Гадло, 2004, с. 108].

Широкий диапазон предложенных для некрополя нижних и верхних дат объясняется, прежде всего, недостаточностью археологического материала, поскольку ни один из открытых погребальных комплексов так и не был полностью введен в научный оборот. Для его датировки исследователи были вынуждены привлекать малочисленные находки, опубликованные в кратких отчетах о раскопках или хранящиеся в фондах Керченского музея. Тем не менее, наиболее обоснованной представляется датировка А.И. Айбабина, что, впрочем, не исключает в дальнейшем выделения более ранних участков могильника.

Второй некрополь локализуется нами ниже по северному склону г. Митридат, примерно в районе ул. Крупской и прилегающего к ней участка ул. 23 Мая 1919 г. К сожалению, при определении его границ и хронологических рамок на данный момент приходится ограничиваться скудными данными, которые удалось собрать в отчетах об охранных раскопках и наблюдениях, осуществленных в этом районе сотрудниками Керченского музея. Наиболее ранние обнаруженные в них сведения о некрополе относятся к 1956 г. В этом году С.Я. Берзиной на ул. 23 Мая 1919 г. (примерно в районе пересечения с ул. Крупской) была раскопана плитовая могила, где находился колбообразный стеклянный сосуд. В 1957 г. в траншее по ул. Крупской напротив дома № 43 обнажились еще две плитовые могилы, ориентированные в направлении з-в и с-ю, но исследованы они не были (рис. 1,А) [Охранные..., 1957, с. 25–26]. Таким

¹⁴ Подобного рода сосуды находили и раньше. Пять из них, включая три экземпляра, подаренные частными коллекционерами, хранятся в Керченском музее, еще один в Одесском музее. Время их бытования и назначение до сих пор остаются предметом дискуссии. Лик святого на стенках некоторых из них трактуется как образ св. Фоки Вертоградара [Книпович, 1955, с. 385, рис. 23; Цехмистренко, 1957, с. 147–149, рис. 58; Диатроптов, Емец, 1995, с. 23, № 65; Айбабин, 1999, с. 141, рис. 56,1; Юрочкин, Туровский, 2001, с. 43; Юрочкин, 2004, с. 3; Юрочкин, 2011, с. 54; Иванина, Федосеев, 2012, с. 29–32; Иванина, Федосеев, 2014, с. 138–143].

¹⁵ А.Л. Якобсон первоначально относил основную массу открытых В.Д. Блаватским погребений не позднее чем к V в. И только три могилы – № 18/1949, № 31/1952 и № 56/1952 – могли быть датированы, по его мнению, VI в. или даже VII в. [Якобсон, 1958, с. 463].

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

образом, на дату некрополя, по крайней мере одного из совершенных на его территории погребений, указывает только одна находка – колбообразный стеклянный сосуд. Согласно И.П. Засецкой, подобные изделия встречаются в комплексах второй половины VI – начала VII вв. [Засецкая, 2005, с. 112, кат. 35]. Позднее охранные раскопки под строительство теплоцентрали в этом же районе проводил О.Д. Чевелев. Им были исследованы несколько десятков плитовых могил, среди которых были и с вырезанными крестами на плитах. Эти материалы остались не опубликованными автором раскопок.

Два других плитово-грунтовых некрополя располагались на юго-восточной окраине города. Один из них локализован у юго-восточной подошвы г. Митридат примерно между пер. 2-й Босфорский и зданием Керченского музея по ул. Свердлова, дом № 22. Территория, занимаемая могильником, полностью находится под современной городской застройкой и предварительно маркируется в пределах ул. Свердлова (между домами № 22 и № 44), северо-восточной оконечности ул. Айвазовского, пер. 1-й Босфорский и прилегающего к нему участка ул. 1-я Митридатская. До середины 50-х гг. прошлого столетия каких-либо сведений о нем найти не удалось. Первые могилы, частично разрушенные во время прокладки городских коммуникаций, были обнаружены к югу от здания музея только в 1956–1957 гг. (рис. 2,Б). На изголовной плите одной из них была вырублена ниша с крестом [Охранные..., 1956, с. 45–50, фото № 20; 24]. В 1958 г. две плитовых и две грунтовых могилы обнаружены С.А. Семеновым, В.П. Азаровым и В.Э. Куниным в северо-восточном углу котлована под дом № 9 на углу ул. Свердлова и ул. Айвазовского (рис. 2,А) [Баукова, 2008, с. 190]. В 1959 г. более десятка плитовых могил обнаружены в траншее на пересечении ул. Свердлова с пер. 1-й Босфорский и ул. Айвазовского [Летопись..., 1959–1963, с. 11–13; Баукова, 2008, с. 189]. Еще 12 ограбленных погребений были исследованы во дворе Керченского музея [Баукова, 2008, с. 189]. В 1971 г. две грунтовые могилы с плитовым перекрытием исследованы Н.В. Молевой на ул. Свердлова недалеко от здания музея (рис. 2,В). Одна из них оказалась разрушенной экскаватором. В другой могиле расчищено одиночное захоронение, датированное фрагментами амфор IV–VI вв. [Молев, Молева, 1973, с. 314]. В 1986 г. охранные раскопки одного из участков могильника по ул. Свердлова между домами № 26 и № 44 провели сотрудники Керченского музея (рис. 2,Г). В процессе работ были открыты девять плитовых могил. Погребенные были ориентированы головой на юго-запад. Часть могил оказалась без инвентаря, в других могилах найдены пряжки типа «Сиракузы», монеты, бронзовые браслеты, колокольчики, янтарные бусы. Находки деталей ременной гарнитуры, а также монет Тиберия Маврикия (582–602), в том числе с надчеканкой императора Ираклия (610–641) [Иванина, Куликов, Холодков, 2006, с. 156–157, № 16], позволили В.Н. Холодкову отнести их к первой половине VII в. [Холодков, 1977–1988, с. 32–39]. Последний и наиболее обширный участок могильника был исследован в 2007–2009 гг. экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А.И. Айбабина в пер. 1-й Босфорский

(рис. 2,Д). В процессе раскопок было открыто 99 могил, в том числе плитовых – 27, грунтовых – 33, грунтовых погребений, борта которых частично выложены камнями или плитами, – 16. Большая часть погребенных ориентирована головой на запад и юго-запад, в остальных случаях зафиксировано положение на север, восток и северо-восток. В мужских погребениях обнаружены железные трапециевидные пряжки, бронзовые пряжки типа «Сиракузы», кресала кремни, шилья, монеты, бронзовые крючки, перстни, серьги, браслеты и другие мелкие изделия. В женских погребениях – пряжки типа «Сиракузы», браслеты, серьги, кольца, перстни и бусы [Хайрединова, 2012, с. 435–436; Хайрединова, 2013, с. 287–295; Хайрединова, 2014, с. 442–460]. Особый интерес представляет погребение воина с ритуально согнутым мечом и горитом со стрелами. Погребальный инвентарь, включая фоллис Юстина II (577-578) и пряжки типа «Сиракузы», позволил датировать могильник VII–VIII вв. [Айбабин, Смокотина, Хайрединова, 2008, с. 5–6; Айбабин, Хайрединова, 2009а, с. 15–16; Айбабин, Хайрединова, 2009б, с. 10–11]¹⁶.

И, наконец, последний некрополь, точнее, его единственный исследованный небольшой участок локализуется в районе пересечения ул. 1-я Митридатская и пер. Клабукова. В 1976 г. в борту траншеи водопровода напротив Портовой больницы на водном транспорте (ул. 1-я Митридатская, 47а) обнажились три плитовых могилы (рис. 2,Е). Две из них оказались ограбленными, а одна – содержащая богатое женское захоронение, в этом же году была раскопана С.А. Шестаковым. Обнаруженные в ней пальчатые серебряные фибулы типа Удине-Планис 2 варианта, серебряная орлиноголовая боспорская пряжка, золотые серьги с витым кольцом и инкрустированным гранатами многогранником, пять бусин (две из горного хрусталя), серебряные браслеты и стеклянный колбообразный сосуд свидетельствовали о высоком статусе погребенной [Холодков, 1991, с. 33–35; Баранов, 1990, с. 107; Айбабин, 1999, с. 100, рис. 15,5; 38,2]. И.П. Засецкая датировала фибулы первой половиной VI в. [Засецкая, 1998, с. 445, кат. 50]. Время совершения погребения В.Н. Холодков определил между второй половиной V – первой половиной VI вв. [Холодков, 1991, с. 35]. Позднее А.И. Айбабин скорректировал дату в пределах второй половины VI в. [Айбабин, 1999, с. 100]. Таким образом, помимо рассмотренного выше некрополя VII–VIII вв. в юго-восточной части Боспора, выделяется еще один, более ранний могильник. Однако, учитывая небольшое – в пределах одного квартала – расстояние между ними, можно полагать, что речь идет об одном могильнике, но разных по месту и времени совершения захоронений его участках. В качестве рабочей гипотезы можно также предположить, что по мере сокращения городской территории этот некрополь расширился по направлению к северо-востоку, опускаясь с нижних террас горы Митридат к ее подошве.

Иными словами, к VII – началу VIII вв. сформировавшиеся на южной окраине

¹⁶ Антропологический материал из могильника частично опубликован В.Ю. Радочиным [Радочин, 2009, с. 348–350; Радочин, 2012, с. 370–373; Радочин, 2013, с. 217–276].

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

Боспора плитово-грунтовые некрополи, видимо, стали постепенно поглощать городскую территорию, причем не только в прибрежной его части, но и на горе Митридат, где до последней четверти VI – начала VII вв. местами еще сохранялись небольшие участки застройки.

К сожалению, маркирование границ некрополей представляется чаще всего неразрешимой задачей. Причем для большей части из них ее решению препятствует не только их слабая изученность, но и современная городская застройка, не позволяющая провести на территории некрополей широкомасштабные раскопки. В связи с этим в ближайшей перспективе основное внимание следует сконцентрировать на публикации уже имеющихся археологических материалов, большая часть которых еще не введена в научный оборот. При этом наиболее сложной задачей, на наш взгляд, окажется локализация места находки и атрибуция погребальных комплексов, раскопанных в XIX – первой четверти XX вв.

Эти же проблемы актуальны и для самого города Боспора, более столетия назад полностью оказавшегося под застройкой центральной части Керчи. В сложившихся условиях раскопки на его территории носили исключительно охранный характер, поэтому по мере представлявшейся возможности проводились в сжатые сроки и, как правило, на ограниченной площади. В результате на данный момент исследованы лишь небольшие, отдаленные друг от друга участки городища, которые не позволяют реконструировать его градостроительную модель. В связи с этим особую значимость в изучении ранневизантийского города Боспора приобретают неопубликованные материалы, включая богатейшие архивы Керченского музея и научных организаций, проводивших в свое время раскопки на территории Керчи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I.
- Айбабин А.И.* О датировке раннесредневекового некрополя Боспора // Проблемы археологии и истории Боспора. К 165-летию основания Керченского музея древностей. Тез. докл. юбилейной конференции 13-19 октября 1991 года. Керчь, 1991.
- Айбабин А.И.* Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1993а. Вып. III.
- Айбабин А.И.* О хронологии раннесредневекового некрополя Боспора (к публикации И.П. Засецкой) // МАИЭТ. Симферополь, 1993б. Вып. III.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И.* Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Айбабин А.И.* О хронологии некрополя Боспора VI–VII вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002.
- Айбабин А.И.* Боспор // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII веков. М., 2003.
- Айбабин А.И., Смокотина А.В., Хайрединова Э.А.* Некоторые итоги раскопок раннесредневековой Керчи в 2007 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Боспорские чтения. Керчь, 2008. Вып. IX.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора в 2007-2008 гг. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Боспорские чтения. Керчь, 2009. Вып. X.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Раскопки раннесредневекового Боспора в 2007-2009 гг. // Археологічні дослідження в Україні в 2009 року. К., 2010.
- Айбабин А.И.* Раскопки нового рыбозасоленного комплекса в г. Боспор // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения. Керчь, 2012. Вып. XIII.
- Айбабин А.И.* Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2013а. Вып. XVIII.
- Айбабин А.И.* Ранневизантийский Боспор в VI–VII вв. // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докл. и сообщ. Межд. науч. конф. (Бахчисарай, 3–7 сентября 2013 г.). Симферополь, 2013б.
- Алексеенко Н.А.* Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40.
- Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей. // Боспорский сборник. М., 1992. Вып. 1.
- Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. IV.
- Ашик А.Б.* Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1848. Ч. I.
- Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского // Феодалная Таврика. К., 1974.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990.
- Баукова А.Ю.* Археологічна діяльність Керченського музею у другій половині 40-х – 50-і рр. XX ст. // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2008. Вып. II.
- Беккер П.В.* Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. // ПроPILEI: Сборник статей по классической древности, изд. П. Леонтьевым. М., 1853. Т. 3. Отд. 1.
- Блаватский В.Д.* Раскопки в Керчи // КСИИМК. 1947. Вып. XXI.
- Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея (1947 г.) // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.
- Блаватский В.Д.* Материалы по истории Пантикапея. План города // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I. МИА. 1951а. № 19.
- Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея // КСИИМК. 1951б. Вып. XXXVII.
- Блаватский В.Д.* Исследования города Пантикапея // АИБ. Симферополь, 1952. Т. I.
- Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1952 году // КСИИМК. 1955. Вып. 58.
- Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1953 году // КСИИМК. 1956. Вып. 63.
- Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1934 г. // Пантикапей. МИА. 1957. № 56.
- Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1954–1958 гг. // СА. 1960. № 2.
- Блаватский В.Д.* Сосуд с надписью ΕΦΩ // Исследования в памет на Карел Шкорпил. София, 1961.
- Блаватский В.Д.* Исследования города Пантикапея // АИБ. Симферополь, 1962а. Т. II.
- Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // Пантикапей. МИА. 1962б. № 103.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
- Блаватский В.Д.* Боспорское царство в позднеантичное время // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985а.
- Блаватский В.Д.* Сосуд с надписью εΦΩ // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985б.
- Болгов Н.Н.* Базилика Боспора // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Мат. межд. науч. конф. СПб., 2002а. Ч. 1.
- Болгов Н.Н.* О ранневизантийских базиликах Боспора // Исторична наука: проблеми розвитку. Луганск, 2002б.
- Болгов Н.Н.* К сакральной топографии Боспора V–VI вв. // Церковные древности. Сборник материалов III Международной конференции «Церковная археология: литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения» (Севастополь, 2003). Симферополь, 2005а.
- Болгов Н.Н.* О христианской сакральной топографии Боспора V–VI вв. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Харків, 2005б. Вип. 37. № 701. Історія.

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

- Болгов Н.Н.* К вопросу о христианской топографии Боспора V-VI вв. // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы межд. науч. конф. СПб., 2005в.
- Болгов Н.Н.* Византия-Таврика-Русь: Культурно-идеологический континуитет в Северном Причерноморье // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 2011. Вип. 20.
- Бочаров С.Г.* Топография города Керчи XVI-XVIII вв. // Древнее Причерноморье. Материалы международной конференции. V-е чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского (Одесса, 12-14 марта 2001 года). Одесса, 2003а.
- Бочаров С.Г.* Генуэзская крепость Воспоро в XIV-XV веках // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Резюме докладов XI межд. науч. конф. (31 мая-5 июня 2003 г.). Ростов-на-Дону, 2003б.
- Бочаров С.Г.* Топография города Керчи XVI-XVIII веков // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4.
- Бочаров С.Г.* Крепостные сооружения города Боспора – Воспоро в XIV-XV вв. Реконструкция // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы межд. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19-22 ноября 2013 г.). СПб., 2013.
- Веймарн Е.В.* Предварительный отчет о работах Восточного отряда Горно-Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1957 г. Этап I. Исследования церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Бахчисарай 1957 г. // НА КРУ «КИКЗ». Оп. № 7. Ед. хр. № 45.
- Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929-1931 гг. // ИГАИМК. М.-Л., 1934. Вып. 80.
- Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. Т. VI.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949.
- Диатроптов П.Д., Емец И.А.* Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. М., 1995. № 2.
- Дюбрьокс П.* Собрание сочинений: в 2 т. / Сост. и отв. ред. д.и.н. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. СПб., 2010.
- Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. – В 6 томах – Париж, 1853. – Т. 5, 6 / Пер. с фр., пред. и прим. Т.М. Фадеевой. Симферополь, 2009.
- Журавлев Д.В.* Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы, и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Международная научная конференция, посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач. Тез. докл. СПб., 1999.
- Зайончковский А.М.* Восточная война 1853-1856. СПб., 2002.
- Занкин А.Б.* Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок в г. Керчи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001.
- Засецкая И.П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Засецкая И.П.* Хронология стеклянных колбообразных сосудов из боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов // БИ. Симферополь-Керчь, 2005. Вып. X.
- Засецкая И.П.* Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI-VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа) / БИ. Симферополь-Керчь, 2008. Вып. XX.
- Зеест И.Б., Якобсон А.Л.* Раскопки в Керчи в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 104.
- Зинько А.В.* Восточная Таврика в эпоху Великого переселения народов // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XVIII.
- Зинько А.В., Пономарев Л.Ю.* К истории изучения ранневизантийского Боспора (плитово-грунтовый

Боспорские исследования, вып. XXXII

- могильник на вершине и северо-восточном склоне г. Митридат) // БИ. Симферополь-Керчь, 2014. Вып. XXX.
- Зинько Е.А.* Боспорские склепы на северном склоне горы Митридат // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Зинько Е.А.* О топографии позднеантичного некрополя Пантикапея // БИ. Симферополь, 2003. Вып. III.
- Зинько Е.А.* Христианские склепы некрополя Боспора IV-VI вв. н.э. // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII.
- Зинько Е.А.* Историческая топография северо-западного предместья Пантикапея-Боспора в III-VI вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения. Керчь, 2012. Вып. XIII.
- Зинько Е.А.* Из истории изучения ранневизантийских склепов Боспора // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XVIII.
- Зограф А.Н.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932-1934 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. МИА. 1941. № 4.
- Зубарь В.М.* Об основных тенденциях христианизации населения Юго-Западного Крыма // Х Сб. Севастополь, 1999. Вып. X.
- Иванина О.А., Куликов А.В., Холодков В.Н.* Византийские монеты VI-VII вв. в собрании Керченского заповедника (к истории денежного обращения в Таврике в эпоху раннего средневековья) // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I (к 180-летию Керченского музея древностей).
- Иванина О.А., Федосеев Н.Ф.* К вопросу об атрибуции лекифов с изображением святых // Тезисы научной отчетной конференции. VII Музейные чтения 18 декабря 2012 года. Керчь, 2012.
- Иванина О.А., Федосеев Н.Ф.* О некоторых христианских реликвиях из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV.
- Книпович Т.Н.* Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.-Л., 1955.
- Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. Т. XXXVIII.
- Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР / САИ. М., 1962. Вып. Е4-4.
- Кропоткин В.В.* Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 1965. Т. XXVI.
- Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.
- Кропоткин В.В.* Новые находки византийских монет в Керчи // ВВ. 1971. Т. 32.
- Кропоткин В.В.* Византийский экзагий из Керчи // ВВ. 1973. Т. 34.
- Кулаковский Ю.А.* Керченская христианская катакомба 491 года // МАР. СПб., 1891. № 6.
- Кулаковский Ю.А.* К истории Боспора Киммерийского в конце VI века (по поводу изъяснения надписи Евпатерия) // ВВ. 1896. Т. III.
- Кулаковский Ю.А.* Керчь и ее христианские памятники // Православная богословская энциклопедия. СПб., 1908. Т. IX.
- Куликов А.В., Иванина О.А.* Об одном скульптурном портрете Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2008. Вып. II.
- Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1894. Т. I.
- Леви С.М.* Дневник наблюдений за канализационной траншеей, проводившейся по ул. им. Петра Алексеева (Керчь) 1957 г. // НА КРУ «КИКЗ». Оп. № 2. Ед. хр. № 162.
- Летопись охранных раскопок, разведок и важнейших случайных находок Керченского историко-археологического музея за 1959 – 1963 годы // НА КРУ «КИКЗ». Оп. № 2. Ед. хр. № 420.
- Лочия Азовского моря и Керчь-Еникальского пролива. Составил Андрей Сухомлин. Николаев, 1854.
- Макарова Т.И.* Отчет о раскопках в Керчи около церкви Иоанна Предтечи в 1971 г. // НА ИА НАНУ, № 1971/102.
- Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4.
- Макарова Т.И.* Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византистов). К., 1991.

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

- Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Макарова Т.И.* Боспор // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII веков. М., 2003.
- Марти Ю.Ю.* Путеводитель по керченским древностям. Керчь, 1926.
- Марти Ю.Ю.* Проблема раскопок древнего Пантикапея // Труды САРАНИОН. М., 1928. Вып. IV.
- Марти Ю.Ю.* Прошлое Керчи. Оттиск из главы экономического справочника «Керчь индустриальная». Под ред. Н. В. Цапкина и М. М. Эрлиха. Симферополь, 1932.
- Марти Ю.Ю.* Прошлое Керчи и экономика района до революции // Керченская проблема. Сборник статей под ред. Н. Цапкина и М. Эрлиха. Симферополь, 1933.
- Марти Ю.Ю.* Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею им. А.С. Пушкина. Симферополь, 1937.
- Марченко И.Д.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея // Пантикапей. МИА. 1957. № 56.
- Марченко И.Д.* Раскопки Пантикапея в 1959–1964 гг. // СГМИИ. М., 1968. Вып. IV.
- Марченко И.Д.* Раскопки Пантикапея // АО 1973 года. М., 1974.
- Марченко И.Д.* Раскопки Пантикапея в 1965–1972 годах // СГМИИ. М., 1984. Вып. VII.
- Механиков С.В.* «Записка о Керчи» Филиппа Филипповича Вигеля // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I (к 180-летию Керченского музея древностей).
- Михайлова М.Б.* Основные этапы формирования Керчи в XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследие. Проблемы градостроительства IV–XIX вв. М., 1976. Вып. 25.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.
- Могаричев Ю.М.* Новые материалы по истории еврейской диаспоры позднеантичного-раннесредневекового Боспора // Хазарский альманах. Харьков, 2009. Т. 8.
- Молев Е.А., Молева Н.В.* Археологические находки в Керчи // АО 1972 года. М., 1973.
- Молева Н.В.* Отчет об охранных раскопках на ул. Свердлова в октябре 1974 г. // НА КРУ «КИКЗ». Оп. № 2. Ед. хр. № 310.
- Мурзакевич Н.Н.* Поездка в Крым в 1836 году // ЖМНП. СПб., 1837. Ч. 13.
- Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю.* К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «Церкви Шевелева» («Церкви 1833 г.») // 'Ροζαίος: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2013а. Т. 2.
- Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю.* Христианские памятники и топография Боспора X–XII вв. // Климентовский сборник. Материалы VI Межд. конф. «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.). Севастополь, 2013б.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1899 год. СПб., 1902.
- Охранные раскопки КИАМ в 1956 г. Дневник // НА КРУ «КИКЗ». Оп. № 2. Ед. хр. № 162.
- Охранные раскопки КИАМ в 1957 г. Дневник. Траншея февраль–сентябрь 1957 г. // НА КРУ «КИКЗ». Оп. № 2. Ед. хр. № 162.
- Пономарев Л.Ю.* К топографии средневекового Боспора (VI–XII вв.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Боспорские чтения. Керчь, 2002. Вып. III.
- Прокопий Кесарийский.* О постройках / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 4.
- Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 16-ти т. М., 1937. Т. XIII.
- Протоколы реставрационных заседаний Императорской Археологической Комиссии за 1-ю половину 1909 г. Заседание 8 апреля 1909 г. XVI. Керчь. Греческая Иоанно-Предтеченская церковь IX–X вв. // ИАК. СПб., 1909. Вып. 32 (Вопросы реставрации, вып. 4).
- Радочин В.Ю.* Антропологические материалы из раскопок раннесредневековой Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Боспорские чтения. Керчь, 2009. Вып. X.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Радочин В.Ю.* К вопросу о населении раннесредневекового Боспора (по результатам раскопок в Босфорском переулке в 2007 – 2009 гг.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения. Керчь, 2012. Вып. XIII.
- Радочин В.Ю.* Антропологические материалы из раскопок раннесредневековой Керчи // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XVIII.
- Сазанов А.В.* Топография Пантикапея I–IV вв. н.э. // СА. 1985. № 3.
- Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. М.-Магнитогорск, 2002. Вып. XII.
- Санжаровец В.Ф.* Легенды Митридатовой горы // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 18.
- Сапрыкин С.Ю., Куликов А.В.* Новые эпиграфические находки в Пантикапее // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999.
- Свиный П.П.* Керчь древняя Пантикапея: Из живописного путешествия по России издателя Отечественных записок // Отечественные записки. СПб., 1828. Ч. 34. № 96. Апрель.
- Сидоренко В.А.* Медная чеканка византийского Боспора (590-668 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X.
- Сидоренко В.А.* Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2011. Вып. XVII.
- Синенко Р.Г.* Исторический ландшафт Керчи // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции (27-29 июля 2001 г.). Керчь, 2001.
- Смокотина А.В.* Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. Симферополь, 2008. Вып. XIV.
- Смокотина А.В.* Штампы на краснолаковой керамике из раскопок Керчи в 2007 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Боспорские чтения. Керчь, 2009а. Вып. X.
- Смокотина А.В.* Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. Симферополь, 2009б. Вып. XV.
- Смокотина А.В.* Керамика группы «африканской краснолаковой» из раскопок Керчи в 2007-2008 гг. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Боспорские чтения. Керчь, 2010. Вып. XI.
- Смокотина А.В.* Керамика группы «Африканская краснолаковая» из раскопок в Керчи // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2011. Вып. XVII.
- Смокотина А.В.* О торговле г. Боспора с Северной Африкой в ранневизантийское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения. Керчь, 2012. Вып. XIII.
- Смокотина А.В.* Амфоры LRA 1 в контексте торгово-экономической истории Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения. Керчь, 2013. Вып. XIV.
- Смокотина А.В.* Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2014. Вып. XIX.
- Сокольский Н.И.* Раскопки Пантикапея // КСИА. 1961. Вып. 83.
- Сокольский Н.И.* Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. 1968. Bd. II.
- Спасский Г.[И].* Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846.
- Строкова Л.В.* Мраморная ступка 5-6 вв. из Керчи // Памятники Южного берега Крыма: вчера, сегодня, завтра. Материалы всеукраинской научно-практической конференции (Ялта, 24-26 апреля 2002 г.). Ялта, 2004.
- Талис Д.Л.* Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. 1961. Т. XIX.

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

- Тиханова-Клименко М.А.* Мраморы церкви Иоанна Предтечи в Керчи (к вопросу о типах византийской капители) // Хроника Керченской Археологической конференции 5-10 сентября 1926 года. Бюллетень № 3 Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926.
- Толстиков В.П.* Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Толстиков В.П., Журавлев Д.В.* Новые данные к топографии Пантикапея первых веков н.э. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Сборник научных материалов II Боспорских чтений: Керчь, 20-23 мая 2001 г. Керчь, 2001.
- Федосеев Н.Ф., Столяренко П.Г., Куликов А.В.* Исследования под строительство троллейбусной линии в г. Керчи // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I (к 180-летию Керченского музея древностей).
- Фролова Н.А., Николаева Э.Я.* Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ. 1978. Т. 39.
- Фронджуло М.А.* Пам'ятки південно-східного Криму // Археологія УРСР. К., 1975. Т. 3.
- Хайрединова Э.А.* Костюм городского населения Боспора в VII-VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения. Керчь, 2012. Вып. XIII.
- Хайрединова Э.А.* Костюм городского населения Боспора в VII-VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // БИ. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XVIII.
- Хайрединова Э.А.* Перстни и кольца раннесредневекового времени из Керчи // БИ. Симферополь-Керчь, 2014. Вып. XXX.
- Ховен фон дер И.Р.* Несколько дней в Керчи. Из путевых записок (1868 года) // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV.
- Холодков В.Н.* Дневник охранных раскопок и разведок. Тетрадь № 1. 3/II 1977 – 16/VIII 1988. // НА КРУ «КИКЗ». Оп. № 2. Ед. хр. № 1071
- Холодков В.Н.* Комплекс раннесредневековой могилы из Керчи // Проблемы археологии и истории Боспора. К 165-летию основания Керченского музея древностей. Тез. докл. юбилейной конференции 13-19 октября 1991 года. Керчь, 1991.
- Холодков В.Н.* Форма для отливки фибул из Керчи // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тез. докл. юбилейной конф. 25-27 июля 1996 г. Керчь, 1996.
- Храпунов М.И.* З приводу часу входження Боспору до складу Візантії // Археологія. 2005. № 1.
- Цветаева Г.А.* Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I. МИА. 1951. № 19.
- Цехмистренко В.И.* Два керченских сосуда с акварельной росписью // КСИИМК. 1957. Вып. 70.
- Чуїстова Л.І.* Святилище Афродіти в Пантікапеї // Археологічні пам'ятки УРСР. К., 1962. Т. XI.
- Шевелев Е. [П.]* Рец. на: Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Соч. Антона Ашика. Одесса, тип. Неймана, 1848, Часть I, IX, 117 стр. и X таблиц. Часть II, 88 стр. и XII таблиц. Часть III, 96 стр. и I таблиц // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. II. Отд. 2.
- Шкорпил В.В.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году // ИАК. СПб., 1904. Вып. 9.
- Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // ИАК. СПб., 1907. Вып. 25.
- Шкорпил В.В.* Из архива Керченского музея древностей. (Продолжение). IV. Остатки древних сооружений в Керчи и ее окрестностей в 1845 г. // ИТУАК. Симферополь, 1908. № 42.
- Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1905 году // ИАК. СПб., 1909. Вып. 30.
- Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском полуострове // ИАК. СПб., 1914а. Вып. 56.
- Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1913 г. // ИАК. СПб., 1914б. Вып. 54.
- Юрочкин В.Ю., Туровский Е.Я.* Сосуды с изображениями св. мучеников из Таврики // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. III Международная Крымская конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2001.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Юрочкин В.Ю. Боспор в эпоху Древней Церкви // Христианство на Южном Берегу Крыма. Сборник Крымской научно-практической конференции (24 ноября 2000 г.). Ялта, 2004.
- Юрочкин В.Ю. Реликвии святого Фоки в Крыму // Херсонес – город святого Климента. Тезисы докладов и сообщений VI Международной конференции по Церковной археологии (Севастополь 12-18 сентября 2011 г.). Севастополь, 2011.
- Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. Т. XXI.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города. Т. II. Работы Боспорской экспедиции 1946-1953 гг. МИА. 1958. № 85.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63.
- Якобсон А.Л., Зеест И.Б. Отчет о раскопках на Рыночной площади в Керчи в 1963 г. // НА ИА НАНУ, № 1963/21.
- Якобсон А.Л. Средневековый Крым (Очерки истории и истории материальной культуры). М.-Л., 1964.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
- Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Fedoseev N.F., Domžalski K., Opait A., Kulikov A. Post-justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: rescue excavations at 12, Teatral'naja st. in Kerch, 2006 // Archeologia. Warsaw, 2012. LXI.

REFERENCES

- Aibabin A.I. Khronologija mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni. *MAIET*. 1990, I. Simferopol'.
- Aibabin A.I. O datirovke rannesrednevekovogo nekropolia Bospora. *Problemy arkheologii i istorii Bospora. K 165-letiju osnovaniia Kerchenskogo muzeia drevnosti. Tez.dokl. iubileinoi konferentsii 13-19 oktjabria 1991 goda*. Kerch, 1991.
- Aibabin A.I. Mogil'nik VIII – nachala X vv. V Krymu. *MAIET*, 1993a, III. Simferopol'. Aibabin A.I. O khronologii rannesrednevekovogo nekropolia Bospora (k publikatsii I.P. Zasetskoi). *MAIET*, 1993b, III. Simferopol'.
- Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', 1999.
- Aibabin A.I. Khazaraki sloi v Kerchi. *MAIET*, 2000, VII. Simferopol'.
- Aibabin A.I. O khronologii nekropolia Bospora VI-VII vv. *Bospor Kimmeriiskii i Pont v period antichnosti I srednevekov'ia. Materialy III Bosporskikh chtenii*. Kerch', 2002.
- Aibabin A.I. *Bospor. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia IV-XIII veka*. M., 2003.
- Aibabin A.I., Smokotina A.V., Khairedinova E.A. Nekotorye itogi raskopok rannesrednevekovoi Kerchi v 2007 g. *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Militaria. Bosporskie chteniia. IX*. Kerch', 2008.
- Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Raskopki nekropolia rannesrednevekovogo Bospora v 2007-2008 gg. *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problem. Bosporskie chteniia. X*. Kerch, 2009.
- Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Raskopki rannesrednevekovogo Bospora v 2007-2009 gg. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2009 roku*. K., 2010.
- Aibabin A.I. Raskopki novogo rybozasolochnogo kompleksa v g. Bospor. *Bospor Kimmeriiskii varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanizatsii. Bosporskie chteniia. XIII*. Kerch', 2012.
- Aibabin A.I. Arkheologicheskoe nasledie khazar vremeni sozdaniia kaganata. *MAIET*, 2013a, XVIII. Simferopol'-Kerch'.
- Aibabin A.I. Rannevizantiiskii Bospor v VI-VII vv. *II Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E.V. Veimarna. Tezisy dokl. i soobshch. Mezhd. nauch. konf. (Bakhchisarai, 3-7sentjabria 2013)*. Simferopol', 2013b.
- Alekseenko N.A. Novye nakhodki vizantiiskikh pechatei na territorii Kryma. *ADSV*, 2011, 40. Ekaterinburg.

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

- Ambroz A.K. Bospor. Khronologiiia rannesrednevekovykh drevnostei. *Bosporskii sbornik. I.* M., 1992.
- Ambroz A.K. Iugo-Zapadniy Krym. Mogil'niki IV-VII vv. *MAIET*, 1994, IV. Simferopol'.
- Ashik A.B. *Bosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami, raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami. I.* Odessa, 1848.
- Baranov I.A. O vosstanii Ioanna Gotskogo. *Feodal'naia Tavrika.* K., 1974.
- Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura).* K., 1990
- Baudkova A.Iu. Arkheologichna diial'nist' Kerchenc'kogo muzeiu u drugii polovyni 40kh-50-i rr. XX st. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika. II.* Kerch', 2008.
- Bekker P.V. Kerch i Taman' v iiule mesiatse 1852. *Propilei: Sbornik statei po klassicheskoi drevnosti, izd. P. Leont'evym. Vol.3, ot.d.1.* Moscow, 1853.
- Blavatskii V.D. Raskopki v Kerchi. *KSIIMK.* 1947. XXI.
- Blavatskii V.D. Raskopki Pantikapeia (1947 g.). *KSIIMK.* 1949. XXVII.
- Blavatskii V.D. Materialy po istorii Pantikapeia. Plan goroda. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia v antichnuui epokhu. I. MIA.* 1951a. № 19.
- Blavatskii V.D. Raskopki Pantikapeia. *KSIIMK.* 1951b. XXXVII.
- Blavatskii V.D. Issledovaniia goroda Pantikapeia. *AIB.* 1952, vol.1. Simferopol'.
- Blavatskii V.D. Raskopki Pantikapeia v 1952 godu. *KSIIMK.* 1955. 58.
- Blavatskii V.D. Raskopki Pantikapeia v 1953 godu. *KSIIMK.* 1956. 63.
- Blavatskii V.D. Raskopki Pantikapeia v 1934 g. *Pantikapei. MIA.* 1957. № 56.
- Blavatskii V.D. Raskopki Pantikapeia v 1954-1958 gg. *SA.* 1960. № 2.
- Blavatskii V.D. Sosud s nadpis'iu ΕΦΩ. *Izsledvaniia v pamet na Karel Shkorpil.* Sofiia, 1961.
- Blavatskii V.D. Issledovaniia goroda Pantikapeia. *AIB.* 1962a. T. II. Simferopol'.
- Blavatskii V.D. Otchet o raskopkakh Pantikapeia po dannym raskopok 1945-1949 i 1952-1953 gg. *Pantikapei. MIA.* 1962b. № 103.
- Blavatskii V.D. Pantikapei. *Ocherki istorii stolitsy Bospora.* M., 1964.
- Blavatskii V.D. Bosporskoe tsarstvo v pozdneantichnoe vremia. *Blavatskii V.D. Antichnaia arkheologiiia i istoriia.* M., 1985a.
- Blavatskii V.D. Sosud s nadpis'iu ΕΦΩ. *Blavatskii V.D. Antichnaia arkheologiiia i istoriia.* M., 1985b.
- Bolgov N.N. Baziliki Bospora. *Bosporskii fenomen: pogrebal'nye pamiatniki i sviatilishcha. Mat. mezhd. nauch. konf. I.* Saint-Petersburg, 2002a
- Bolgov N.N. O rannevizantiiskikh bazilikakh Bospora. *Istoriichna nauka: problem rozvitku.* Lugansk, 2002b.
- Bolgov N.N. K sakral'noi topografii Bospora V-VI vv. *Tserkovnye drevnosti. Sbornik materialov III mezhdunarodnoi konferentsii "Tserkovnaia arkheologiiia: liturgicheskoe ustroistvo khramov i voprosy istorii khristianskogo bogosluzheniia" (Sevastopol', 2003).* Simferopol', 2005a.
- Bolgov N.N. O khristianskoi sakral'noi topografii Bospora V-VI vv. *Visnyk Kharkivs'kogo natsional'nogo universytetu imeni V.N. Karazina.* 2005b, 37. № 701. Istoriiia. Kharkiv.
- Bolgov N.N. K voprosu o khristianskoi topografii Bospora V-VI vv. *Bosporskii fenomen: problema sootnosheniia pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov. Materialy mezhd. nauch. konf. Saint-Petersburg,* 2005b.
- Bolgov N.N. Vizantiia-Tavrika-Rus': Kul'turno-ideologicheskii kontinuitet v Severnom Prichernomor'e. *Actes testantibus. Iuvileinyi zbirnik na poshanu Leontiiia Voitovicha. Ukraina: kul'turna spadshchina, natsional'na svdomist', derzhavnist'.* Vip.20. L'viv, 2011.
- Bocharov S.G. Topografiia goroda Kerchi XVI-XVIII vv. *Drevnee Prichernomor'e. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii V-e chteniia pamiati professor Petra Osipovicha Karyshkovskogo (Odessa, 12-14 marta 2001 goda).* Odessa, 2003a.
- Bocharov S.G. Genuezskaia krepost' Bosporo v XIV-XV vekakh. *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka. Reziime dokladov XI mezhd. nauch. konf. (31 maia-5 iunია 2003 g.).* Rostov-na-Donu, 2003b.
- Bocharov S.G. Topografiia goroda Kerchi XVI-XVIII vekov. *Arkheologicheskii zapiski. Vyp.4.* Rostov-na-Donu, 2005.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Bocharov S.G. Krepostnye sooruzheniia goroda Bospora – Vosporo v XIV–XV vv. Rekonstruktsiia. *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke: Materialy mezhd. nauch. konf. (Saint-Petersburg, 19-22 noiabria 2013 g.)*. Saint-Petersburg, 2013.
- Chuiustova L.I. Sviatilishche Afrodity v Pantikapei. *Arkheologichni pam'iatki URSR. XI. K.*, 1962.
- Diatroptov P.D., Emets I.A. Korpus khristianskikh nadpisei Bospora. *Epigraficheskii vestnik*. 1995, № 2. Moscow.
- Dyubryuks P. Sobraie sochinenii: v 2 t. (Ed.) I.V. Tunkina, CSC; podg. tekstov I.V. Tunkina and N.L. Sukhacheva; per. s fr. iaz. N.L. Sukhacheva. Saint-Petersburg, 2010.
- Diubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym. V 6 tomakh. Paris, 1853. Vol 5,6. Per. s fr. pred. i prim. T.M. Fadeevoi*. Simferopol', 2009.
- Fedoseev N.F., Stoliarenko P.G., Kulikov A.V. Issledovaniia pod stroitel'stvo trolleibusnoi linii v g. Kerchi. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika. Vyp. I (k 180-letiiu Kerchenskogo muzeia drevnostei)*. Kerch', 2006.
- Fedoseev N.F., Domzalski K., Opait A., Kulikov A. Post-justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: rescue excavations at 12, Teatral'naja st. in Kerch', 2006 // *Archeologia*. Warsaw, 2012. LXI.
- Frolova N.A., Nikolaeva E.Ia. Il'ichevskii klad monet 1975 g. VV. 1978. T. 39.
- Fronzhulo M.A. Pam'iatki pivdenno-skhidnogo Krymu. *Arkheologiiia URSR. Vol.3. K.*, 1975.
- Khairidinova E.A. Kostium gorodskogo naseleniia Bospora v VII-VIII vv. (po nakhodkam iz nekropolia v Bosforskom pereulke). *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanizatsii. Bosporskie chteniia. XIII*. Kerch', 2012.
- Gallo A.V. *Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze*. Saint-Petersburg, 2004.
- Gaidukevich V.F. Antichnye keramicheskie obzhigatel'nye pechi po raskopkam v Kerchi i Fanagorii v 1929-1931 gg. *IGAIMK*, 1934, 80. Moscow-Leningrad.
- Gaidukevich V.F. Pamiatniki rannego srednevekov'ia v Tiritake. SA, 1940. T. VI.
- Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. Moscow-Leningrad, 1949.
- Ivanina O.A., Kulikov A.V., Kholodkov V.N. Vizantiiskie monety VI-VII vv. V sobranii Kerchenskogo zapovednika (k istorii denezhnogo obrashcheniia v Tavrike v epokhu rannego srednevekov'ia). *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika. Vyp. I (k 180-letiiu Kerchenskogo muzeia drevnostei)*. Kerch', 2006.
- Ivanina O.A., Fedoseev N.F. K voprosu ob atributsii lekifiv s izobrazheniem sviatykh. *Tezisy nauchnoi otchetnoi konferentsii. VII Muzeinye chteniia 18 dekabria 2012 goda*. Kerch', 2012.
- Ivanina O.A., Fedoseev N.F. O nekotorykh khristianskikh relikviiakh is fondov Kerchenskogo zapovednika. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika. IV*. Simferopol', 2014.
- Khairidinova E.A. Kostium gorodskogo naseleniia Bospora v VII-VIII vv. (po nakhodkam iz nekropolia v Bosforskom pereulke). *BI. XVIII*. Simferopol'-Kerch'.
- Khairidinova E.A. Perstni i kol'tsa rannesrednevekovogo vremeni iz Kerchi. *BI. XXX*. Kerch', 2014.
- Khoven fon der I.R. Neskol'ko dnei v Kerchi. Iz putevykh zapisok (1868 goda). *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika. Vyp. IV*. Simferopol', 2014.
- Kholodkov V.N. Dnevnik okhrannykh raskopok I razvedok. Tetrad' № 1. 3/II 1977 – 16/VIII 1988. NA KRU "KIKZ". Op. № 2. Ed.khr. № 1071.
- Kholodkov V.N. Kompleks rannesrednevekovoi mogily iz Kerchi. *Problem arkheologii i istorii Bospora. K 165-letiiu osnovaniia Kerchenskogo muzeia drevnostei. Tez. dokl. iubileinoi konferentsii 13-19 oktiabria 1991 goda*. Kerch', 1991.
- Kholodkov V.N. Forma dlia otlivki fibul iz Kerchi. *Problem arkheologii i istorii Bospora. K 170-letiiu Kerchenskogo muzeia drevnostei. Tez. dokl. iubileinoi konf. 25-27 iulia 1996 g.* Kerch', 1996.
- Khrapunov M.I. Z privodu chasu vkhodzhennia Bosporu do skladu Vizantii. *Arkheologiiia*. № 1. 2005.
- Knipovich T.N. Khudozhestvennaia keramika v gorodakh Severnogo Prichernomor'ia. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia*. Moscow-Leningrad, 1955.
- Kropotkin V.V. Iz istorii srednevekovogo Kryma. SA. 1958. T. XXXVIII.

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

- Kropotkin V.V. Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR. *SAI*. 1962. E4-4. Moscow.
- Kropotkin V.V. Novye nakhodki vizantiiskikh monet na territorii SSSR. *VV*. 1965. T. XXVI.
- Kropotkin V.V. *Ekonomicheskie svyazi Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii nashei ery*. Moscow, 1967.
- Kropotkin V.V. Novye nakhodki vizantiiskikh monet v Kerchi. *VV*. 1971. T. 32.
- Kropotkin V.V. Vizantiiskii ekzagii iz Kerchi. *VV*. 1973. T. 34.
- Kulakovskii Iu.A. Kerchenskaia khristianskaia katakomba 491 goda. *MAP*. 1891, № 6. Saint-Petersburg.
- Kulakovskii Iu.A. K istorii Bospora Kimmeriiskogo v kontse VI veka (po povodu iz'iasneniia nadpisi Evpateriia). *VV*. 1896. T. III.
- Kulakovskii Iu.A. Kerch' i ee khristianskie pamiatniki. *Pravoslavnaia bogoslovskaiia entsiklopediia*. 1908, vol.IX. Saint-Petersburg.
- Kulikov A.V., Ivanina O.A. Ob odnom skul'pturnom portrete Kerchenskogo lapidariia. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika. Vyp.II*. Kerch', 2008.
- Latyshev V.V. Etiudy po vizantiiskoi epigrafike. *VV*. 1894. T. I.
- Levi S.M. Dnevnik nabliudenii za kanalizatsionnoi transheei, provodivsheisia po ul. im. Petra Alekseeva (Kerch') 1957 g. *NA KRU "KIKZ"*. Op. № 2. Ed. khr. № 162.
- Letopis' okhrannykh raskopok, razvedok I vazhneishikh sluchainykh nakhodok Kerchenskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeia za 1959-1963 god. *NA KRU "KIKZ"*. Op. № 2. Ed. khr. № 420.
- Lotsiia Azovskogo moria i Kerch'-Enikal'skogo proliva. Sostavil Andrei Sukhomlin*. Nikolaev, 1854.
- Makarova T.I. Otchet o raskopkakh v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi v 1971 g. *NA IA NANU*, № 1971/102.
- Makarova T.I. Arkheologicheskie dannye dlia datirovki tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. *SA*. 1982. № 4.
- Makarova T.I. Bospor-Korchev po arkheologicheskim dannym. *Vizantiiskaia Tavrika. Sb. Nauch.tr. (k XVIII kongressu vizantinistov)*. K., 1991.
- Makarova T.I. Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi. *MAIET*. 1998, VI. Simferopol'.
- Makarova T.I. Bospor. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia IV-XIII veka*. Moscow, 2003.
- Marti Iu.Iu. *Putevoditel' po Kerchenskimi drevnostiam*. Kerch', 1926.
- Marti Iu.Iu. Problema raskopok drevnego Pantikapeia. *Trudy SARANION*. 1928, IV. Moscow. *Marti Iu.Iu. Proshloe Kerchi. Ottisk iz glavy ekonomicheskogo spravochnika "Kerch' industrial'naia"*. Tsapkin N.V. and Erlikh (Ed.). Simferopol', 1932.
- Marti Iu.Iu. Proshloe Kerchi i ekonomika raiona do revoliutsii. *Kerchenskaia problema. Sbornik statei pod red. N. Tsapkina i M. Erlikha*. Simferopol', 1933.
- Marti Iu.Iu. *Putevoditel' po Kerchenskomu istoriko-arkheologicheskomu muzeiu im. A.S. Pushkina*. Simferopol', 1937.
- Marchenko I.D. Materialy po metallobrabotke i metallurgii Pantikapeia. *Pantikapei. MIA*. 1957. № 56.
- Marchenko I.D. Raskopki Pantikapeia v 1959-1964 gg. *SGMII*. 1968. IV. Moscow.
- Marchenko I.D. Raskopki Pantikapeia. *AO 1973 goda*. M., 1974.
- Marchenko I.D. Raskopki Pantikapeia v 1965-1972 godakh. *SGMII*, 1984, VII. Moscow. Mekhanikov S.V. "Zapiska o Kerchi" Filippa Filippovicha Vigelia. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika. Vyp. I (k 180-letiiu Kerchenskogo muzeia drevnostei)*. Kerch', 2006. Mikhailova M.B. Osnovnye etapy formirovaniia Kerchi v XVIII-XIX vv. *Arkhiturnoe nasledstvo. Problemy gradostroitel'stva IV-XIX vv*. 1976, 25. Moscow.
- Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Shaposhnikov A.K. *Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma "khazar'skogo perioda"*. Simferopol', 2007.
- Mogarichev Iu.M. Novye materialy po istorii evreiskoi diaspory pozdneantichnogo-rannesrednevekovogo Bospora. *Khazarskii al'manakh*. 2009, 8. Khar'kov.
- Molev E.A., Moleva N.V. Arkheologicheskie nakhodki v Kerchi. *AO 1972 goda*. Moscow, 1973. Moleva N.V. Otchet ob okhrannykh raskopkakh na ul. Sverdlova v oktjabre 1974 g. *NA KRU "KIKZ"*. № 2. Ed.khr. № 310.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Murzakevich N.N. Poezdka v Krym v 1836 godu. *ZhMNP*. 1837. Part 13, Saint-Petersburg.
- Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. K istoricheskoi topografii Bospora X-XII vv.: ob obstoiatel'stvakh nakhodki I mestopolozhenii tak nazyvaemoi "Tserkvi Sheveleva" ("Tserkvi 1833 g."). *Ρωμαίος: sbornik statei k 60-letiiu prof. S.B. Sorochana. Narteks. Byzantine Ukrainensis*. 2013a, T.2. Khar'kov.
- Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Khritianskie pamiatniki i topografiia Bospora X-XII. *Klimentovskii sbornik. Materialy VI Mezhd. konf. "Tserkovnaia arkheologiia: Khersones – gorod sviatogo Klimenta" (Sevastopol', 2011g.)*. 2013b. Sevastopol'.
- Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1899 god*. 1902. Saint-Petersburg. Okhrannye raskopki KIAM v 1956. Dnevnik. *NA KRU "KIKZ"*. Op. № 2. Ed.khr. № 162.
- Okhrannye raskopki KIAM v 1957 g. Dnevnik. Transheia fevral'-sentiabr' 1957 g. *NA KRU "KIKZ"*. Op. № 2. Ed.khr. № 162.
- Ponomarev L.Iu. K topografii srednevekovogo Bospora (VI-XII vv.). *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Bosporskie chteniia*. 2002, III. Kerch'.
- Prokopii Kessariiskii. O postroikakh / S.P. Kondrat'ev. *VDI*, 1939. № 4.
- Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii. V 16-ti t. Vol. XIII. Moscow, 1937.
- Protokoly restavratsionnykh zasedanii Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1 polovinu 1909. Zasedanie 8 apreliia 1909 g. XVI. Kerch'. Grecheskaia Ioanno-Predtechenskaia tserkov' IX-X vv. IAK. 1909, 32 (Voprosy restavratsii, vyp.4). Saint-Petersburg.
- Radochin V.Iu. Antropologicheskie materialy iz raskopok rannesrednevekovoi Kerchi. *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problem. Bosporskie chteniia*. 2009, X. Kerch'.
- Radochin V.Iu. K voprosu o naselenii rannesrednevekovogo Bospora (po rezul'tatam raskopok v Bosforskom pereulke v 2007 – 2009 gg.). *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanizatsii. Bosporskie chteniia*. 2012, XIII. Kerch'.
- Radochin V.Iu. Antropologicheskie materialy iz raskopok rannesrednevekovoi Kerchi. *MAIET*, 2013, XVIII. Simferopol'-Kerch'.
- Sazanov A.V. Topografiia Pantikapeia I–IV vv.n.e. *SA*, 1985. № 3.
- Sazanov A.V. O khronologii Bospora rannevizantiiskogo vremeni. *SA*, 1989. № 4.
- Sazanov A.V., Mogarichev Iu.M. Bospor i Khazarskii kaganat v kontse VII- nachale VIII vv. *PIFK*, 2002, XII, M.-Magnitogorsk.
- Sanzharovets V.F. Legendy Mitridatovoi gory. *Istoricheskoe nasledie Kryma*. 2007. № 18, Simferopol'.
- Saprykin S.Iu., Kulikov A. V. Novye epigraficheskie nakhodki v Pantikapee. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1996–1997 gg. Severnoe Prichernomor'e v antichnosti: Voprosy istochnikovedeniia*. Moscow, 1999.
- Shevelev E. [P.] Review on: *Bosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami, raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami*. By Anton Ashik. Odessa: tip. Neimana, 1848, Part I. IX, 117 p. and X tab. Part II, 88 p. and XII tab. Part III, 96 p. and L tab. *ZOOID*, 1848, T.II, 2. Odessa.
- Shkorpil V.V. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v g.Kerchi i ego okrestnostiakh v 1902 godu. *IAK*. 1904, vyp.9, Saint-Petersburg.
- Shkorpil V.V. Otchet o raskopkakh v Kerchi v 1904 g. *IAK*, 1907, 25, Saint-Petersburg. Shkorpil V.V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeia drevnostei. (Prodolzhenie). IV. Ostatki drevnikh sooruzhenii v Kerchi I ee okrestnostei v 1845 g. *ITUAK*. 1908, № 42, Simferopol'.
- Shkorpil V.V. Otchet o raskopkakh v Kerchi v 1905 godu. *IAK*. 1909, 30. Saint-Petersburg. Shkorpil V.V. Otchet o raskopkakh v Kerchi i na Tamanskom poluostrove. *IAK*. 1914a, 56, Saint-Petersburg.
- Shkorpil V.V. Bosporskie nadpisi, naidennye v 1913 g. *IAK*, 1914b, 54, Saint-Petersburg.
- Sidorenko V.A. Mednaia chekanka vizantiiskogo Bospora (590-668 gg.). *MAIET*, 2003, X, Simferopol'.
- Sidorenko V.A. Kerchenskii klad 2009 g. degradirovannykh bosporskikh staterov. *MAIET*. 2011, XVII, Simferopol'-Kerch'.
- Sinenko R.G. Istoricheskii landshaft Kerchi. *175 let Kerchenskomu muzeiu drevnostei. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (27-29 iuliia 2001)*. Kerch', 2001.

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

- Smokotina A.V. Keramicheskii kompleks vtoroi poloviny VI v. iz raskopok g. Bospora. *MAIET*. 2008, XIV, Simferopol'.
- Smokotina A.V. Shtampy na krasnolakovoi keramike iz raskopok Kerchi v 2007 g. *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problem. Bosporskie chteniia*. 2009a, X, Kerch'.
- Smokotina A.V. Shtampy na rannevizantiiskoi krasnolakovoi keramike iz raskopok g. Bospora. *MAIET*, 2009b, XV, Simferopol'.
- Smokotina A.V. Keramika gruppy "afrikanskoi krasnolakovoi" iz raskopok v Kerchi v 2007-2008 gg. *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Remesla i promysly. Bosporskie chteniia*. 2010, XI, Kerch'.
- Smokotina A.V. Keramika gruppy "afrikanskoi krasnolakovoi" iz raskopok v Kerchi. *MAIET*, 2011, XVII, Simferopol'-Kerch'.
- Smokotina A.V. O torgovle g. Bospora s Severnoi Afrikoi v rannevizantiiskoe vremia. *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanizatsii. Bosporskie chteniia*. 2012, XIII, Kerch'.
- Smokotina A.V. Amfory LRA 1 v kontekste torgovo-ekonomicheskoi istorii Bospora. *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskii ob'ekt v kontekste istorii. Bosporskie chteniia*. 2013, XIV, Kerch'.
- Smokotina A.V. Amfory LR 1na Bospore. *MAIET*, 2014, XIX, Simferopol'-Kerch'.
- Sokol'skii N.I. Raskopki Pantikapeia. *KSIA*, 1961, 83.
- Sokol'skii N.I. Gunny na Bospore. *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. 1968. Bd. II.
- Spasskii G.[I.]. *Bospor Kimmeriiskii s ego drevnostiami i dostopamiatnostiami*. Moscow, 1846.
- Strokova L.V. Mramornaia stupka 5-6 vv. iz Kerchi. *Pamiatniki Iuzhnogo berega Kryma: vchera, segodnia, zavtra. Materialy vseukrainskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Yalta, 24-26 apreliia 2002)*. Yalta, 2004.
- Svin'in P.P. Kerch' drevnaia Pantikapeia: Iz zhivopisnogo puteshestviia po Rossii izdatelia Otechestvennykh zapisok. *Otechestvennye zapiski*. 1828. Part 34. № 96. April, Saint-Petersburg.
- Talis D.L. Nekotorye problem istorii rannesrednevekovoi Tavriki i literature poslednikh let. VV, 1961. T. XIX.
- Tikhanova-Klimenko M.A. Mramory tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi (k voprosu o tipakh vizantiiskoi kapiteli). *Khronika Kerchenskoi Arkheologicheskoi konferentsii 5-10 sentiabria 1926 goda. Biulleten' № 3 Konferentsii arkheologov SSSR v Kerchi. Kerch'*, 1926.
- Tolstikov V.P. Pantikapei – stolitsa Bospora. *Ocherki arkheologii i istorii Bospora*. Moscow, 1992.
- Tolstikov V.P., Zhuravlev D.V. Novye dannye k topografii Pantikapeia pervykh vekov n.e. *Bospor Kimmeriiskii i Pont v period antichnosti i srednevekov'ia. Sbornik nauchnykh materialov II Bosporskikh chtenii: Kerch', 20-23 maia 2001*. Kerch', 2001.
- Tsvetaeva G.A. Gruntovyi nekropol' Pantikapeia, ego istoriia, etnicheskii i sotsialnyi sostav. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia v antichnuu epokhu. T.I. MIA*, 1951. № 19.
- Tsekhmistrenko V.I. Dva kerchenskikh sosuda s akvarel'noi rospis'iu. *KSIMK*. 1957, vyp. 70.
- Veimarn E.V. Predvaritel'nyi otchet o rabotakh Vostochnogo otriada Gorno-Krymskoi ekspeditsii IA AN USSR v 1957g. Etap I. Issledovaniia tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. Bakhchisarai 1957 g. *NA KRU "KIKZ"*. Op. № 7. Ed.khr. № 45.
- Iurochkin V.Iu., Turovskii E.Ia. Sosudy s izobrazheniiami sv.muchenikov iz Tavriki. *Vzaimootnosheniia religioznykh konfessii v mnogonatsional'nom regione: istoriia i sovremennost'. III Mezhdunarodnaia Krymskaia konferentsiia po religiovedeniui. Tezisy dokladov i soobshchenii*. Sevastopol', 2001.
- Iurochkin V.Iu. Bospor v epokhu Drevnei Tserkvi. *Khristianstvo na Iuzhnom Beregu Kryma. Sbornik Krymskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (24 Noiabria 2000 g.)*. Yalta, 2004.
- Iurochkin V.Iu. Relikvii sviatogo Foki v Krymy. *Khersones – gorod sviatogo Klimenta. Tezisy dokladov i soobshchenii VI Mezhdunarodnoi konferentsii po Tserkovnoi arkheologii (Sevastopol' 12-18 sentiabria 2011 g.)*. Sevastopol', 2011.
- Iakobson A.L. Vizantiia v istorii rannesrednevekovoi Tavriki. *SA*, 1954, vol. XXI.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Iakobson A.L. Rannesrednekovyye poseleniia Vostochnogo Kryma. *Bosporskie goroda.II. Raboty Bosporskoi ekspeditsii 1946-1953 gg.* MIA, 1958. № 85.
- Iakobson A.L. Rannesrednekovyyi Kherones. Ocherki istorii material'noi kul'tury. MIA, 1959. № 63.
- Iakobson A.L. Zeest I.B. Otchet o raskopkakh na Rynochnoi ploshchadi v Kerchi v 1963 g. NA IA NANU, № 1963/21.
- Iakobson A.L. *Srednekovyyi Krym (Ocherki istorii I istorii material'noi kul'tury)*. Moscow-Leningrad, 1964.
- Iakobson A.L. Rannesrednekovyye sel'skie poseleniia Iugo-Zapadnoi Tavriki. MIA, 1970. № 168.
- Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednekovoi Tavriki*. Leningrad, 1979.
- Zaionchkovskii. A.M. *Vostochnaia voina 1853-1856*. Saint-Petersburg, 2002.
- Zankin A.B. Kolleksiia graffiti na amfornoi tare iz raskopok v Kerchi. *Mors'ka torgivlia v Pivnichnomu Ghychornomor'ii*. Kyiv, 2001.
- Zasetskaia I.P. Datirovka i proiskhozhdenie pal'chatykh fibul Bosporskogo nekropolia rannesrednekovogo perioda. MAIET, 1998, VI. Simferopol'.
- Zasetskaia I.P. Khronologiya stekliannykh kolboobraznykh sosudov iz bosporskogo nekropolia pozdneantichnogo i rannesrednekovogo periodov. BI, 2005, X. Simferopol'-Kerch'.
- Zasetskaia I.P. Stekliannaia posuda nekropolia Bospora vtoroi poloviny IV-rubezha VI-VII vv. n.e. (iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha). BI, 2008, XX. Simferopol'-Kerch'.
- Zeest I.B., Iakobson A.L. Raskopki v Kerchi v 1963 g. KSIA, 1965.
- Zhuravlev D.V. Novyye dannye o Pantikapee v pozdneantichnoi epokhu. *Bosporskii gorod Nimfei: novyye issledovaniia i materialy, i voprosy izucheniia antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 60-letiiu Nimfeiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii i 70-letiiu so dnia rozhdeniia N.L. Grach.Theses*. Saint-Petersburg, 1999.
- Zin'ko A.V. Vostochnaia Tavrika v epokhu Velikogo pereseleniia narodov. MAIET, 2013, XVIII, Simferopol'-Kerch'.
- Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. K istorii izucheniia rannevizantiiskogo Bospora (plitovo-gruntovyi mogil'nik na vershine i severo-vostochnom sklone g. Mitridat). BI, 2014, XXX, Simferopol'-Kerch'.
- Zin'ko E.A. Bosporskie sklepy na severnom sklone gory Mitridat. MAIET, 2000, VII, Simferopol'.
- Zin'ko E.A. O topografii pozdneantichnogo nekropolia Pantikapeia. BI, 2003, III. Simferopol'.
- Zin'ko E.A. Khristianskie sklepy nekropolia Bospora IV-V vv. n.e. MAIET, 2007, XIII. Simferopol'.
- Zin'ko E.A. Istoricheskaia topografiia severo-zapadnogo predmest'ia Pantikapeia-Bospora v III-VI vv. *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednekov'ia. Problemy urbanizatsii. Bosporskie chteniia*. 2012, XIII. Kerch'.
- Zin'ko E.A. Iz istorii izucheniia rannevizantiiskikh sklepov Bospora. MAIET, 2013, XVIII. Simferopol'-Kerch'.
- Zograf A.N. Monety iz raskopok Tiritaki i Mirmekii v 1932-1934 gg. *Arkheologicheskie pamiatniki Bospora i Kheronesa*. MIA. 1941. № 4.
- Zubar' V.M. Ob osnovnykh tendentsiiakh khristianiztsii naseleniia Iugo-Zapadnogo Kryma. *KhSb*. 1999, vyp. X, Sevastopol'.

Резюме

В статье анализируются результаты археологических исследований, проводимых на территории ранневизантийского города Боспора. Эти материалы, в том числе не учтенные ранее случайные находки и результаты охранных наблюдений во время земляных работ, позволяют в значительной степени расширить территорию ранневизантийского Боспора. Как оказалось, город простирался значительно дальше периметра стен генуэзско-турецкой крепости, охватывая подошву г. Митридат как в южном, так и в западном направлениях. К VII – началу VIII вв. сформировавшиеся на южной окраине Боспора плитово-грунтовые некрополи, видимо, стали постепенно поглощать городскую территорию, причем не только в прибрежной его

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ...

части, но и на горе Митридат, где до последней четверти VI – начала VII вв. местами еще сохранялись небольшие участки застройки. Однако и тогда город занимал достаточно большую территорию на берегу Керченской бухты.

Ключевые слова: Византийская империя, город Боспор, крепостные стены, церковь Иоанна Предтечи, плитово-грунтовые некрополи, христианские погребения.

Summary

The article analyzes the results of archaeological research carried out on the territory of early Byzantine city of Bosphorus. These materials, including previously left out random findings and the results of surveillance during excavation, would greatly expand the territory of the early Byzantine Bosphorus. As it turned out, the city extended far beyond the perimeter walls of Genoese-Turkish fortress, covering the soles of Mithridates, both in the south and in the west. To the VII - beginning of the VIII centuries slab and ground necropoleis, formed on the southern edge of the Bosphorus began to absorb the urban area gradually. It happened not only in the coastal part of it, but also on the Mount Mithridates, where small urban building areas were still located here and there until the last quarter of the VI – the beginning of the VII centuries. Even then, the city occupied a large area on the Kerch Bay coast.

Keywords: Byzantine Empire, the city of Bosphorus, fortification walls, Church of St. John the Baptist, slab and ground necropoleis, Christian burials.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зинько Алексей Викторович, к.и.н.,
Крымский федеральный университет,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
старший научный сотрудник.
+7-(978)-7117105,
info@bfdemetra.org

Пономарев Леонид Юрьевич,
Центр археологических исследований Фонда «Деметра»,
научный сотрудник.
info@bfdemetra.org

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zin'ko Aleksei Viktorovich, CSc.,
Crimean Federal University,
Research Center of History and Archaeology of the Crimea,
Senior Researcher.
+7- (978)-7117105,
info@bfdemetra.org

Ponomarev Leonid Iur'evich,
Center for Archaeological Research of the Foundation «Demetra»,
Junior Researcher.
info@bfdemetra.org

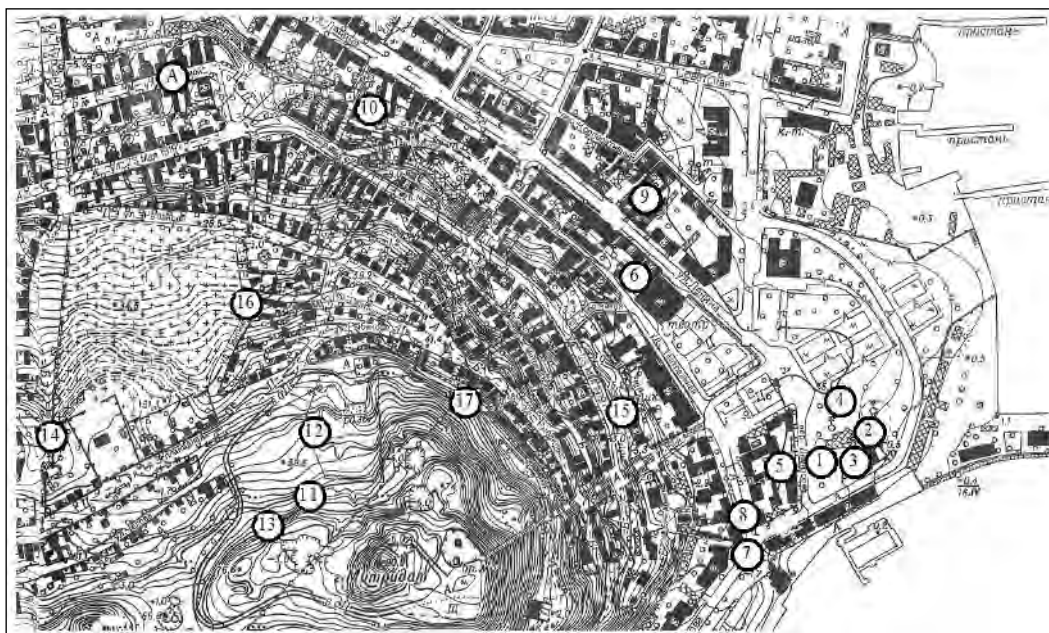

Рис. 1. Карта центральной части г. Керчи (масштаб 1:5000)
с указанными на ней исследованными участками и находками:

1 – Церковь Иоанна Предтечи; 2 – Рыбозасолочные цистерны; 3 – Раскопы В.Д. Блаватского 1934 г.; 4 – Раскопы II и III Т.И. Макаровой; 5 – Предполагаемое местонахождение церкви «Шевелева» 1833 г.; 6 – Раскоп А.Б. Занкина 1990 г.; 7 – Напластования и находки ранневизантийского времени на углу ул. Свердлова и ул. Театральная; 8 – Шурф 2006 г. по ул. Театральной; 9 – Раскопы А.И. Айбабина 1990–1992 гг. в Кооперативном переулке; 10 – Культурный слой ранневизантийского времени в пер. Почтовый; 11 – Западное плато г. Митридат; 12 – Эспланадный раскоп; 13 – Верхне-Эспланадный раскоп; 14 – Печь, раскопанная в 1929 г. В.Ф. Гайдукевичем; 15 – Место находки формы для отливки пальчатых фибул; 16 – Случайная находка моливдовула VII в.; 17 – Место находки монеты Тиберия III Аписмара; А – Могилы, обнаруженные в 1957 г. на ул. Крупской, 43.

Рис. 2. Карта прибрежной части г. Керчи в районе ул. Свердлова (масштаб 1:5000) с указанными на ней исследованными участками и находками:

1 – Участок позднеантичного-ранневизантийского квартала на месте здания ЮгНИРО; 2 – Место находки краснолаковой миски со штампом; 3 – Место находки амфоры с дипинти в виде миноры; 4 – Керны № 251, 253, 255 под опоры контактной троллейбусной линии; 5 – Раскоп А.И. Айбабина 2007–2009 гг. в пер. 1-й Босфорский; А – Могилы, обнаруженные в 1959 г. в котловане дома № 9 на углу ул. Свердлова и ул. Айвазовского; Б – Могилы, обнаруженные в 1956–1957 гг.; В – Могилы, исследованные Н.В. Молевой в 1971 г.; Г – Могилы, исследованные на ул. Свердлова в 1986 г.; Д – Участок могильника, исследованный А.И. Айбабиным в пер. 1-й Босфорский; Е – Могила, исследованная в 1976 г. на ул. 1-я Митридатская.

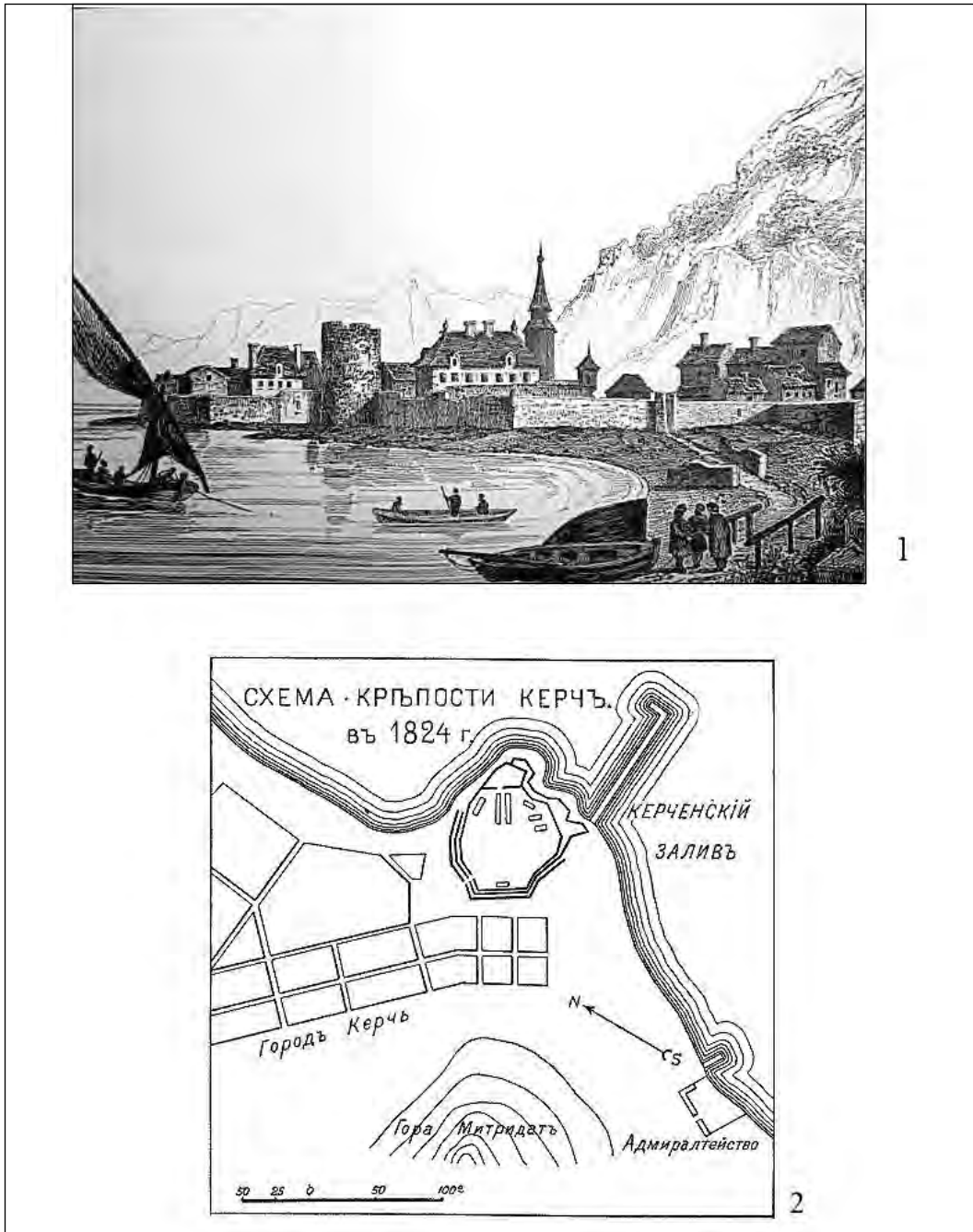

Рис. 3.

1 – Вид крепости и города Керчь с севера. Иллюстрация из французского издания: Famin M. Cesar La Crimée / Chopin M. Russie. Vol. 2. Paris, 1838); 2 – План-схема крепости Керчь 1824 г.

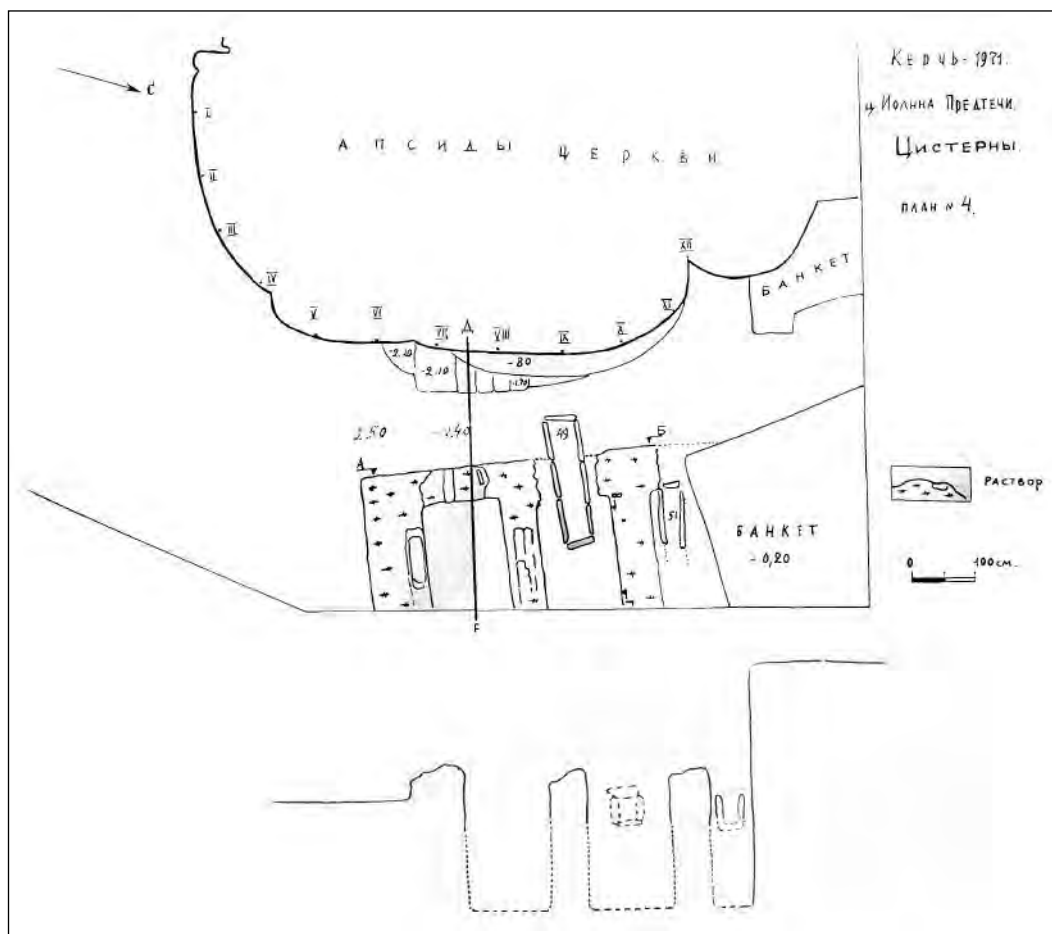

Рис. 4. Рыбозасолочные цистерны около апсиды церкви Иоанна Предтечи.
План и разрез (из отчета Т. И. Макаровой, 1971 г.).

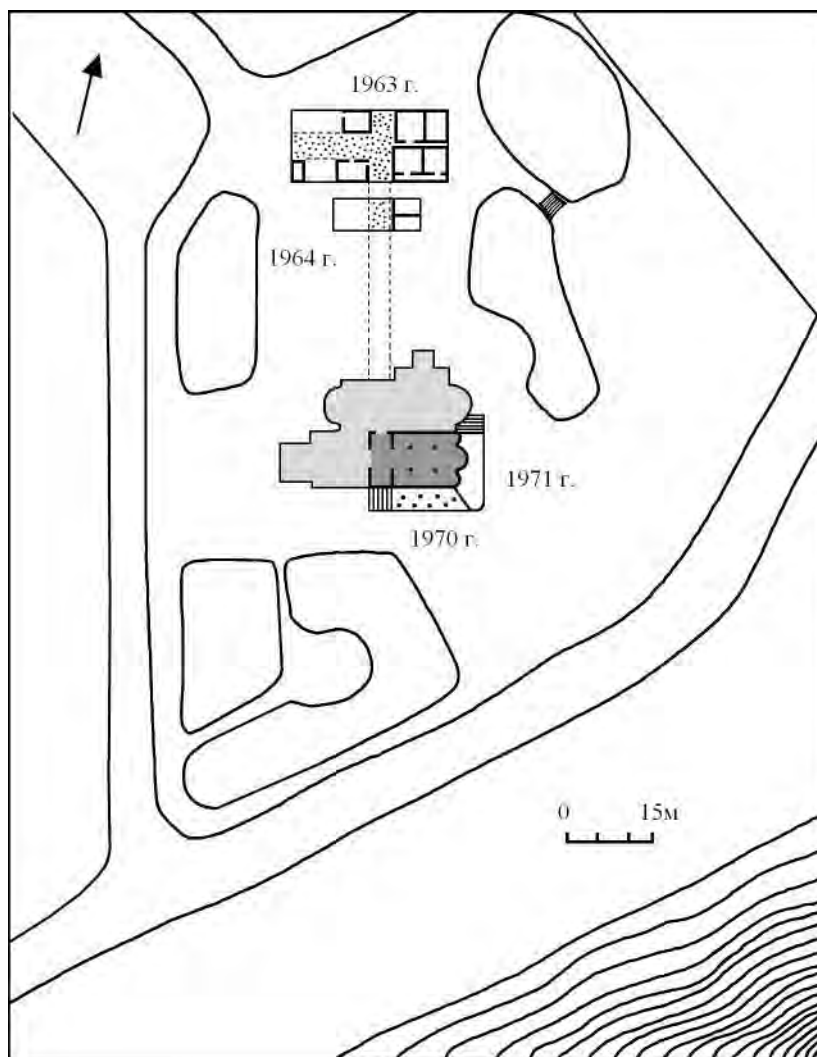

Рис. 5. Церковь Иоанна Предтечи и раскопы Т.И. Макаровой – II-III (1963–1964 гг.), IV (1970–1971 гг.) Ситуационный план из отчета Т.И. Макаровой 1971 г.

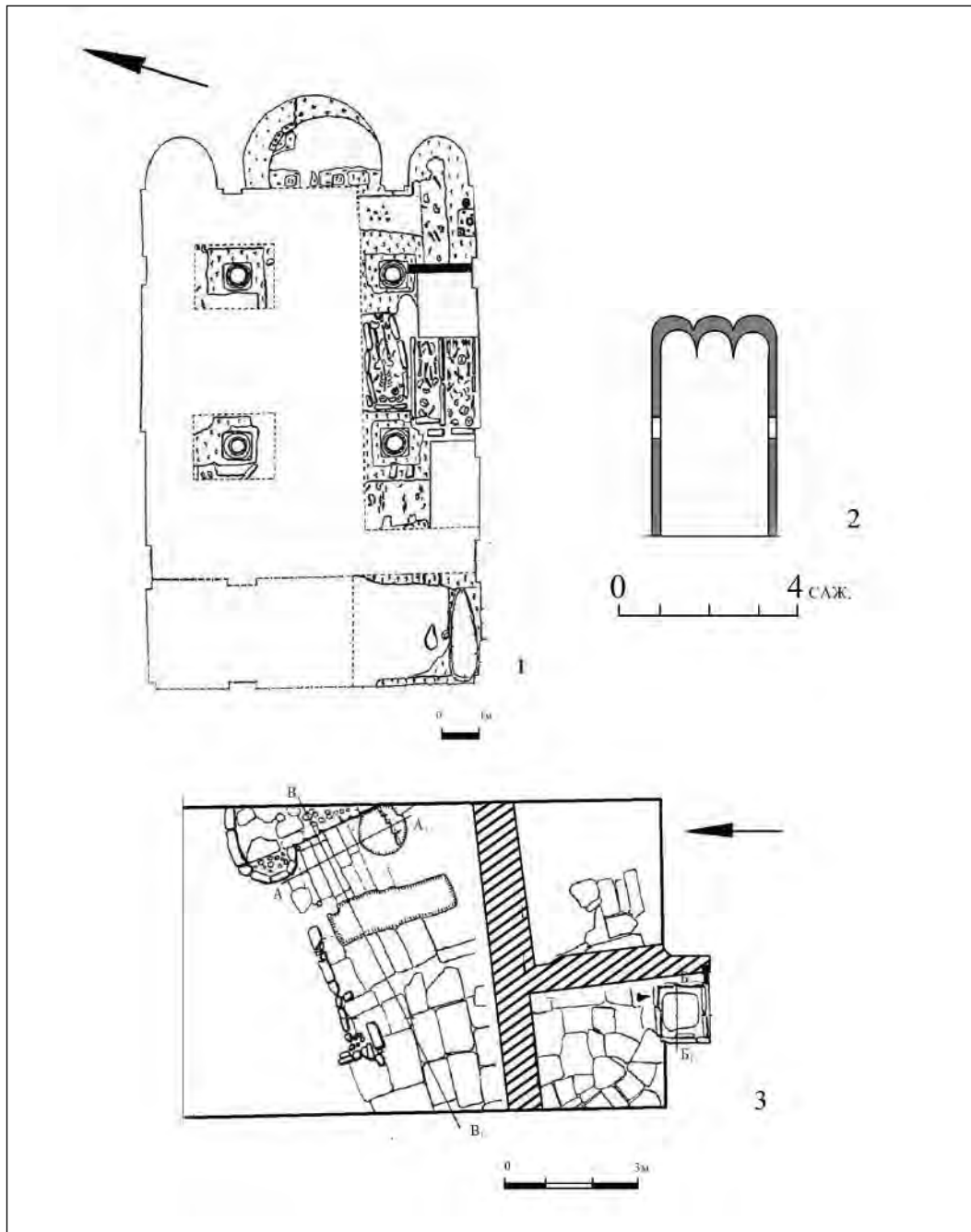

Рис. 6.

1 – Церковь Иоанна Предтечи. Раскопки в интерьере. План (по Т.И. Макаровой, 1998);
2 – Церковь «Шевелева». План (по Е.П. Шевелеву, 1848); 3 – Помещение № 8 на раскопе III 1964 г.
План (по Т.И. Макаровой, 1998).

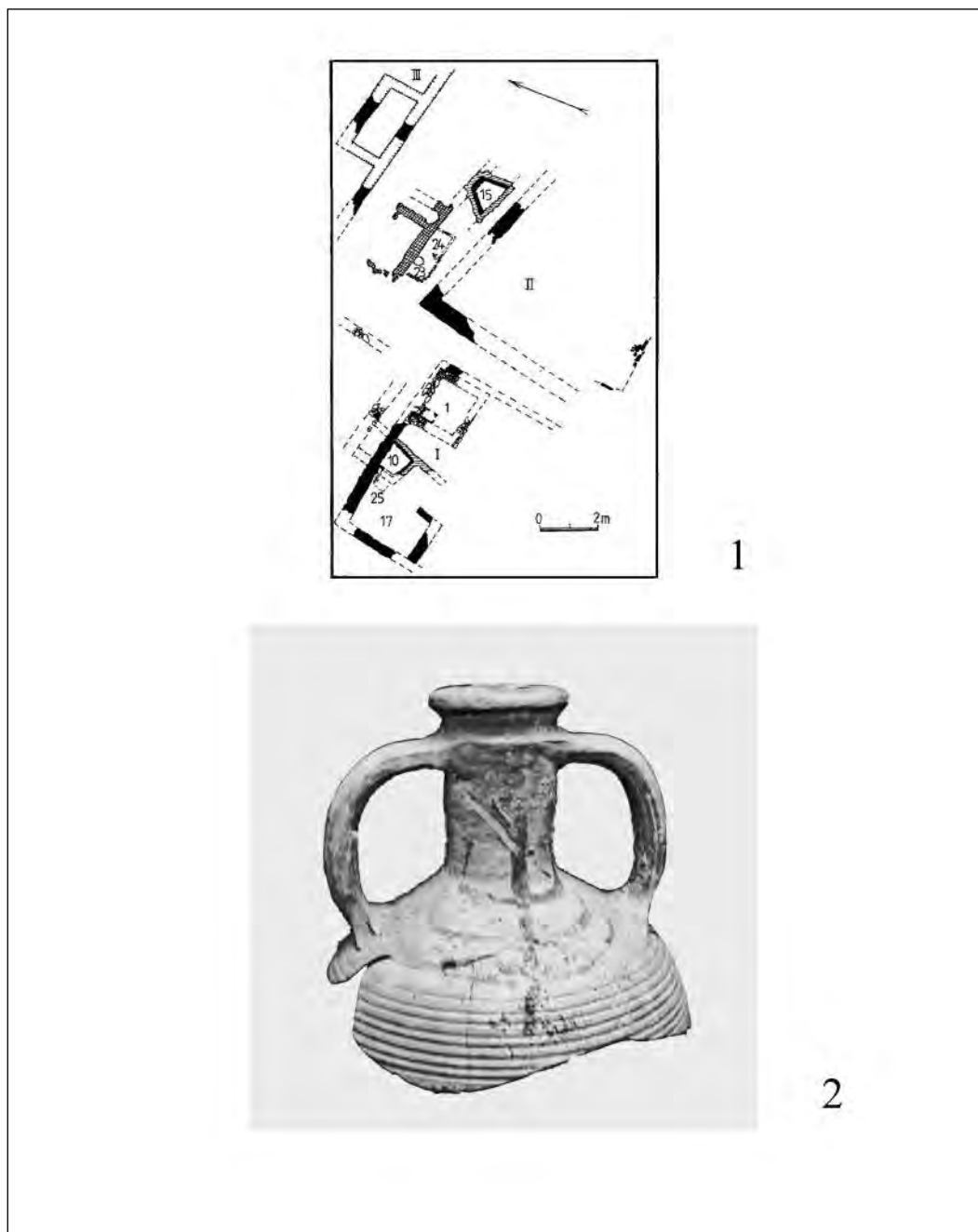

Рис. 7.

1 – Раскоп А.И. Айбабина 1990–1992 гг. в переулке Кооперативный. План строительных остатков позднеантичного и ранневизантийского времени (по А.И. Айбаину, 1999); 2 – Амфора с дипинти в виде миноры.

Рис. 8. Карта восточной оконечности г. Митридат (масштаб 1:5000) и предполагаемые границы плитово-грунтового могильника.

Ю.В. АРТЮХИН
IU.V. ARTIUKHIN

**КЛИМАТИЧЕСКИЙ И ОКЕАНОЛОГО-ЛАНДШАФТНЫЙ ФОН
ПРОТИВОБОРСТВА КАЗАЧЕСТВА И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
В XVI-XVII ВВ.**

**CLIMATIC, OCEANOLOGIC AND LANDSCAPE BACKGROUND OF
THE CONFRONTATION OF THE COSSACKS AND THE OTTOMAN
EMPIRE IN THE XVI-XVII CENTURIES.**

В 1453 г. турки-османы взяли штурмом Константинополь, а в 1475 г. – Тану и Азак [Мишо, 2004, с. 291; Бурлака, 2005, с. 68-69]. К 1533 г., захватив города Северного Причерноморья, объявили Черное море внутренним «озером империи». Уже в начале XVI в. русские земли подверглись первым нападениям османов, а с 1515 г. приобрели систематический характер с участием крымской и ногайской орд. В 1552-1556 гг. Российское государство завоевало Казанское и Астраханское ханства. Стремясь остановить расширение России, османы предприняли попытку вытеснить ее из низовьев Волги. В 1569 г. эскадра Селима II подошла к Дону и достигла участка Переволоки, где русла Дона и Волги располагались максимально близко [Сухоруков, 1869, с. 22; Лунин, 1949, с. 164]. После неудачных попыток осады Астрахани и создания инфраструктуры для покорения Поволжья остатки войска вернулись в Азак и занялись его укреплением. С этого периода крепость стала опорной базой Османской империи в противостоянии с Россией и донским казачеством. В свою очередь, донские казаки в содружестве с запорожцами, а возможно, в отдельные периоды и с волжскими казаками вели длительную войну против улусов, селений ногайцев, крымских татар, османских крепостей и городов империи.

Перечень военных походов днепровских (запорожских) казаков с конца XV в., а донских с первой половины XVI в. позволяет очертить период казачьих морских вылазок и так называемой Босфорской войны, примерно с 1502 по 1659 год [Тушин, 1978, с. 162–170; Королев, 2007, с. 108–206, 281–489]. Хронологически Босфорская война совпадает с началом и максимумом климатического феномена, известного как «малый ледниковый период» [Адаменко, Ловелиус, 1976, с. 295; Борисенков, Пасецкий, 1983, с. 91]. Это сложное природное явление, важнейшей особенностью которого было значительное снижение среднегодовых и сезонных температур воздуха. Постепенный переход от климатического оптимума, который наблюдался в Европе в VI-XIII вв., к малому ледниковому периоду прослеживается по изменению количества зим в столетие (табл. 1).

Похолодание климата сопровождалось накоплением части атмосферных осадков в пределах горных систем и на пространстве гумидной зоны. Снеговая линия на Кавказе существенно снизилась при одновременном увеличении площади и мощности горного оледенения. Косвенным подтверждением этого процесса служило

Артюхин Ю.В. Климатический и океанолого- ...

перекрытие мощным снеговым покровом многих горных перевалов Центрального Кавказа, на которых в эпоху расцвета Византийской империи были возведены многочисленные православные храмы [Потто, 2005, т. 5, с. 326–350].

Таблица 1
Изменения климата и уровня Азовского моря в период 1300–1700 гг.

Параметр	Периоды, годы			
	1301-1400	1401-1500	1501-1600	1601-1700
Количество зим в столетие	9	15	30	33
Отметка уровня Азовского моря, м в Балтийской системе высот	2-2,3	1,7-1,9	0 ÷ – 4	от 0 до –5 ÷ –6

Данные дендрохронологических исследований свидетельствуют, что для горных систем Кавказа, Тянь-Шаня и Алатау прослеживается несколько холодных экстремальных похолоданий – примерно 1577, 1635, 1789, 1878 гг. [Максимов, Максимова, 1971, с. 520–522]. Эти периоды похолодания выявлены по годичным кольцам на срезах не только самых старых деревьев, но и пней. Для реакции растительного сообщества на изменения внешней среды характерна инерционность. В этой связи можно утверждать, что выделенные пики похолодания наверняка имели большую продолжительность. Фактически речь может идти о цикле с конца XV в. по вторую половину XVII в.

Те атмосферные осадки, которые в виде снега накапливались на водосборных площадях, поступали в речные системы бассейнов Азовского и Черного морей в меньших объемах и со значительным смещением сроков слабого половодья либо в отдельные годы вообще не поступали в реки. Периоды иссушения Русской равнины чередовались с периодами избыточного увлажнения, что на фоне слабого прогрева также негативно сказывалось на стоке Днепра, Дона и Волги. Мобилизация атмосферных осадков горным оледенением довольно быстро оказало влияние на водность Кубани и рек Азово-Кубанской равнины, имевших значительную долю ледникового и подземного питания.

Анализ статистики гидрологических наблюдений, проведенный специалистами Морского гидрофизического института, показал, что «...межгодовые колебания уровня [Черного, а следовательно, и Азовского моря] в значительной мере определяются колебаниями баланса пресных вод и в наибольшей степени связаны с многолетними колебаниями атмосферных осадков и стока рек» [Горячкин, 2011, с. 255]. Максимумы похолодания и сокращения расходной части баланса пресных вод хронологически совпадают со спадом уровня Азовского моря, что подтверждается радиоуглеродными датировками ракушечных образцов из тел кос и литературными данными (табл. 1). Приведенные сведения позволяют заключить, что морским походам казаков могли препятствовать не только суровые зимы, но и низкое стояние уровня Азовского моря и Керченского пролива, на 3-5 м ниже современного. Падение уровня Черного моря также происходило, но мало влияло на условия плавания.

Снижение уровня вызвало и цепочку сложных перестроек экосистемы Азовского моря. Анализ изменчивости концентрации органического вещества в пробах ракушечных отложений кос северного берега, для которых был определен абсолютный возраст по C^{14} , показал необычное явление. По мере уплотнения осадков органическое вещество в них разлагается химическими и биологическими процессами и, значит, концентрация должна уменьшаться с увеличением их возраста. Однако исследования показали, что значения Сорг. в древних отложениях кос не уменьшается с глубиной. Аномалия может объясняться тем, что на определенном этапе средневековья в Азовском море возник мощнейший источник органического вещества. Он обеспечил поступление в поверхностные и в нижележащие горизонты ракушечных отложений кос северного берега огромных масс растительной органики. Этот фактор и является ответственным за аномалию распределения Сорг. по вертикали литологического разреза. Напрашивается предположение – источником органического вещества могли служить прибрежные «травяные леса». Рассмотрим этот феномен на примере современного процесса активного освоения береговой зоны Азовского моря тростниково-рогозовыми зарослями.

В конце 1970 – начале 1980 гг. началось активное зарастание береговой зоны Утлюкского залива и западного берега косы Обиточной (северо-западная часть Азовского моря). Сначала на подводном склоне появился сплошной растительный покров из высших водных растений типа zostера. Позже у подножия берегового обрыва началось образование тростниково-рогозового барьера. Его разрастанию не помешали сильные восточные штормы в 1970, 1988 гг. К 1990 г. тростниковые заросли охватили все побережье севернее Геническа протяженностью свыше 60 км. В 1988–1990 гг. подобные очаги прибрежной травяной растительности появились между Миусским лиманом и корнем косы Беглицкой, на южном побережье Ейского и в устьевой зоне Бейсугского лиманов, вдоль Ачуевской косы и на предустьевом взморье р. Протоки и др. В течение 15–20 лет на всех этих и других участках возникли столь значительные по площади и плотности стеблей растительные сообщества, которые без большого преувеличения можно назвать прибрежными «травяными лесами». Никаких древесных видов растений в таких сообществах пока не выявлено.

Этот процесс ныне развивается в условиях почти стабильного уровня моря, но на фоне ослабления параметров ветрового волнения. Причиной такого ослабления является общий спад ветровой активности, отчетливо проявившийся к 1985 г. [Шишкин и др., 2002, с. 20]. Проведенный автором анализ изменений среднегодовых скоростей ветра по ГМС Таганрог, Ейск, Мариуполь, Бердянск и Геничск подтвердил выводы исследователей АзНИИРХ. Если в предвоенное время среднегодовые скорости ветра в северном регионе моря достигали 6-7 м/с, то к концу 1970 – началу 1980 гг. скорость ветра всех направлений уменьшилась до 4-5 м/с, а в начале 1990 г. до 2,5-3 м/с. Эта многолетняя фаза так называемой «ветровой депрессии» и обусловила повсеместное развитие прибрежных «травяных лесов». Причины – уменьше-

ние частоты штормов, как и параметров волн в зоне прибоя, обеспечивавших прежде значительную перестройку подводного склона и пляжа, накопление илов в зоне трансформации волн.

В рамках рассматриваемого периода XVI-XVII вв. ветровая депрессия, судя по имеющимся данным, не возникала, зато на 3-5 м и более снижался уровень моря. Последствия падения уровня вызвали сходный экологический эффект, как и в случае ветровой депрессии. То есть во второй половине XVI – XVII вв. почти по всему периметру Азовского моря возникла зона осушки подводного склона, ширина которой изменялась на разных участках от 1,5 до 3 км. Ее постепенно покрыли сплошные тростниково-рогозовые «леса». Лесом это растительное сообщество названо потому, что высота стеблей в устойчивых фитоценозах могла достигать 4-5 м, а плотность сомкнутых стеблей 30-50 шт/м². Подобные заросли даже в середине XX в. существовали на некоторых участках Днепро-Бугского лимана. Таким образом, в XVI-XVII вв. в береговой зоне Азовского моря и на приморских территориях проявился комплекс неблагоприятных факторов: суровые зимы с нередко лютыми морозами, низкое стояние уровня моря, появление на осушенном дне «травяных лесов». Большой интерес представляет выяснение, как эти факторы влияли на ход противоборства казачества и Османской империи.

Изучение русских летописей показало, что похолодание на востоке Европы начало сказываться еще в XV в. Так, в Вологодско-Пермской летописи отмечалось, что в 1493 г.: «... зима и студена была добре, двадцать морозов было по ряду страшных великих без ветра...» [Борисенков, Пасецкий, 1983, с. 101]. Это свидетельствует о суровости климата, который для территории Руси вообще был характерен. И если уж летописцы называют морозы «жестокими», «страшными» или «лютыми», значит это были необычные для русской территории морозы в календарные сроки не только зимы, но весны и даже лета. В подобных климатических условиях сковывались прочным льдом реки и Азовское море, северная прибрежная, а иногда и западная часть Черного моря.

Представление о природно-климатических аномалиях на территории Кубани и Северного Кавказа в XVIII-XIX вв. дают некоторые архивные данные (Галкин, Коровин, 1984, с. 22–26):

«...Из-за льда в Керченском проливе артиллерию переправить не можно было» (зима 1793/94 г.).

«Крым увидел жестокость холода, свойственную самым северным народам. Напали глубокие снега, непрерывные морозы до –25° С, воды промерзали на 70 см и таким образом стояли более трех месяцев» (зима 1798/99 г.).

«От убийственных морозов на Кубани погибло 17 000 лошадей, 92 000 рогатого скота, 84 000 овец» (зима 1833/34 г.).

«На Дунае обморозилось 648 русских солдат, а в Закарпатье от морозов погибло 12 000 турок» (зима 1853/54 г.).

«Под Майкопом на р. Белой 1000 солдат отморозило руки и ноги» (зима 1857/58 г.).

«В сем году был ледостав на Сене, замерзло большинство никогда не замерзающих

Боспорские исследования, вып. XXXII

альпийских озер, катастрофические заторы на французских реках, в Венеции лагуны покрылись льдом, впервые за 300 лет замерзли фонтаны в Риме, обильные снегопады в Северной Африке, Крыму и на Кавказе» (зима 1879/80 г).

Рассчитанные Г.А. Галкиным и В.И. Коровиным [1984, с. 26] по методике К. Истона индексы суровости зим показывают, что отношение очень мягких зим (с продолжительностью ледостава на р. Кубань менее 5 дней в году) к очень суровым (с ледоставом больше 50 дней) в XVIII-XX вв. менялось следующим образом:

1771-1840 гг.	1841-1910 гг.	1911-1980 гг.
1:4	1:1	4:1

Из этого ряда данных и графика изменения продолжительности ледостава на р. Кубань следует, что по крайней мере в конце XVII в. и начале XVIII в. ледостав на реках был более продолжителен, а индекс суровости зим превышал соотношение 1:6 – 1:8. То есть в XVII в. и в XVI в. зимы бывали чрезвычайно длительные и суровые, а соответственно, лед в Азовском море достигал значительной толщины и долго не вскрывался. В этом контексте интересно обратиться к свидетельству Э. Челеби, который в 1641 г. писал: «...приближается безжалостная, как сабля, зима; Азовское море промерзает на два кулача» [Челеби, 1979, с. 119.]. Если опираться на численное выражение кулача, приведенное в переводе – 1,95 м, то толщина льда, по оценке Э. Челеби, могла достигать 3,8 м, что означало бы промерзание Таганрогского залива до дна. На отдельных участках подобное явление могло возникать, но столь сверхординарная толщина льда входит в противоречие с приведенной длительностью зимы – 5 месяцев. Такая длительность могла соответствовать климатическим условиям Малой Азии в эпоху малого ледникового периода. Но лед в 3,8 м не мог бы растаять даже при очень теплых весне и лете. Скорее всего, толщина льда могла достигать 1,5-2 м, да и то не везде, а продолжительность зимы – до 7-8 месяцев. В этом контексте интересна фраза Э. Челеби: «...в ночь, когда гонцы отправились к Порогу [Стамбул], был такой жестокий мороз, что войско ислама едва не полегло в землю» [Челеби, 1979, с. 35]. Этот мороз ударил в ночь с 25 на 26 сентября. Следовательно, даже зима 1641-1642 гг. могла длиться не менее 6 месяцев.

Океанологи МГУ предпринимали попытку оценить суровость зим в пределах южных морей [Владимирцев, Косарев, 1971, с. 59-61]. Согласно их расчетам, в период с 1928 по 1972 г. в Азовском море было несколько суровых зим: 1928-1929 г. – 676 градусо-дней, 1953-1954 г. – 951 градусо-день. Период 1941-1942 г. не рассматривался из-за отсутствия наблюдений. Данные по грузоперевозкам, например, Ейского порта за 1928-1929 г. не сохранились, зато зима 1953-1954 г. привела к уменьшению объема грузоперевозок через Ейский и Таганрогский порты в 1,5-2 раза по сравнению с годами со средними и мягкими зимами. При этом следует учитывать, что работа портов даже после войны обеспечивалась в зимнее время ледаколами. Суровость зим XVII в. количественно можно оценить значениями 1200-2500 градусо-дней и более. Эти данные подтверждают вроде бы очевидный факт – в отдельные периоды

Артюхин Ю.В. Климатический и океанолого- ...

XVI-XVII вв. плавание по морю было вообще невозможно. Но этот вывод никогда не проверялся по реальным данным, поэтому его интересно проверить путем сопоставления хронологии походов с рядом экстремальных климатических событий (табл. 2).

Таблица 2

Морские походы запорожских и донских казаков в XVI в. и климатические феномены, по [Тушин, 1978; Борисенков, Пасецкий, 1983]

Годы с суровыми зимами	Морские походы казаков	Годы с жарой и засухой	Годы с суровыми зимами	Морские походы казаков	Годы с жарой и засухой
1502-1503	1502	1503	1550	-	-
	1504	1504	-	1551	-
1506-1508	-	1507-1508	-	1556	1556
1511-1512	-	1512	1557-1559	1558	-
1514	-	-	-	1650	1559-1560
-	1523	1520	1562-1563	-	-
1524-1526	-	1525	1569	-	1571-1572
-	1527	-	-	1574	-
-	1528	-	-	1575	1575
1534-1535	-	1536	-	1578	-
-	1538	-	1580	-	-
1540-1541	-	1540	1583	1583	1583
-	1541	1541-1542	1585	-	-
-	1545	-	1587-1590	1586-1590	1588-1590
1546	-	-	-	1593-1595	1591
-	1547	1547	1596	-	-
1548	1546	-	-	1599	1599

В таблице 3 показано соотношение периодов суровых зим и засух с известными датами морских походов в рамках так называемой «Босфорской войны».

Таблица 3

Соотношение основных дат Босфорской войны [Королев, 2007, с. 108–206, 281–489; Сень, 2009, с. 63–89] с климатическими феноменами XVII в. [Борисенков, Пасецкий, 1983, с. 106–111]

Годы морских походов	Казачье войско	Годы суровых зим	Годы с засухой
-	-	-	1600-1605
-	-	1602-1604	-
-	-	1607-1608	-
1612	запорожское	-	1608-1612

1613	запорожское	-	-
1614-1616	запорожское+донское	-	1614-1618
1618	донское+запорожское	-	-
1620-1621	запорожское+донское	1620-1621	-
1622	донское	-	-
1623	донское	-	-
1624-1625	запорожское+донское ?		1624
-	-	1626	-
1628	донцы	-	-
1629-1630	запорожское+донское	-	-
1635	запорожское	1633-1635	-
1639-1940	запорожское+донское		1635-1639
-	-	1643-1646	-
1647, 1651, 1652, 1654	запорожское+донское	-	1646-1654
1659	донское	1655-1660	1658, 1660
-	-	1667	-
-	-	1669-1670	-
1672	донское	-	-
1674	-	1674-1679	-
1685, 1686,	донское	-	1678-1692
1687, 1689	донское	-	-
-	-	-	1696, 1698

В таблицах 2 и 3 помещены лишь основные даты, поскольку нет однозначного толкования некоторых походов. При составлении таблиц не всегда можно было адекватно оценивать климатические оценки летописей. Анализ приведенных данных выявил вполне понятную закономерность – в годы с очень суровыми зимами, когда ледовый покров в Азовском море вскрывался только летом, а на некоторых участках торосы могли растапливаться в конце лета, казаки не имели физической возможности выйти в Черное море. Вместе с тем, некоторые морские походы совпадали с суровыми зимами. Возможно, это объяснялось теплой осенью или контрастностью погодных условий, при которых зимние холода сочеталась с относительно теплым летом. В некоторые годы казаки совершали до 2-3 походов, иногда смещая их в осенний сезон, что, возможно, косвенно указывает на длительный холодный период [Сухоруков, 1869, с. 148, 189; Волков, 2000, с. 45; Королев, 2007, с. 217-218]. В марте 1672 г. царская грамота повелевала донцам «...как лед скроетца» выйти в море с целью предотвращения активных действий со стороны крымского хана [Сень, 2009, с. 63]. Эту цитату нельзя однозначно интерпретировать как свидетельство суровой

зимы, но совершенно очевидно – в Москве учитывали возможность позднего вскрытия моря ото льда, а иногда и возвращения холодов со снегом летом.

Как отмечалось ранее, суровость климата способствовала уменьшению речного стока и падению уровня Азовского моря. В этом контексте интересно обратиться к свидетельству Э. Челеби, в 1641 г. участвовавшего в попытке османских войск отбить Азов у донских казаков [Лунин, 1939, с. 24–27]. Э. Челеби писал об обстоятельствах переправы татар через Дон после неудачной осады крепости: «Его светлость хан с войском тотчас направили коней в воду и, так как она не доходила до стремян, [спокойно] переправились на тот [правый] берег [Дона]» [Челеби, 1979, с. 36]. По логике, татарская конница, в составе которой Э. Челеби переправлялся на северный берег, в первую очередь должна была бы преодолеть рукав так называемого Старого Дона, а уж затем рукава Кутерьма, Каланча и др. В нормальных гидрологических условиях глубины в этих рукавах и в прошлом были не менее 2,5-3 м, поскольку через них осуществлялся проход грузеных судов. Например, в 1618–1630 гг. турецкие корабли свободно входили в эти рукава [Соловьев, 1961, т. 9, с. 202-208; Бурлака, 2005, с. 95]. Но в 1635–1637 гг. плавание в вершине Таганрогского залива и в дельте Дона стало невозможным вследствие обмеления всего моря и впадающих в него рек. В этом контексте становится понятна та легкость, с которой возвращавшаяся из Азова крымская конница свободно, по описанию Э. Челеби, преодолевала довольно полноводные в естественных условиях реки Миус, Кальмиус, Берду, Обиточную, Корсак и Молочную. Анализ картографических и океанологических материалов показал, что свидетельство турецкого эмиссара о существенном обмелении Азовского моря в тот период вполне согласуется с природными данными [Артюхин, 2010, с. 21–23]. Подтверждает мелководность Азовского моря сообщение разведывательных дозоров донских казаков, отслеживавших продвижение к захваченному ими Азову войска крымского хана. Вместо того чтобы доставлять тяжести, прежде всего боеприпасы и пушки морем, он осуществлял переход к Азову «по черкесской стороне» [Сухоруков, 1869, с. 250].

На мелководность моря в XVII в. в трактате об османских крепостях указывал неизвестный османский военный инженер: «Большая часть такого военного снаряжения [в случае направления войска к Азаку] обычно грузится из столицы [Стамбула] на подходящие суда, и они причаливают у Акче-Кумлар, что расположено возле местности, называемой Гёмлек, прямо неподалеку от Азова. Как передают, это очень мелкое место в Азовском море – оно имеет в глубину половину кулача» (то есть 0,9-1 м) [Весела, 1969, с. 131]. Судя по всему, это участок берега между косами Сазальникской и Чумбурской (до Азова не более 37-40 км). Ныне здесь на рейде глубины составляют 6-6,5 м, а изобата 4 м располагается в 600 м от линии уреза. Следовательно, в течение периода с 1570-1572 гг. по 1650-1659 гг. донские и запорожские казаки во время походов на крымские города и турецкое побережье Анатолии и Румелии совершали плавание по мелкому Азовскому морю и несколько обмелевшей северо-западной части Черного моря. Можно предположить, что это природное обстоятельство сыграло не последнюю роль в успехах Босфорской войны.

В структуре исторических исследований Босфорской войны заметное место занимает Адахунское сражение в середине июля 1638 г. Скрупулезный разбор хронологии и обстоятельств боя выполнен рядом историков [Королев, 1993, с. 42-62; Волков, 2000, с. 56-62]. Вместе с тем, имеет смысл воспроизвести описание события в старинном документе: «Да 147 году [1638 г.] сентября в 3 день посланником Дорофею Остафьеву, Олферью Кузовлеву сказывали переводчик Билял Безергинев, да толмач Лазарь Алышов про тех казаков, которые были на море, пришли де было те казаки из Азова, хотели взять город Табань [Тамань], а было казаков 30 стругов, а людей было 1600 челов., и подметил де их на море каторжной Пияла князь, и подметя послал весть к царю, и царь по той вести пришел к морю на берег, к тому месту, где часть казаков, на море бился и загнал их в морскую заливу на остров, и к ним приступал, и куды из залива проход в море, и то место каторжной князь загородил каторгами, и казаки де дождався ночи, струги свои на себе переволокли в море, и неугодили под Азов уйти, прошиблись промеж Керчи и Тамани и зашли в другом месте в морскую заливу в Духоню, и на берегу де у той заливы стоит город Казылбаш, турецкого царя; а около того города, были запорожские черкасы, и видя что им деться негде, убояся учали переметываться к царю и к туркам, а [донские] казаки де дождався ночи, оружие все пометали в воду, и сами пошли в рознь на берег, и иные де ушли к Азову, а иных поймали по лесом и по камышу черкасы и татаровы, и говорят де татаровя и черкас добре много, давно де такого побою на татар не бывало» [Сухоруков, 1869, т. 1, с. 276]. Цитата позволяет составить представление о ходе боя, хотя требуются некоторые географические уточнения.

И.В. Волков при реконструкции возможной последовательности боевых действий казаков опирается на современные процессы и конфигурацию береговой линии Ахтанизовского и Кизилташского лиманов. Анализ имеющихся старинных батиметрических планов и карт свидетельствует, что Ахтанизовский лиман даже на позднейших стадиях развития в XIX-XX вв. был глубже, чем Кизилташский, не говоря уже о Витязевском лимане. На картах съемок 1870–1890 гг. глубина в Кизилташском лимане лишь на отдельных участках превышала 3-5 футов (0,9–1,5 м), в то время как в Ахтанизовском – 2–2,5 м [Карта..., 1877]. Н.Я. Данилевский даже говорил о средней глубине 25 футов (7,5 м), хотя его оценки основываются на сведениях кормщика, с которым он совершал объезд, и возможно, относятся к концу XVIII в. – началу XIX в. [Данилевский, 1869, с. 56]. Промеры 1881 г. показали, что средняя глубина в этом лимане не превышала 2,7 м [Жаринцев, 1887, с. 126]. Столь быстрое обмеление объяснялось начавшимся сбросом части вод Кубани в Ахтанизовский лиман. Поэтому можно сделать однозначный вывод, что в XVII в. Ахтанизовский лиман был гораздо глубже, чем Кубанский.

В средние века основной сток Кубани был направлен в Кубанский лиман, частично отгороженный от моря лессовым Благовещенским останцом и фрагментами аккумулятивных тел, лишь в XVIII в. образовавших единое тело – Анапскую пересыпь. Промоины в ее теле или полноценные проливы существовали потому, что сбрасыва-

Артюхин Ю.В. Климатический и океанолого- ...

емые Кубанью значительные объемы воды обеспечивали почти постоянный сток в море. Этот водный поток препятствовал консолидации пересыпи. Схема изменений плановых очертаний черноморской дельты Кубани за период 1841–1970 гг., составленная с использованием старинных карт, показала, что развитие дельты происходило в пульсирующем режиме. Если в 1841 г. наблюдалась наименьшая площадь дельты, то в 1869 г. произошло существенное выдвигание в Кубанский лиман ее западного и северо-западного флангов. В южной части, на месте впадения ерика Кузькина и рукава Джига, возник глубокий залив. В 1872–1895 гг. северо-западный фланг нарастал незначительно, зато южный фронт дельты настолько выдвинулся в лиманную акваторию, что перекрыл ранее свободное пространство между Благовещенским останцом и коренным берегом в районе пос. Суворов-Черкесский. В конце XVI – середине XVII вв. дельта имела гораздо меньшие размеры. Ее морской край проходил предположительно по линии гора Гирлянная – овраг западнее пос. Уташ.

При снижении уровня Азовского и Черного морей даже на 2-3 м наверняка произошел врез основного русла Кубани. Тектонические структуры центральной части и западного фланга Кубанского лимана испытывали воздымание, морфологическими индикаторами которого являются Благовещенский останец и банка Марии Магдалены. Поэтому основной сброс воды в условиях переуглубления русла и долины Кубани происходил на юг, в направлении современного Витязевского лимана. Это обусловило существование широкого пролива, через который (а не через так называемое Бугазское гирло) казаки могли свободно входить в устье Кубани. Но в условиях летнего паводка, когда шел активный сброс в реку воды из тающих снежников и ледников Кавказа, Кубань превращалась в бурный поток, несшийся по узкому руслу с крутыми бортами. Возможно, именно поэтому казаки не смогли выйти в Курчанский залив (только в XIX в. лиман), а оттуда в Азовское море или в плавни дельты Кубани. Поэтому они и потерпели поражение.

Анализируя историю Адахунского сражения, исследователи отталкиваются от многочисленных описаний опыта прохода казацких флотилий через Керченский пролив. Но это в подавляющем большинстве случаев схематичные изложения распросных речей очевидцев или пересказов соратников. Между тем, достаточно обратиться к свидетельствам Э. Челеби и английского путешественника Э.Д. Кларка, чтобы составить представление о чрезвычайной мелководности Керченского пролива, наличии надводных и подводных препятствий даже при высоком стоянии уровня [Челеби, 1979; Кларк, 1999, с.17]. При падении же уровня на 3-5 м пролив приобретал облик сравнительно широкой реки с многочисленными изгибами, островами и банками. В этих условиях даже мелкосидящим османским судам было тяжело маневрировать, а тем более преграждать путь донским стругам и запорожским чайкам, способным проходить без ущерба над отмелями через узкие протоки, в том числе островов будущих кос Тузла и Чушка. Совершенно иначе обстоит дело с Ахтанизовским лиманом, который развивается в условиях активных тектонических движений, в том числе и нисходящих. Этот лиман при низком уровне моря давал возможность турецким су-

дам свободно ходить и выходить в Курчанский залив (а не лиман) Азовского моря. Такое рейдирование имело смысл, поскольку Пересыпское гирло было прикрыто, как отмечал И.В. Волков, крепостью Адахун, а сообщение с Кубанским лиманом было весьма затруднено.

Ранее отмечалось, что в XVI-XVII вв. обмеление моря могло сопровождаться появлением в пределах осушенного побережья «травяных лесов». В 1641 г. так описывалась высадка османского войска, перебрасываемого к Азову: «...войско выстроило [у гавани Балысыра, на западной окраине степи Хейхат] из камыша и тростника склады и лавки, и оно [побережье] стало походить на большой город» [Челеби, 1979, с. 28]. Независимо от того, располагалась ли гавань Балысыра на восточном побережье, близ косы Камышеватской, либо на северном, с западной стороны косы Белосарайской, такого количества тростника для строительства шалашей почти 150-тысячной армии в условиях, близких современным, запастись невозможно. Значит, тростниковые заросли в XVII в. имели весьма значительные ширину и протяженность. Да и встречающиеся в разных источниках сведения об использовании тростниковых зарослей казаками для спасения от преследований дают основания для такого предположения. Возьмем, например, сообщение казака, сбежавшего из полона в 1698 г.: «...а морем шли до здешнего берега полторы мили и как дошли они до камышников и они де в первом камыше у донских казаков у зверовщиков жили три дни и другом ночевали ночь в третьем ночь же в четвертом камышнике были день да две ночи» [Вернадский, 1920, с. 259]. Из расспросных речей следует, что события происходили западнее Таганрога, на участке между Петрушиной и Беглицкой косами. В XVIII в. это побережье уже было свободно от зарослей камыша, тогда как в 1698 г., а тем более в предшествующие десятилетия камыши еще давали убежище для большого числа вольных охотников – «гулебщиков».

Расспросные речи XVII в. свидетельствуют, что для донских казаков и беглых из русских губерний не представляло особого труда отправиться за добычей, например, к Молочному лиману, Арабатской стрелке или к татарским селениям северного побережья Керченского полуострова. Документы свидетельствуют, что в начале XVI столетия: «...буйные толпы на Поле [пространство степей от южных берегов Волги через Дон, почти до Днепра] до того умножились, что из Украинных российских мест посылаемы были партии для разведывания, дабы предотвращать внезапные нападения» [Сухоруков, 1869, с. 2]. Дело дошло до того, что в 1538 г. ногайский мирза Келмагмет направил жалобу царю Иоанну Васильевичу о разорениях, нанесенных его подданным городецкими казаками. В 1546 г. князь Михаил Троекуров, воевода в Путивле, извещал великого князя: «Ныне, Государь, казаков на Поле много и черкасцов и киян и твоих Государевых; вышли, Государь, на Поле из всех Украин» [Сухоруков, 1869, с. 4]. Конечно, в документах того времени нет прямых указаний о причинах разрастания такого буйства. Но можно предположить, что этому способствовало наличие рядом со степью надежного убежища – прибрежных «травяных лесов». Так, может быть, именно эти «травяные леса» и содействовали успешному

Артюхин Ю.В. Климатический и океанолого- ...

преодолению казачьими стругами турецких морских застав? Узкие и мелкосидящие казачьи лодки без особого труда преодолевали растительные заросли, тем более что эти операции в темное время суток практически невозможно было заметить. Как говорили казаки: «Луна – это казачье солнце».

Существование прибрежно-морских «травяных лесов» позволяет с несколько иных позиций, чем прежде, пояснить неясное место из сообщения Э. Челеби о том, что наряду с другими существовал «санджак Азовского моря – Балысырский», причем санджакбей владений на суше не имел [Королев, 1989, с. 135]. В его подчинении было 20 фыркад (фрегатов) со стражей, за что из Кафинской таможни по закону получал 10 кесе (кошелек, равный 500 курушам, или 60 тыс. акче) [Королев, 1989, с. 135]. Э. Челеби отмечал: «На юге лежит Черное море, на востоке Азовское море, которое называют также Балысырским морем». Можно предположить, что задачей санджакбея был не только контроль над проливом между Белосарайской и Долгой косами, но и над огромным пространством травяных лесов, простиравшихся от устья Дона и до Сиваша, а также вдоль всего южного побережья Таганрогского залива и восточного побережья Азовского моря. Тогда становится понятным выделение особого санджака Балысырского моря, к которому и можно было отнести не все море, а только прибрежное его пространство, занятое «травяными лесами». Именно оно создавало наибольшую угрозу для империи, предоставляя убежище не только конным и пешим ватагам казаков разных мастей, но и удобное пространство для преодоления морскими казачьями отрядами османских застав.

Предпринятая попытка совместного рассмотрения ряда исторических и природных феноменов позволила охарактеризовать «Босфорскую войну» несколько с иных позиций. Однако прямая корреляция естественнонаучных и исторических данных не всегда возможна из-за того, что в документах средневековья на природные катаклизмы обращали внимание лишь в крайних случаях или при записи сообщений очень наблюдательных людей. Следует учитывать, что представленная схема variability природно-климатических процессов опирается все же на скудный объем информации. На самом деле могли существовать периоды со значительно более масштабными и частыми трансформациями уровня режима моря, температуры воздуха, водности рек, а следовательно, и ландшафта морского побережья. Описываемые «растительные леса» нельзя рассматривать в облике стройных рядов стеблей камыша, рогоза, между которыми пробирались струги казаков. В реальности, как показывают наблюдения в середине XX в., на участках прибрежных зарослей при ледоходе и штормах возникают многочисленные скопления льда, перекрытого ракушей и песком, перемешанного со стеблями растений. Такие «буреломы» могут иметь весьма значительные параметры и ледовое их ядро консервируется вплоть до середины – конца мая.

Важное место в структуре таких прибрежных фитоценозов занимают скопления огромных масс зостеры, высшего водного растения. Скопления сухих морских растений, называемые в народе «камка», интересны тем, что из-за высокого содержания в стеблях калия они не горят. Выделяемый при разложении из зостеры сероводород

уничтожает или отпугивает паразитов и насекомых. «Камка» хорошо сохраняет тепло, поэтому в прибрежных растительных матах казаки могли обретаться подолгу. Тем более, что проблем с пищей не было – рыбопродуктивность мелкого Азовского моря, оконтуренного барьером фитоценозов, была колоссальна [Артюхин, 2014, с. 23–27]. Османы наверняка в сухие сезоны предпринимали попытки выжигания тростника, пытаясь тем самым осложнить жизнь казачьим ватагам. Но, как показывают природные наблюдения, пожары лишь стимулируют еще большее разрастание растений. Формируется чрезвычайно пестрая ландшафтная структура побережья, периодически подтапливаемого в условиях жестких штормов и при кратковременных эвстатических подъемах уровня моря.

Иначе говоря, морские походы казаков происходили в крайне суровых, но весьма разнообразных природных условиях, которые в полной мере в настоящее время даже невозможно охарактеризовать. Восстановление стока рек, подъем уровня моря до современных отметок в конце XVII в. сопровождалось уничтожением «растительных лесов», что наряду с социально-политическими процессами привело к прекращению морских походов донских казаков. Все эти природные изменения способствовали исчезновению такого понятия, как «бродник», а «гулебщики» переместились в долину Кубани и предгорья Северного Кавказа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаменко В.Н., Ловеллус Н.В.* Аномалии прироста деревьев и изменение барико-циркуляционных условий последнего тысячелетия // Известия всесоюзного геогр. общ-ва. Т. 108, вып. 4. 1976.
- Артюхин Ю.В.* Океанологический фон противоборства России и Турции за обладание устьевой частью р. Дон. В сб.: Большой Ромбит. Ейск, 2010.
- Артюхин Ю.В.* Высокий потенциал регенерации экосистемы Меотийского озера – Азовского моря как фактор устойчивости колонизации побережья от античности до позднего средневековья // Боспорские чтения. Вып. XV. Керчь, 2014.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., Гидрометеиздат. 1983.
- Бурлака В.О.* Азов – город с тысячелетней историей. Очерки истории Азова. Вып. 10. Азов, 2005.
- Вернадский Г.* К истории колонизации Азовского побережья // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 57. 1920.
- Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука. 1969.
- Владимирцев Ю.А., Косарев А.Н.* Суровость зим на южных морях СССР. Вопросы океанологии. Тр. ВНИИГМИ-МЦД. Вып. 16. М.: Гидрометиздат, 1976.
- Волков И.В.* Еще раз об Адахунском сражении казачьего флота в 1638 // Древности Кубани. Вып. 16, 2000.
- Галкин Г.А., Коровин В.И.* Суровость зим и ледостав на р. Кубань в XVIII–XX вв. // Известия всесоюзного геогр. общ-ва. Т. 116, вып. 1, 1984.
- Горячкин Ю.Н.* Связано ли повышение уровня Черного моря с повышением уровня Мирового океана? В материалах конференции «Геосистемы: факторы развития, рациональное природопользование, методы управления». Краснодар, 2011.
- Данилевский Н.Я.* Исследования о Кубанской дельте. Записки РГО. Т.2. СПб, 1869.
- Жаринцев Д.Ф.* Археологическая топография Таманского полуострова. Тр. V археологического съезда в 1871 г. М. Типография А.И. Мамонтова и Ко. 1887.

Артюхин Ю.В. Климатический и океанолого- ...

- Карта Керчь-Еникальского пролива. РГА ВМФ Ф. 1331. Оп 9. Д. 65. Л 1, 2.
- Кларк Э.Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Археология и история Боспора. Керчь, 1999.
- Королев В.Н. Балысыра (историко-географический этюд)// Изв. Сев.Кавк. НЦ ВШ. 1989. № 1.
- Королев В.Н. Адахунское сражение // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. № 1/2, 1993.
- Королев В.Н. Босфорская война. М.: Вече. 2007.
- Лунин Б.В. Азовское сиденье. Ростов-на-Дону, обл. изд-во. 1939.
- Максимов Е.В., Максимова Н.Н. Дендрохронологические аспекты внутривековой изменчивости горных ледников // Известия всесоюзного геогр. общ-ва. № 6, 1971.
- Мишио Г. История крестовых походов. М, СПб: Изд-во АСТ- Полигон. 2004.
- Потто В.А. Кавказская война. Т. 5. М.: Центрполиграф. 2005.
- Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов-Дон: Изд-во ЮФУ, 2009.
- Соловьев С.М. История России. Книга V (т. 9-10). М., Изд-во «Социально-экономической литературы». Книга V (т. 9-10). 1961.
- Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Том первый. Новочеркасск, 1869.
- Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М.: 1978.
- Челеби Э. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М. 1979.
- Шишкин В.М., Куропаткин А.П., Жукова С.В. и др. Гидрологические условия обитания рыб Азовского моря в 1961–1999 гг. и 2000–2001 гг. в сб.: Основные проблемы рыбного хозяйства и охраны рыбохозяйственных водоемов Азово-Черноморского бассейна. Сб. науч. тр. АЗНИИРХ. М. 2002.

REFERENCES

- Adamenko V.N., Lovelius N.V. Anomalii prirosta derev'ev i izmeneniia bariko-tsirkulatsionnykh uslovii poslednego tysicheletia. *Izvestiia vsesoiuznogo geogr.obshch-va.*, 1976, vol.108, vyp.4.
- Artiukhin Iu.V. Okeanologicheskii fon protivoborstva Rossii i Turtsii za obladanie ust'evoi chast'iu r.Don. *Bol'shoi Rombit.* Eisk, 2010.
- Artiukhin Iu.V. Vysokii potentsial regeneratsii ekosistemy Meotiiiskogo ozera – Azovskogo moria kak factor ustoichivosti kolonizatsii poberezh'ia ot antichnosti do pozdnego srednevekov'ia. *Bosporskie chteniia.* XV. Kerch', 2014.
- Borisenkov E.P, Pasetskii V.M. *Ekstremal'nye prirodnye iavleniia v russkikh letopisiakh XI-XVII vv.* Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1983.
- Burlaka V.O. Azov – grod s tysiachaletnei istoriei. *Ocherki istorii Azova*, vyp.10, Azov, 2005.
- Chelebi E. *Kniga puteshestviia.* (Izvlachenii iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka). *Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ia i Podon'ia.* vyp. 2, Moscow, 1979.
- Danilevskii N.Ia. Issledovaniia o Kubanskoi del'te. *Zapiski RGO*, vol.2, 1869, St.Petersburg.
- Galkin G.A., Korovin V.I. Surovost' zim i ledostav na r.Kubani v XVIII-XX vv. *Izvestiis vsesoiuznogo geogr. obshch-va*, vol.116, vyp.1, 1984.
- Goriachkin Iu.N. Sviazano li povyshenie urovnia Chernogo moria s povysheniem urovnia Mirovogo okeana? *Materialy konferentsii "Geosistemy: factory razvitiia, ratsional'noe prirodopol'zovanie, metody upravleniia"*. Krasnodar, 2011.
- Karta Kerch-Enikal'skogo proliva. RGA VMFF. 1331. Op. 9. D. 65. L. 1,2.
- Klark E.D. *Puteshestvie po Rossii, Tatarii i Turtsii.* *Arkheologiia i istoriia Bospora.* Kerch, 1999.
- Korolev V.N. Balysyra (istoriko-geograficheskii etiud). *Izv. Sev. Kavk. NTs VSh.* 1989. № 1.
- Korolev V.N. Adakhunskoe srazhenie. *Izv. VUZov. Sev.-Kavk. Region.* Obshchestv. nauki. № 1/2, 1993.
- Korolev V.N. *Bosforskaia voina.* Moscow: Veche Publ. 2007.
- Lunin B.V. *Azovskoe siden'e.* Rostov-na-Donu, obl. izd-vo. 1939.
- Maksimov E.V., Maksimova N.N. Dendrokronologicheskie aspekty vnutrivekovoii izmenchivosti gornyykh lednikov. *Izvestiia vsesoiuznogo geogr.obshch-va.* № 6, 1971.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Misho G. *Istoriia krestovyykh pokhodov*. Moscow, St.Petersburg: AST- Poligon Publ. 2004.
- Potto V.A. *Kavkazskaia voina*. Vol.5. Moscow: Tsentrpoligraf Publ. 2005.
- Sen' D.V. *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnosheniakh s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ia*. (vтораia polovina XVII v. – nachalo XVIII v.). Rostov-na-Donu: IuFU Publ. 2009.
- Shishkin V.M., Kuropatkin A.P., Zhukova S.V. etc. *Gidrologicheskie usloviia obitaniia ryb Azovskogo moria v 1961-1999 gg., i 2000-2001 gg. Osnovnyeproblemy rybnogo khoziaistva i okhrany rybokhoziastvennykh vodoemov Azovo-Chernomorskogo basseina. Sbornik nauchnykh trudov AzNIIRKh*. Moscow, 2002.
- Solov'ev S.m. *Istoriia Rossii.Kniga V (vol. 9-10)*. Moscow: Izdatel'stvo Sotsial'no-ekonomicheskoi literatury Publ. 1961.
- Sukhorukov V.D. *Istoricheskoe opisanie zemli Voiska Donskogo. Vol.I*. Novocherkassk, 1869.
- Tushin Iu.P. *Russkoe moreplavanie na Kaspiiskom, Azovskom i Chernom moriakh (XVII vek)*. Moscow, 1978.
- Vernadskii G. K istorii kolonizatsii Azovskogo poberezh'ia. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. № 57, 1920.
- Vesela Z. *Turetskii traktat ob osmanskikh krepostiakh severnogo Prichernomor'ia v nachale XVIII v. Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-vostochnoi i Tsentral'noi Evropy*. Moscow: Nauka Publ. 1969.
- Vladimirtsev Iu.A., Kosarev A.N. *Surovost' zim na iuzhnykh moriakh SSSR. Voprosy okeanologii. VNIIGMI-MTsTs*. Vyp. 16, Moscow: Gidrometizdat Publ., 1976.
- Volkov I.V. *Eshche raz ob Adakhunskom srazhenii kazach'ego flota v 1638. Drevnosti Kubani*. Vyp. 16, 2000.
- Zharintsev D.F. *Arkheologicheskaiia topografiia Tamanskogo poluostrova. Tr. V arkheologicheskogo s"ezda v 1871 g*. Moscow: Tipografiia A.I. Mamontova i Ko. 1887.

Резюме

Рассмотрен комплекс климатических и океанолого-ландшафтных факторов, влиявших на сроки и условия морских походов запорожских и донских казаков на улусы и города Крыма, Османской империи. Выдвинута гипотеза, объясняющая возможные причины прекращения так называемой Босфорской войны.

Ключевые слова: Крым, Черное море, морские походы казаков, Османская империя, климатический фактор.

Summary

The complex of climatic, oceanological and landscape factors affecting the terms and conditions marine military campaign of the Cossacks of the great Zaporozhian Sech and Don Cossacks to the uluses and cities of the Crimea, the Ottoman Empire is observed. A hypothesis to explain possible reasons for the termination of the so-called Bosphorus war is proposed.

Keywords: Crimea, Black sea, marine military campaigns of the Cossacks, the Ottoman Empire, the climatic factor.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Артюхин Юрий Владимирович, канд. геогр. наук,
старший научный сотрудник,
ООО НПЦ «Берегозащита»,
главный специалист.
+7-(861-32) 7-74-23
arty-yeisk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yury Artyukhin - PhD (Geography),
senior research assistant,
LLC«Scientific-ProjectCenter«Choreprotection»,
Chief specialisS.
+7-(861-32) 7-74-23
arty-yeisk@mail.ru

ПУБЛИКАЦИИ

Н.В. ЛАЗАРЕВ, С.В. СЕРГО, Н.И. СУВОРОВА
N.V. LAZAREV, S.V. SERGO, N.I. SUVOROVA

А МАСТЕР КТО?

(По материалам дактилоскопического исследования терракоты Танаиса)

WHO IS THE MASTER?

(According to the dactyloscopic studying of Tanais terracotta)

Античное общество оставило нам в наследство огромное количество вещественных памятников из камня, глины, металлов, стекла, кости и других материалов. Мы восхищаемся ими не только в силу их солидного возраста, художественного и технического исполнения. Нас привлекает и то, что за каждым предметом стоит Мастер со своим характером, темпераментом и мировоззрением. Ведь все предметы древности – изделия ручной работы, они индивидуальны. Мы не найдем среди них и двух абсолютно одинаковых. В каждый Мастер вложил частичку своей души, каждый хранит тепло его рук.

В наш век одноразовых пластиковых предметов мы с особенным трепетом относимся к изделиям гончарного ремесленного производства. Восторгаемся ручной работой современных мастеров, знаем их имена и фамилии. Так, например, изделия Семикаракорского фаянсового завода, что в Ростовской области, известны далеко за пределами края и даже России. На многих из них подписи не только автора рисунка, но и его исполнителя. Для примера: автор Алдошина А., исполнитель Рощина Н. Обычай подписывать свои произведения достаточно древний. Мы встречаем надписи на античных статуях, керамике, терракоте. Однако имена античных греческих скульпторов известны нам в основном из письменных источников и благодаря римским копиям [Полевой, 1970, с. 229]. И все же, некоторые мы можем прочесть также на постаментах сохранившихся статуй. Таким образом мы узнали о работах Антинора, Эвтидика, Эндоя [Силина, 2013, с. 39].

На греческих терракотовых статуэтках редко можно увидеть какие-либо надписи. По большей части многие из них посвячительного характера [Кондаков, 1879, с. 9]. В позднеэллинистическое время в Мирине на оборотной стороне некоторых статуэток, на цоколе или около выдувного отверстия, помещались надписи с именами мастера или владельца мастерской. Среди наиболее встречающихся там имен Дифилос и Никострат [Бритова, 1969, с. 125]. На римской терракоте иногда вырезалось имя изготовителя или ставилось его клеймо. Так, на оборотной стороне терракоты триады матрон, хранящейся в Римско-Германском музее города Кёльна, есть печать, которая сообщает, что ее изготовил Фабриций [Ридель, 1984, с. 87]. Нередки были и подписи мастеров на фигурных сосудах первых веков нашей эры из Аттики, Мирины и Туниса. Благодаря им мы знаем имена древних коропластов: Поллюокта, Навмахия, Евтиха, Навигия [Герцигер, 1976, с. 89].

К сожалению, среди танаисских терракот нет подписных. Однако предметы ко-ропластики, не имеющие надписей, все же могут дать нам некоторую информацию о древних мастерах. На многих терракотах, отмятых в формах, сохранились отпечатки пальцев их производителей. Это уникальная информация. По отпечаткам пальцев можно узнать о поло-возрастных характеристиках мастера, особенностях его работы с глиной, использования одних и тех же форм для изготовления предметов и многое другое. Отпечатки пальцев на терракоте замечали многие исследователи. Так, Б.Н. Кастальский в своей статье упоминает наличие на поверхности терракотовых предметов, отмятых в формах, отпечатков пальцев, «по коим можно было бы различить мастеров» [Кастальский, 1909]. Н.Д. Двуреченская отмечает, что «в обыкновение вошла констатация факта наличия отпечатков на многих изделиях, но использовалась эта информация только как свидетельство определенной технологии изготовления» [Двуреченская, 2005, с. 287].

Нам удалось провести дактилоскопическое исследование терракоты Танаиса¹. Оно имеет свою специфику. Не все отпечатки пальцев, выявленные на древних терракотах, информативны. Многие из них не четкие, сохранились лишь фрагментарно. Из достаточно обширной коллекции танаисской терракоты (около 120 предметов и фрагментов) для исследования было отобрано всего 10. Они относились к разным типам: протомы и объемные статуэтки. Однако их объединяло одно: все они были отмяты в форме. Именно в процессе отминки мастер с наибольшей силой давит на глину, что способствует оставлению более четких отпечатков пальцев.

Исследуемые терракоты изучались визуально при помощи дактилоскопической лупы четырехкратного увеличения с разными углами подсветки с применением осветительной системы «KAISER 2S XA», фотографирование объектов проводилось цифровой фотокамерой Canon S100, измерения осуществлялись с помощью линейки ГОСТ 17435.

Наибольший интерес для исследования представляли пять протом Деметры, возможно, боспорского производства, найденные в 1998 году на раскопе VI в закрытом комплексе, подвале ИО, относящемся к первой половине III в. до н.э. Две из них сохранились практически полностью (рис. 1)², три другие – во фрагментах (рис. 2, 3)³. Важно было выяснить, изготавливал ли их один мастер, в разных формах или в одной, какая из протом могла служить матрицей и т. д. А также каким был мастер: возраст, пол, его возможные индивидуальные особенности.

Интересно было провести трасологический сравнительный анализ протом из подвала ИО и фрагментов протом, найденных на городище на раскопах I и II (рис. 4, 5)⁴. Поскольку все они относились к одной морфологической группе, имели общие

¹ Выражаем глубокую признательность А.П. Ларионову, генерал-майору полиции, начальнику ГУ МВД России по Ростовской области, и В.В. Свистуну, майору полиции, за содействие в проведении дактилоскопического исследования.

² Т – 98, Р – VI, ИО, № 105, № 106; АМЗТ, КП 243/ АГ 70/ 105, 106.

³ Т – 98, Р – VI, ИО, № 150, № 151, № 152; АМЗТ, КП 243/ АГ 70/ 150, 151, 152.

⁴ Т – 55, Р – I, № 89; АМЗТ, КП 3/ АЭ 15/ 1. Т – 57, Р – II, № 665; АМЗТ, КП 3/ АЭ 15/ 31.

Лазарев Н.В., Серго С.В., Суворова Н.И. А Мастер кто? ...

внешние признаки и датировались эллинистическим временем. На оборотной стороне верхней части протомы, обнаруженной в 1955 году на раскопе I в слое II-I вв. до н.э., располагался большой четкий отпечаток пальца, что давало возможность помимо трасологического исследования определить и поло - возрастные особенности мастера.

Кроме указанных протом, дактилоскопическому исследованию подверглись три фрагмента объемных статуэток, датирующихся I–III вв. н.э., на внутренних поверхностях которых сохранились четкие отпечатки пальцев мастеров: фрагменты, изображающие дельфина (рис. 6)⁵, богиню Кибелу, сидящую на троне (рис. 7)⁶, и верхнюю часть женской фигуры (рис. 8)⁷.

На оборотной стороне и боковых поверхностях пяти протом из подвала ИО, а также на фрагменте протомы из раскопа II сохранились многочисленные отпечатки пальцев мастера. К сожалению, отображенные следы оказались не пригодными для идентификации по ним личности, а также для гребневого просчета папиллярных линий с целью определения поло - возрастных особенностей изготовителя. Однако стало возможным проведение трасологического исследования, в основе которого лежит сравнительный метод. В результате проведенного исследования путем визуального сопоставления между собой протом № 150, 151, 152, 105, 106 из подвала ИО, а также фрагмента протомы № 89 из раскопа I и фрагмента протомы № 665 из раскопа II установлены совпадения по групповой принадлежности между протомами № 150, 151, 152, 105, № 89, № 665. На всех перечисленных терракотовых предметах изображена богиня Деметра в характерной позе: со сложенными на груди руками, чуть склоненной головой в невысокой стезфани и гиматии. Между протомами № 150, 151, 152, 105, № 89, № 665 и протомой № 106 из подвала ИО установлены различия по групповой принадлежности. Протома № 106 изображает богиню Деметру в другом головном уборе – калафе.

Дальнейшим исследованием методом визуального сопоставления частных индивидуальных признаков, отобразившихся в протомах № 150, 151, 152, 105, № 89, № 665, а также методом сопоставления целого по частям установлено совпадение между протомами № 150, 151, 152, 105: совпадение частных индивидуальных признаков (рис. 9). Что позволяет сделать вывод о том, что четыре протомы из подвала ИО были отлиты в одной форме. На внутренней поверхности фрагмента протомы № 89 из раскопа I (рис. 4) в верхней его части сохранился след от руки мастера, который имеет в своем отображении плавно изогнутые потоки папиллярных линий частично базисной зоны, частично левой латеральной с дельтой зоны, частично дистальной зоны, частично центральной (петлевого типа, ножки петель направлены вправо) зоны (рис. 10). Учитывая размер следа, его форму, направление и крутизну

⁵ Т – 89, случайная находка; АМЗТ, КП 3/ АЭ 15/ 45.

⁶ Т – 68 - С, к. 10, п. 2, № 209; АМЗТ, КП 71/ АН 3/ 115.

⁷ Т – 76, Р - XIV, пом. Е, № 828; АМЗТ, КП 154/ АГ 37/ 35.

потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что след оставлен ногтевой фалангой пальца руки.

Признаки строения папиллярных узоров в описанном выше следе в виде начал, окончаний, слияний и разветвлений, фрагментов папиллярных линий отобразились относительно полно и четко и в своей совокупности с общими признаками (форма и размеры следа, направление и крутизна потоков папиллярных линий) индивидуализируют узор, что дает основание признать след пальца руки, отобразившийся на внутренней поверхности фрагмента протомы № 89, соответственно пригодным для идентификации по нему личности.

Дальнейшим исследованием, учитывая взаимное расположение следа на предмете, предположительный захват предмета мастером во время отминки и фиксации следа пальца руки на последний момент отминки, можно отследить механизм образования следа и сделать вывод о том, что след, отобразившийся на этом терракотовом фрагменте, оставлен большим пальцем правой руки.

Для определения предположительного возраста мастера, выполнившего протому № 89, просчитывался гребневой счет папиллярных узоров следа пальца руки и сравнивался с таблицей, для чего бралась поверенная линейка ГОСТ 17435, точность измерения до 0,1 мм и прикладывалась на следы. В расстоянии 0,5 мм вмещалось от 10 до 12 папиллярных линий, что соответствует подростку, возраст которого 13-17 лет, либо человеку небольшого роста (данные приводятся с учетом современного человека) [Степанов, Бронников, 1997, с. 97, таб. 2.11]. Учитывая размер следа при сравнении с вышеупомянутой таблицей справочника, можно сделать вероятный вывод о том, что пол мастера, отминавшего протому № 89, женский.

На оборотной стороне фрагмента протомы № 665 из раскопа II (рис. 5) отобразились следы, не пригодные для идентификации по ним личности, а также для гребневого просчета папиллярных линий. Поэтому сделать какие-либо выводы о половозрастных особенностях мастера, к сожалению, не представляется возможным.

На внешней поверхности лицевой стороны фрагмента терракотовой объемной статуэтки, изображающей Кибелу (рис. 7) (в верхней части головного убора и на тимпане), а также на внутренней ее поверхности в средней части отобразились следы папиллярных узоров рук, не пригодные для идентификации по ним личности, но по ним можно отследить гребневой счет папиллярных линий, а именно: на отпечатке пальца с внутренней стороны Кибелы просчитывался гребневой счет папиллярных узоров и сравнивался с таблицей, для чего бралась поверенная линейка ГОСТ 17435, точность измерения до 0,1 мм, и прикладывалась на следы. В расстоянии 0,5 мм вмещалось 9 папиллярных линий, что, согласно вышеупомянутой таблице справочника, соответствует взрослому человеку, возраст которого старше 18 лет (данные приводятся с учетом современного человека).

Определить пол мастера не представляется возможным ввиду отсутствия полного комплекса индивидуальных признаков в следах, а также граней для определения размера следов и сравнения его в последующем с приведенными таблицами.

Лазарев Н.В., Серго С.В., Суворова Н.И. А Мастер кто? ...

Трасологическим исследованием было установлено, что фрагмент терракоты, изображающий Кибелу, вероятно, отминался большими пальцами рук, о чем свидетельствуют следы, оставшиеся от ногтей, и отобразившихся множественных папиллярных линий дистальной зоны пальца(ев) рук(и) (рис. 11).

На внутренней поверхности терракотового фрагмента, изображающего дельфина (рис. 6), отобразилось два следа слева направо. Первый след имеет в своем отображении плавно изогнутые потоки папиллярных линий частично центральной (завиткового типа) зоны, частично дистальной зоны. Второй след имеет в своем отображении плавно изогнутые потоки папиллярных линий частично базисной зоны, частично центральной (петлевого типа, ножки петель направлены влево) зоны, частично дистальной зоны (рис. 12).

Учитывая размеры следов, их форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что два следа оставлены ногтевыми фалангами пальцев рук.

Признаки строения папиллярных узоров в описанных выше следах в виде начал, окончаний, слияний и разветвлений, фрагментов папиллярных линий отобразились относительно полно и четко и в своей совокупности с общими признаками (формы и размеры следов, направление и крутизна потоков папиллярных линий) индивидуализируют узоры, что дает основание признать два следа пальцев рук, отобразившихся на внутренней поверхности терракоты, соответственно пригодными для идентификации по ним личности.

Дальнейшим исследованием, учитывая взаимное расположение следов на предмете, предположительный захват предмета мастером во время отминки и фиксацию следов пальцев рук на последний момент отминки, можно отследить механизм образования следов и сделать вывод о том, что след, отобразившийся на терракотовом фрагменте слева (рис. 12), оставлен большим пальцем правой руки, а след, отобразившийся на терракоте справа (рис. 12), оставлен большим пальцем левой руки. Ниже приведена схема механизма образования следов и предположительный захват предмета во время отминки в форме: левый след – схема А, правый след – схема Б (рис. 13).

Для определения предположительного возраста мастера, выполнившего терракоту, изображающую дельфина, просчитывался гребневой счет папиллярных узоров двух следов пальцев рук и сравнивался с таблицей, для чего бралась поверенная линейка ГОСТ 17435, точность измерения до 0,1 мм, и прикладывалась на следы. В расстояние 0,5 мм вмещалось от 10 до 12 папиллярных линий, что, согласно вышеупомянутой таблице справочника, соответствует подростку, возраст которого 13-17 лет, либо человеку небольшого роста (данные приводятся с учетом современного человека). Учитывая размеры следов при сравнении с вышеупомянутой таблицей справочника, можно сделать вероятный вывод о том, что пол мастера, изготовившего терракотовую фигурку «дельфин», женский.

На внутренней поверхности лицевой стороны фрагмента объемной статуэтки,

изображающей женскую фигуру (рис. 8), сохранились в ее верхней и средней части отпечатки пальцев мастера. При их исследовании просчитывался гребневой счет папиллярных узоров и сравнивался с таблицей, для чего бралась поверенная линейка ГОСТ 17435, точность измерения до 0,1 мм, и прикладывалась на следы. В расстоянии 0,5 мм вмещалось 7 папиллярных линий, что, согласно вышеупомянутой таблице справочника, соответствует взрослому человеку, возраст которого старше 18 лет (данные приводятся с учетом современного человека). По всей вероятности, мастер, отминавший статуэтку в форме, был плотного телосложения.

Определить пол мастера, а также какими пальцами рук отминалась эта объемная статуэтка, не представляется возможным ввиду отсутствия полного комплекса индивидуальных признаков в следах, а также четких граней для определения размеров следов и сравнения их в последующем с приведенной выше таблицей.

Таким образом, в ходе исследования подтвердилось предположение о том, что четыре из пяти протом (№ 105, 150, 151 и 152) из подвала ИО были отмяты в одной форме и, возможно, одним мастером. Среди коропластов, изготовивших терракотовые статуэтки, найденные в Танаисе, были девушки или молодые женщины, что не противоречит выводу о женском характере гончарного производства. Причем выбранные ими темы для лепки разнообразны: ритуальные протомы Деметры и животные – дельфин. Интересна полученная информация о мастере, изготовившем объемную женскую статуэтку: немолодой человек, скорее всего женщина плотного телосложения. Судя по всему, подобная мастерица изготовила и другую исследованную статуэтку в виде сидящей на троне Кибелы. Способ изготовления терракот – отминка в форме – использовался широко как в эллинистический период, так и в римское время. Причем в процессе отминки мастера работали в основном ногтями фалангами больших пальцев обеих рук.

Из десяти предметов, отобранных для дактилоскопического исследования, лишь по двум можно идентифицировать личность мастера. Однако и такой небольшой процент результативности исследования терракоты одного памятника вселяет надежду в возможность формирования в будущем определенной базы данных отпечатков пальцев античных мастеров Северного Причерноморья. Это стало бы возможным после проведения подобных исследований предметов, найденных на других античных памятниках. Причем использовать отпечатки пальцев древних мастеров, оставленные не только на предметах коропластики, но и на тарной и столовой керамике, в том числе краснолаковой. Существование подобной базы данных позволило бы уточнить авторство тех или иных предметов, их датировку, а также вопросы, связанные с древней логистикой.

В заключение следует отметить, что проведенное дактилоскопическое и трасологическое исследование позволило сделать некоторые выводы о процессе изготовления терракот, а также дать небольшую характеристику некоторых мастеров – коропластов, чьи изделия были найдены в Танаисе.

Лазарев Н.В., Серго С.В., Суворова Н.И. А Мастер кто? ...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бритова Н.Н. Греческая терракота. М.: Искусство, 1969.
Герцигер Д.С. Четыре фигурных сосуда из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
Двуреченская Н.Д. История изучения терракотовой пластики Средней Азии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2005. №15.
Кастальский Б.Н. Бианайманские оссуарии // ПТКЛА. 1909. №13.
Кондаков Н.П. Греческие терракотовые статуэтки. Одесса: Франко-Русская типография Л. Даннкана, 1879.
Полевой В.М. Искусство Греции. М.: Искусство, 1970.
Ридель М. Римское прикладное искусство – керамика, стекло, металл // Римское искусство и культура. Кёльн: Гревен и Бехтольд, 1984.
Силина М. Музей Акрополя. М.: Издательский дом «Комсомольская правда», 2013.
Степанов Г.Н., Бронников А.И. Трасология. Справочник криминалиста. Том 1. Гомеоскопия. Волгоград: Министерство внутренних дел РФ. Волгоградский юридический институт, 1997.

REFERENCES

- Britova N.N. *Grecheskaia terrakota*. M.: Iskusstvo Publ., 1969.
Gertsiger D.S. Chetyre figurnykh sosuda iz Ol'vii. *Khudozhestvennaia kul'tura i arkheologiia antichnogo mira*. M.: Nauka Publ., 1976.
Dvurechenskaia N.D. Istoriia izucheniia terrakotovoi plastiki Srednei Azii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2005. №15.
Kastal'skii B.N. Bianaimanskie ossuarii. *PTKLA*. 1909. №13.
Kondakov N.P. *Grecheskie terrakotovye statuetki*. Odessa: Franko-Russkaia tipografiia L.Dannkana, 1879.
Polevoi V.M. *Iskusstvo Gretsii*. M.: Iskusstvo Publ., 1970.
Ridel' M. Rimskoe prikladnoe iskusstvo – keramika, steklo, metal. *Rimskoe iskusstvo i kul'tura*. Kel'n: Greven i Bekhtol'd, 1984.
Silina M. *Muzei Akropolia*. M.: Izdatel'skii dom "Komsomol'skaia Pravda", 2013.
Stepanov G.N., Bronnikov A.I. *Trasologiia. Spravochnik kriminalista. Tom 1. Gomeoskopiia*. Volgograd: Ministerstvo vnutrennikh del RF. Volgogradskii iuridicheskii institut, 1997.

Резюме

На многих терракотах, отмытых в формах, сохранились отпечатки пальцев их производителей. Для дактилоскопического исследования нами было отобрано 10 предметов. Они относились к разным типам: протомы и объемные статуэтки. Благодаря исследованию отпечатков пальцев удалось выяснить поло - возрастные характеристики мастеров, особенности их работы с глиной, использование одних и тех же форм для изготовления предметов. По двум терракотам стало возможно идентифицировать личность мастера. Проведенное дактилоскопическое и трасологическое исследование позволило сделать некоторые выводы о процессе изготовления терракот, а также дать небольшую характеристику некоторым мастерам-коропластов, чьи изделия были найдены в Танаисе. Эти исследования могут стать началом масштабных исследований этой категории археологических находок с целью формирования в будущем определенной базы данных античных мастеров Северного Причерноморья, что позволило бы уточнить авторство тех или иных предметов, их датировку, а также вопросы, связанные с древней логистикой.

Ключевые слова: Танаис, терракота, отпечатки пальцев, дактилоскопическое исследование.

Summary

There have been fingerprints of the producers discovered on many of the terracottae. We selected ten items for our research. They are related to different types (protomae and figurines).

Боспорские исследования, вып. XXXII

The fingerprints found helped us to find out their producers' age, genders, and their special features of work with clay. Two terracottae enabled us to identify their producer.

This research may be the beginning of a deeper analysis of such archeological findings in order to create a certain database of the antique masters of the northern coast of the Black Sea. It could enable scientists to specialize the authorship and gaffing of certain items and some issues connected with ancient logistics.

Therefore, the research of fingerprints and trace evidence enabled us to draw an inference about the process of creating terracotta and characterize some ancient masters, whose works were found in Tanais.

Keywords: Tanais, terracotta, fingerprints, dactyloscopic research.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лазарев Николай Владимирович,
Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Ростовской области,
эксперт,
+7 (908) 517 77 10.
Ekolaz@mail.ru

Серго Сергей Владимирович,
Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Ростовской области,
заместитель начальника отдела,
+7 (903) 402 26 84.
s_sergo80@mail.ru

Суворова Надежда Игоревна,
Археологический музей-заповедник «Танаис»,
научный сотрудник,
+7 (904) 502 35 87.
w.falke@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lazarev Nikolai Vladimirovich,
Forensic Center GU MVD of Russia in Rostov region,
expert,
+7 (908) 517 77 10.
Ekolaz@mail.ru

Sergo Sergei Vladimirovich,
Forensic Center GU MVD of Russia in Rostov region,
Deputy Head of the Department,
+7 (903) 402 26 84.
s_sergo80@mail.ru

Suvorova Nadezhda Igorevna,
Archaeological Museum «Tanais»,
Researcher,
+7 (904) 502 35 87.
w.falke@mail.ru

Рис. 1. Терракотовые протомы из подвала ИО: № 106 (вверху), № 105 (внизу).

Рис. 2. Фрагменты протом из подвала ИО: № 150 (вверху), № 151 (внизу).

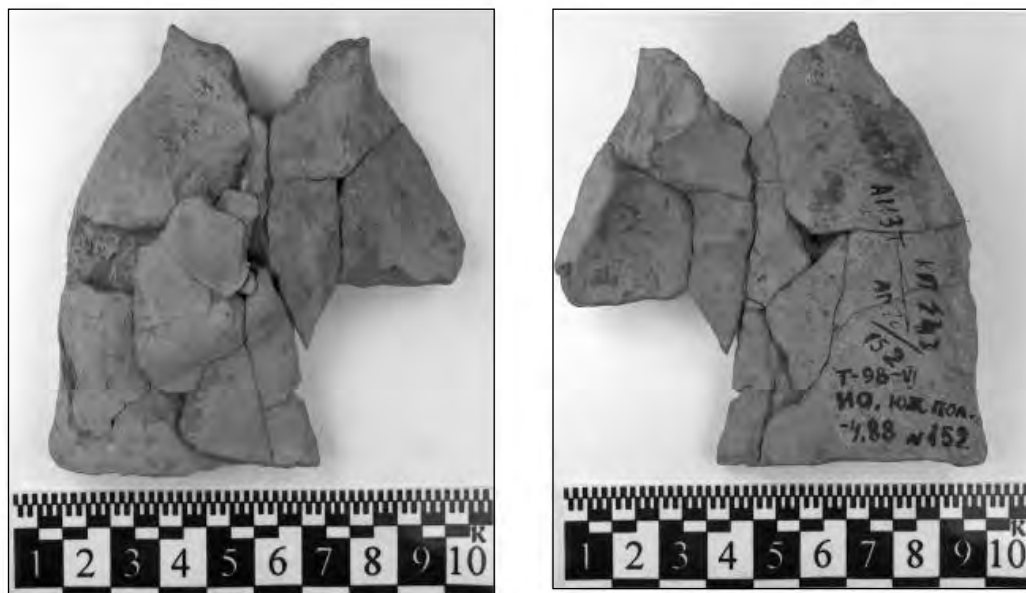

Рис. 3. Фрагмент протомы из подвала ИО, № 152.

Рис. 4. Фрагмент протомы из раскопа I, № 89.

Рис. 5. Фрагмент протомы из раскопа II, № 665.

Рис. 6. Фрагмент объемной
терракотовой статуэтки
с изображением дельфина
(случайная находка 1989 года, № 45).

Рис. 7. Фрагмент объемной статуэтки, изображающей Кибелу, сидящую на троне.

Рис. 8. Фрагмент верхней части женской объемной статуэтки.

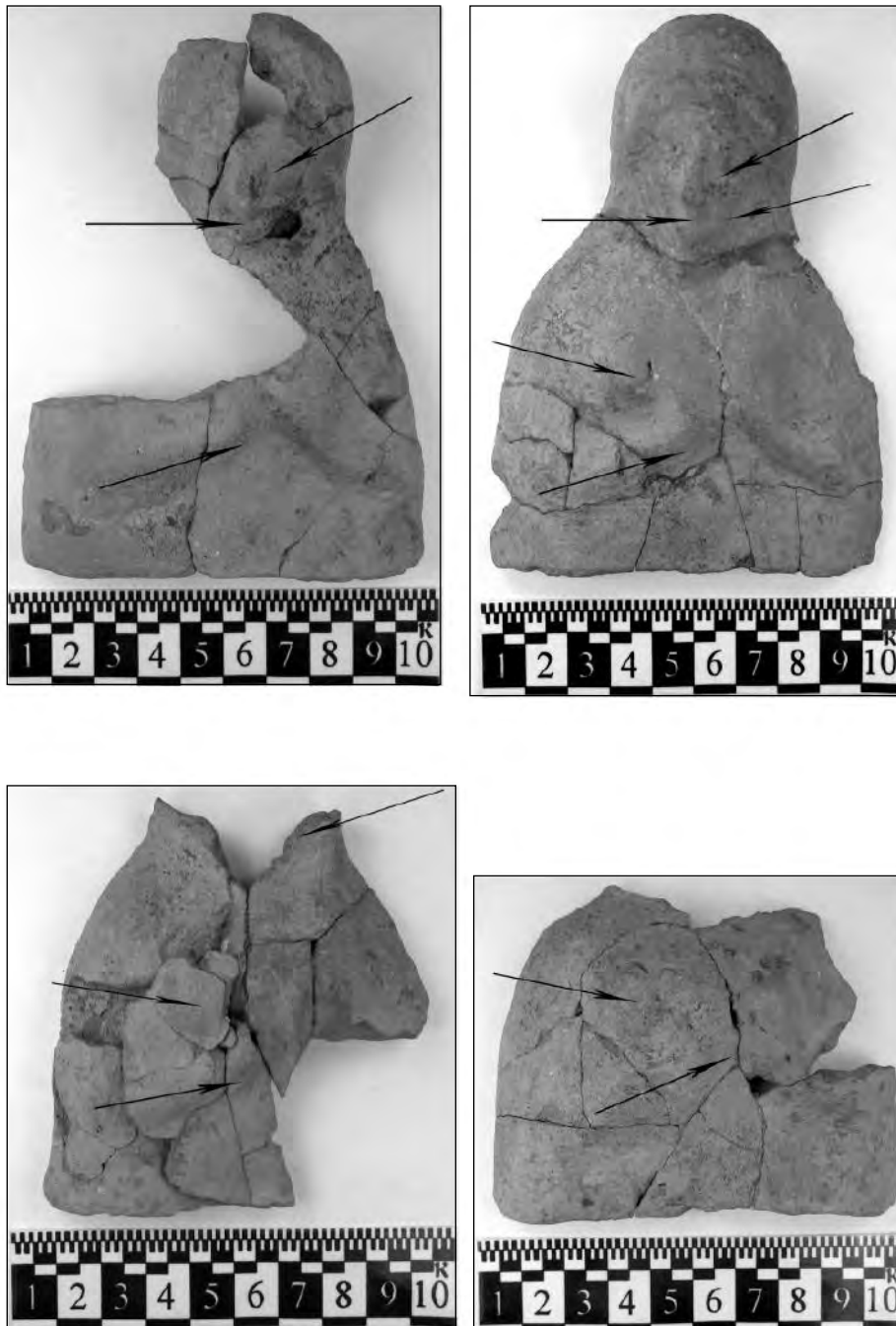

Рис. 9. Совпадение частных индивидуальных признаков протом из подвала ИО: № 150, № 105, № 152, № 151.

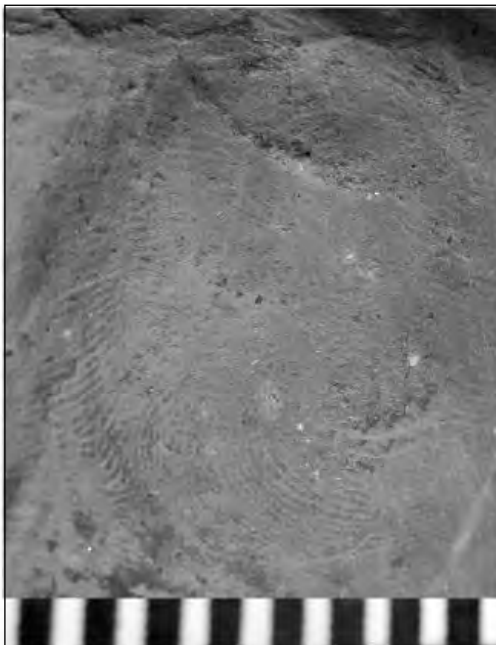

Рис. 10. След пальца руки, отобразившийся с внутренней стороны фрагмента протомы из раскопа I, № 89.

Рис. 11. След, отобразившийся с внутренней стороны объемной статуэтки, изображающей Кибелу.

Рис. 12. Два следа пальцев рук, отобразившиеся с внутренней стороны фрагмента объемной статуэтки, изображающей дельфина.

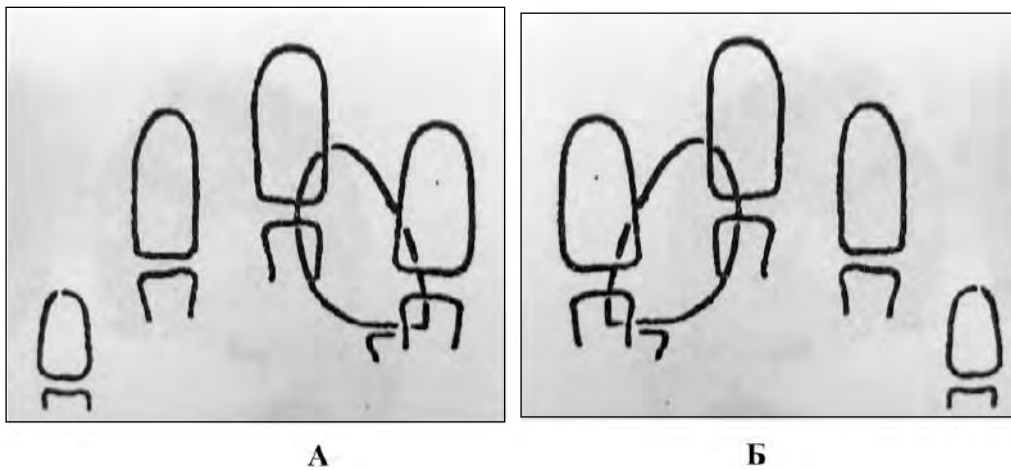

Рис. 13. Схемы механизма образования следов и предположительного захвата предмета во время отминки терракоты.

ИСТОРИЯ НАУКИ

С.Н. СЕНАТОРОВ, С.Г. КОЛТУХОВ
S.N. SENATOROV, S.G. KOLTUKHOV

**О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ СКИФСКОЙ ГРОБНИЦЫ
В КУРГАНЕ НА ЗЕМЛЕ С.И. ЧЕРКЕСА В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ
(По материалам раскопок Н.И. Веселовского в 1895 г.)**
**ABOUT THE TIME OF THE CONSTRUCTION OF THE SCYTHIAN TOMBS
IN THE BURIAL MOUND ON THE LAND OF S. I. CHERKES IN THE
FOOTHILLS OF THE CRIMEA (By the excavations N. I. Veselovsky in 1895).**

Подкурганые погребения в каменных склепах, содержащие «коллективные» захоронения, были открыты Н.И. Веселовским в конце XIX века близ Симферополя в Предгорном Крыму. В кургане № 2 на земле С.И. Черкеса в 1895 г. была раскопана каменная гробница скифского и позднескифского времени, содержащая костные остатки и черепа не менее 173-х погребенных [ОАК-1895, с. 8–10; Кашпар, 1896, с. 138–140]. Данный памятник остается непревзойденным по количеству совершенных в нем захоронений среди однородных коллективных погребений Крыма.

Несмотря на пристальное внимание специалистов-скифологов к этому памятнику и неоднократные публикации его материалов, часть находок из этого кургана требует пересмотра или осталась неизвестной. Поэтому задачей настоящей работы является ввод в научный оборот пусть и незначительных по количеству, но новых материалов, а также атрибуция некоторых известных находок, позволяющих уточнить датировку этого памятника.

В мае 1895 г. профессор Н.И. Веселовский проводил раскопки кургана № 2 на земле С.И. Черкеса. По описанию А.О. Кашпара [Кашпар, 1896, с. 139], курган находился рядом с оврагом у полотна железной дороги¹, однако это локализация не слишком точна. Судя по плану [Кашпар, 1896, с. 144], он находился в стороне от дороги, на краю куэсты Внешней горной гряды (рис. 1).

Точное расположение кургана на местности было установлено Т.Н. Смекаловой [Смекалова, 2009, рис. 8]².

Высота кургана составляла около 2,16 или 1,8 м, диаметр, вероятно, достигал 21 м. С южной стороны кургана была заметна впадина глубиной, примерно, 30 см и разбросанные плиты гробницы, что свидетельствовало об ограблении кургана.

В центре кургана на глубине 1 м от вершины кургана обнаружена полуразрушенная прямоугольная каменная гробница-склеп, сложенная из «больших нетесаных плит на глине» [Кашпар, 1986, с. 139]. Скорее всего, ко времени раскопок от склепа сохранились лишь стены погребальной камеры высотой не менее 1,3 м (1 арш. 13 верш.). Длина одной из стен, очевидно продольной, указана в 4 ¼ аршина, что не-

¹ Т.Н. Смекалова уверенно локализует его на Внешней горной гряде [Смекалова, 2009, с. 98, рис. 8].

² Расположение кургана (рис. 1) воспроизводится на основе карты М 1 : 42000 [Верстовая карта Крыма...].

сколько более 3 м. Вся внутренняя часть погребального сооружения была заполнена костями мужчин, женщин и детей. По данным Н.И. Веселовского, здесь было найдено 173 черепа, а по А.О. Кашпару – 168. Здесь же между костями был встречен многочисленный погребальный инвентарь. Кроме того, под нижним рядом костяков была зачищена ромбовидная плита размером 100 x 70 см, под которой находилась круглая яма диаметром 43 см, оказавшаяся пустой. По предположению раскопщиков, здесь могла находиться погребальная урна, ограбленная через южный подкоп [Веселовский, 1895, л. 35 об.-36; ОАК-1895, с. 9-10; Кашпар, 1896, с. 139-140].

В научном архиве ИИМК РАН хранится «полевая» опись находок из раскопок на земле С.И. Черкеса в 1895 г., написанная делопроизводителем ИАК И.А. Суловым, но подписанная Н.И. Веселовским, в которой указывается 26 различных категорий находок из этого кургана [Веселовский, 1895, л. 48, 50-50 об.]. Дубликат описи «вещам, найденным в Симферополе в 1895 году... на земле С.Е. Черкеса», также написанный И.А. Суловым, был полностью опубликован [Протоколы..., 1898, с. 205-206]. Однако, скорее всего, опись была составлена лишь по рукописному отчету Н.И. Веселовского и не полностью отражает все количество находок из этого кургана³.

Впервые системное описание погребальных сооружений скифо-сарматского времени из раскопок крымских курганов Н.И. Веселовского предложил А.А. Спицин. Исследователь выделил подкурганные впускные погребения в «плитняковых» ящиках, устройство которых сходно с погребением на земле Черкеса, однако само это погребение, к сожалению, не упомянул [Спицын, 1918, с. 176-177].

Позднее в 1950-х гг. Т.Н. Троицкая отнесла погребение на земле Черкеса к группе курганов с коллективными погребениями III в. до н.э. [Троицкая, 1951, с. 94–96]. Исследовательница связала появление нового для позднескифского населения Крыма типа гробниц в виде подкурганных склепов, связанных с проникновением на полуостров в IV – III вв. до н.э. нижнеднепровских скифов [Троицкая, 1954, с. 10]. Ею же был опубликован целый ряд находок из этого погребения, датированного III – II вв. до н.э. [Троицкая, 1957, с. 179–184, рис. 6-9]. Кроме того, по сообщению В.В. Кропотова и А.М. Лескова сохранилась неопубликованная статья Т.Н. Троицкой «Скифские коллективные погребения в курганах Крыма». В этой работе коллективные погребения Крыма исследовательница отнесла к III в. до н.э. – I в. н.э. и связала с одной из групп скифского населения, погребальные традиции которого находились под таврским влиянием [Кропотов, Лесков, 2006, с. 25].

Позднее О.Д. Дашевская включила материалы кургана на земле Черкеса в список позднескифских погребений Крыма конца III – I вв. до н.э. Она же привела перечень уцелевших находок из этого погребения [Дашевская, 1991, с. 53, 102, табл. 46,1,3-4; с. 110, рис. 54,1].

³ Практика составления полевой описи, например из раскопок Н.И. Веселовского за 1896 г., описана И.А. Суловым весьма калоритно и нелицеприятно [Медведева, Всевиов, Мусин и др., 2009, с. 176].

Сенаторов С.Н., Колтухов С.Г. О времени сооружения ...

Анализ погребального инвентаря и конструктивных особенностей рассматриваемого погребения на земле Черкеса позволил С.Г. Колтухову отнести это захоронение к типичным «коллективным» захоронениям Предгорного Крыма позднескифского времени [Колтухов, 2001].

Вопрос о времени возведения кургана открыт, возможно, он относится к эпохе бронзы. По крайней мере, к этому времени может быть отнесен фрагмент края лепного сосуда (рис. 2,5-6), числящийся среди находок из этого кургана [Троицкая, 1957, с. 180–182, рис. 6,а]. Сосуд имеет баночную форму со слабо отогнутым венчиком диаметром 18 см. Внешняя поверхность хорошо заглажена, серого цвета. Внутренняя поверхность также заглажена, но бурого цвета. Сразу под венчиком располагается горизонтальный рельефный налепной валик с косыми насечками. В Крыму сосуды подобной формы и орнаментации известны, например, на поселении Луговое, которое относится к сабастиновской культуре XIII в. до н.э. [Колотухин, 1996, с. 36, 53, 111, рис. 11,6].

По отчетным данным Н.И. Веселовского в погребении были найдены 13 бронзовых наконечников стрел [Веселовский, 1895, л. 36], многочисленные и разнообразные бусы, круглые костяшки (?), две глиняные чашечки, бальзамарий, горшок и кувшин, наполненный каменными точилками, очевидно курильница с камнями [ср. Кашпар, 1896, с. 139]. Кроме того, тут же были большие керамические бусы, обломки амфор и разнообразных сосудов, в том числе с узорами и поливой, под которой исследователь понимал чернолаковое покрытие (?) и многочисленные изделия из металла [ОАК-1895, с. 9-10].

Здесь также были найдены две массивные неорнаментированные симметричные курильницы и нижняя часть третьей, две чернолаковые мисочки, флакон - бальзамарий II в. до н.э. [Троицкая, 1957, с. 180, рис. 6,д], сероглиняный кувшин [Троицкая, 1957, с. 181, рис. 7,б], разнообразные небольшие лепные сосуды. Интересна чашевидная курильница на трех ножках с орнаментом на внутренней поверхности, весьма похожая на некоторые северокавказские курильницы сарматского времени [Троицкая, 1957, с. 184, рис. 9]. Обращают на себя внимание находки двух лепных сосудов (рис. 2,3-4).

Лепная миска (рис. 2,3) полусферической формы [Троицкая, 1957, с. 180, рис. 6,б] с заглаженными поверхностями серого цвета. Высота сосуда 9,5-10 см, диаметр невысокого вертикального венчика 18 см, диаметр плоского дна 5,5-6,5 см. Толщина стенок 0,7-0,8 см. Миски аналогичной формы встречаются в материалах кизил-кобинских памятников, например, поселения Шпиль, датируемого по античной керамике не позднее IV в. до н.э. [Храпунов, Власов, 1995, с. 28: Они же, 1998, с. 179, 184, рис. 4,7]⁴. Однако известны они и в позднескифское время, например, в Неаполе III – I вв. до н.э. [Дашевская, 1991, с. 67, рис. 11,14; с. 69, рис. 13,7].

⁴ Авторы публикаций материалов этого поселения, к сожалению, не отметили место находки данной миски.

Лепной кубок (рис. 2,4) имеет хорошо выраженный S-видный профиль с отогнутым наружу венчиком и уплощенным дном. Диаметр венчика сосуда 8 см, диаметр тулова 10,5 см, диаметр дна 6,5 см. Общая высота 9 см. Толщина стенки 0,6-0,7 см. Лепной условно целый кубок, близкий по форме, был найден Ю.П. Калашником в остатках слоя засыпи, происходящей из погребения раннего некрополя Херсонеса второй половины – конца V в. до н.э. [Сенаторов, 2003, с. 17, 19, рис. 3,22]. Однако кубки с уплощенным дном известны и в более позднее время, например, в склепе Керкинитиды II-I в. до н.э. [Пуздровский, 2007, с. 284, рис. 11,15].

Среди металлических изделий были отмечены ворворки, фибулы, пронизи, серьги, браслеты, кольца, зеркало, астрагал.

Большинство перечисленных находок справедливо отнесено исследователями к позднескифской культуре конца III – I вв. до н.э., однако А.Е. Пуздровский, анализируя перечисленные материалы, предположил два хронологических этапа использования данной гробницы: 1) в конце IV – первой половине III в. до н.э. и 2) во второй половине II в. до н.э. – I-II вв. н.э. [Пуздровский, 2007, с. 19].

Ревизия материалов из этого погребения в фондах ЦМТ позволила авторам выявить немногочисленные, но характерные находки более раннего времени.

Так фрагмент чернолаковой миски и три сохранившихся бронзовых наконечника стрел из этой гробницы (рис. 2,1,7-9), без сомнения, могут быть отнесены к IV в. до н.э.

Фрагмент чернолаковой миски (рис. 2,1) на кольцевидном поддоне и с небольшим выступом в центре внешней поверхности дна по материалам Афинской агоры может датироваться временем около 325 г. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970. P. 1, p. 296, cat. 841; P. 2, fig. 8, pl. 33]⁵.

Бронзовые наконечники стрел относятся к трем разным типам.

Первый тип (рис. 2,7) представлен базисным трехлопастным наконечником с треугольной формой головки, скрытой втулкой и лопастями, срезанными вровень с основанием головки. Ложок сводчатой формы. Длина наконечника 20,2 мм, ширина головки 6,2 мм, длина бойка 4,3 мм. По классификации А.И. Мелюковой такие наконечники относятся к типу II,5,9 второй, третьей хронологических групп. Однако такие «легкие» наконечники наиболее характерны именно для третьей хронологической группы второй половины V – начала IV в. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 17, 23, 28, рис. 1]. По классификации С.В. Полина наконечники третьей хронологической группы по А.И. Мелюковой могут датироваться не позднее рубежа VI–V – рубежа V–IV вв. до н.э. [Полін, 1987, с. 32-33]. Однотипный близкий по размерам нако-

⁵ Примечательно, что фрагмент ножки чернолакового канфара (рис. 2,2) третьей четверти IV в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970. P. 1, p. 286, cat. 701-703; P. 2, fig. 7, pl. 29] был найден Н.И. Веселовским [Веселовский, 1895, л. 36 об., п/о 31] в каменном склепе кургана 1 на земле А.И. Пастака. Этот курган располагался в трех километрах к северу от кургана 2 Черкеса (рис. 1), а коллективное захоронение в его склепе содержало более 100 черепов, погребенных вместе с массовым материалом II – I вв. до н.э. [Дашевская, 1991, с. 53].

Сенаторов С.Н., Колтухов С.Г. О времени сооружения ...

нечник найден в погребении Дальнее 8/3 первой половины V в. до н.э. [Колтухов, 2012, с. 237, рис. 77,2,3].

Второй тип (рис. 2,8) относится к базисным трехлопастным наконечникам с треугольной формой головки, скрытой втулкой и лопастями, опускающимися немного ниже основания головки. Ложок сводчатой формы. Длина наконечника от острия до основания головки 21,8 мм, длина лопасти 22,4 мм, ширина головки 8,8 мм, длина бойка 3,7 мм. По А.И. Мелюковой такие наконечники могут относиться к типу П,6,1 второй хронологической группы второй половины VI – первой половины V в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 17, 21, 28, рис. 1]. Однако, вероятно, подобные наконечники использовались и в более позднее время. Например, однотипный близкий по размерам наконечник найден в погребении Беш-Оба 4/2 второй – третьей четверти IV в. до н.э. [Колтухов, 2007, с. 202, рис. 3,10,23].

Третий тип (рис. 2,9) включает в себя трехгранный наконечник с треугольной вытянутой головкой, скрытой втулкой и опускающимися ниже основания головки гранями. На одной из граней имеются два овальных вдавления, вероятно, технологического происхождения. Острие обломано. Реконструируемая длина наконечника от острия до основания головки 28 мм, длина лопастей 29,2 мм, ширина головки 7,7 мм. Подобные наконечники могут относиться к типу Ш,7,7 и Ш,9,5 третьей и четвертой хронологических групп [Мелюкова, 1964, с. 17, 24-25, 28, рис. 1]. Однотипный близкий по размерам наконечник найден в северном погребении № 1 Гаймановой могилы 365-350 гг. до н. э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 76, 303, рис. 426,4].

Присутствие наконечников стрел, более характерных для V в. до н.э., в одном комплексе с наконечниками IV в. до н. э. вполне распространенное явление в скифских памятниках. Разнотипные стрелы этого времени С.В. Полин предлагает относить к «универсальному типу» второй половины V – IV вв. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 568] или V – IV вв. до н.э. [Полин, 2014, с. 48, 159]. Однако упоминание А.О. Кашпара о находках в рассматриваемом погребении именно «трехгранных» наконечников [Кашпар, 1896, с. 139] позволяет датировать весь комплекс стрел концом V – третьей четвертью IV в. до н.э.

Некоторые находки бронзовых предметов также могут быть датированы IV в. до н.э. или даже несколько более ранним временем.

К ним относится биконическая ворворка (рис. 2,13), вероятно, от конской упряжи. Ее наибольший диаметр 1,5 см, внутренний диаметр 0,9 см, высота 1,2 см. Четыре аналогичные ворворки были найдены рядом с железными удилами двух коней могильника Беш-Оба IV/2 конца второй четверти IV в. до н.э. [Колтухов, 2007, с. 204-205, рис. 5,2; 6,6]. По данным О.Д. Могилова, аналогичные предметы узды известны в скифских памятниках лесостепного Подонья и Посулья второй половины V - IV вв. до н.э. [Могилов, 2008, с. 79, 366, рис. 146,26].

Сюда же входят бронзовые украшения, состоящие из цилиндрических пронизей двух типов: 1) свернутых из тонкого листа диаметром 0,4 см и высотой 0,6 см (рис. 2,10-11); 2) свернутых из проволоки в виде трех витков спирали диаметром

0,9 см (рис. 2,12). Такие украшения известны в таврских каменных ящиках Горного Крыма [Крис, 1981, с. 36, 113, табл. 33,24; с. 116, табл. 36,35,39] второй половины VI – IV вв. до н.э.

Таким образом, рассмотренные выше новые материалы позволяют предположить, что время строительства погребального сооружения может быть отнесено к собственно скифскому периоду и датировано второй половиной IV до н. э. В пользу этого свидетельствует аналогичное по типу коллективное погребение IV в. до н.э.⁶ в кургане под г. Агармыш, исследованное в 2005 г. В.В. Кропотовым [Кропотов, 2009]. При этом, судя по бронзовым украшениям, характерных для кизил-кобинской (таврской) культуры, не исключены возможные контакты скифов с местным таврским населением Горного Крыма. Однако основная масса погребений в склепе действительно относилась к позднескифскому времени и принадлежала, возможно, одной большой семье. По предположению А.М. Хазанова коллективное погребение в кургане № 2 на земле Черкеса могло принадлежать усыпальнице либо одной расширенной семьи, либо нескольких семейно-родственных групп скифов [Хазанов, 1975, с. 64]. О.Д. Дашевская, учитывая небогатый инвентарь этой гробницы, отнесла погребенных здесь людей к рядовому позднескифскому населению [Дашевская, 1989, с. 131]. Были захоронения в этом склепе непрерывными на протяжении второй половины IV в. до н.э. – I-II вв. н.э. или он использовался, по меньшей мере, дважды, определить на имеющемся в нашем распоряжении материале невозможно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бидзиля В.И., Полин С.В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф, 2012. 752 с.
- Верстовая карта Крыма, конец XIX в. Лист XIV-13 // Археологическая карта Крыма / под ред. С.Л. Смекалова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archmap.ru/1890/XIV-13.htm> (дата обращения: 27.08.2015).
- Веселовский Н.И.* Раскопки в Крыму 1895 года // Научный архив ИИМК РАН. Ф. № 1. 1895. Д. № 93. Л. 33–89.
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы: (III в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / под ред. А.И.Мелюковой. М.: Наука, 1989. С. 125–145. (Сер. Археология СССР).
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 141 с. (САИ; Вып. Д1–7).
- Кашипар А.О.* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н.И. Веселовским в 1895 г. // ИТУАК. 1896. № 24. С. 138–150.
- Колотухин В.А.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев: Южногородские ведомости, 1996. 160 с.
- Колтухов С.Г.* О крымских курганах с коллективными погребениями // Поздние скифы Крыма / под ред. И.И.Гущиной, Д.В.Журавлева. М.: Государственный исторический музей, 2001. С. 59–70. (Труды ГИМ; Вып. 118).

⁶ Предложенный В.В. Кропотовым период, в который функционирование гробницы только в первой половине IV в. до н.э. и на протяжении только 30–40 лет вызывает сомнения [Кропотов, 2009, с. 217]. По мнению авторов, гробница использовалась с конца V в. до н.э. и на протяжении всего IV в. до н.э. и могла представлять собой усыпальницу большой семьи.

Сенаторов С.Н., Колтухов С.Г. О времени сооружения ...

- Колтухов С.Г.* Основное погребение кургана Беш – Оба IV/2 // Древняя Таврика / под ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 193–206.
- Колтухов С.Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII – IV вв. до н.э. Донецк: Донбасс, 2012. 268 с. (Археологический альманах; № 27).
- Крис Х.И.* Кизил-кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981. 127 с. (САИ; Вып. Д I-7).
- Кропотов В.В.* Курган с «коллективным погребением» IV в. до н.э. в Предгорном Крыму // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого / под ред. О.Б. Супруненко. Киев; Полтава: Друкарня «Гротеск», 2009. С. 200–221.
- Кропотов В.В., Лесков А.М.* Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички: (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2006. Вып. 84. С. 25–39.
- Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л.* Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии // Императорская археологическая комиссия: (1859–1917) / под ред. Е.Н. Носова. СПб.; Дмитрий Буланин, 2009. С. 21–247.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с. (САИ; Вып. Д1–4).
- Могилов О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: Друк В.С.Мошинський, 2008. 439 с.
- Полин С.В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V – IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филюк, 2014. 776 с. (Сер. Курганы Украины; Т. 3).
- Полин С.В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. Київ, 1987. Вип. 59. С. 17–36.
- Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. 1898. № 28. С. 192–216.
- Пуэдровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Сенаторов С.Н.* Кизил-кобинская керамика конца VI – первой половины IV вв. до н. э. из раскопок в Херсонесе // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 14–28.
- Смекалова Т.Н.* Курганы в ландшафте Северного Причерноморья // БИ. 2009. Вып. XXI. С. 42–119.
- Стицын А.А.* Скифо-сарматские курганы Крымской степи // ИТУАК. 1918. № 54. С. 172–181.
- Троицкая Т.Н.* Скифские курганы Крыма // ИКОГО. 1951. Вып. 1. С. 85–112.
- Троицкая Т.Н.* Скифские погребения в курганах Крыма // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 1954. 20 с.
- Троицкая Т.Н.* Находки из скифских курганов, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма / под ред. Е.В. Максимова. Киев: Изд-во Академии наук Укр. ССР, 1957. С. 174–190.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.
- Храпунов И.Н., Власов В.П.* Кизил-кобинское поселение Шпиль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / под ред. Ю.М. Могаричева, И.Н. Храпунова. Симферополь: Таврия, 1995. С. 3–31, 171–181.
- Храпунов И.Н., Власов В.П.* Новое кизил-кобинское поселение в Горном Крыму // АВ. 1998. № 5. С. 176–186.
- Sparkes B.A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1970. Part 1: Text. XIX, 382 p.; Part 2: Indexes and Illustrations. IX, 383–472 p. (The Athenian Agora; Vol. XII).

REFERENCES

- Bidzilia V.I., Polin S.V. *Skifskii tsarskii kurgan Gaimanova Mogila*. Kiev: Skif, 2012. 752 s.
- Verstovaia karta Kryma, konets XIX v. List XIV-13. Smekalov S.L. (Ed.). *Arkheologicheskaia karta Kryma*. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.archmap.ru/1890/XIV-13.htm> (data obrashcheniia: 27.08.2015).
- Veselovskii N.I. Raskopki v Krymu 1895 goda. *Nauchnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk*. F. № 1. 1895. D. № 93. L. 33–89.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Dashevskaja O.D. Pozdnie skify: (III v. do n. e. – III v. n. e. *Meliukova A.I. (Ed). Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. M.: Nauka, 1989. S. 125–145. (Ser. Arkheologiya SSSR).
- Dashevskaja O.D. *Pozdnie skify v Krymu*. M.: Nauka, 1991. 141 s. (Svod arkheologicheskikh istochnikov; Vyp. D1–7).
- Kashpar A.O. Raskopki kurganov v okrestnostiakh Simferopolia, proizvedennye prof. N.I. Veselovskim v 1895 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1896. № 24. S. 138–150.
- Kolotukhin V.A. *Gornyi Krym v epokhu pozdnei bronzy – nachale zheleznoogo veka*. Kiev: Iuzhgorodskie vedomosti, 1996. 160 s.
- Koltukhov S.G. O krymskikh kurganakh s kollektivnymi pogrebeniyami. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. (Ed). *Pozdnie skify Kryma*. M.: Gosudarstvennyi Istoricheskii muzei, 2001. S. 59–70. (Trudy GIM; Vyp. 118).
- Koltukhov S.G. Osnovnoe pogrebenie kurgana Besh – Oba IV/2. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. (Ed). *Drevniia Tavrika*. Simferopol': Universum, 2007. S. 193–206.
- Koltukhov S.G. *Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII – IV vv. do n.e.* Donetsk: Donbass, 2012. 268 s. (Arkheologicheskii al'manakh; № 27).
- Kris Kh.I. Kizil-kobinskaia kul'tura i tavy. M.: Nauka, 1981. 127 s. (SAI; Vyp. D 1-7).
- Kropotov V.V. Kurgan s «kollektivnym pogrebeniem» IV v. do n. e. v Predgornom Krymu. Suprunenko O.B. (Ed). *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiiu S.A. Skorogo*. Kiev; Poltava: Drukarnia «Grotesk», 2009. S. 200–221.
- Kropotov V.V., Leskov A.M. Kurgan s «kollektivnym» pogrebeniem u s. Krnichki: (po materialam rabot 1957 g.). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*. Simferopol', 2006. Vyp. 84. S. 25-39.
- Medvedeva M.V., Vseviov L.M., Musin A.E., Tikhonov I.L. Ocherk istorii deiatel'nosti Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii. Nosov E.N. (Ed). Imperatorskaia arkheologicheskaja komissii: (1859–1917). SPb.; Dmitrii Bulanin, 2009. S. 21–247.
- Meliukova A.I. *Vooruzhenie skifov*. M.: Nauka, 1964. 91 s. (Svod arkheologicheskikh istochnikov; Vyp. D1–4).
- Mogilov O.D. *Sporiadzhennia konia skifs'koï dobi u lisostepu Skhidnoi Evropi*. Kiïv; Kamianets'-Podil's'kii: Druk V.S.Moshin'skii, 2008. 439 s.
- Polin S.V. *Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogil'nik V – IV vv. do n. e. na Khersonshchine*. Kiev: Izdatel' Oleg Filiuk, 2014. 776 s. (Ser. Kurgany Ukrainy; T. 3).
- Polin S.V. Khronologiya rann'oskifs'kikh pam'iatok. *Arkheologiya*. Kiïv, 1987. Vip. 59. S. 17–36.
- Protokoly zasedanii Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1898. № 28. S. 192–216.
- Puzdrovskii A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. – III v. n. e.* Simferopol': Biznes-Inform, 2007. 480 s.
- Senatorov S.N. Kizil-kobinskaia keramika kontsa VI – pervoi poloviny IV vv. do n. e. iz raskopok v Khersonese. *Khersonesskii sbornik*. 2003. Vyp. XII. S. 14–28.
- Smekalova T.N. Kurgany v landshafte Severnogo Prichernomor'ia. *Bosporskie issledovaniia*. 2009. Vyp. XXI. S. 42–119.
- Spitsyn A.A. Skifo-sarmatskie kurgany Krymskoi stepi. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1918. № 54. S. 172–181.
- Troitskaia T.N. Skifskie kurgany Kryma. *Izvestiia Krymskogo otdeleniia Geograficheskogo obshchestva Soiuzna SSR*. 1951. Vyp. 1. S. 85–112.
- Troitskaia T.N. *Skifskie pogrebeniia v kurganakh Kryma*. Abstract of kandidat. diss. Simferopol', 1954. 20 s.
- Troitskaia T.N. Nakhodki iz skifskikh kurganov, khраниashchiesia v oblastnom kraevedcheskom muzee. *Maksimov E.V. (Ed). Istoriia i arkheologiya drevnego Kryma*. Kiev: Izd-vo Akademii nauk Ukr. SSR, 1957. S. 174–190.
- Khazanov A.M. *Sotsial'naiia istoriia skifov*. M.: Nauka, 1975. 343 s.
- Khrapunov I.N., Vlasov V.P., Kizil-kobinskoe poselenie Shpil'. Mogarichev Iu.M., Khrapunov I.N. (Ed). *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma*. Simferopol': Tavriia, 1995. S. 3–31, 171–181.

Сенаторов С.Н., Колтухов С.Г. О времени сооружения ...

Khrapunov I.N., Vlasov V.P., Novoe kizil-kobinskoe poselenie v Gornom Krymu. *Arkheologicheskie vesti*. 1998. № 5. S. 176–186.

Sparkes B.A., Talcott L. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C.* New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1970. Part 1: Text. XIX, 382 p.; Part 2: Indexes and Illustrations. IX, 383–472 p. (The Athenian Agora; Vol. XII).

Резюме

В статье рассматриваются материалы из погребения в каменном склепе кургана 2 на землях С.И. Черкеса из раскопок Н.И. Веселовского в 1895 г. под Симферополем. В гробнице было найдено «коллективное захоронение», содержащее 173 черепа разного пола и возраста вместе с материалами конца IV в. до н.э. – I-II вв. н.э. Однако найденные авторами в фондах Центрального музея Тавриды античная керамика и ряд бронзовых предметов позволяют отнести время сооружения этого погребения ко второй половине IV в. до н.э. Были захоронения в этом склепе непрерывными на протяжении второй половины IV до н.э. – I-II вв. н.э. или он использовался, по меньшей мере, дважды, определить на имеющемся в нашем распоряжении материале невозможно.

Ключевые слова: Курган Черкеса, бронзовые наконечники стрел, греческая керамика, скифская гробница, каменный склеп, коллективное захоронение, курильница, упряжь коня.

Summary

The article includes the materials from a burial in the lithoidal burial vault of burial mound 2, which were found on the property of S.I. Cherkes and were discovered during the excavations of N.I. Veselovsky in 1895 close to Simferopol. A «collective burial place» containing 173 skulls of males and females of different age together with materials of the end of 4 century B.C. were found in a tomb of 1-2 century A.C. However, the Greek ceramics and row of bronze objects which were found by authors in the funds of the Central museum of Taurida allow to attribute time of building of this burial to the second half 4 of century BC. However, it is impossible to prove on a given material if this this burial vault was used continuously during the second half of 4 century A.B. – 1-2 century A.B. or it was used twice.

Keywords: Barrow grave of Cherkes, bronze arrowheads, Greek ceramics, harness horse, Scythian tomb. stone crypt, collective burial, incense.

 Боспорские исследования, вып. XXXII

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колтухов Сергей Георгиевич, к.и.н.
ст. науч. сотр. отдела раннего железного века Института археологии Крыма.
РФ, РК, г. Симферополь, просп. Вернадского, д. 2.
+ 797 873 530 58
koltukhov@mail.ru

Сенаторов Сергей Николаевич, к.и.н.
ст. науч. сотр. отдела археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа.
РФ, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34.
8-911-179-33-70
senatorov-s@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Koltukhov Sergei Georgievich.
CSc, senior research,
Department of early iron age of the Institute of archaeology of the Crimea.
RF, RK, Simferopol, Vernadsky prosp., 2.
+ 797 873 530 58
koltukhov@mail.ru

Senatorov Sergei Nikolaevich.
CSc, senior research.
Department of archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage.
RF, Saint-Petersburg, Dvortsovaya nab., 34.
8-911-179-33-70
senatorov-s@yandex.ru

Рис. 1 – местоположение курганов на землях С.И. Черкеса и А.И. Пастака на карте - верстке М 1: 42000 [по: Верстовая карта Крыма...].

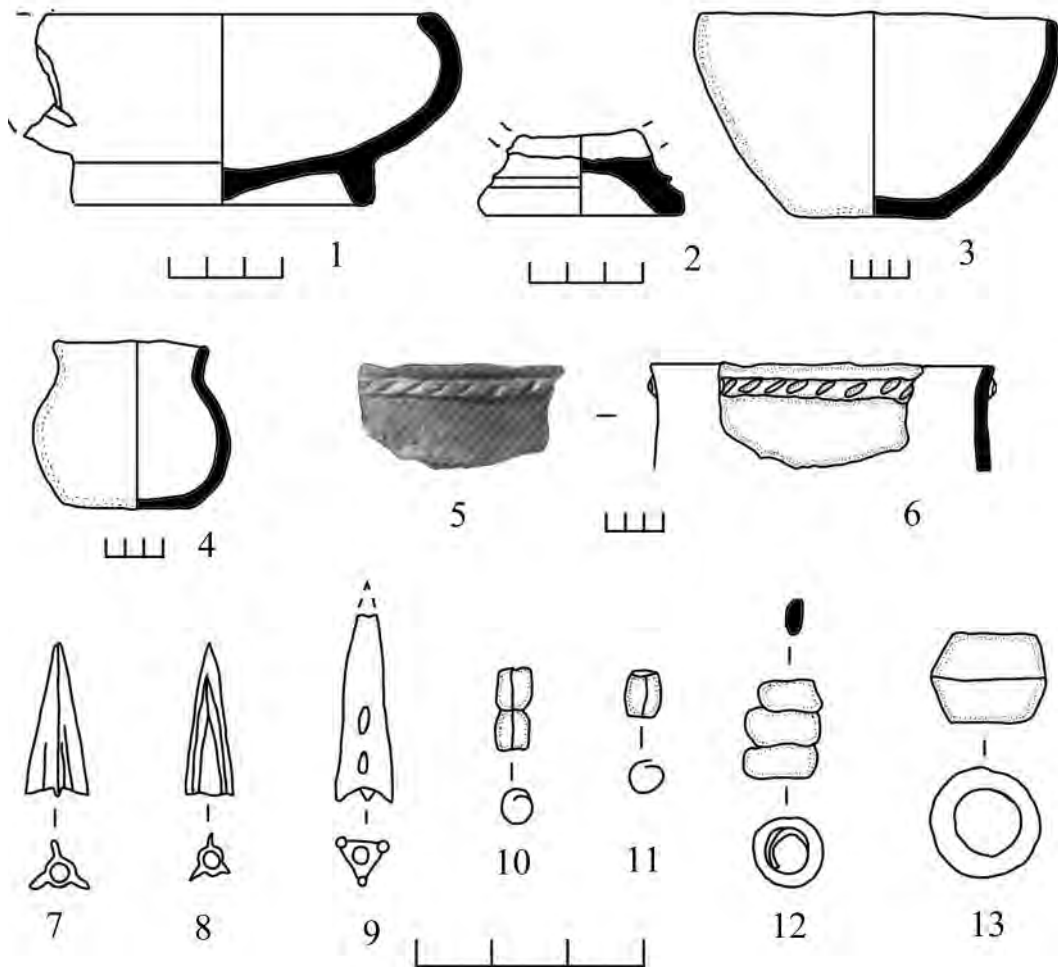

Рис. 2 – 1,3-13 – находки из кургана 2 на земле Черкеса;
2 – предположительно курган № 1 на земле Пастака.

1 – чернотаковая миска, 2 – ножка чернотакового канфара или килика, 3- лепная миска; 4 - лепной кубок; 5-6 – лепной банковидный сосуд; 7-9 – бронзовые наконечники стрел, 10–12 – бронзовые пронизи; 13 – бронзовая ворворка.
1–4,7,10–13 – по рисункам А.А. Труфанова чертил С.Н. Сенаторов; 5 – (по: Троицкая, 1957).

Н. И. ХРАПУНОВ
N. I. KHRAPUNOV

**БАХЧИСАРАЙ ДЖОНА ПАРКИНСОНА (1793 г.)¹
JOHN PARKINSON'S BAKHCISARAI (1793)**

Присоединение Крыма к России в 1783 г. активизировало интерес к полуострову, его историческому и культурному наследию. В это время ведущую роль в изучении, интерпретации и популяризации прошлого и настоящего Крыма играли иностранные путешественники, оставившие целую группу самых разнообразных путевых записок. Выработанные дискурсы стали базой для конкурирующих российских и западных идеологических моделей, использовались при оценке исторической роли России и для обоснования ее исторической миссии, служили «интеллектуальным оружием» в конфликте интересов России и европейских держав, а также при обсуждении различных проектов развития Крымского полуострова. Заметим, что в историографии эта проблематика изучена недостаточно, причем многие источники в научный оборот пока не введены, а ряд важных сюжетов ранее не рассматривался. Настоящая публикация посвящена известиям о городе Бахчисарае, оставленным британским путешественником Джоном Паркинсоном, записки которого на русский язык прежде не переводились.

Джон Паркинсон (John Parkinson, 1754–1840)² начал свою карьеру как преподаватель в Оксфордском университете, но, потерпев драматическую неудачу на выборах президента колледжа Св. Марии Магдалины в 1791 г. с разницей в один голос, принял приглашение стать наставником Эдварда Уилбрахема-Бутла (Edward Wilbraham-Bootle, 1771–1853), впоследствии – первого лорда Скелмерсдейла, недавно закончившего Оксфорд, которого готовили к политической карьере. Важным этапом этой подготовки должна была стать длительная поездка по Европе. В XVII в. – первой половине XIX в. путешествия на континент, маршруты которых отличались значительным разнообразием, считались важным элементом образовательной программы для представителей высшего класса [например: Trease, 1967; Chaney, 2000]. Подробнейшие дневники Паркинсона считаются едва ли не идеальной летописью «большого путешествия» (*grand tour*), предпринятого

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII в. – начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

² О его биографии и значении его сочинений см.: [Parkinson, 1971, p. xi-xvi; Cross, 1997, p. 376, 379–383].

с образовательными целями, ведь спутникам довелось побывать в самых разных местах, от Италии до Скандинавии и от Швейцарии до России.

В ноябре 1782 г. англичане прибыли в Петербург. Познакомившись с жизнью столицы (записки Паркинсона являются кладезем разнообразных сплетен и анекдотов), они выехали на юг и в начале февраля 1793 г. оказались в Москве. Отсюда они отправились в Казань, затем в Пермь и Tobольск, став первыми британскими туристами в Сибири. Кажется, они были готовы ехать в Китай, но их отговорила столичная знакомая, знаменитая княгиня Е. Р. Дашкова. Возвращались путешественники через Сарепту на Волге (ныне вошла в состав Волгограда). Здесь они встретили другого знаменитого путешественника, П.-С. Палласа, с которым познакомились в Петербурге. Далее через Астрахань и Георгиевск (в современном Ставропольском крае) направились в Крым, а оттуда в Москву и Петербург, завершив тем самым уникальное в своем роде учебное путешествие по России, на которое потратили почти целый год.

После возвращения на родину в 1785 г. Паркинсон переехал в деревушку Блоклесби в графстве Линкольншир, что на востоке Англии, где жил до самой смерти. При этом он еще лет 15 оставался, пусть виртуально, членом Оксфордского университета и даже получил там в 1797 г. степень доктора богословия.

Рукописные дневники Паркинсона (1780–1794 гг.) при жизни автора не издавались. Ныне они находятся в Бодлеянской библиотеке Оксфордского университета (всего 13 единиц хранения). Приключениям автора в России посвящено четыре рукописных тома. В 1971 г. У. Коллир издал их сокращенную версию, выпустив «бытовые подробности» и большую часть зарисовок и чертежей, сделанных Паркинсоном в дороге [Parkinson, 1971].

В отличие от многих сочинений современников дневники Паркинсона совершенно лишены «аналитической части», это просто перечисление фактов, событий, встреч. Особую ценность им придает то, что эти записки, избежав последующей редакции, отражают непосредственные впечатления автора. Паркинсон не стремится дать универсальную оценку России, определить ее место в истории и цивилизации, как поступали многие его современники [см.: Вульф, 2003]. Он примеряет на себя роль иногда спокойного наблюдателя, иногда хроникера светской жизни, увлеченного собирателя различных сплетен. Его записки очень разнообразны, и, по словам британского исследователя Э. Кросса, одно перечисление знакомств, сделанных путешественниками в Петербурге, напоминает современный справочник «Кто есть кто» [Cross, 1997, p. 381]. Любопытно сравнить сочинение Паркинсона с записками его знакомого – П.-С. Палласа, объезжавшего юг России в те же самые годы [Паллас, 1999]. Если Паллас предстает как интеллигент и логик, анализировавший увиденное и искавший объяснения природным и культурным феноменам, то Паркинсон, скорее, их меланхоличный описатель.

В публикации У. Коллира «крымская» часть записок Паркинсона состоит исключительно из описания города Бахчисарая. По-видимому, все прочие сведения редактор счел недостаточно информативными. Об этом, конечно, приходится сожалеть.

Храпунов Н.И. Бахчисарай Джона Паркинсона ...

По словам самого Паркинсона, нелепая травма, полученная его спутником, лишила путешественников возможности отправиться в Севастополь. Зато Паркинсон оставил описание жизни прежней столицы Крымского ханства.

В крымском контексте записки Паркинсона интересны прежде всего тем, что позволяют понять, как воспринимали Бахчисарай и его прошлое оказавшиеся в городе европейцы. Его спокойные слова сильно отличаются от резких, эмоциональных высказываний другого британца, Э.-Д. Кларка, увидевшего в истории города еще один показатель зловещей, варварской роли Российской империи [см.: Храпунов, 2014]. Интересны известия о состоянии ханского дворца, передающие некоторые особенности его облика, еще не затронутого «реконструкциями» первой половины XIX в. Отметим, что Паркинсон живо интересовался архитектурой и искусством, делая многочисленные зарисовки и описания соответствующих памятников. К несчастью, У. Коллир счел излишним публикацию плана дворца, выполненного Паркинсоном. В Бахчисарае путешественники стали свидетелями важного события – назначения фаворита Екатерины II П. А. Зубова екатеринославским и таврическим генерал-губернатором. Наконец, любопытны авторские характеристики адмирала Н.С. Мордвинова и его окружения.

Ниже публикуется перевод «бахчисарайской» части записок Паркинсона [Parkinson, 1971, p. 193–198]. Они описывают несколько дней в конце августа 1793 г. Точность перевода казалась предпочтительнее его литературности. Имена и географические названия приведены к современному написанию, при первом их появлении в угловых скобках <> указано оригинальное написание. В таких же скобках указаны номера страниц перед соответствующей частью текста, а также слова, отсутствующие в оригинале и добавленные в русский текст для связности там, где это кажется необходимым. Немногие подстрочные примечания сделаны переводчиком частично на основе «Биографического словаря» А. А. Половцова [Русский, 1992].

Джон Паркинсон Путешествие по России, Сибири и Крыму. 1792–1794 гг.

<Р. 193>

<Часть> 14. Бахчисарай

Пятница, 24 августа

Внезапно мы оказались в виду Бахчисарая и потому были чрезвычайно изумлены его расположением в низине между двумя горами. Остановившись в не до конца доделанном караван-сараяе, мы отправили записку с вестью о своём прибытии майору Кобли <Coble>, брату мадам Мордвиновой <Mordvinoff>,³ который любезно при-

³ Генриетта Александровна Кобли, или Коблей (Cobleу; 1764–1843), дочь британского консула в Ливорно, супруга Николая Семеновича Мордвинова (1754–1845), русского флотоводца и государственного деятеля, в описываемое время – председателя Черноморского адмиралтейского правления.

гласил нас отобедать и прислал нам известие о том, что, в ожидании нашего прибытия, он уже подготовил для нас комнаты во дворце⁴.

Потому, не теряя ни минуты, мы переоделись и отправились туда, где были весьма приятно приняты мадам Мордвиновой и остальной компанией, состоявшей из брата адмирала, генерала Спида <Spied>, двух вдовствующих дам, сестры адмирала, ещё двух молодых дам и майора Кобли. Среди собравшихся на ужин были также г-н Уиллис <Willis> из Альмы и д-р Мак-Дугал <McDougal>. К несчастью, спускаясь по лестнице из комнат мадам Мордвиновой в столовую, Бутл <Bootle> оступился и упал, потянув лодыжку и поранив оба колена, из-за чего вынужден был удалиться в свои покои. Обедали мы в просторной комнате на первом этаже, в ханские времена служившей залом государственных приёмов. Наши собственные квартиры находятся в других государственных залах, а в той части здания, которую занимают адмирал и мадам Мордвиновы, были его <Хана> личные покои. Императрица <Екатерина II> во время своего здесь пребывания использовала все <эти залы> по прямому назначению. После обеда г-н Мордвинов провёл меня по нескольким частям дворца, в частности по той, что предназначалась для дам, причём фаворитки жили в особом доме, отдельно от других. Чтобы попасть в эту часть дворца, нужно было пройти через комнаты главного евнуха, который соответствовал Кизляр-Аге в серале Великого Господина⁵; он следил за тем, чтобы сюда не заходили посторонние.

Ближе к вечеру Кобли взял меня с собой на вершину горы, что с южной стороны города, чтобы обозреть вид, конечно же, очаровательный и пленивший Императрицу настолько, что та задержалась здесь на три часа. Город лежал у наших ног, украшенный вкраплением минаретов, куполов и садов, в которых очень приятное впечатление производят тополя <р. 194>. Пусть и значительно сократившись в размерах, он до сих пор заполняет всю ложину между двумя горами; посреди склона и на вершине противоположной <нам горы> находилось несколько очень живописных и одновременно очень больших скал, нависающих над городом, так что, похоже, однажды они обрушатся со своего места и сокрушат дома внизу. Дополнительный интерес панораме придают Еврейская Деревня⁶ <Jew Village> на возвышенности справа, на некотором расстоянии, и неподалеку от неё узкая лесистая романтическая долина, в которой была сельская резиденция Хана⁷.

Возвращались мы другим путём, проехав через большую часть города, который

⁴ То есть в ханской резиденции в Бахчисарае, которая в описываемое время использовалась как гостиница для знатных визитеров [Гернгросс, 1912; Бахчисарайский, 2000, с. 7–27].

⁵ То есть османского султана, главным смотритель гарема которого назывался кизляр-ага.

⁶ Речь идет о Чуфут-Кале, средневековая крепость на юго-восточной окраине Бахчисарая, занимающая плоскую вершину горы, возвышающейся над окрестными долинами. В конце XVIII в. ее население составляли караимы – этноконфессиональная группа, представители которой говорят на тюркском языке и исповедуют особую разновидность иудаизма [Герцен, Могаричев, 1993]. Паркинсон попытался перевести название города (тюрк. «еврейская крепость») на английский язык.

⁷ Ашлама-Дере, где находилась летняя резиденция крымских ханов, в конце XVIII в. постепенно приходившая в упадок, но тем не менее часто описываемая путешественниками [Храпунов, 2014, с. 145].

Храпунов Н.И. Бахчисарай Джона Паркинсона ...

перерезает небольшой чистый ручей⁸, и где в изобилии есть фонтаны с очень вкусной водой. Когда мы приехали, служба в большой мечети, принадлежащей дворцу, только что закончилась. У входа есть очаровательный фонтан, <в котором вода> бьет из двенадцати различных мест, где совершают омовение татары перед входом <в мечеть>. Остаток вечера прошёл в комнатах мадам Мордвиновой, где мы пили чай и ужинали. Это очень любезная, естественная и к тому же красивая женщина, манеры которой совершенно английские.

Бахчисарай настолько понравился Императрице, что она осталась здесь на три дня. Во время её визита гору украшали огнями.

Суббота, 24 августа

Этим утром генерал, г-н Мордвинов, мадам <Мордвинова>, две её невестки и брат отправились на экскурсию в Севастополь, присоединиться к которой нам помешало происшествие с Бутлом... Днём я побывал в мечети, нанёс визит дамам, жившим в другой части дворца, и совершил длительную прогулку по городу. Кажется, в нём есть всего одна улица, проходящая через центр и тянущаяся по всему городу, где может проехать экипаж; все остальные – слишком узкие и неровные; однако по сторонам многих из них есть что-то вроде приподнятых тротуаров для удобства пешеходов. Поскольку они <татары> держат своих женщин взаперти, дома обычно обращены к улице своей задней стороной. К тому же дома и сады перемежаются таким образом, что проходящий мимо них обычно забывает, что находится в городе, и готов вообразить, что блуждает по беспорядочной деревне. Чистая, журчащая речушка, пробирающаяся через центр города, бормотание фонтанов, встречающихся на каждом шагу, и большое количество деревьев, рассеянных тут и там, <все вместе> имеют самый удивительный звук и вид. Кажется, татары любят балконы, которыми оснащены многие дома. По характеру они ленивы и любят потворствовать своим слабостям; об этом можно догадаться, увидев, что повсюду они сидят на лянках и <Р. 195> курят свои длинные трубки⁹. Но в целом одеваются они опрятно. Некоторые старики имеют чрезвычайно почтенный вид благодаря своим длинным бородам.

Хотя все турчанки скрываются <от взглядов>, на улицах мне встретились несколько армянок и гречанок, причём последние оказались красотками. Рынок наполнен огурцами, арбузами и дынями – их очень дешево продают на вес. Призывы с минаретов на божественную литургию не дали позабыть о том, что находился я в татарском или магометанском городке... По возвращении с прогулки мы пили чай, ставший нашим ужином, и я посвятил вечер описанию наших комнат.

⁸ Речка Чурук-Су (правый приток Качи), в долине которой строился старый Бахчисарай.

⁹ Представления о праздности крымских татар были популярным мотивом в записках иностранцев конца XVIII – начала XIX в. и в русской общественной мысли [Храпунов, 2013, с. 466–467]. Во многом субъективные, они объясняются отчасти господствующими в эпоху Просвещения представлениями о Востоке, отчасти – желанием увидеть «благородных дикарей», неиспорченных цивилизацией, о которых писал Ж.-Ж. Руссо.

*Далее следует план дворца*¹⁰

А. Зал, в котором Хан принимал своих подданных, и где жили мы сами. Два «о» – это две тонкие расписные позолоченные колонны, отмечающие границы Дивана, приподнятого на две трети фута¹¹ над пространством между ним и стеной, а шириной это пространство около шести футов. Две большие «О» обозначают камин, настолько похожий на кресло или трон, что Бугл даже спросил, не сидел ли там Хан. Верхняя часть, или балдахин, сделана из камня, расписанного и поверху украшенного искусственными цветами, которые можно увидеть через подзорную трубу. Все остальные каминны устроены таким же образом. Пол Дивана, так же как и пространство ниже его, покрыт коврами. Вдоль трёх сторон Дивана идет софа около пяти футов шириной, высотой в две трети фута. Лежавшие на приподнятой платформе матрацы... покрыты зелёной тканью, спускавшейся до пола и отороченной широкой каймой из золотой тесьмы. Подушки, на которые опираются спиной, большого размера, покрыты малиновым сатином, расшитым золотом и серебром. По трём сторонам комнаты идет двойной ряд окон по четыре в каждом; в верхние вставлены витражи. Окна есть даже в верхней части перегородки, за которой видны искусственные цветы и которую, как я склонен думать, можно было открывать для свободного доступа воздуха. Ту часть комнатных стен, где не было окон, украшают позолота и росписи. Потолок над Диванным залом отличается от других, его украшает простой орнамент из красных ромбов, в центре подвешена красивая люстра, а его карниз по всем четырём сторонам украшают потрясающие виды Константинополя. У перегородки под искусственными цветами и по обеим сторонам каминна стоят буфеты.

Нотабене. В этих покоях слышен фонтан нижнего зала <Р. 196>; они производят очаровательное впечатление – по крайней мере, в это время года. Подняться <на Диван>, не снявши туфель, было бы величайшей грубостью. Их оставляли внизу; можно было оставить их даже у двери в знак величайшего смирения. В наших комнатах обнаружился стол, за которым обычно обедал Хан; он имеет около полутора футов в высоту и столько же в ширину; материал – расписное дерево. К столу подают по одному блюду за раз и не пользуются ни ножами, ни вилками...

Понедельник, 26 августа

Рано утром, неожиданно столкнувшись с комендантом, который утверждает, что занимает должность адмиральского метрдотеля, он предложил проводить меня к греческой¹² церкви, высеченной в скале в двух верстах¹³ отсюда, заметив, что этим утром там будет особенно интересно, поскольку это был день Успения Богородицы, которой посвящена церковь, <так что> все крымские греки взяли за правило собираться там, словно паломники, чтобы вознести свои молитвы¹⁴.

¹⁰ К сожалению, этот рисунок не попал в английское издание.

¹¹ Фут – английская мера длины, равная 30,49 см.

¹² То есть православной.

¹³ Русская *верста* соответствует 1066,8 м в метрической системе.

¹⁴ Паркинсон описывает церковь средневекового Успенского монастыря, расположенного на окраине

Храпунов Н.И. Бахчисарай Джона Паркинсона ...

Дорога пролегла по продолжению долины, от того места, где кончается город, пока, миновав около полутора верст, она не разделилась на две части, в одной из которых (той, что справа) мы поднялись сначала по узкой тропе, а затем по длинной, высеченной в скале лестнице, к церкви. Насколько я понял, раньше это была монастырская церковь, но сейчас тут служили два священника, живущие в кельях, также высеченных в скале неподалеку. Здесь есть и другие подобные <пещеры>, которые, полагаю, были жилищами монахов. К ней <церкви> примыкает постройка из дерева, <поднятая> на столбах, так что если их убрать, она обрушится вниз, в долину. В ней до сих пор проходит какая-то служба, а тот, кто ее служит, кажется изможденным жарой и усталостью.

На дне долины открывается вид на развалины городка¹⁵, который принадлежал грекам, пока их не вывезли из Крыма в соответствии с пунктом мирного договора 1774 г.¹⁶ И эта, и другая долина со всех сторон окружены голыми отвесными скалами, которые на вид гораздо романтичнее и неприступнее всего того, что я видел в Крыму. Я миновал множество фонтанов, ныне засохших, на склоне горы, и <Р. 197> видел другие среди развалин. Две описанные выше части долины включают в себя императорский парк¹⁷, а дорога к Еврейскому Городу идет по той <части>, по которой я шел к церкви. На пути назад <мы видели> мавзолей муллы и стены дворца, некогда принадлежавшего одному знатному татарину, но оба постепенно разрушаются.

После утренних упражнений я с большим удовольствием съел свой завтрак... Днем нас несколько раз посещали группы греческих странников, прибывших в Бахчисарай по случаю Успения, которые осматривали дворец. Среди них были мужчины, женщины и дети, и все с большим почтением кланялись при входе и выходе. Некоторые из женщин были красивы. Я припомнил, что все они были пришельцами из древней Греции. Мужчины носят куртку, штаны и восточные туфли. Женщины – ленту вокруг головы, длинный свободный халат до земли, отделанный золотой тесьмой, под ним – стянутое кушаком платье, и иногда род пояса, застегивающегося спереди двумя круглыми пряжками.

По словам г-на Уиллиса, Хан никогда не проводил в Бахчисарае более двух недель. Обычно он жил в Каффе¹⁸ и в доме генерала Шаца <Schatz> близ древнего

Бахчисарая. Монастырь состоял из наземных и пещерных помещений. В конце XVIII в. он запустел и возродился в 1850 г., был закрыт после Октябрьской революции и снова возвращен церкви в 1992 г. [Могаричев, 2005, с. 177–178].

¹⁵ Имеются в виду развалины греческого селения Марианполя («города Марии»), названного так в честь покровительницы Успенского монастыря.

¹⁶ Кучук-Кайнарджийский мирный договор завершил русско-турецкую войну 1668–1774 гг. В 1778 г. по инициативе российского правительства было организовано выселение христиан из Крыма [1788 г., для того, чтобы подорвать экономику и бюджет Крымского ханства [Мадариага, 2002, с. 604–605], в результате чего жители покинули Марианполь, а монахи – Успенский монастырь.

¹⁷ По-видимому, путешественник имеет в виду сады на месте загородного дворца крымских ханов, Ашламы.

¹⁸ По решению Екатерины II, средневековое название города (у генуэзцев Каффа, в османской версии

<города Старый> Крым <the old Crim>.¹⁹ Он был капитаном русской гвардии и несколько лет провел в Петербурге. Его недовольство русским двором вызвано тем, что ему плохо платили пенсию. Недовольство подданных его <особой вызвано> подозрением, что он собирался продать их, а самому отдаться под покровительство России. Раньше мне не было известно, что, как заметил господин Уиллис, ему отрубили голову по приказу Порты²⁰ вскоре после его прибытия на Родос.²¹

Шесть татарских отрядов, по сто человек в каждом, поскольку их нельзя было использовать против турок, были отправлены в Швецию. Два из них взбунтовались против своих офицеров, так что две с половиной сотни <из их числа> нашли убежище в Польше, а недавно остатки этих беглецов в числе шестидесяти <человек> были отправлены оттуда обратно в эти края. Как с ними поступят, не известно до сих пор, поскольку от Ее Величества до сих пор не получено ответа на донесение об их возвращении.

Покои, где живет адмирал, включают несколько маленьких комнат, приведенных в их нынешнее состояние к приезду Императрицы. В тех, что заняты нами, которые <прежде> служили Хану залами для приемов, Императрица также давала аудиенции. Фаворит Мамонов <Мамонoff>²² жил в апартаментах госпожи Хок²³, а Императрица принимала его в комнате с зарешеченными окнами, откуда был выход и в его, и в ее <покои>. Потемкин²⁴ не любил Мордвинова, поскольку тот считал ниже своего достоинства ему льстить и <Р. 198> поскольку тот не отступился бы от своего мнения, ведь у него была слишком ясная голова и слишком доброе сердце, и, наконец, ведь он был слишком честен, чтобы, видя нечто дурное, скрывать это.

– Кефё) было заменено на Феодосию в честь некогда находившегося на этом месте античного поселения. Российское правительство переименовывало причерноморские города и называло вновь основанные на древнегреческий лад для того, чтобы тем самым обосновать право России, как покровительницы и наследницы греков, на эти земли [Unbegaun, 1936].

¹⁹ Антон Осипович Шиц (в другом написании – фон Шютц; ?–1810), русский офицер, в описываемое время командовал Таврическим легкоконным полком, а впоследствии дослужился до звания генерала кавалерии. Он был владельцем поместья в селении Карагоз (ныне с. Первомайское), что в нескольких километрах к востоку от Старого Крыма [Паллас, 1999, с. 116].

²⁰ Высокой, или Блистательной Портой называли османское правительство. «Высокие ворота» (по-французски «ворота» – *porte*, отсюда *Порта*) вели в стамбульскую резиденцию великого визиря (главного министра) Османской империи.

²¹ Последний хан Шахин Герай (Шагин-Гирей, 1745–1787) после присоединения Крыма к России в 1783 г. некоторое время жил в Калуге, затем выехал в Османскую империю, где оказался в заключении на острове Родос и вскоре был казнен по приказу султана [Смирнов, 2005, с. 192–207].

²² Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1758–1803), фаворит Екатерины II, сопровождавший ее в крымском путешествии 1787 г.

²³ Буквально «Mrs. Hawk's apartments». По-английски *hawk* означает «сокол», и это заставляет задуматься, не имел ли в виду Паркинсон так называемую «Соколиную башню», одно из сооружений ханского дворца?

²⁴ Князь Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791), российский государственный деятель, в описываемое время был генерал-губернатором Новороссийского края, то есть фактическим правителем юга России.

Храпунов Н.И. Бахчисарай Джона Паркинсона ...

Вторник, 27 августа

Налево из окон наших комнат мы видим часть города, расположенную у подножья высокой горы, вздымающейся скалами в нескольких местах; направо от нас ханский сад, мавзолей, построенный в честь связи с одной фавориткой, татарское кладбище, состоящее из большого сада и высокого холма, где все и заканчивается; впереди находится мечеть и два мавзолея, где хоронили <членов> королевской семьи; за ними виднеются романтичнейшие скалы, а на холме в отдалении – Еврейский Город...

Два офицера – курьеры, прибывшие, чтобы объявить о назначении г-на Зубова <Zeuboff> генерал-губернатором²⁵, пообедали вместе с нами, не снимая дорожного платья. Они привезли также сведения о том, что <Зубов> получил орден Св. Андрея и портрет Ее Величества, причем последнюю награду прежде не жаловали никому, исключая князя Орлова <Orloff> и князя Потемкина <Potemkin>.

Адмирал напоминает мне Палласа...²⁶ Меня удивило, что такой человек проводит столь четкое различие <между Бутлом и Паркинсоном>. Это позволило мне с точностью осознать собственное положение. Из всех людей, с которыми мне когда-либо доводилось говорить, он был самым хладнокровным. Его невозмутимость делала беседу с ним, по крайней мере в самом начале, довольно безжизненной. Поскольку с утра мы предполагали ехать, мы попрощались с ним и передали привет дамам, с которыми <так и не> не увиделись.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник. Путеводитель. Симферополь: Таврия, 2000. 96 с.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в эпоху Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 312 с.
- Гернгросс В. Ханский дворец в Бахчисарае // Старые годы. 1912. Апрель. С. 3–32.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь: Таврия, 1993. 128 с.
- Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 973 с.
- Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь: Сонат, 2005. 192 с.
- Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. С. Л. Белявская, А. Л. Бертье-Делагард. М.: Наука, 1999. 246 с.
- Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцова и др. 30 т. М.: Аспект Пресс, 1992.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. М.: Рубежи XXI, 2005. 313 с.
- Храпунов Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Каменгаузена // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 456–473.

²⁵ Платон Александрович Зубов (1767–1822), фаворит Екатерины II, в описываемое время – один из самых влиятельных людей в России.

²⁶ Знаменитый путешественник-энциклопедист Петер-Симон Паллас (1741–1811), автор одного из лучших описаний юга России [Паллас, 1999]. Паркинсон встретался с ним в Петербурге и Сарепте.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Храпунов Н. И. Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 4. – С. 141–153.
- Chaney E. *The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2000. 426 p.
- Cross A. G. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-century Russia*. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press: 1997. 474 p.
- Parkinson J. *A Tour of Russia, Siberia and the Crimea. 1792-1794* / ed. W. Collier. London: Frank Cass, 1971. 280 p.
- Trease G. *The Grand Tour*. London: William Heinemann, 1967. 251 p.
- Unbegaun B. Les noms des villes russes: la mode grecque // *Revue des études slaves*. 1936. T. 16. Fasc. 3–4. P. 214–235.

REFERENCES

- Bahchisarajskij gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj zapovednik. Putevoditel'*. Simferopol': Tavrija, 2000, 96 p.
- Vul'f L. *Izobretaja Vostochnuju Evropu: karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshchenija*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, 312 p.
- Gerngross V. *Hanskij dvorec v Bahchisarae. Starye gody*, 1912, April, pp. 3–32.
- Gercen A. G., Mogarichev Ju. M. *Krepost' dragocennostej. Kyrk-or. Chufut-kale*. Simferopol': Tavrija, 1993, 128 p.
- Madariaga I. de. *Rossija v jepohu Ekateriny Velikoj*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 973 p.
- Mogarichev Ju. M. «*Peshchernye goroda*» v Krymu. Simferopol': Sonat, 2005, 192 p.
- Pallas P. S. *Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnyj namestnichestvam Rossijskogo gosudarstva v 1793–1794 godah*. Moscow: Nauka, 1999, 246 p.
- Polovcov A. A. (Ed.). *Russkij biograficheskij slovar'*. 30 vols. Moscow: Aspekt Press, 1992.
- Smirnov V. D. *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoj Porty v XVIII v. do prisoedinenija ego k Rossii*. Moscow: Rubezhi XXI, 2005, 313 p.
- Khrapunov N. I. *Krymskij poluostrov posle prisoedinenija k Rossii v sochinenii Bal'tazara fon Kamengauzena. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2013, vol. XVIII, pp. 456–473.
- Khrapunov N. I. Bahchisaraj Jedvarda-Dan'ela Klarka: Vostok, Rossija i Krym. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2014, no. 4, p. 141–153.
- Chaney E. *The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2000, 426 p.
- Cross A. G. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-century Russia*. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press: 1997, 474 p.
- Parkinson J. *A Tour of Russia, Siberia and the Crimea. 1792-1794*. London: Frank Cass, 1971, 280 p.
- Trease G. *The Grand Tour*. London: William Heinemann, 1967, 251 p.
- Unbegaun B. Les noms des villes russes: la mode grecque. *Revue des études slaves*, 1936, t. 16, fasc. 3–4, pp. 214–235.

Резюме

Статья посвящена малоизвестному источнику по истории Крыма – путевым запискам британца Джона Паркинсона. Путешественник описывает город Бахчисарай, в недавнем прошлом бывший столицей Крымского ханства. Записки Паркинсона позволяют понять, как европейцы воспринимали Бахчисарай и его прошлое. Интересны известия о состоянии ханского дворца, еще не затронутого «реконструкциями» первой половины XIX в. В приложении впервые публикуется русский перевод «крымской» части путевых записок Паркинсона.

Ключевые слова: Джон Паркинсон, тревелог, воображаемая география, Крым, Российская империя.

Храпунов Н.И. Бахчисарай Джона Паркинсона ...

Summary

This article discusses a poorly known source on Crimean history, the travelogue by British John Parkinson. The traveler described the town of Bakhchisarai, in the recent past the capital of the Crimean Khanate. Parkinson's account allows one to uncover the Europeans' understanding of Bakhchisarai and its past. There is an interesting account of the condition of the khans' palace before it was disturbed by "reconstructions" in the first half of the nineteenth century. The appendix present the first Russian translation of the Crimean section of Parkinson's travelogue.

Keywords: John Parkinson, travelogue, imagined geographies, Crimea, Russian Empire.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Храпунов Никита Игоревич, к.н.и.,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
ведущий научный сотрудник
khrapunov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khrapunov, Nikita. CSc,
leading researcher at the Centre for the History and Archaeology of Crimea,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
khrapunov@mail.ru

Раздел II

Г.А. ПАШКЕВИЧ

АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БОСПОРА

Разработка истории античного земледелия требует проведения больших экспедиционных работ, направленных на исследование хоры, так как только новые археологические материалы, добытые экспедициями, стоящими на уровне современных приемов полевой работы, позволят со всей полнотой исследовать данный вопрос.

В.Д. Блаватский, 1953, с. 5

Введение

Греки-колонисты, придя в VII–VI вв. до н.э. на земли Северного Причерноморья, принесли с собою хорошо известный им ассортимент культурных растений, высокую культуру земледелия и традиции. Земледелие у греков было одним из основных и наиболее достойных занятий. Главенствующую роль играло зерновое хозяйство. Большое значение имело виноградарство, о чем свидетельствуют многие произведения искусства. Например, у древнегреческого поэта Гомера (X–VIII вв. до н.э.) есть описание щита Ахиллеса, украшенного виноградной гроздью. У него же можно найти такие строки о винограднике:

«Там разведен и сад виноградный богатый;
И грозди частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
Частью ждали, чтобы срезал их с лоз виноградарь;
Иные были давимы в чанах; а другие цвели, иль, осыпав цвет, созревали
и соком янтарно-густым наливались.
Саду границей служили красивые гряды, с которых
овощ и вкусная зелень весь год
собирались обильно».

Виноград и злаки – две составляющие основного классического набора выращиваемых греками растений в период античности в Средиземноморье, который получил название «триада». Третьим компонентом является маслина (оливковое дерево). Если к этому списку добавить бобовые, которые тоже выращивались в большом количестве, то получится «квартет». Природные условия Причерноморья отличаются от средиземноморских, и, конечно, полного совпадения выращиваемых культур не могло быть. Больше всего это касается маслины (*Olea europaea* L.). Для ее роста необходимы мягкая влажная зима и жаркое сухое лето, т.е. типичные условия средиземноморского климата. Лучше всего маслина растет на солнечных склонах холмов до высоты 400 м, обвеваемых морскими бризами. В Крыму маслина была интродуцирована и удавалась лишь в узкой субтропической зоне южного берега в поясе 5 – 100 м над уровнем моря. Это отдельные деревья или небольшие рощи, но никогда она не была здесь промышленной

культурой. Для выращивания маслины нет подходящих климатических условий [Жуковский, 1964, с. 410].

Ископаемые находки маслины в материалах Крыма очень незначительны. В колоде из поселения Панское 1 в Северо-Западном Крыму среди зерновок преимущественно голозерной пшеницы найдено три косточки маслины [Щеглов, Кузьминова, Янушевич, Чавчавадзе, 1989, с. 53 – 65]. Единичные косточки маслины (от 1 до 6) обнаружены в средневековых слоях (X – XIII вв.) помещений городского квартала Херсонеса [Пашкевич, 2006, с. 171, табл. 6].

В исследуемых материалах Боспора находки косточек маслины тоже очень редки. Очевидно, что маслины попадали на Боспор из метрополии, как известно из письменных источников, в обмен оливкового масла на зерновки голозерных пшениц или ячменя.

За пределами субтропической зоны крымского побережья в остальном Причерноморье зимы довольно холодные, малоснежные, осадки выпадают преимущественно весной – в начале лета. Юго-Восточный Крым в настоящее время относится к степной зоне, в античную эпоху здесь, вероятно, была лесостепь [Щеглов, 1978, с. 25]. Разнотравно-ковыльные степи на мицелярно-карбонатных черноземах к северу, в предгорной зоне сменяются на луговые. Черноземные почвы с мощным гумусовым слоем, достигающим 80 – 100 см, благоприятны для земледелия. При достаточном атмосферном увлажнении здесь возможны высокие урожаи всех выращиваемых культур [Подгородецкий, 1988, с. 64].

Неоспоримым свидетельством занятия земледелием являются ископаемые обугленные зерновки и семена. До начала целенаправленных исследований такие материалы попадали в руки археологов случайно, да и не все исследователи обращали на них внимание. К тому же, не всегда найденные материалы передавались специалистам. Непосредственное участие палеоэтноботаников в ходе полевых исследований в корне изменило эту ситуацию. Союз археологов и палеоэтноботаников дал возможность получать ископаемые материалы целенаправленно. Значительно вырос объем ископаемых данных в результате использования техники флотации. Большой фактический материал стал основой для критического пересмотра бытовавших представлений о составе выращиваемых растений.

Интенсивные исследования ископаемых культурных растений в последние десятилетия проводились в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре с применением техники промывки содержимого культурных слоев. Получен массовый материал. На его основе установлен состав культивируемых и используемых растений на территории городов-колоний. Эти данные могут теперь служить надежным фундаментом для палеоэкономических реконструкций.

Особенно интересными являются находки ископаемых растений времени начала и первых столетий периода греческой колонизации. К ним относятся материалы из городищ Боспора Киммерийского: Мирмекия, Пантикапея, Тиритаки, Феодосии, Гермонасы, Кеп, Нимфея, которые занимали восточную окраину степной зоны юга Северного Причерноморья.

Рис. 1. Карта местонахождения исследованных памятников: 1. Мирмекий; 2. Тиритака; 3. Нимфей; 4. Китей; 5. Новопокровка 1; 6. Артюшенко 1; 7. Артюшенко 2.

Приводимые в книге палеоэтноботанические данные боспорских памятников Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Китей, Новопокровка 1, Артюшенко 1 и Артюшенко 2 (рис. 1) с привлечением данных З.В. Янушевич [Янушевич, 1976, 1986], К.А. Фляксбергера [Фляксбергер, 1940], А.В. Кирьянова [Кирьянов, 1962] позволили установить ассортимент, используемый греками-колонистами. Он был образован преимущественно двумя зерновыми культурами – голозерной пшеницей (*Triticum aestivum* s. l.) и ячменем – пленчатым и голозерным и значительно отличался от того, который использовался в хозяйствах местных соседних племен. В посевах соседних племен были пленчатые пшеницы – главным образом, пшеница двузернянка (*Triticum dicoccon* Schrank), ячмень и просо (*Panicum miliaceum* L.).

Имеющиеся к настоящему времени палеоэтноботанические данные (большая частота находок и большое количество зерна) свидетельствуют о том, что голозерные пшеницы появились в Северном Причерноморье как одни из главных зерновых культур только с появлением первых греческих поселенцев. Наиболее вероятно, что этот бытовавший у греков-колонистов ассортимент был привезен ими из Малой Азии, Ионии, скорее всего из района Милета или его окрестностей. Известно, что «в колонизации берегов Черного моря руководящая роль принадлежала не материковой и не островной, а малоазиатской Греции, в частности, той ее области, которая носила на-

звание Ионии и охватывала западное побережье Малой Азии от Измирского залива до залива Мандалея» [Гайдукевич, 1955, с. 25]. Ольвия была колонией Милета еще в V в. н.э., есть примечание Геродота, вставленное в новеллу про Скила: «борисфениты говорят, что они милетяне».

На Ближнем Востоке голозерную пшеницу выращивали с начала доместикиации (от IX тыс. лет до н.э. и до VI тыс. до н.э.), как и пленчатые пшеницы, ячмень, чечевицу, горох, нут [Miller, 1991, с. 133 – 160]. В V тыс. до н.э. значения голозерных пшениц (*Triticum aestivum* L. и *Triticum durum* L.) возрастают [Zohary & Hopf, 2000, p. 57]. Велики их значения и в эпоху бронзы. Распространению трех культур – голозерных пшениц, льна и шестирядного ячменя в Месопотамии способствовала смена технологии выращивания растений, когда начало применяться орошение. В центральных районах Анатолии, где орошения нет, основными культурами оставались по-прежнему пленчатая пшеница однозернянка и двузернянка и шестирядный голозерный ячмень.

Данные о находках в античных слоях, к сожалению, немногочисленны. Н.-Р. Stika выявил в архаических слоях Милета в преобладающем значении ячмень пленчатый, на втором месте – просо, на третьем – голозерные пшеницы (*Triticum aestivum/durum*). Небольшое значение (2.1 %) принадлежит находкам пленчатых пшениц – однозернянке, двузернянке и спельте [Stika, 1997, p. 160].

Для территории Юго-Восточной Европы до настоящего времени нет достаточных данных о находках голозерных пшениц. Почти все опубликованные сведения касаются, в основном, ранних периодов истории земледелия. Материалы из Греции, Македонии, Болгарии обобщены Г. Кроллем [Kroll, 1991, с. 161 – 177]. На докерамических неолитических стоянках в Thessaly найдены ячмень, пленчатые пшеницы однозернянка и двузернянка, из бобовых – чечевица, горох, вика эрвилья. Голозерная пшеница (*Triticum aestivum/durum*) прибавляется к этому списку в раннем неолите. Однако исследователи полагают, что голозерная пшеница в то время была лишь спутником в посевах пленчатых пшениц и ячменя. Выращивание этой пшеницы как самостоятельной культуры начинается в эпоху поздней бронзы. В начале нашей эры голозерная пшеница уже занимает основное место среди зерновых культур. Однако за пределами Римской империи важное значение придавалось по-прежнему пшенице пленчатой двузернянке [Kroll, 1991, с. 161]. На территории Польши голозерная пшеница в преобладающем значении появляется лишь в средневековье [Lityńska-Zajac, Wasylkowa, 2005, с. 94].

На территории Греции находки голозерных пшениц незначительны. Обнаружены они в небольшом количестве в неолите [Sarpaki, 1992, pp. 64 – 66; 1995, p. 300]. Основные зерновые культуры этого времени – пленчатые пшеницы, голозерный и пленчатый ячмень и бобовые – чечевица, горох, чина, нут. Почти такой же состав сохраняется и для эпохи бронзы. Палеоэтноботанические находки классического и более позднего периодов очень незначительны. Это видно из материалов VII – III вв. до н.э., полученных при раскопках портового греческого города Selinuute на юго-за-

падной оконечности острова Сицилия, и материалов VII – V вв. до н.э. из раскопок города Elymian, расположенного во внутренней части острова [Stika and all, 2008], а также из результатов исследования слоев I – VII вв. н.э. из поселения Pyrgouthi в долине Verbati в Греции [Sarpaki, 2005 p. 325].

В находках из города Selinuute преобладают остатки голозерной пшеницы (*Triticum aestivum/durum*), на втором месте – находки многорядного пленчатого ячменя. Единично представлены пшеница двузернянка и рожь (по мнению авторов – дикорастущая, а не происходящая из посевов).

Пленчатый ячмень составляет основную часть в находках из города Elymian, на втором месте – пшеница двузернянка и на третьем – голозерная пшеница.

В поселении Pyrgouthi выявлен большой ископаемый материал, среди которого на первом месте находятся остатки маслины, на втором – семена бобовых и на третьем – зерновки злаков: пшеницы двузернянки (*Triticum dicoccon*), твердой (*Triticum durum*-type) и мягкой пшеницы (*T. cf. aestivo/compactum*), ячменя пленчатого шестирядного (*Hordeum vulgare*), овса (*Avena sativa* s.l.), ржи (*Secale* sp.), проса (*Panicum* sp.). В значительном количестве найдены зерновки ячменя, персидской пшеницы, двух других голозерных пшениц и овса. В материалах I – V вв. н.э. в значительных количествах найдены косточки маслины, винограда, орехи миндаля [Sarpaki, 2005, p. 319–320].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в Средиземноморье и, в частности, Греции пленчатый ячмень был (и остается) очень важным злаком. Способствует этому ряд свойств этой зерновой культуры. К ним относится, прежде всего, высокая выживаемость в засушливых условиях при очень небольшом количестве дождей. Этот злак до сих пор выращивают в больших количествах в Греции на самых сухих землях. Ячмень растет на бедных почвах и созревает раньше других злаков, в начале лета. Используется он не только в пищу человеком, но и домашними животными.

Особое внимание А. Sarpaki привлекло наличие зерновок голозерной персидской пшеницы *Triticum turgidum* L. (= *T. persicum* Vav.) в слоях классического периода (V – VII вв. н.э.). Эту находку она называет загадочной. В наше время персидскую пшеницу в Греции не выращивают. Известна она в горных районах Кавказа – в Армении, Грузии, а также на востоке Анатолии, на западе Ирана. В Турецко-Кавказском районе эта пшеница достигает высоты 2100 м. Археоботаники полагают, что персидская пшеница приурочена преимущественно к Закавказью. Она рано созревает, может расти на больших высотах, устойчива к недостатку влаги и грибковым заболеваниям, зерновки богаты белками. А. Sarpaki предполагает, что персидскую пшеницу в районе Verbati могли выращивать в горах, окружающих долину.

Возможна и другая причина присутствия зерновок этой пшеницы в находках. Из письменных источников известно, что персидскую пшеницу привозили в города и она была востребованной, особенно в доисторическое время. Многие товары, в том числе и пшеница, поступали из греческих поселений Причерноморья. В Афины поставлялось значительное количество пшеницы с берегов Черного моря в

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

обмен на оливковое масло. Такая торговля возможна была и в других городах, таких как Аргос и Коринф. Однако палеоэтноботанических находок персидской пшеницы в Афинах нет. О ее наличии там известно только из письменных источников. А. Sarpaki полагает, что пока нет однозначного ответа на вопрос: выращивали ли эту пшеницу в районе Verbatı или она была привезена из Причерноморья? [Sarpaki, 2005, s. 324].

В последние десятилетия интерес к палеоэтноботаническим данным значительно возрос. Они используются при палеоэкономических построениях [Гаврилов, 2004; Кутайсов, 2004, Одрин, 2005 и др.].

Данная работа обобщает результаты палеоэтноботанических исследований материалов, полученных при раскопках греческих колоний Боспора. Безусловно, они могут служить надежной основой при освещении историками и археологами вопросов экономической деятельности античных государств Северного Причерноморья и для создания объективной картины их исторического развития.

Глава 1. Состояние проблемы изучения палеоэтноботанических материалов Боспора

В XX ст. палеоэтноботанические исследования постепенно охватили Европу и Ближний Восток. Именно на Ближнем Востоке произошла domestикация большинства культурных растений Старого Света. Эти исследования положили начало новому направлению в традиционной науке палеоботанике, которое получило название *палеоэтноботаника*. Такое название предложил в 50-х годах XX в. датский исследователь Ганс Хельбек. Термин «этно» указывает на то, что эта наука свои исследования сосредоточивает на изучении ископаемых остатков растений, связанных с деятельностью человека, а *палеоботаника* изучает историю всего растительного мира. В странах Европы, кроме термина «*палеоэтноботаника*», используется также термин «*археоботаника*». Он встречается чаще в археологических изданиях, возможно потому, что более конкретно передает цель исследований, т.е. изучение растительных остатков, которые находят археологи во время раскопок и которые связаны с деятельностью человека. По сути эти термины являются синонимами и используются в зависимости от желания исследователя.

Таким образом, палеоэтноботаника – это наука с характерными для нее терминами, образами мышления, методикой исследований, приемами интерпретации данных. С появлением специалистов-палеоэтноботаников результаты их исследований начали использоваться в практике археологических работ, при написании научных отчетов, монографий, статей.

Почти в каждой статье или монографии, где речь идет о земледелии в Северном Причерноморье [Блаватский, 1953; Брашинский, 1984; Стржелецкий, 1961; Кругликова, 1975; Крыжицкий, Буйських, Бураков, Отрешко, 1989; Крижицкий, Щеглов, 1991 и др.],

приводятся сведения о культурных растениях. Авторы этих публикаций ссылаются, в основном, на письменные источники и реже – на случайные археологические находки. Специальных целенаправленных работ по обнаружению ископаемых растительных остатков и их последующему анализу не было до конца XX века.

Наиболее детальный перечень сведений древнегреческих авторов о составе культурных растений, использовавшихся колонистами в Северном Причерноморье, а также о технике земледелия и об организации сельскохозяйственной территории содержится в работе В.Д. Блаватского «Земледелие в античных городах Северного Причерноморья», 1953. На стр. 12 В.Д. Блаватский ссылается на Геродота, по свидетельству которого уже в V веке до н.э. недалеко от Ольвии, на Гипполаевом мысу между Днепровским и Бугскими лиманами, существовало святилище Деметры, богини земледелия. Терракотовые статуэтки этой богини встречаются довольно часто при раскопках как Боспора, так и Ольвии. Голова Деметры на римских монетах украшена колосом [Блаватский, 1953, с. 18]. На фанагорийских монетах IV в. до н.э. встречаются изображения головы Кабиров вместе с пшеничным колосом (там же, с. 20). Известны монеты с изображением головы Деметры в венке из хлебных колосьев из города Тиры (первая половина IV в. до н.э.). В Пантикапее найдены надписи в честь Диониса и его изображения на терракотах из Боспора, имеющих дату IV в. до н.э., что рассматривается исследователями как свидетельство занятия виноградарством в Северном Причерноморье (там же, с. 20).

В декрете в честь Протогена упоминается о существовании хлебного склада в Ольвии в III в. до н.э. [Блаватский, 1953, с. 9]. Эти письменные свидетельства позже были подтверждены археологическими раскопками. В одном из домов классического периода Центрального квартала Ольвии обнаружено зернохранилище с 6 – 8 ямами, пять из которых использовалось для хранения зерна [Лейпунська, 1995, с. 18]. Два больших зернохранилища обнаружено также за пределами города. Одно из них имеет дату – первая половина II в. н.э., второе – II – III вв. н.э. [Карасев, 1964, с. 48 - 49; Леви, 1964, с. 16, 17]. Кроме этих больших зернохранилищ, в Ольвии обнаружено большое количество зерновых ям возле домов конца I – III вв. н.э. [Крапивина, 1993, с. 59].

Со временем в работах археологов появились сведения о находках обугленных зерновок во время раскопок Боспора. Находки обугленных зерновок в материалах из раскопок Боспора, как правило, очень многочисленны. Самые давние из исследованных материалов происходят из зерновой ямы VI века до н.э. на Гермонасе Таманского полуострова (раскопки И.Б. Зеест в 1957 г.). В этой яме среди найденного зерна преобладали зерновки ячменя пленчатого многорядного. Среди подсчитанных А.В. Кирьяновым 61 525 зерновок этого злака только небольшую примесь составляли зерновки пшеницы мягкой карликовой (33) и пшеницы двузернянки (50), а также зерновки ржи (58) [Зеест, 1961, с. 54]. На эту находку ссылается в дальнейшем в своей книге И.Т. Кругликова [Кругликова, 1975, с. 182].

В слоях I – III вв. н.э. на Сухо-Чалтырском городище из Нижнего Дона найдено 31 500 зерновок ржи, 8 зерновок полбы и 1 зерновка ячменя. Такие большие находки

ржи на Сухо-Чалтырском и Подазовском городищах Д.Б. Шелов объясняет тем, что начиная с первых веков н.э. рожь стали сеять в степной зоне Восточной Европы и район Нижнего Дона становится с этого времени центром выращивания ржи как самостоятельной культуры, а находки отдельных зерновок ржи в более ранних материалах Боспора следует отнести ко ржи сорной [Шелов, 1972, с. 76-77].

О значительном количестве обугленного зерна пшеницы и ячменя в заполнении строений хозяйственного назначения, которые сгорели во время пожара в III – IV вв. н.э. в одном из небольших городов Боспора – Киммерике на Керченском полуострове, есть ссылка у И.Б. Зеест. К сожалению, здесь нет конкретизации находки: «... среди горелых остатков были зерна пшеницы...» (с. 97); «В некоторых обломках амфор сохранились остатки зерен (пшеницы и ячменя)» [Зеест, 1949, с. 95–97]. О какой пшенице и каком ячмене идет речь? В дальнейшем эти ископаемые зерновки изучил ботаник-растениевед А.В. Кирьянов и установил, что тут были найдены зерновки пшеницы мягкой (*Triticum vulgare*), ячменя многогорядного (*Hordeum pollidum*) и ржи (*Secale cereale*) [Кирьянов, 1962, с. 92 – 97].

К сожалению, некоторые находки, о которых есть упоминание в публикациях М.В. Покровского и И.И. Никишина и на которые впоследствии ссылается В.Д. Блаватский, не исследовались специалистами [Блаватский, 1953, с. 75].

В.Д. Блаватский в своей книге «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья» использует преимущественно определения ископаемых материалов из раскопок Тиритаки, Мирмекия, Азова, которые были выполнены ботаником К.А. Фляксбергером. Им в материалах, найденных в слоях V в. до н.э. при раскопках Мирмекия (1935 год, руководство В.Ф. Гайдукевича), были определены зерновки мягкой пшеницы (*Triticum vulgare*) и ячменя (*Hordeum sativum*), а также необугленное семя маслины (*Olea oleraceae*) (названия растений приводим здесь так, как они поданы в статье К.А. Фляксбергера). В наше время в ботанической номенклатуре приняты другие названия: пшеница мягкая – *Triticum aestivum*, ячмень – *Hordeum vulgare*. Зерновки этих же растений, т.е. мягкой пшеницы и ячменя, были обнаружены также в раскопе Е вместе с необугленными семенами льна, винограда культурного (*Vitis vinifera*) и алычи (*Prunus devaricata*). В слоях из Тиритаки найден такой же состав зерновок и семян и в таком же необугленном состоянии. В 1939 г. во время раскопок под руководством В.Ф. Гайдукевича из сосуда IV в. н.э., заполненного нефтью, были извлечены зерновки проса, мягкой пшеницы и семена чечевицы. При раскопках Азова в слоях IV в. н.э. найдены зерновки мягкой пшеницы с примесью небольших зерновок ржи (*Secale cereale*). Зерна мягкой пшеницы выявлены в слоях эллинистического времени на Елизаветинском городище около Краснодара и на городище Чумяный Редант. В амфоре IV в. н.э. из Дия-Тиритака найдены зерновки проса и мягкой пшеницы.

Больше всего растительных материалов происходит из боспорских памятников позднего времени. Так, на поселении Семеновка, III в. н.э., зерно обнаружено в горелых помещениях в 46 случаях и в большом количестве – 477 950 зерновок и 212

семян. Среди этого зерна преобладали зерновки пшеницы мягкой (90%) с небольшой примесью пшеницы карликовой (*Triticum compactum*). Только 9% этой массы принадлежало зерновкам многорядного ячменя и 1% – чине посевной (*Lathyrus sativus*). А.В. Кирьянов упоминает также о зерновках ржи и проса, не включая их, очевидно, в вышеперечисленное процентное соотношение. Зерновки пшеницы преобладали и в материалах из поселений у сел Китень и Новоотрадное. Определены здесь еще зерновки ржи и проса. На поселении I – IV вв. н. э. Кепы на Керченском полуострове найдено много зерновок пшеницы и ячменя и в небольшом количестве зерновки ржи, овса, чины. Рожь А.В. Кирьянов относит к сорно-полевой. Пшеница преобладала (88,69%) в заполнении амфор на поселении IV в. н.э. Батарейка. Зерновок ржи было чуть больше 1%. Тут впервые вспоминается о довольно большой находке (25%) зерновок пшеницы твердой (*Triticum durum*) [Кирьянов, 1962, с. 96].

Д.Б. Шелов, описывая промыслы и сельское хозяйство в Танаисе в I – III вв. н.э., ссылается на определения ископаемых материалов ботаниками А.В. и Н.А. Кирьяновыми. Они пришли к заключению, что наиболее распространенной культурой в Танаисе в то время были ячмень двурядный и ячмень многорядный. Пшеницы, представленные смесью зерновок мягкой и твердой, играли небольшую роль. Более значимы были пшеницы двузернянки и проса. Овес в то время еще, очевидно, был сорняком в посевах ячменя и пшеницы. В Танаисе обнаружены также орешки конопли [Шелов, 1972, с. 76-77].

К сожалению, иногда, даже имея определения специалистов, археологи не ссылаются на видовые названия растений, не приводят их латинские названия, что значительно обедняет наши представления о конкретных растениях и, как следствие, о возможном их использовании и применении. Например, на определения специалиста-растениевода К.А. Фляксбергера ссылается Н.В. Анфимов, приводя сведения о земледелии меото-сарматских племен Прикубанья. Однако, перечисляя основные культурные растения меото-сарматской эпохи: пшеница, ячмень, просо, – он не указывает, какая именно пшеница, какой ячмень выращивались [Анфимов, 1951, с. 147-148].

Известны определения ископаемых зерновок, сделанные В.А. Петровым. По его мнению, обугленные зерновки из раскопок Фанагории из слоев I в. н.э. принадлежали пшенице двузернянке (*Triticum dicoccum*). Он же определил, что зерновки, найденные в Киммерике в слоях III– IV вв. н.э., были зерновками карликовой пшеницы (*Triticum compactum*).

Остановимся на замечании В.А. Петрова относительно зерен, обнаруженных в сосуде из сарматского захоронения на Нижне-Гниловском поселении I – II вв. н.э. на Нижнем Дону. Они были определены доцентом Ростовского университета А.А. Приступой как зерновки гречихи (*Fagopyrum esculentum*). На этом определении и его трактовке детально останавливается Д.Б. Шелов [Шелов, 1972, с. 77]. Он пишет, что, согласно определениям А.А. Приступовой, в сосуде больше всего было зерен гречихи и, кроме них, там были семена горчицы, а на третьем месте –

зерновки сорняка щетинника (*Setaria viridis*). Находки гречихи исследователь (А.А. Приступова) считает свидетельством раннего появления этой культуры в Северном Причерноморье и возможного продвижения гречихи из Азии в Европу именно через Нижний Дон. Однако В.А. Петров, на мнение которого ссылается и поддерживает В.Д. Блаватский, считает, что эти «единичные зерна гречихи были занесены в могилу в недавнее время мелкими животными – землеройками» [Блаватский, 1953, с. 77 – 78]. Можно присоединиться к мнению Д.Б. Шелова, сомневающегося относительно замечания В.А. Петрова о единичных зерновках гречихи [Шелов, 1972, с. 77]. Ведь именно гречихи в сосуде было больше всего, согласно определениям А.А. Приступовой. Поэтому сомнение состоит в том, просматривал ли эту находку сам В.А. Петров?

Именно эта находка в дальнейших публикациях неоднократно использовалась для указаний на выращивание гречихи в Северном Причерноморье в античную эпоху (в Херсонесе и, может быть, в Танаисе и на Нижнем Дону), со ссылками на В.Ф. Гайдукевича [Гайдукевич, 1949, с. 381] и Д.Б. Шелова [Шелов, 1972, с. 77]. Именно эта находка послужила аргументом, опираясь на который И.Т. Кругликова утверждает, что гречиху греки привезли с собой [Кругликова, 1975, с. 186 – 187; 1984, с. 155].

Однако, учитывая современное состояние знаний о происхождении гречихи как культурного растения и о времени и путях ее появления в Европе, сомнения В.А. Петрова относительно находки гречихи в Северном Причерноморье в материалах I – II вв. н.э. нужно признать вполне справедливыми. Все имеющиеся в наше время данные об ископаемых культурных растениях Европы свидетельствуют о том, что гречиха появилась здесь довольно поздно, лишь в средневековье, к тому же находки ее зерновок довольно редкие. Известны такие находки в мусорных ямах XVI века, которые были открыты при раскопках города Киля в Германии [Wiethold, 1995]. Найдены они в слоях XIV – XVII веков в Дании [Robinson, Harild, 1996] и в материалах XVIII века в Англии [Greig, 1996]. В Польше первые свидетельства о находках гречихи возникают на основании горелых слоев XIV века средневекового города Kołobrzeg [Badura, 1999, с. 219 – 231].

Недавно установлено, что доместикация гречихи произошла в Китае между IV – V веками н.э. В Европе она стала известной лишь в позднем средневековье. Предполагается два пути попадания гречихи в Европу. Один из них – из Арабского мира, в подтверждение чего приводятся ее названия в языках некоторых европейских стран. Например, во Франции гречиха называется *Sarrasin*, в Италии – *Grano sarraceno*, в Испании – *Trigo sarraceno*. Второй путь – из России, куда ее принесли из азиатских степей монголы, а затем уже германские колонисты перенесли свои знания о выращивании этого растения на Запад [Janik, 2000, с. 128]. На Украине достоверные находки гречихи пока что есть только в материалах мусорных ям XVIII века на территории Киево-Печерской Лавры (определения автора).

По данным В.Д. Блаватского и И.Т. Кругликовой [Блаватский, 1953, Кругликова,

1975, с. 180 – 187], итоговый список растений из раскопок Боспора и прилегающих районов Прикубанья и Нижнего Дона такой (все названия приведены так, как в работе у В.Д. Блаватского): пшеница мягкая (*Triticum vulgare*) и близкая ей пшеница карликовая (*Triticum compactum*), пшеница двурядка, или эммер (*Triticum dicocum*), ячмень (*Hordeum sativum*, *Hordeum pollidum*), просо (*Panicum miliaceum*), чечевица (*Ervum lens*), вика чечевицеобразная (*Ervum ervilia*), чина (*Lathyrus esculenta*). В.Д. Блаватский в этом списке называет еще зернобобовую культуру Нупеа, которая была обнаружена в Киммерике вместе с чечевицей, и на находки которой указывает А.В. Кирьянов [Блаватский, 1953, с. 78 – 79]. Возможно, допущена ошибка при латинском написании растения и, к сожалению, не приведено ее русское название. В ботанической номенклатуре растения с названием Нупеа не удалось найти.

Следует отметить, что в наше время в ботанической номенклатуре приняты иные латинские названия растений для тех, которые перечислены В.Д. Блаватским. Так, пшеница мягкая теперь имеет название *Triticum aestivum*, пшеница двурядка = пшеница двузернянка – *Triticum dicoccon*, ячмень – *Hordeum vulgare*, чечевица пищевая – *Lens culinaris* Medik. [syn. *L. esculenta* Moench], вика эрвилия – *Vicia ervilia*.

Как показывают палеоэтноботанические исследования, в большинстве находок античного времени на Крымском п-ве представлена именно голозерная пшеница [Янушевич, 1976, с. 23; Пашкевич, 2006]. З.В. Янушевич определяла ее как особую популяцию, состоящую из двух видов пшеницы – мягкой и карликовой, и дала ей название *Triticum aestivo-compactum* [Янушевич, 1986, 45]. Однако, согласно E.Schiemann, сочетание в видовом названии *Triticum aestivo-compactum* неверно, так как это название является синонимом пшеницы карликовой – *Triticum compactum*, а промежуточной формы *Triticum aestivo-compactum* просто не существует [Schiemann, 1948, p. 52]. Учитывая сложности определения обугленного материала, палеоэтноботаники Европы договорились пользоваться для обозначения обугленных зерновок голозерных пшениц объединенным названием *Triticum aestivum* s.l. (где s.l. = sensu lato, т.е. в широком смысле), включив в него несколько видов пшеницы – *Triticum vulgare* Vill., *T. compactum* Host, *T. vulgare antiquorum* Heer, *T. aestivum grex aestivo-compactum* Schieman (“Progress in Old World Palaeoethnobotany”, 1991, 209).

К числу растений, привезенных греками с собой, кроме гречихи, И.Т. Кругликова относит также *пшеницу полбу*, ссылаясь на Катона, Варрона, Колумеллу и Плиния: «Очевидно, полба не была местной культурой, а проникла в Причерноморье из других областей. По-видимому, эта культура завезена переселенцами – греками из метрополии, где она, так же как и в Риме, имела большое распространение» [Кругликова, 1975, с. 182]. И далее: «Возделывание полбы на территории Боспора носило, вероятно, временный характер. Если бы *полба*, как ячмень или *пшеница*, была местной культурой, она удержалась бы в этих областях длительное время, исчисляемое многими веками. Но раскопки более поздних поселений (Семеновка, Кепы, Танаис) не обнаружили никаких следов возделывания полбы, тогда как пшеница и ячмень в ту

пору оставались главными культурами» [Кругликова, 1975, с. 182]. Следует подчеркнуть, что полба здесь противопоставляется пшенице, и, очевидно, пшенице мягкой (*Triticum aestivum*), которую раньше, вслед за А.В. Кирьяновым, в публикациях приводили под названием *Triticum vulgare*. Однако полба – это тоже пшеница, имеющая свое видовое название, а именно – пшеница двузернянка (*Triticum dicoccon*), которая относится к так называемым пленчатым пшеницам, в отличие от мягкой голозерной пшеницы. К полбам относят еще одну пленчатую пшеницу – пшеницу спельту (*Triticum spelta*). Е.А. Столетова, сделавшая детальное описание морфологических особенностей, происхождения и агробиологических характеристик двузернянки, этой древней пшеницы, которая имеет еще одно название – эммер, пишет, что: «Названием «полба» обозначают как *Triticum spelta* L., так и *Triticum dicoccon* Schrank., что представляет большие неудобства. В России, где до настоящего времени много возделывается *Tr.dicoccon*, принято применять название «полба» именно к *Tr. dicoccon* вместо «полуполба, двузернянка, эммер». Настоящая полба *Triticum spelta* в России не встречается» [Столетова, 1924 – 1925, с. 27].

Современные палеоэтноботанические данные дают основание не соглашаться с мнением И.Т. Кругликовой о том, что полба была завезена греками из метрополии. Эта пшеница выращивалась на территории Украины издавна, со времен появления здесь в неолите первых земледельческих племен [Янушевич, 1976; 1986; Гаврилук, Пашкевич, 1991; Пашкевич, 1991, 1992].

Невозможно также согласиться с утверждением И.Т. Кругликовой о том, что греческие переселенцы с появлением их в Северном Причерноморье использовали местные злаки. В качестве аргумента приводится свидетельство Геродота, в котором идет речь о том, что местные племена, заселявшие Северное Причерноморье в I тыс. до н.э., – скифы-пахари, каллипиды и алазоны сеяли пшеницу, ячмень, просо [Кругликова, 1975, с. 180]. Однако обобщающее название «пшеница» требует уточнения. На современном уровне знаний мало просто указать в перечне «пшеница». Находки зерен пшеницы обязательно требуют полного названия растения с его видовым определением.

Известно, что давние пленчатые пшеницы однозернянка, двузернянка, спельта нетребовательны к качеству почвы и ее обработки, отличаются устойчивостью к неблагоприятным климатическим условиям. Эти пшеницы длительное время, с появлением их на территории Украины и на протяжении тысячелетий, использовались в хозяйстве. Такое длительное использование пленчатых пшениц объясняется их хорошей приспособленностью к примитивным условиям хозяйствования, нетребовательностью к качеству обработки почвы и ее плодородию. Более требовательны к качеству почвы и ее обработки, более удобны в использовании, так как не требуют специальной обработки для освобождения от пленок, так называемые голозерные пшеницы. Они появились в посевах на территории Украины только в конце I тыс. до н.э. – в начале I тыс. н.э., и то лишь на ограниченной территории, именно в Северном Причерноморье

Однако И.Т. Кругликова, ссылаясь на определения А.В. Кирьянова, утверждает, что в Северное Причерноморье греки привезли с собой пшеницу двузернянку, т.е. полбу [Кругликова, 1975, с. 182]. И она же пишет, что начиная с I-х веков н.э. встречались здесь также мягкая и твердая пшеницы, но они играли второстепенную роль после ячменя [Кругликова, 1975, с. 184 – 186]. Иного мнения В.Д. Блаватский, который, ссылаясь на К.Фляксбергера, считает, что экспортируемая в Грецию из Боспора пшеница была местного происхождения, так как в метрополии выращивали преимущественно пшеницу твердую (*Triticum durum*). Местная же пшеница имела небольшие зерновки и была наиболее легкой из всех известных в Галлии и в Херсонесе [Блаватский, 1953, с. 80]. Таким образом, опираясь на приведенные характеристики, можно предположить, что автор имел в виду пшеницу мягкую.

Современные исследования, основанные на большом количестве ископаемого материала, дают основание не соглашаться с И.Т. Кругликовой в том, что полба была привезена переселенцами – греками из метрополии. Привезена была не полба, а голозерная пшеница, о чем свидетельствует ее массовое появление в ископаемых материалах греческих колоний Северного Причерноморья и отсутствие в находках из раскопок памятников местных племен [Янушевич, 1986, с. 46; Pashkevich, 2001, pp. 530 – 531].

Суммировать данные, приведенные В.Д. Блаватским и затем И.Т. Кругликовой, можно следующим образом:

1. Ассортимент растений, выращиваемых в Северном Причерноморье в античное время, оставался почти неизменным на протяжении всей греческой колонизации. Наиболее распространенными были «зерновые (?), чечевица и просо».
2. Ассортимент был одинаковым как у греков-колонистов, так и у местных племен – меотов, скифов, сарматов.
3. Выращивалась пшеница местного, а не греческого происхождения.

Дальнейшие исследования ископаемых остатков палеоэтноботаниками З.В. Янушевич и Г.А. Пашкевич из раскопок греческих памятников Северного Причерноморья дали основание прийти к иным выводам. В 70-х годах XX ст. ископаемые материалы из раскопок преимущественно в северо-западной части территории Крымского полуострова (Херсонес и его хора) были произведены известным специалистом – палеоэтноботаником З.В. Янушевич [Янушевич, 1986, с. 40 – 70]. Получены ею также данные для территории Боспора. З.В. Янушевич проанализирована большая находка семян винограда из Илурата и материалы из поселения у хутора Михайловка [Янушевич, 1986, с. 66 – 67]. Карликовая и мягкая пшеницы были определены в виде отпечатков зерновок на поселениях близ сел Заморское, Семеновка, Киммерик. В списке исследованных памятников на территории Боспора есть также поселения Чайка, II в. до н.э. – I в. н.э.; Митридат, II в. до н.э.; Гермонаса, IV в. до н.э. Основные выводы, полученные в результате этих исследований: в находках преобладают зерновки пшеницы карликово-мягкой и ячменя пленчатого. К сожалению, не приведены конкретные числа найденных зерновок [Янушевич, 1986, с. 42 – 48].

Глава 2. Методы исследования и материалы

Основным объектом палеозтноботанических исследований являются обугленные (карбонизированные) растительные остатки, прежде всего зерновки и семена. Они хорошо сохраняются на протяжении тысячелетий. При археологических работах такой материал находят в местах жизнедеятельности человека и прежде всего там, где растения подвергались тепловой обработке, т.е. возле печей, в местах высушивания собранного урожая, в ямах, куда могли сбрасываться случайно обгоревшие зерновки, а также в культурных слоях. Наиболее богатый обугленный материал находят в местах, где бывали пожары.

Иногда обугливание зерновок происходило и в том случае, когда огонь использовали как магическую силу. Известно, что в прошлом греки раздавали поджаренные зерна ячменя во время жертвоприношений. Присутствовавшие при этом должны были ими посыпать головы животных, приносимых в жертву. Использование магической силы огня было и у славян. Для увеличения урожайности на ржаном поле перед засевом разжигали огонь. Существовал также обычай перед началом посева бросать в огонь горсть проса, чтобы защитить урожай от засорения и получить его чистым, как «золото». Чтобы защититься от злых сил, поджигали сноп и обходили с ним жилище.

Для получения массового палеозтноботанического материала применялась во время проведения археологических работ промывка (флотация, водная сепарация) образцов из различных объектов – заполнений жилищ, хозяйственных ям, подвалов домов, амфор, скоплений пепла (рис. 2). Иногда образцы отбирались из разных уровней пола. Флотация дает возможность гарантированно извлекать из культурных слоев ископаемые остатки растений и значительно увеличивает количество материала.

Рис. 2. Промывка проб на городище Тиритака.

Методика промывки доступна при археологических раскопках, не требует дорогостоящего оборудования, специальной подготовки. При дефиците воды промывку можно проводить, как показали работы на городище Нимфей, непосредственно на берегу моря (рис. 3).

Промывка (флотация) содержимого культурных слоев начала применяться при археологических работах в конце XX ст. Особенно большие успехи получены в странах с засушливым климатом. При флотации было предложено добавлять в воду специальные

вспенивающие вещества, благодаря действию которых облегчается освобождение растительных остатков из почвы. Результаты использования метода промывки оказались настолько значительными, что английский исследователь Р. Деннелл сравнил его с открытием телескопа в астрономии [Denell, 1978]. Особенно хорошие результаты дает промывка для выявления мелких семян и зерновок сорных растений.

Исследования образцов, промытых при раскопках греческих городищ Тиритака, Мирмекий, Нимфей, показали, что растительные остатки содержатся практически во всех видах отложений.

Для промывки отбирались образцы одинакового объема – по одному ведру. При незначительном количестве растительных остатков, выделенных в результате промывки, объем образца увеличивался до 2, 3 ведер. В результате проводимых промывок на городищах Боспора выяснилось, что наиболее информативными являются зольники и заполнения ям.

Кроме зерновок, в промывках бывают остатки от обмолота: чешуи, колоски, стебли, междоузлия злаков. Обычно они невидимы визуально и выявляются только при промывках. Такой материал является дополнительным источником, он может дать недостающую информацию о видовом составе растений. Находки сорных растений, семена и зерновки которых также невидимы из-за небольших размеров, могут расширить наши представления о земледелии. Учитывая это, все дальнейшие работы для получения материалов с растительными остатками во время раскопок следует проводить с использованием промывки.

Полученный в поле материал разбирался и анализировался в лаборатории, в дальнейшем проводился его морфологический и морфометрический анализы. Обугленные зерновки и семена определялись до вида или разновидности. Как правило, измерения проводились по трем параметрам: длина L , ширина B , толщина T . Устанавливались также показатели величины индексов L/B и T/B , затем определялись их средние показатели и среднеквадратичное отклонение каждого параметра. Однако с помощью измерений не всегда удается с уверенностью установить принадлежность обугленной зерновки к определенному виду. Например, морфологические признаки голозерных пшениц в обугленном состоянии очень сходны. Для различия их до вида некоторые специалисты используют значение величины индекса

Рис. 3. Промывка проб на берегу Керченского пролива у городища Нимфей.

L/V [Янушевич, 1976, с. 85]. В своих работах З.В. Янушевич разделяла обугленные зерновки голозерных пшениц до вида пшеница мягкая (*Triticum aestivum*) и пшеница карликовая (*Triticum compactum*), основываясь на следующих показателях: у пшеницы мягкой значения индекса колеблются в пределах 1.7 – 2.0, у карликовой – в пределах 1.1 – 1.5. Зерновки с величиной индекса 1.5 – 1.6 были отнесены к смешанным формам *Triticum aestivo - compactum*.

Как уже упоминалось выше, учитывая сложности определения морфологических особенностей зерновок в обугленном состоянии, палеоэтноботаники Европы договорились пользоваться для обозначения мелких округлых зерновок пшениц объединенным названием *Triticum aestivum* s.l. [Wasylikowa et al, 1991, с. 209]. В данной работе автор учитывает эту договоренность и пользуется именно таким обобщенным названием.

При интерпретации археоботанических данных следует иметь в виду, что сохранившиеся в культурных отложениях растительные остатки по ряду объективных причин безусловно не могут полностью отражать существовавшее в реальности соотношение, хотя и дают нам представление о составе растений, использовавшихся человеком во время своего проживания в данном месте. Можно исходить из того, что в культурный шар попадали зерновки, которые использовались в повседневной жизни на протяжении существования одного или нескольких поколений. Так постепенно образовывалась смесь из зерновок и семян тех растений, которые использовались.

В объектах функционального назначения (зерновые ямы, овины, хранилища) содержится более однородный материал. В них были зерновки, которые помещали туда специально для хранения и которые сохранились здесь ко времени воздействия огня. Очевидно, что более объективные сведения можно получить изучая смесь, изъятую из культурных слоев, а также из хозяйственных ям, куда сбрасывался мусор на протяжении определенного периода.

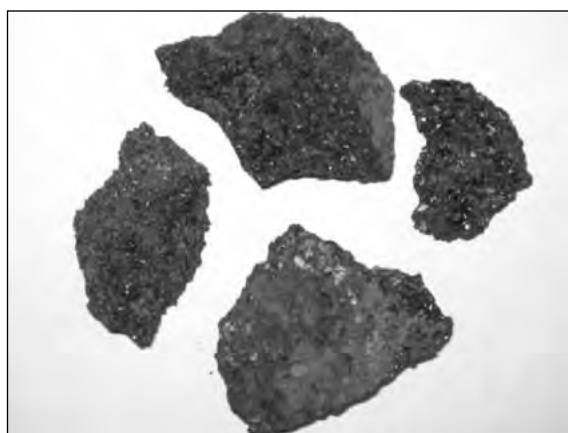

Рис. 4. Спекшиеся в комки семена льна (*Linum usitatissimum*).

Обугленные зерновки и семена, как правило, бывают в рассыпчатом виде. Однако иногда они спекаются в комки. Чаще всего такие комки образуют обугленные зерновки проса, реже – льна (рис. 4). Известна также единичная находка комка запеченных в одну массу зерновок ячменя пленчатого из древнерусского поселения Григоровка на Среднем Днепре.

Следует отметить, что плоды, орехи, скорлупа, косточки, в отличие от зерновок и семян, встречаются в обугленном состоянии гораздо реже.

Еще реже возможность перейти в ископаемое состояние имеют листья, стебли, корни растений. Результаты исследований собраны в палеоэтноботанической базе данных (ПЕБ) [Пашкевич, Дробышев, 1989; Дробышев, Пашкевич, 1991].

Глава 3. Анализ археоботанических находок

Интенсивные исследования ископаемых культурных растений Северного Причерноморья начались в конце XX ст. Проводились они преимущественно в Ольвии и Херсонесе и лишь в небольшом объеме на памятниках Боспора [Николаенко, Янушевич, 1981; Янушевич, 1986, 56 – 60; Пашкевич, 1985, 1990, 1991, 2004; Pashkevich, 2001].

Находки обугленного материала из раскопок Боспора начали поступать на анализ в Институт археологии НАНУ с конца XX века. Это были материалы из раскопок, проводимых Боспорской экспедицией Института истории материальной культуры РАН под руководством Ю.А. Виноградова и Е.Я. Рогова на Таманском п-ве поселений Артющенко 1 (Бугазское) и Артющенко 2, а также из раскопок Мирмекия на Керченском полуострове. К сожалению, обугленные зерновки отбирались при раскопках визуально, без применения промывки. Материал датируется преимущественно последней четвертью VI – первой четвертью V вв. до н.э. Несомненно, он представляет большой интерес для выявления состава культурных растений на начальном этапе греческой колонизации этого района.

Некоторые материалы отбирались во время полевых работ без участия специалиста – палеоэтноботаника. К их числу относятся сборы из раскопок Е.А. Молева боспорского города Китея. Материал из заполнения ям на поселении Покровка 1 из окрестностей полиса Феодосии получен А.В. Гавриловым в результате промывки и передан для определения в Институт археологии НАНУ.

В дальнейшем у меня появилась возможность принимать участие в полевых работах при раскопках боспорских городов Тиритака, Нимфей и проводить промывку и сбор материала.

3.1. Поселение Артющенко 1 (Бугазское)

Раскопки 1999 г. пос. Артющенко 1 выявили в хозяйственной яме № 10 (VI в. до н.э.) обугленные зерновки в смеси с угольками, обломками костей и мелких комочков, не поддающихся определению. Целые зерновки составили 20 мл. Это зерновки пшеницы однозернянки (*Triticum monosocum*) – (12), пшеницы двузернянки – (2), пшеницы голозерной мягкой – (380), ячменя пленчатого – (110), ржи посевной – (6), проса обыкновенного – 6 шт. и семена чечевицы – 2 шт., вики эрвильи – (2), вики посевной – (24).

При раскопках в 2005 – 2008 гг. подобный состав выявлен в ямах №№ 56, 57, 58 и помещении XII, которые датируются концом VI – первой третью V в. до н.э.

Образец из ямы 56 объемом 11 мл состоял из обугленных зерновок и различных

примесей в виде мелких обломков зерновок, не поддающихся определению, угольков, комочков земли. Целые зерновки и семена составляли только 3 мл. Их состав следующий: пшеница пленчатая двузернянка – (9), пшеница голозерная мягкая – (61), ячмень пленчатый – (70), ячмень голозерный – (8), вика ервлиия – (14), вика посевная – (5), чечевица – (1), виноград культурный – (1).

В образце из ямы 57, объемом 4 мл, зерновки с трудом поддаются определению. Они сильно обгорели, разрушились, превратились в небольшие бесформенные комочки. Среди них все же удалось определить следующий состав: пшеница пленчатая двузернянка – (7), пшеница голозерная – (85), ячмень пленчатый – (93), ячмень голозерный – (6), просо посевное – (1), вика эрвлиия – (4).

Зерновки имеют следующие размеры (в среднем по 10 измерениям): пшеница двузернянка: 6.0 x 2.4 x 2.0 мм; пшеница мягкая: 4.2 x 3.0 x 2.4 мм; ячмень пленчатый: 6.4 x 3.2 x 2.4 мм; ячмень голозерный: 5.2 x 4.0 x 3.2 мм; вика эрвлиии: d = 3.4 мм; вика посевная: d = 3.0 мм.

Образец из ямы 58 раскопа 2. Объем образца – 18 мл. Он состоял из угольков (редко), комочков земли и обугленных зерновок и семян. После удаления комочков земли и угольков осталось 16 мл зерновок. Зерновки значительно разрушены, несут следы обгорания, многие имеют выгоревшие полости. Состав зерновок и семян следующий: пшеница двузернянка – (6), пшеница голозерная – (138), ячмень пленчатый – (402), ячмень голозерный – (13), просо посевное – (1), горох посевной – (1), вика ервлиия – (6), вика посевная – (9), виноград культурный – (1).

Помещение XII (полуземлянка). Образец состоит из смеси угольков, комочков земли и обугленных зерновок и семян. Некоторые комочки земли похожи по форме на зерновки. После промывки они растворились, превратившись в мелкую пыль. Состав зерновок следующий: пшеница пленчатая однозернянка – (2), пшеница голозерная – (3), вика эрвлиия – (1); вика посевная – (3).

По одному семени винограда найдено в ямах № 56 и 58. Семена обладают морфологическими особенностями, характерными для винограда культурного (*Vitis vinifera*). Вероятнее всего, семена попали в яму из привезенного из метрополии вина или изюма.

Часть материалов из поселения Артющенко 1 датирована II – IV вв. н.э. В их числе обугленные зерновки и семена, обнаруженные в слое II – III вв. н.э. в помещении XI: «Зерна происходят из скопления золы, но есть сомнения, что они относятся к перекопу нового времени» (по описанию Ю.А. Виноградова). Образец состоял из небольшого количества обугленных зерновок следующего состава: пшеница голозерная: – (7), ячмень пленчатый – (2), рожь посевная – (2), семена бузины черной (*Sambucus nigra*) – (7) и зерновка сорняка костра полевого – (1).

Образец из скопления золы в помещении XIV датируется IV в. н.э.

Определения выявили следующий состав: пшеница однозернянка – (6), пшеница двузернянка – (2), пшеница голозерная – (179), ячмень пленчатый – (4), ячмень

голозерный – (8) и семена бобовых растений: вика эрвилия – (2), горох посевной – (5).

Несмотря на то, что количество найденных зерновок небольшое, в их составе, как и в материалах, имеющих дату VI – V вв. до н.э., по-прежнему преобладают зерновки двух зерновых культур – голозерной пшеницы и ячменя пленчатого.

3.2. Поселение Артющенко 2 (IV – III вв. до н.э.).

В ямах №№ 5 и 6 преобладают зерновки двух злаков – пшеницы голозерной и ячменя пленчатого. Остальные немногочисленные зерновки, составляющие небольшую примесь, принадлежат пшенице двузернянке, ячменю голозерному, овсу посевному, просу обыкновенному и семенам бобовых растений: вике посевной, вике эрвилии, чечевице (рис. 5, 6).

Образец из ямы № 5, раскоп 1, объемом 10 мл состоял из смеси обугленных зерновок и семян с небольшой примесью земли. В нем определены зерновки и семена культурных растений следующего состава: пшеница мягкая – (196), пшеница двузернянка – (3), ячмень пленчатый – (125), ячмень голозерный – (1), просо – (2), овес посевной – (1), чечевица – (6), вика посевная – (3), вика эрвилия – (11). Здесь же определены семена и зерновки сорняков: из семейства капустных (*Brassicaceae*) – (1), коостер полевой – (2), марь белая (*Chenopodium album*) – (1).

Из ямы 6 раскопа 1 на анализ был отобран образец объемом 5,5 мл. Он состоял из смеси обугленных зерновок и семян с небольшой примесью земли. Состав их следующий: пшеница мягкая – (28), ячмень пленчатый – (29), рожь посевная – (5), чечевица – (1), вика посевная – (1), вика эрвилия – (10).

Состав находок из ямы 4 раскопа 1 иной. Здесь было 94 семени бобового расте-

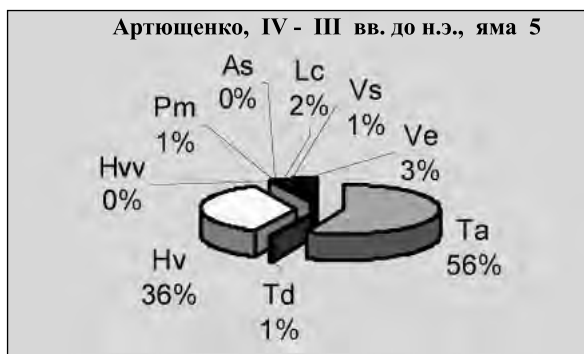

Рис. 5. Циклограмма состава культурных растений из находок на поселении Артющенко 2, яма 5.

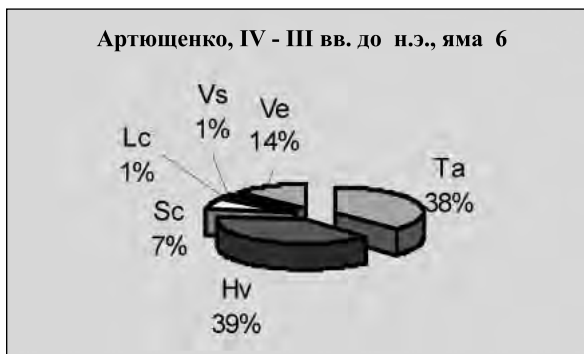

Рис. 6. Циклограмма состава культурных растений из находок на поселении Артющенко 2, яма 6.*

* Условные обозначения на циклограммах:

Hv – *Hordeum vulgare*; Hvv – *Hordeum vulgare var. coeleste*; Ta s.l. – *Triticum aestivum* s.l.; Td – *Triticum dicoccon*; Tm – *Triticum monococcon*; Ts – *Triticum spelta*; Pm – *Panicum miliaceum*; Ps – *Pisum sativum*; Sc – *Secale cereale*; Ve – *Vicia ervilia*; Lc – *Lens culinaris*.

ния. Установлено, что в соответствии с морфологическими особенностями они принадлежат вике посевной (*Vicia sativa* L.), которая еще имеет название «горошек посевной». Среди семян вика посевной найдены 2 зерновки пшеницы однозернянки, 3 зерновки пшеницы мягкой и 2 зерновки ячменя пленчатого.

Таким образом, в исследованном материале из поселений Артющенко 1 и Артющенко 2 преобладают зерновки двух злаков – пшеницы голозерной и ячменя пленчатого. Зерновки других зерновых культур найдены в небольшом количестве. Это – зерновки пленчатых пшениц однозернянки и двузернянки, ячменя голозерного (*Hordeum vulgare var. coeleste*), проса, ржи. Выявлены также семена бобовых культур – вика эрвильи, вика посевной, гороха, чечевицы. Этот состав прослеживается во всех образцах, т.е. в большом интервале – от VI в. до н. э. до II в. н.э.

3.3. Городище Мирмекий

Городище Мирмекий находится на северной оконечности Керченской бухты. Заселение его началось во второй четверти VI в. до н.э. Первые примитивные жилые постройки типа полуземлянок были засыпаны в начале V в. до н.э. На их месте построены жилые строения из сырцовых кирпичей на каменных цоколях, с внутренними дворами, вымощенными каменными плитами [Виноградов, 1992, с. 101; 1995, с. 157].

О находках в Мирмекии до изучения палеоэтноботанических материалов в Институте археологии НАН Украины было несколько сообщений. В яме 59 в слое V века до н.э. найдены зерновки мягкой пшеницы и ячменя (видовые названия не приведены) [Фляксбергер, 1940, с. 118]. В 1990 году новые находки из этой же ямы были определены А.Н. Щегловым. Согласно его определениям, здесь были преимущественно зерновки пшеницы голозерной (карликово-мягкой) – (30) и ячменя пленчатого – (19). Небольшую примесь составляли зерновки пленчатой пшеницы двузернянки – (2), проса – (1), семена чечевицы – (1) и винограда – (1).

В конце XX в. палеоэтноботанические материалы, датируемые концом VI – первой третью V вв. до н.э., были обнаружены во время раскопок мирмекийским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН под руководством Ю.А. Виноградова, а позднее мирмекийской экспедицией Государственного Эрмитажа, возглавляемой А.М. Бутягиным.

Для исследования материал, собранный в заполнениях хозяйственных ям №№ 59, 71 и в скоплении золы около печи помещения XXV (раскопки 1993 – 1994 г.г. под руководством Ю.А. Виноградова), поступил в Институт археологии НАН Украины. Он датируется второй половиной VI в. до н.э.

В яме № 59 (раскопки 1993 года) найдены зерновки пшеницы голозерной – (28) и ячменя пленчатого – (21). Здесь же обнаружены две зерновки пленчатой пшеницы двузернянки и одно семя сорного растения вьюнка полевого. Зерновки пшеницы плохо сохранились, они вздуты, у некоторых на теле есть выгоревшие полости, что свидетельствует о сильном воздействии огня. Зерновки пленчатого ячменя значительно деформированы, частично разрушены, в большинстве лишены чешуй.

Боспорские исследования, вып. XXXII

Более многочисленна находка в яме № 71. Объем образца равен 140 мл после удаления обломков зерновок, не поддающихся определению, угольков, мелких камней, костей и чешуи рыб, объем очищенного зерна составил 108,2 мл. Этот объем образован зерновками голозерной пшеницы – 58% и пленчатого многорядного ячменя – 38%. Зерновки плохой сохранности, на них видны следы сильного воздействия огня. Значительная часть зерновок голозерной пшеницы разрушена, многие имеют выгоревшие полости на теле и выпавшие зародыши. Сохранившиеся зерновки небольшие, округлые, с широким основанием и вершиной, с глубокой бороздкой. Зерновки, не несущие следов деформации, были измерены (табл. 1).

Таблица 1. Результаты измерений зерновок пшеницы голозерной *Triticum aestivum s. l.*

Table 1. Results of measurements of grains of *Triticum aestivum s. l.*

длина L	ширина B	толщина T	индекс L/B	индекс T/B
4.50	3.82	2.4	1.18	0.63
4.82	3.22	2.5	1.50	0.78
4.84	3.00	2.6	1.61	0.87
5.00	3.30	3.12	1.52	0.95
4.42	3.20	2.26	1.38	0.71
5.20	2.84	2.64	1.83	0.93
5.00	3.24	2.3	1.54	0.71
3.42	3.00	2.2	1.14	0.73
4.64	2.26	2.38	2.05	1.05
5.00	2.80	2.46	1.79	0.88
4.52	3.84	2.42	1.18	0.63
4.22	2.64	2.2	1.60	0.83
4.53	3.24	2.46	1.40	0.76
5.00	3.52	2.62	1.42	0.74
4.82	3.84	2.42	1.26	0.63
5.82	2.48	2.62	2.35	1.06
3.82	2.46	2.32	1.55	0.94
5.00	3.32	2.52	1.51	0.76
3.40	2.84	2.38	1.20	0.84
3.20	2.84	2.46	1.13	0.87
5.00	2.82	2.30	1.77	0.82
4.62	2.82	2.50	1.64	0.89
4.22	3.04	2.44	1.39	0.80

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

5.24	3.00	2.64	1.75	0.88
5.00	3.00	2.54	1.67	0.85
4.28	2.26	2.3	1.89	1.02
5.20	3.20	2.42	1.63	0.76
5.00	3.40	2.6	1.47	0.76
4.60	3.24	2.62	1.42	0.81
4.62	3.02	2.68	1.53	0.89
4.24	2.84	2.42	1.49	0.85
4.82	2.66	2.38	1.81	0.89
4.00	2.82	2.4	1.42	0.85
4.84	3.08	2.62	1.57	0.85
4.62	2.82	2.46	1.64	0.87
4.64	3.38	2.52	1.37	0.75
4.62	2.84	2.34	1.63	0.82
4.82	3.24	2.42	1.49	0.75
5.22	2.64	2.48	1.98	0.94
3.84	2.48	2.34	1.55	0.94
4.24	3.42	2.5	1.24	0.73
4.28	3.00	2.46	1.43	0.82
4.08	3.26	2.62	1.25	0.80
4.60	2.84	2.52	1.62	0.89
4.24	3.08	2.42	1.38	0.79
5.24	3.28	2.62	1.60	0.80
4.24	3.26	2.8	1.30	0.86
4.26	2.88	2.42	1.48	0.84
4.82	3.04	2.46	1.59	0.81
4.00	2.86	2.24	1.40	0.78
4.82	3.24	2.42	1.49	0.75
4.64	3.28	2.4	1.41	0.73
4.24	3.62	2.46	1.17	0.68
4.42	3.62	2.28	1.22	0.63
4.24	2.84	2.34	1.49	0.82
3.84	3.00	2.28	1.28	0.76
3.66	3.24	2.28	1.13	0.70
4.00	2.88	2.26	1.39	0.78

4.62	3.60	2.42	1.28	0.67
4.62	2.84	2.42	1.63	0.85
4.84	2.84	2.26	1.70	0.80
5.48	3.46	2.28	1.58	0.66
3.26	2.46	2.26	1.33	0.92
4.24	2.86	2.42	1.48	0.85
4.46	2.82	2.04	1.58	0.72
4.84	2.86	2.26	1.69	0.79
5.04	2.64	2.24	1.91	0.85
4.82	2.64	2.42	1.83	0.92
5.24	2.48	2.42	2.11	0.98
4.42	2.86	2.24	1.55	0.78

Average

Статистические характеристики	Параметры				
	L	B	T	L/B	T/B
среднее	4.55	3.02	2.43	1.52	0.81
максимальное	5.82	3.84	3.12	2.35	1.06
минимальное	3.20	2.26	2.04	1.13	0.63
ср. кв. отклон.	0.52	0.36	0.16	0.24	0.10

Второе место по количеству зерновок в образце из ямы 71 принадлежит пленчатому ячменю. Его зерновки также значительно разрушены. Форма большинства зерновок удлинненно-овальная с расширяющейся кверху бороздкой. Некоторые из них более узкие, слегка изогнутые, асимметричные. Они принадлежат боковым зерновкам в колоске. Эти особенности зерновок свидетельствуют о том, что в яме находились зерновки многорядного пленчатого ячменя. Хорошо сохранившиеся зерновки измерены. Их размеры представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты измерений зерновок ячменя пленчатого *Hordeum vulgare*
Table 2. Results of measurements of grains of *Hordeum vulgare*

длина L	ширина B	толщина T	индекс L/B	индекс T/B
5.20	2.82	2.00	1.84	0.71
5.82	3.84	2.00	1.52	0.52
7.20	3.24	2.02	2.22	0.62
5.00	2.82	2.20	1.77	0.78
6.20	3.40	2.40	1.82	0.71

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

6.20	3.20	2.20	1.94	0.69
5.60	2.80	2.00	2.00	0.71
6.60	3.20	2.00	2.06	0.63
5.20	3.40	2.00	1.53	0.59
6.20	3.40	2.00	1.82	0.59
5.40	2.80	1.80	1.93	0.64
5.20	3.20	2.00	1.63	0.63
6.40	2.20	2.00	2.91	0.91
6.20	2.80	1.80	2.21	0.64
6.20	2.64	2.20	2.35	0.83
4.24	2.62	2.04	1.62	0.78
6.82	2.62	2.20	2.60	0.84
5.46	2.28	2.04	2.39	0.89
6.26	2.28	2.04	2.75	0.89
5.46	2.24	2.02	2.44	0.90
5.26	3.24	1.86	1.62	0.57
6.24	2.86	2.02	2.18	0.71
5.20	2.82	2.06	1.84	0.73
6.24	3.04	1.88	2.05	0.62
5.44	3.06	2.08	1.78	0.68
6.26	2.84	2.04	2.20	0.72
6.24	3.28	2.02	1.90	0.62
4.84	3.84	2.02	1.26	0.53
6.02	3.04	2.04	1.98	0.67
5.42	2.44	1.88	2.22	0.77
5.04	3.20	2.20	1.58	0.69
5.82	2.62	1.82	2.22	0.69
6.20	3.24	2.02	1.91	0.62
5.64	3.00	2.20	1.88	0.73
5.02	3.60	2.20	1.39	0.61
5.40	3.40	2.20	1.59	0.65
5.82	3.80	2.00	1.53	0.53
5.62	3.64	2.02	1.54	0.55
6.20	3.40	2.04	1.82	0.60
6.02	3.22	2.00	1.87	0.62

5.82	3.64	2.06	1.60	0.57
5.82	3.26	2.20	1.79	0.67
5.64	3.28	2.00	1.72	0.61
6.26	3.02	2.40	2.07	0.79
5.04	2.84	2.20	1.77	0.77
6.68	4.62	2.40	1.45	0.52
5.04	2.84	2.06	1.77	0.73
5.28	2.80	2.20	1.89	0.79
5.42	3.04	2.06	1.78	0.68
8.20	2.42	2.04	3.39	0.84
6.82	3.02	2.04	2.26	0.68
7.00	3.06	2.02	2.29	0.66
6.20	2.84	2.02	2.18	0.71
6.64	3.02	2.04	2.20	0.68
5.68	3.02	2.04	1.88	0.68
7.82	3.24	2.00	2.41	0.62
7.82	2.84	2.02	2.75	0.71
6.82	3.24	2.20	2.10	0.68

Average	длина L	ширина B	толщина T	индекс L/B	индекс T/B
среднее	5.94	3.06	2.06	1.98	0.69
максимальное	8.20	4.62	2.40	3.39	0.91
минимальное	4.24	2.20	1.80	1.26	0.52
ср.кв.отклон.	0.77	0.44	0.13	0.40	0.10

Небольшую примесь в находке (2 %) составляют зерновки двух пленчатых пшениц – двузернянки и спельты.

Обнаружено несколько зерновок ячменя голозерного. В массе обугленного зерна выявлено также две зерновки ржи. Зерновки небольшие, имеют заостренное основание и тупую вершину. Размеры их – 4,8 x 1,8 мм. С сомнением их можно отнести ко ржи посевной (*Secale cereale*). Вероятнее всего, что это были зерновки ржи, засорявшей посевы пшеницы и ячменя. Зерновки проса посевного здесь также малочисленны. Обнаружено лишь три зерновки. Бобовые растения представлены семенами вики эрвильи – (65), гороха – (2) и чечевицы – (1). Семена вики эрвильи округло-треугольной формы со средним значением диаметра (по 20 измерениям) = 3.34 мм при макс. = 4.2, мин. = 2.6.

В образце из печи помещения XXV (первая треть V в. до н.э., раскопки 1994 года) выдержано такое же соотношение состава зерновок, что и в предыдущей находке, т.е. ячмень пленчатый и пшеница голозерная находились почти в равных количествах – 60 и 59 зерновок соответственно и преобладали в образце. Пшеница двузернянка представлена только одной зерновкой. Кроме зерновок зерновых, здесь выявлены семена бобовых растений: вики эрвильи – (17) и чечевицы – (1). Как и в предыдущем образце, зерновки сильно деформированы, частично разрушены. Семена бобовых растений, наоборот, хорошей сохранности. Семена вики эрвильи имеют типичную округло-треугольную форму и соответственно значениям диаметра семени: d 3,34 мм при макс. 3,8 мм, мин. 2,8 мм (по 15 измерениям) относятся к представителям мелко-семянных растений.

Найдено также несколько зерновок и семян сорных растений. Это зерновки ко-стра полевого (4) и по одному семени подмаренника цепкого и шавеля, не определенного до вида. Эти растения являются типичными засорителями посевов. Здесь же обнаружен рожок спорыньи (*Claviceps purpurea*) – свидетель грибкового заболевания зерновых культур.

Семя винограда, обнаруженное в яме 71, слегка обломано в верхней части, имеет грушевидно-удлиненную форму и хорошо сохранившийся клювик. Длина семени 5,2 мм при ширине 3,2 мм, длина клювика – 1 мм. По морфологическим особенностям семя вполне можно отнести к винограду культурному.

Хорошо сохранились обломки скорлупы грецкого ореха, одна костянка диаметром 6,0 мм, вероятнее всего, вишни кустарниковой (*Prunus fruticosa*) и половинка косточки сливы (*Prunus sp.*) длиной 10,5 мм и шириной в самой широкой части – 6,2 мм.

В 2008 – 2009 годах образцы для палеозтнботанических исследований отбирались во время раскопок Мирмекийской экспедицией под руководством А.М. Бутягина.

Образец из раскопа ТС-55. Золистый архаический слой ниже уровня печей, на скале. Дата: около середины VI в. до н.э.

Объем образца – 10 мл. В составе образца – небольшие комочки земли, чешуя рыб, ракушки и небольшое количество обугленных зерновок и семян следующего состава: культурные растения – пшеница двузернянка – (1), пшеница однозернянка – (1), пшеница голозерная – (11), ячмень пленчатый – (2), просо посевное – (2), вика эрвильи – (1), вика посевная – (1), виноград культурный – (1). Здесь же насчитано 50 мелких обломков зерновок, не поддающихся определению.

Обнаружены семена следующих сорняков: горец вьюнковый – 1 семя; ежовник обыкновенный – 1 зерновка.

Кроме зерновок, в образце были колосковые чешуи пшеницы двузернянки – (1), пшеницы спельты – (1), «вилочка» пшеницы однозернянки.

Образец из раскопа ТС – 22, яма № 15/2003 (римский период: 2-я пол. I в. – 1-я пол. II в. н.э.). После промывки осталось 25 мл. смеси из комочков глины, угольков, чешуи и мелких позвонков рыб, ракушек. Среди этой смеси выявлены обуглен-

ные зерновки пшеницы голозерной – (3), проса посевного – (3), семя чечевицы – (1) и светло-желтые обломки косточек винограда. Всего насчитано 90 обломков. Определить точно, какому количеству целых косточек принадлежат эти обломки, невозможно. Иногда это часть стенки, иногда нижняя часть косточки с «носиком». Только в двух случаях сохранились целые косточки. Одна из них обуглена, вторая – нет. Размеры целых косточек: 8 x 6 мм, носик = 2 мм. По морфологическим признакам – это косточки винограда культурного. Вероятно, обломки косточек образовались в процессе приготовления вина на давящем прессе (рис. 7).

Рис. 7. Обломки косточек винограда (*Vitis vinifera*). Городище Мирмекий.

Образец из горелого слоя ТС – 28, сектор 4, 3-й штык, отобранный около открытых архаических печей. Датировка – рубеж VI–V вв. до н.э., скорее всего 3-я четверть VI в. до н.э. Образец объемом 20 мл состоял из черной пылеватой массы с угольками, костями рыб и обугленными зерновками следующего состава: пшеница двузернянка – (2), пшеница однозернянка – (1), пшеница голозерная – (10), ячмень пленчатый – (7), ячмень голозерный – (1), просо посевное – (2), вика эрвлия – (1), вика посевная – (1), чечевица – (1). Есть здесь и мелкие части зерновок, не поддающиеся определению, – 27 шт. Из сорных растений найдено только 1 семя щавеля воробьиного (*Rumex acetosella*).

Образец Т-26, архаическая яма ТС-11/10 - ТС 11/10. Последняя четверть VI в. до н.э. Объем образца – 30 мл. Он состоит из угольков, шлаков, обугленных зерновок и семян следующего состава: пшеница двузернянка – (3), пшеница голозерная – (28), ячмень пленчатый – (22), ячмень голозерный – (9), просо посевное – (11), вика эрвлия – (2), вика посевная – (1), чечевица – (1), горох посевной – (1). Мелкие части зерновок, не поддающиеся определению, – 42 шт. Найдены также „вилочка” пшеницы однозернянки и междоузлие соломины ячменя пленчатого.

Сорные растения представлены следующими семенами и зерновками: щавель воробьиный – (3); овсяница Беккера – (*Festuca Beckeri*) (1), синяк обыкновенный – (*Echium vulgare*) (5), песчанка тимьянолистная (*Arenaria serpyllifolia*) – (1), марь белая – (2), костер полевой – (1), подмаренник цепкий – (1), ежовник обыкновенный – (6), неопределенные семена из сем. Brassicaceae (4).

Образец И-40 из зольника № 2 III – II вв. до н.э. В образце объемом 50 мл среди угольков, обкатанных комочков земли, чешуи рыб, камки х/ выявлены обугленные, значительно разрушенные, сильно обгоревшие зерновки и семена следующего состава: пшеница двузернянка – (8), пшеница голозерная – (130), ячмень пленчатый – (7),

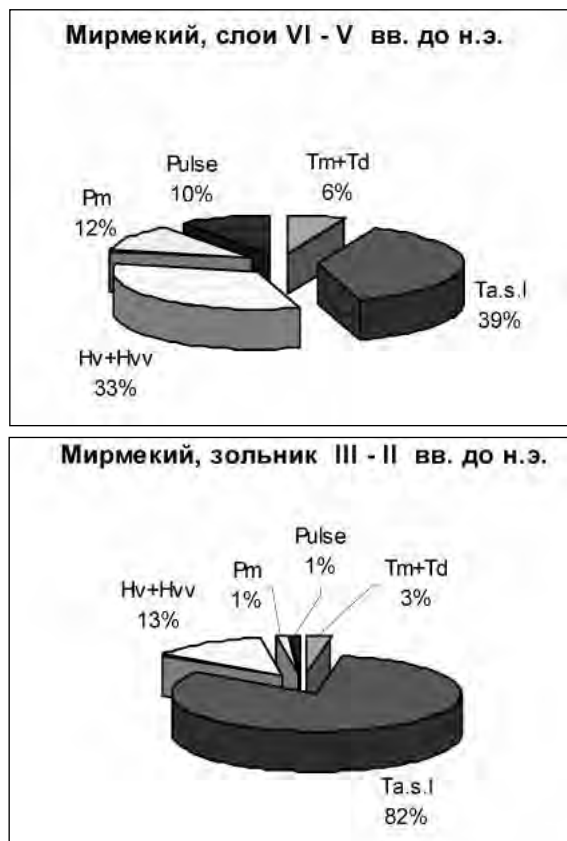

Рис. 8. Циклограммы состава культурных растений из находок на городище Мирмекий.

ячмень голозерный – (12), просо посевное – (1), вика эрвилья – (1), вика посевная – (1), чечевица – (2), виноград культурный – (1). Насчитано также 48 мелких частей зерновок, не поддающихся определению.

Сорные растения представлены следующими семенами и зерновками: щавель воробьиный – (1), горец вьюнковый – (1), тимopheевка луговая (*Phleum pratense*) – (1), овсяница Беккера – (2), дрема ночная (*Melandrium noctiflorum*) (3), чистец забытый (*Stachys annua*) – (2), синяк обыкновенный – (1), песчанка тимьянолистная – (1), неопределенные семена из сем. Brassicaceae – (2).

Обнаружено здесь также 3 междоузлия соломины голозерного шестирядного ячменя.

x/ Камка (Zostera marina L.) – растение, которое имеет еще название взморник морской, морская трава. Встречается на мелководьях у берегов Черного и Азовского морей, на Сиваше. Используется (и использовалась) как набивочный и упаковочный

материал. Содержит йод и соду.

Образец И-72 отобран в том же зольнике. Объем образца – 60 мл. III– II вв. до н.э. В образце содержалось много чешуи рыб, соломин, ракушек, обугленных зерновок и семян следующего состава: пшеница однозернянка – (1), пшеница голозерная – (142), ячмень пленчатый – (18), ячмень голозерный – (7), просо посевное – (3), виноград культурный – (1) и мелкие части зерновок, не поддающиеся определению – (18), междоузлия ячменя пленчатого – (3).

Сорные растения: коoster полевой – (3), марь белая – (1), тимopheевка луговая – (4), синяк обыкновенный – (6), подмаренник цепкий – (3), лопух (репейник) (*Arctium lappa*) – (2).

Таким образом, в материалах из Мирмекия как слоев VI – V вв. до н.э., так и слоев III–II вв. до н.э. преобладают зерновки двух зерновых культур – пшеницы голозерной и ячменя пленчатого. Дополняют их зерновки и семена пленчатых пшениц, ячменя голозерного, проса посевного и бобовых растений – гороха, вики эрвильи, вики посевной, чечевицы (рис. 8).

3.4. Городище Тиритака

На городище благодаря раскопам Боспорской охранно-археологической экспедиции Крымского филиала Института востоковедения НАНУ под руководством В.Н. Зинько были открыты постройки и археологические слои ранних этапов жизни (второй трети VI – первой трети V вв. до н.э.) боспорского города. Сведения о начальных этапах становления земледельческого хозяйства в греческих поселениях на северных берегах Черного моря пока еще малочисленны и носят спорадический характер. Поэтому каждая новая находка представляет большой интерес. К таким находкам можно отнести материалы из раскопок в центральной части верхнего плато Тиритаки в 2007–2009 гг. [Зинько, 2007, с. 57–59].

В 2008 г. пробы для палеоэтноботанического анализа были взяты в центральной части города (раскоп XXVI), где вскрыты остатки не менее пяти больших сырцово-каменных домов, состоящих из нескольких помещений и внутреннего двора (конец VI – начало V вв. до н.э.).

Особо информативными оказались образцы, полученные в 2009 г. в результате промывок, проведенных в ходе экспедиционных работ. Проанализированы материалы, полученные при промывках образцов из заполнения тамбура, верхнего, среднего уровней и со дна землянки № 2 (рубеж второй–третьей трети VI в. до н.э.). В них выявлен довольно однородный состав обугленных зерновок и семян. Основную массу во всех образцах составляют зерновки двух зерновых культур – пшеницы голозерной и ячменя пленчатого с преобладанием зерновок ячменя на дне, зерновок голозерных пшениц – в образцах из верхнего уровня. Количество зерновок других культурных растений очень незначительно. Это лишь единичные зерновки пленчатых пшениц однозернянки и двузернянки, ячменя голозерного, проса и семян бобовых растений – вики эрвили и чечевицы. Обнаружено несколько семян винограда культурного и сорных растений – щавеля воробьиного и мари белой (рис. 9).

Образец № 1. Р-XXVI, помещение 1 СК - XXXIII. Здесь были отобраны пробы из уровня пола и из открытого очага № 50. В образце, отобранном с уровня пола, объем содержимого составил 5 мл. Основное содержимое – 240 обугленных семян вики эрвили. Здесь же было одно семя гороха посевного и пять семян чечевицы, 5 зерновок пшеницы голозерной и 17 зерновок ячменя пленчатого. Семена вики имеют округло-треугольную форму и средние размеры (по 35 измерениям) диаметра 3,55 мм.

В образце, отобранном из очага, содержалось 165 мл смеси из целых зерновок и их мелких обломков. Для анализа отобрана средняя проба в 10 мл. После удаления мусора объем зерновок составил 6 мл. Выявлен следующий состав: пшеница двузернянка – (3), пшеница однозернянка – (188), пшеница голозерная – (52), ячмень голозерный – (1), просо посевное – (1). Обнаружена также одна зерновка сорного растения костра полевого.

Таким образом, основу находки в помещении 1 составляют зерновки пшеницы однозернянки с примесью (около 30%) зерновок пшеницы голозерной и семена вики эрвили.

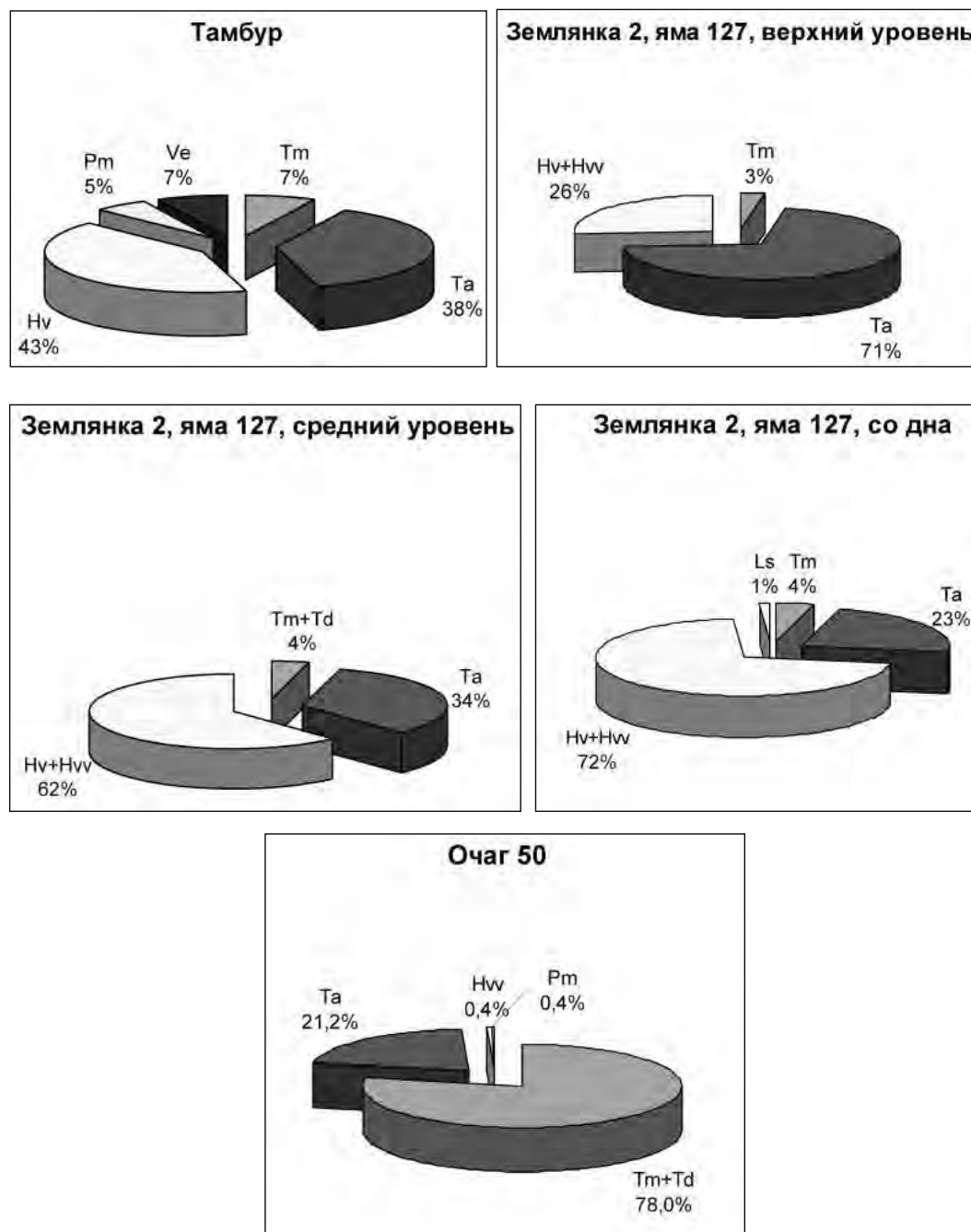

Рис. 9. Циклограммы состава культурных растений из находок на городище Тиритака.

Зерновки пленчатой пшеницы однозернянки можно отнести к мелкосемянным. Средние показатели размеров (по 20 измерениям) такие: длина (L) – 4,8 мм; ширина (B) – 2,2 мм; толщина (T) – 2,93 мм. Зерновки сильно повреждены, очевидно, огнем при пожаре. Тело зерновок вздуто, у некоторых выгорели полости. Хорошо сохранившиеся зерновки имеют типичные морфологические признаки культурной однозернянки: в боковой проекции спинная сторона горбатая, брюшная выпуклая; толщина зерновки больше, чем ширина; зерновки слегка асимметричны, имеют заостренные концы, узкую бороздку. Среди зерновок было значительное количество растительных остатков, в том числе так называемых «вилочек», т.е. оснований колосков. Наличие этих частей растения в находке является свидетельством того, что зерно хранилось в необрушенном состоянии, т.е. в колосках. Такой способ хранения пленчатых пшениц является обычным. Эти пшеницы убирают, обламывая колосья, стебли оставляют в земле. Хранят собранные колосья в зерновых ямах или амбарах, обрушивая их по мере необходимости перед приготовлением пищи. Необрушенными могут сохраняться также колоски для будущего посева или кормления скота. Высевают пленчатые пшеницы именно колосками, а не зерновками.

Находка в слоях пожара помещения 1 СК-XXXIII значительного количества зерновок пленчатой пшеницы однозернянки может быть объяснима налаживанием активных контактов греков с ближайшим местным населением. Это могли быть или скифы, или синдо-меотские племенные образования, или кизил-кобинцы [Зинько, Пашкевич, 2010, с. 74].

Подобного состава материал, относящийся к кизил-кобинской культуре, известен из пос. Штурмовое в юго-западной части Крыма. На поселении Черная речка (VII – V ст. до н.э.) найдено более двух тысяч обугленных зерновок. Основная масса находки – 99 %, или 1980 зерновок. Это – зерновки пшеницы однозернянки и только 12 зерновок в этой массе принадлежит пшенице двузернянке, 10 – пленчатому ячменю [Янушевич, Кузьминова, Савеля, 1988, с. 14 – 16].

Значительные находки зерновок пленчатых пшениц известны также в материалах средневекового Херсонеса. В образцах из ряда помещений X – XIII вв. обнаружены десятки и сотни зерновок пленчатых пшениц, что значительно превосходит количество зерновок голозерных пшениц. Помимо зерновок, здесь же обнаружены остатки от обмолота пленчатых пшениц: фрагменты колосьев, «вилочки» и колосковые и цветочные пленки. Видимо, собранный урожай был доставлен в колосках и в таком же необрушенном состоянии хранился.

Увеличение роли пленчатых пшениц в период X – XIII вв. среди тех растений, которые были в диете жителей Херсонеса, исследователи связывают с трудным периодом в жизни города в последние столетия его существования. Это – неоднократные нападения врагов и, как следствие, изменение в направлении торговых путей. В тяжелое для жителей города время возрастает роль ремесла. Потерю доходов от торговли херсонесцы возмещают за счет продажи своих ремесленных изделий в горные районы [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2001, с. 407]. Оттуда в город могло поступать

зерно, состав которого был иным, чем на хоре греческих городов. В горных районах выращивались привычные для этих мест пленчатые пшеницы. Известно, что эти растения менее требовательны к почвенным и климатическим условиям и, следовательно, являются «надежными» злаками для выращивания в горной местности.

Пшеница однозернянка – малоурожайная культура, но отличается большой засухоустойчивостью и выносливостью, нетребовательностью к почвам. Возможно, благодаря этим свойствам однозернянка вместе с другой пленчатой пшеницей – двузернянкой могла длительное время, даже в XX ст., вытеснять в Крыму в неурожайные годы основную культуру – голозерную пшеницу [Дроздов, 1922-1923]. В XVIII ст. находили пшеницу двузернянку на Керченском п-ве в районе Феодосии, выращивали ее в Перекопском уезде, в 20-х годах XX ст. – в татарских селах Байдарской долины и около Бахчисарая под названием «каплибагдай». Росла она как в чистых посевах, так и в смеси с однозернянкой.

В наше время пшеница однозернянка – реликтовое растение и встречается спорадически в западной части Турции, выращивают ее также в горных районах Швейцарии, Германии, Испании, Албании, на Кавказе. Эта пшеница – одно из первых одомашненных растений со времени неолита на Ближнем Востоке и основной компонент в раннем земледелии Европы. В эпоху бронзы значение однозернянки постепенно падает и она уступает место голозерным пшеницам. Замена голозерными пшеницами пленчатых на Ближнем Востоке и в Средиземноморье произошла довольно рано и уже в поздней бронзе эти пшеницы имели преимущество перед пленчатыми [Zohary & Hopf, 2000, с. 50]. Однако в землях греческой метрополии пленчатые пшеницы еще долго оставались основными в ассортименте [Sarpaki, 1992, р. 64 – 66; 1995, р. 300].

Зерновки голозерной пшеницы в находках из Тиритаки имеют небольшие размеры, округлую форму с закругленными боками, широкие вершину и основание, глубокую брюшную бороздку. Средние размеры их (по 10 измерениям) – 4,14 x 2,92 мм.

Существует мнение, что голозерные пшеницы, найденные в греческих памятниках Северного Причерноморья, это и есть «наиболее легковесная понтийская пшеница», о которой упоминает Феофраст в книге «Исследования о растениях», или «мелкозерная» пшеница, по словам Плиния старшего [Плиний, 1949].

Интересно, что измерения зерновок голозерной пшеницы, проведенные на материалах разновременных памятников греческих колоний Северного Причерноморья, показывают их большое сходство в размерах. Очевидно, что греки на протяжении всего периода греческой колонизации выращивали однотипную популяцию голозерной пшеницы.

Образец № 2 из помещения 1. Он состоял из 7 спеченных в однородную массу комков, образованных семянами льна культурного (*Linum usitatissimum*). Размеры комков: 60 x 40 x 15 мм; 40 x 38 x 8 мм; 52 x 25 x 18 мм; 55 x 34 x 8 мм; 55 x 40 x 15 мм; 37 x 35 x 10 мм; 30 x 20 x 10 мм. Средние размеры семян льна (по 20 измерениям) – 3,7 x 2,0 мм. Из плотно спеченной массы выделить отдельные семена сложно, так как они очень хрупкие, легко рассыпаются при прикосновении. Комки однородные,

они состоят из семян льна, лишь только в одном из них найдена зерновка ячменя пленчатого.

Во время работы экспедиции в 2009 г. были отобраны и промыты пробы объемом около 10 л каждая (1 ведро) из заполнений ям №№ 127, 145, 146, 147 и из слоя пожара помещения № 1 раскопа XXVI (конец VI – начало V вв. до н.э.).

Яма № 127, верхний уровень. Объем пробы после промывки – 30 мл. Просмотрен весь образец. Он состоял преимущественно из обугленных зерновок и небольшого количества чешуи рыб. Состав зерновок следующий: пшеница однозернянка – (5), пшеница голозерная – (123), ячмень пленчатый – (38), ячмень голозерный – (7).

Обнаружено также 1 семя винограда культурного, 1 костянка сливы и 3 семени сорного растения щавля воробьиного.

Яма 127, средний уровень. Объем пробы – 60 мл. Просмотрена вся проба. Кроме обугленных зерновок, здесь находились обломки соломин, междоузлия стеблей голозерных пшениц, чешуя и мелкие кости рыб. Состав пробы следующий: пшеница двузернянка – (2), пшеница однозернянка – (2), пшеница голозерная – (33), ячмень пленчатый – (55), ячмень голозерный – (5), семена винограда культурного – (7) и 2 зерновки сорного растения костра полевого.

Яма 127, грунт со дна. Объем пробы – 40 мл. Просмотрена средняя проба объемом 20 мл. Зерновки хрупкие, со следами значительного обгорания, покрытые золистым налетом. Состав зерновок и семян следующий: пшеница однозернянка – (10), пшеница голозерная – (57), ячмень пленчатый – (165), ячмень голозерный – (9), чечевица – (3), виноград культурный – (5).

Яма 127. Верхнее заполнение тамбура. Объем пробы после промывки – 20 мл. Просмотрен весь образец. Выявлен следующий состав зерновок и семян: пшеница однозернянка – (4), пшеница голозерная – (21), ячмень пленчатый – (23), просо посевное – (3), вика эрвилья – (4), щавель воробьиный – (1), марь белая – (6).

Яма 145. Объем полученной пробы – 60 мл. Просмотрено 30 мл. Кроме обугленных зерновок и семян культурных растений, в пробе содержится значительное количество зерновок и семян сорняков и растительных остатков – соломин, „вилочек” пленчатых пшениц, междоузлий от стеблей голозерных пшениц и пленчатого ячменя. Выявлен следующий состав зерновок культурных растений: пшеница однозернянка – (6), пшеница двузернянка – (4), пшеница голозерная – (31), ячмень пленчатый – (69), ячмень голозерный – (9), овес посевной – (1), просо посевное – (2), вика эрвилья – (5), виноград культурный – (11), а также семена и зерновки сорных растений: щавель воробьиный – (6), марь белая – (45), костер полевой – (10), костер ржаной – (1), ежовник обыкновенный – (1), горец вьюнковый – (5), щетинник сизый – (2).

Яма 146. Верхний слой. После промывки объем пробы – 8 мл. Просмотрен весь образец. В пробе выявлен следующий состав: пшеница голозерная – (4), ячмень пленчатый – (4), чечевица – (1), виноград культурный – (1), щавель воробьиный – (1).

Яма 146. Среднее заполнение. После промывки объем пробы – 40 мл. Просмотрен весь образец. В пробе выявлен следующий состав: пшеница однозернянка – (1),

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

пшеница двузернянка – (3), пшеница голозерная – (56), ячмень пленчатый – (2), вика эрвлия – (6), виноград культурный – (2).

Сорные растения: щавель воробьиный – (3), ежовник обыкновенный – (2), горец вьюнковый – (1).

Яма 147. Среднее заполнение. Объем пробы после промывки – 20 мл. Просмотрена вся проба. Помимо зерновок, здесь были мелкие кости и чешуя рыб, шлаки, кости мелких млекопитающих. Состав зерновок: пшеница голозерная – (28), ячмень пленчатый – (3), ячмень голозерный – (5), просо посевное – (1), виноград культурный – (7).

Сорняки: ежовник обыкновенный – (5), щетинник сизый – (3), костер полевой – (2).

Образец из слоя пожара помещения № 1. После промывки объем образца составил 60 мл. Просмотрено 30 мл. Обугленные зерновки находились среди большого количества угольков различного размера, шлаков, соломин, междоузлий, колосковых и цветочных пленок. Здесь же найдены обломки скорлупы ореха грецкого. Состав обнаруженных зерновок и семян следующий: пшеница однозернянка – (21), пшеница двузернянка – (1), пшеница голозерная – (148), ячмень пленчатый – (21), ячмень голозерный – (1), вика эрвлия – (12), горох посевной – (1). Сорные растения: марь белая – (5), ежовник обыкновенный – (1), горец вьюнковый – (1), щетинник сизый – (2), щавель воробьиный – (11).

Результаты исследования заполнений ям №№ 127, 145, 146, 147 и помещения № 1 показывают преобладание зерновок двух зерновых культур – пшеницы голозерной и ячменя пленчатого. В яме 127 отмечается во всех слоях заполнения, за исключением верхнего, явное преимущество зерновок пленчатого ячменя. Такой же состав характерен для ямы № 145. В заполнениях ям №№ 146, 147 и в помещении № 1 доминируют зерновки пшеницы голозерной. Значительно меньше найдено в пробах зерновок других зерновых культур – пленчатых пшениц однозернянки и двузернянки, ячменя голозерного, проса посевного. Иногда они представлены единичными зерновками.

Кроме зерновок зерновых культур, выявлены семена бобовых растений – вики эрвлии и чечевицы. Их количество в данных материалах незначительно, однако находки на греческих поселениях Северного Причерноморья свидетельствуют о том, что бобовые входили в состав выращивавшихся растений. Несколько зерновок и семян сорняков, обнаруженных в пробах, принадлежат растениям, которые являются типичными засорителями посевов зерновых культур.

При промывке образцов всех уровней заполнения землянки (рубеж второй–третьей трети VI в. до н.э.) получен материал, который показывает довольно однородный состав обугленных зерновок и семян. Основную массу составляют зерновки двух зерновых культур – пшеницы голозерной и ячменя пленчатого с преобладанием зерновок ячменя на дне, зерновок голозерных пшениц – в образцах из верхнего уровня. Количество зерновок других культурных растений очень незначительно. Это лишь единичные зерновки пленчатых пшениц однозернянки и

двухзернянки, ячменя голозерного, проса и семян бобовых растений – вики эрвиллии и чечевицы. Также единичны находки семян винограда культурного и сорных растений – щавеля воробьиного и мари белой.

Таким образом, две основные зерновые культуры – голозерные пшеницы и ячмень пленчатый, исходя из палеоэтноботанические данные, преобладали в находках. Возможно, что такое преобладание было и среди выращиваемых растений. Материалы подтверждают полученные в последние 30–40 лет сведения о составе выращивавшихся растений в Северном Причерноморье во время греческой колонизации. Этот состав был характерен для обширной территории распространения греческих архаических поселений второй половины VII – первой трети V вв. до н.э. [Янушевич, 1986, с. 41, 46; Пашкевич, 1995, с. 98 – 99; Pashkevich, 2001, с. 530 – 531, 540; Гаврилов, Пашкевич, 2002, с. 136; Пашкевич, 2006; Кузьмина, Охотников, 1987].

Есть все основания полагать, что этот ассортимент греки привезли с собой как хорошо известный им и использовали его в посевах на северном берегу Черного моря с самого начала освоения ими новых земель. Пленчатые пшеницы – двухзернянка, однозернянка и спельта, вероятно, были асорителями в посевах основных зерновых культур, голозерной пшеницы и пленчатого ячменя.

Неожиданно иным оказался состав зерновок в образцах из слоя пожара помещения I Тиритаки (второй этап, последняя треть VI – первая четверть V вв. до н.э.). Основу находки здесь составляют зерновки пленчатой пшеницы однозернянки с примесью (около 30%) зерновок пшеницы голозерной и семян вики эрвиллии. Несущественной примесью являются зерновки пшеницы двухзернянки, ячменя голозерного, проса. В образце, отобранном на полу, были семена вики эрвиллии (основная масса) и единично – гороха и чечевицы, зерновки пшеницы голозерной и пленчатого ячменя. Появление большого количества обугленных зерновок пшеницы однозернянки можно объяснить, очевидно, налаживанием активных контактов с местным населением. Это могли быть или полукочевники-скифы, оседавшие на земле, или синдо-меотские племенные образования, или кизил-кобинцы. Именно в это время (конец VI – начало V вв. до н.э.) кизил-кобинцы переместились из предгорий Крыма к греческим колониям. Те скромные палеоэтноботанические данные, которые имеются в настоящее время, свидетельствуют о том, что эти племена использовали в посевах иной, чем греки, состав растений.

3.5. Городище Нимфей

Палеоэтноботанические исследования этого памятника начаты не так давно, хотя раскопки здесь проводят много лет. Во время работ совместной украинско-российской археологической Нимфейской экспедиции Гос. Эрмитажа и Института археологии НАН Украины под руководством О.Ю. Соколовой и А.В. Буйских проводился отбор образцов и последующая их промывка. Результаты исследований приведены ниже (рис. 10).

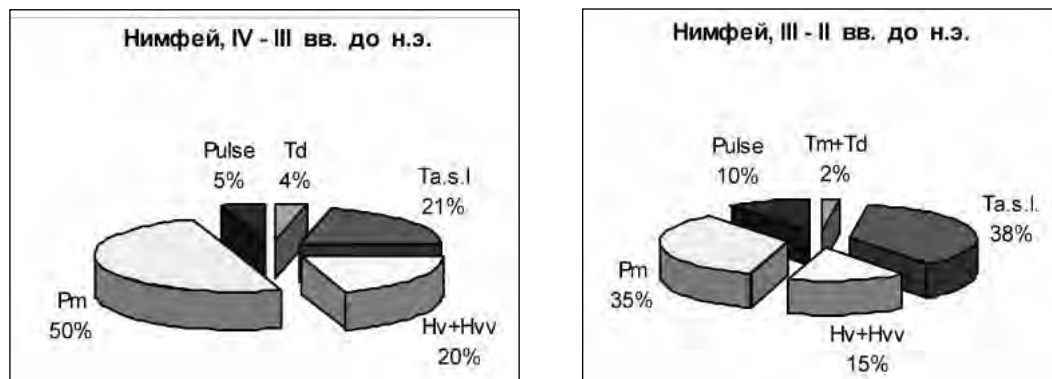

Рис. 10. Циклограмма состава культурных растений из находок на городище Нимфей.

2009 г.

№ 1. Участок М, кв. 4, бровка раскопа между кв. 3 и 4, слой III в. до н.э. После промывки одного ведра заполнения из этого слоя (около 10 кг) на сите остался осадок объемом 250 мл. Он состоит из обугленных растительных остатков, преимущественно зерновок, а также угольков, рыбьей чешуи, комочков глины. Для анализа отобрана средняя проба в 10 мл. Состав находящихся в ней зерновок и семян следующий: зерновые культуры: пшеница двузернянка – (2), пшеница голозерная – (55), ячмень голозерный – (3), ячмень пленчатый – (2), просо посевное – (12) и бобовые: вика эрвилья – (3), вика посевная – (1), чечевица – (15). Прочие растительные остатки: конопля – 5 орешков; обломки скорлупы орешника – 1; обломки скорлупы грецкого ореха – 1; междоузлия стеблей голозерной пшеницы и ячменя пленчатого, небольшие кусочки соломин.

Следов сорных растений немного: подмаренник цепкий – 1 семя; щетинник сизый – 2 зерновки.

№ 2. Участок М, кв. 3, западный борт раскопа, слой III – II вв. до н.э.

После промывки одного ведра заполнения (около 10 кг) оставшийся на сите объем составил 200 мл. Для анализа отобрана средняя проба в 40 мл. Помимо обугленных зерновок, соломин, междоузлий здесь были угольки, комочки земли, рыба чешуя и мелкие кости рыб. Состав обугленных зерновок и семян следующий – зерновые: пшеница однозернянка – (3), пшеница двузернянка – (1), пшеница голозерная – (18), ячмень голозерный – (2), ячмень пленчатый – (14), просо посевное – (1); бобовые: вика эрвилья – (1), вика посевная – (1), бобы – (2). Прочие: виноград культурный – 58 семян, бузина черная – 1 семя. Здесь же находились междоузлия голозерной пшеницы и ячменя пленчатого, небольшие кусочки соломин.

Семена сорняков: подмаренник цепкий – (4), щавель воробьиный – (2), горец вьюнковый – (6), горец шероховатый – (1), костер полевой – (3), марь белая – (5).

№ 3. Участок М, западный раскоп, бровка, сп. 75, материал IV–III вв. до н.э. В не-

большом пакете были только косточки винограда культурного, видимо, собранные в слое вручную, без промывки. Всего было 5 целых косточек и два обломка.

№ 4. Участок М, западный раскоп, кв. 3, штык 1, слой конца IV – III вв. до н.э. После промывки объем образца составил 100 мл. В его составе преимущественно угольки различного размера, небольшое количество чешуи рыб и обугленные зерновки и семена следующего состава (в средней пробе в 20 мл) – зерновые: пшеница двузернянка – (5), пшеница голозерная – (30), ячмень голозерный – (7), ячмень пленчатый – (21), просо посевное – (70), рожь посевная – (1); бобовые: вика эрвлия – (1), горох посевной – (1), чечевица – (5). Прочие растительные остатки: виноград культурный – 1 семя, одна плодоножка от семени винограда, колосковая чешуя пшеницы двузернянки – 2 шт.

Зерновки сорных растений: щетинник сизый – (1), ежовник обыкновенный – (2)

№ 5. Участок М, кв. 3, западный борт раскопа, слой III в. до н.э.

После промывки объем образца составил 600 мл. В нем находились угольки различного размера, окатанные комочки земли и небольшое количество обугленных зерновок и семян следующего состава (в средней пробе 20 мл) – зерновые: пшеница двузернянка – (1), пшеница голозерная – (42), ячмень голозерный – (3), ячмень пленчатый – (32), просо посевное – (94), рожь посевная – (3), бобовые: вика эрвлия – (1), чечевица – (8). Прочие: виноград культурный – 2 семени. Сорняки: щетинник сизый – (10); ежовник обыкновенный – (2); горец вьюнковый – (1).

2010 г.

№ 1. Участок М. Западный раскоп, кв.4, западный борт, золистый слой, III–II вв. до н.э.

После промывки одного ведра заполнения слоя (около 10 кг) на сите остался осадок объемом 50 мл. Он состоит из большого количества угольков, рыбьей чешуи, обугленных растительных остатков, преимущественно зерновок, а также соломин и междуузлий. Просмотрен весь осадок. Состав зерновок и семян следующий – зерновые: пшеница голозерная – (99), ячмень пленчатый – (10), рожь посевная – (1), просо посевное – (8); бобовые: вика эрвлия – (5), горох посевной – (4), чечевица – (4). Прочие: виноград культурный – 28 семян; инжир – 4 семени; плодоножки семян винограда – 4; междуузлия пшеницы голозерной – 3. Сорняки: костер полевой – 1 зерновка; марь белая – 1 семя, подмаренник цепкий – 2 семени, щавель воробьиный – 5 семян.

Образец 2. Участок М. Южный раскоп, участок 2009 г., западный борт, слой эллинистического времени. После промывки 3 ведер заполнения остался осадок в 100 мл. Просмотрен весь объем. Образец состоит из угольков, рыбьей чешуи и мелких костей рыб, ракушек, обугленных зерновок и семян следующего состава – зерновые: пшеница однозернянка – (3), пшеница голозерная – (60), ячмень пленчатый – (29), рожь посевная – (2), просо посевное – (7), бобовые: вика эрвлия – (7). Прочие: виноград культурный – (23), «вилочки» пшеницы двузернянки – (4).

Сорняки: щетинник сизый – (1), подмаренник цепкий – (1), щавель воробьиный – (1).

Образец 3. Участок М. Южный раскоп, участок 2008 г., западный борт, слой эллинистического времени. После промывки 1 ведра заполнения осадок равен 100 мл. Просмотрен весь образец. Он состоит из угольков, рыбьей чешуи и мелких костей рыб, ракушек, небольшого количества обугленных зерновок и семян следующего состава – зерновые: пшеница голозерная – (6), ячмень пленчатый – (7), бобовые: горох посевной – (2).

Образец 4. Участок М. Западный раскоп, кв.4, штык 1. Промыто 2 ведра заполнения. Объем осадка – 150 мл. Просмотрен весь образец. В его составе – угольки, зола, соломины, междузлия, зерновки и семена следующего состава – зерновые: пшеница однозернянка – (3), пшеница голозерная – (81), ячмень пленчатый – (27), ячмень голозерный – (1), рожь посевная – (4), просо посевное – (4); бобовые: вика эрвлия – (12), горох посевной – (3), чечевица – (6). Прочие: виноград культурный – 49 семян, инжир – (19), бузина черная – (2), плодоножки винограда – (2). Сорняки: костер полевой – (5), костер ржаной – (1), подмаренник цепкий – (7), щавель воробьиный – (4).

Образец 5. Участок М. Западный раскоп, кв.4, штык 1.

Промыто 2 ведра. После промывки объем образца составил 250 мл. Просмотрен весь образец. Он состоял из угольков различного размера, соломин, рыбьей чешуи и костей, зерновок и семян следующего состава – зерновые: пшеница однозернянка – (5), пшеница голозерная – (60), ячмень пленчатый – (27), ячмень голозерный – (3), просо посевное – (2); бобовые: горох посевной – (3), вика посевная – (1), чечевица – (4). Прочие: виноград культурный – (32); инжир – (6). Сорняки: марь белая – (2), подмаренник цепкий – (3), щавель воробьиный – (1).

Образец 6. Участок М. Юго-западный раскоп, штык 3. После промывки объем пробы составил 50 мл. Просмотрен весь образец. Он переполнен корешками современных растений с примесью небольшого количества угольков. Зерновок и семян совсем немного. Их состав следующий – зерновые: пшеница голозерная – 4 зерновки. Сорняк: просвирник – 1 семя.

Образец 7. Участок М. Западный раскоп, кв.1, штык 3. Объем образца после промывки – 100 мл. Просмотрен весь образец. Среди угольков, чешуи рыб, междузлий пшеницы выявлен следующий состав зерновок и семян – зерновые: пшеница голозерная – (58), ячмень пленчатый – (45), рожь посевная – (2), просо посевное – (15); бобовые: вика эрвлия – (5); чечевица – (2).

Прочие: виноград культурный – 4 косточки; инжир – 2.

Сорняки: подмаренник цепкий – 1 семя; щавель воробьиный – 1 семя.

Образец 8. Участок М. Западный раскоп, кв. 1, штык 1. После промывки объем остатка на сите – 50 мл. Просмотрен весь образец. В его составе много угольков, чешуи и позвонков рыб. Состав зерновок и семян следующий – зерновые: пшеница однозернянка – (2), пшеница двузернянка – (1), пшеница голозерная – (61), ячмень

пленчатый – (18), ячмень голозерный – (2), просо посевное – (35); бобовые: вика эрвилия – (7), чечевица – (4).

Прочие: виноград культурный – (18), инжир – (3), плодоножка винограда – (1), скорлупа грецкого ореха – (1), обломок косточки сливы – (1). небольшие комочки из спекшихся в одну массу зерновок проса.

Образец 9. Участок М. Западный раскоп, кв. 4, штык 1. После промывки объем образца составил 200 мл. Просмотрен весь образец. В осадке – угольки, чешуя рыб, позвонки рыб, редко соломины, зерновки. Состав зерновок и семян следующий – зерновые: пшеница голозерная – (43), ячмень пленчатый – (21), рожь посевная – (1), просо посевное – (44); бобовые: горох посевной – (2). Прочие: виноград культурный – (8), инжир – (3), костянка сливы – (1) (рис. 11), междуузлия голозерной пшеницы – (1).

Рис. 11. Костянка сливы.
Городище Нимфей.

Образец 10. Участок М. Юго-западный раскоп, кв. 5, котлован 2. Объем образца – 100 мл. В его составе много корешков современных растений, угольков, соломин и междуузлий злаков. Просмотрен весь образец. Состав зерновок и семян следующий – зерновые: пшеница однозернянка – (9), пшеница двузернянка – (4), пшеница голозерная – (133), ячмень пленчатый – (5), ячмень голозерный – (4), рожь посевная – (1), просо посевное – (5); бобовые: вика эрвилия – (6), вика посевная – (53). Сорняки: подмаренник цепкий – 1 семя; щавель воробьиный – 2 семени; щетинник сизый – 1 зерновка; костер полевой – 3 зерновки.

Образец 11. Участок М. Западный раскоп, кв. 1, штык 1, в углу между западным и южным бортом. Объем образца – 50 мл. Просмотрен весь образец. В нем обнаружены соломины, угольки, зерновки и семена следующего состава – зерновые: пшеница голозерная – (42), ячмень пленчатый – (24), ячмень голозерный – (3), рожь посевная – (1), просо посевное – (17); бобовые: вика эрвилия – (3); горох посевной – (3). Прочие: виноград культурный – (6), инжир – (3). Сорняки: подмаренник цепкий – (3), щавель воробьиный – (2), щетинник сизый – (4), марь белая – (1), крапива двудомная – (1).

Образец 12. Участок М. Западный раскоп, кв. 4, штык 2, на расстоянии 0,5 м от западной бровки. Объем образца – 50 мл. Просмотрен весь образец. Он состоял из угольков, чешуи рыб, соломин, междуузлий пшеницы голозерной и ячменя пленчатого, зерновок и семян следующего состава: зерновые – пшеница голозерная – (17), ячмень пленчатый – (6), бобовые: вика эрвилия – (2), горох посевной – (1). Прочие: виноград культурный – (9).

Образец 13. Участок М. Западный раскоп, кв. 4, штык 3 находится в 6 м от южной бровки и в 5 м от западной. Объем образца – 50 мл. В его составе – кости мелких млекопитающих, угольки, чешуя рыб. Просмотрен весь образец. Состав обнаруженных зерновок и семян следующий – зерновые – пшеница голозерная – (30), ячмень плен-

Рис. 12. Косточка винограда культурного (*Vitis vinifera*) и плодоножка. Городище Нимфей.

чатый – (7); бобовые: чечевица – (2). Прочие: виноград культурный – (5). Сорняки: щавель воробьиный – (1).

Образец 14. Участок М. Прирезка вдоль западного борта, кв. 6, развал сырца (сп. 27). Объем образца – 50 мл. Просмотрен весь образец. Он состоял из угольков и семян вики посевной – 163. Среди них обнаружены одна зерновка пшеницы голозерной, три зерновки ячменя пленчатого и одно семя винограда культурного.

Образец 15. Участок М. Прирезка вдоль западного борта раскопа, яма 2. Объем образца – 100 мл. Он состоит из корешков современных растений, небольшого количества угольков, соломин и зерновок следующего состава – зерновые: пшеница однозернянка – (1), пшеница голозерная – (3), просо посевное – (1); бобовые: горох посевной – (1). Прочие: виноград культурный – 5 семян.

Образец 16. Участок М. Прирезка вдоль западного борта раскопа, кв. 6, яма 1. Объем образца – 150 мл. В нем выявлены зерновки и семена следующего состава – зерновые: пшеница двузернянка – (2), пшеница голозерная – (45), ячмень пленчатый – (8) и бобовые: вика эрвилия – (2), горох посевной – (1). Прочие: виноград культурный – (11) и плодоножка от ягоды винограда – (1) (рис. 12).

Образец 17. Участок М. Западный раскоп, кв. 4, штык 1. Объем образца – 100 мл. Просмотрен весь образец. В его составе большое количество угольков, есть чешуя рыб, соломины. Состав зерновок и семян – зерновые: пшеница однозернянка – (1), пшеница голозерная – (16), ячмень пленчатый – (9); бобовые: горох посевной – (2), чечевица – (3). Прочие: виноград культурный – 3 семени. Сорняки: щавель воробьиный – 1 семя.

Образец 18. Участок М. Прирезка вдоль западного борта раскопа, кв. 6, зольник, сп. 27. Объем образца – 25 мл. Просмотрен весь образец. Он состоит из угольков различной величины и единичных зерновок – зерновые: пшеница голозерная – (4), ячмень пленчатый – (1), просо посевное – (2). Прочие: виноград культурный – 5 семян.

Образец 19. Участок М. Прирезка вдоль западного борта раскопа, кв. 6, горелый слой, зольник. Объем образца составил 5 мл. Весь этот объем представлен угольками, среди которых обнаружено 2 семени винограда культурного.

Образец 20. Участок М. Прирезка вдоль западного борта раскопа, кв. 6, яма 1. Объем образца – 50 мл. Почти весь образец состоит из остатков камки морской (взморника морского). Просмотрен весь образец. Среди камки обнаружено немного зерновок и семян следующего состава – зерновые – пшеница однозернянка – (1), пшеница двузернянка – (2), пшеница голозерная – (22), ячмень пленчатый – (11), просо посевное – (1); бобовые: вика посевная – (8) и прочие: виноград культурный

– 14 семян; «вилочки» пшеницы однозернянки – 1 шт. Здесь же были семена и зерновки сорняков: марь белая – (3), мальва, просвирник – (1); щавель воробьиный – (1), щетинник сизый – (1), крапива – (1).

Образец 21. Участок М. Прирезка вдоль западного борта участка М. Объем образца – 25 мл. Кроме угольков, камки и соломин, в нем содержится небольшое количество зерновок следующего состава – зерновые: пшеница однозернянка – (1), пшеница голозерная – (16), ячмень пленчатый – (9), ячмень голозерный – (1), просо посевное – (3); бобовые: вика эрвлия – (1), горох посевной – (1), чечевица – (1). Прочие: виноград культурный – 1 семя и марь белая – 1 семя.

Образец 22. Участок М. Западный раскоп, кв. 4, штык 2.

Объем после промывки составил 10 мл. Это угольки, чешуя рыб, камка. Здесь же сохранились колоски пшеницы двузернянки – 2 шт., колоски пшеницы однозернянки – 2 шт. и одно семя винограда культурного.

Образец 23. Заполнение остродонной амфоры (сп. 8) из прирезки вдоль западного борта участка, кв. 6, яма 1. Объем заполнения этой амфоры составляет 5 мл. В заполнении содержится много мелких обломков керамики, обломков ракушек, камки. Среди этих обломков находились мумифицированные колоски двух пленчатых пшениц: пшеницы однозернянки – (38), пшеницы двузернянки – (20) и несколько семян бобовых: чечевица – (1), вика посевная – (11), а также не поддающиеся определению плохо сохранившиеся обломки растительного происхождения – 15 шт.

Образец 24. Участок М. Прирезка вдоль западного борта участка, кв. 6, яма 1, заполнение амфоры (сп. 8). Объем – 50 мл. После промывки на сите осталась темно-фиолетовая аморфная масса (высохшее вино?), в которой обнаружена 1 плодоножка от семени винограда.

В 2011 г. археоботанические исследования на городище Нимфей были продолжены и взяты несколько новых проб.

Образец № 1. Прирезка вдоль западного борта. Участок М, яма 13.

После промывки объем образца составил 15 мл. Это смесь из угольков, корешков современных растений, мелких костей и небольшого количества обугленных зерновок и семян следующего состава: пшеница голозерная (4); виноград культурный (1); инжир (1).

Образец № 2. Участок М. Юго-западный раскоп, кв. 6, яма 33 А.

Объем образца – 30 мл. В нем выявлены: пшеница голозерная – (10); вика эрвлия – (1); виноград культурный – (1); плодоножка от семени винограда – 1 шт.

Образец № 3. Прирезка вдоль западного борта, кв. 3, яма 15. Объем образца – 10 мл. Это светло-серая масса из корешков современных растений, небольшого количества угольков и обугленных зерновок такого состава: пшеница голозерная – (17); ячмень голозерный – (3); вика эрвлия – (1).

Образец № 4. Прирезка вдоль западного борта, сп. 14, яма 21, кв. 5. Объем образца – 10 мл. Он весь состоит из корешков современных растений. Обнаружена среди них только одна зерновка пшеницы голозерной.

Образец № 5. Прирезка 2010 г. вдоль западного борта участка «М», сп. 13 – А, кв. 3, яма № 19. Объем образца – 50 мл. Среди смеси из корешков современных растений и угольков выявлены зерновки и семена следующего состава: пшеница однозернянка – (5), пшеница двузернянка – (2), пшеница голозерная – (75), ячмень пленчатый – (12), ячмень голозерный – (9), рожь посевная – (1), просо посевное – (9), вика эрвилия – (2), чечевица пищевая – (1), виноград культурный – (3), плодоножка от семени винограда – (1), инжир – (1) и также семена и зерновки сорняков: горец вьюнковый – (1), костер полевой – (3), щавель воробьиный – (3). Обнаружены также одна «вилочка» пшеницы однозернянки и два обломка скорлупы грецкого ореха.

Таким образом, в исследованных материалах из Нимфея содержится очень разнообразный состав растительных остатков. Обнаружены обугленные зерновки злаков, мумифицированные колоски пленчатых пшениц однозернянки и двузернянки, семена бобовых растений, косточки (семена) винограда, плодоножки от семян винограда, семена инжира, обломок и целая костянка сливы, остатки скорлупы грецкого ореха, семена и зерновки сорняков. Преобладают в находках зерновки трех зерновых культур – пшеницы голозерной, ячменя пленчатого (почти в два раза меньше) и проса посевного (почти в пять раз меньше, чем пшеницы голозерной). Намного меньше найдено зерновок пленчатых пшениц – однозернянки и двузернянки, ячменя голозерного и ржи посевной.

К числу очень редких находок можно отнести обнаруженные в остродонной амфоре мумифицированные колоски двух пленчатых пшениц – однозернянки и двузернянки. Преобладают среди них колоски пшеницы однозернянки, так же как и среди

зерновок преобладают зерновки этой пшеницы (рис. 13).

Наличие проса посевного связано, очевидно, с контактами эллинов со скифами, для которых просо было в числе основных зерновых культур. В материалах греческих коло-

Рис. 13. Смесь мумифицированных колосков пшеницы двузернянки (*Triticum dicoccon*) и пшеницы однозернянки (*Triticum monococcum*) и семян сорняков. Городище Нимфей.

ний находок проса значительно меньше и оно никогда не входит в состав трех преобладающих культур.

Семена бобовых растений – вики эрвилиии, вики посевной, гороха и чечевицы представлены в материалах Нимфея единичными семенами, хотя бобовые растения входили в состав ассортимента греческих поселений Северного Причерноморья и, очевидно, имели немалое значение наряду с зерновыми культурами.

Как правило, в материалах греческих поселений наиболее часто встречаются семена вики эрвилиии. На этот раз в преобладающем количестве найдены семена вики посевной, бобового растения, характерного для средиземноморского земледелия. В значительном количестве – 163 семени, вика посевная обнаружена в образце из развала сырца, сп.27, кв. 6. Во всех остальных пробах ее семена единичны. Можно предположить, что в данный образец попали семена, специально собранные для посева или для других целей.

Семена (косточки) винограда найдены в обугленном состоянии. Они темные, почти черные, однако среди них встречаются косточки светлого, почти белого цвета. Семена винограда имеют округлую форму. Они имеют преимущественно небольшие размеры со средними значениями: длина – 3,88–4 мм, ширина – 3,18 мм, длина клювика – 0,8–1,0 мм. Клювики часто отсутствуют, обломаны. Меньшая часть семян винограда имеет вытянутую удлиненную форму, более узкое тело и большего размера клювик (до 1,2 – 1,5 мм). В некоторых образцах найдены также плодоножки семян винограда. Одна такая плодоножка обнаружена среди темно-фиолетовой массы (возможно, это высохшее вино) в амфоре из сп. 8 ямы 1.

Среди обугленного зерна найдено совсем немного зерновок и семян сорняков. Они происходят от растений, которые являются типичными засорителями посевов: щавель воробьиный, костер полевой, горец вьюнковый, марь белая, щетинник, щавель, подмаренник, просвирник.

3.6. Городище Китей

Первые данные о растительных остатках с городища Китей были получены в 1988 г. В Институт археологии АН УССР поступил образец обугленных зерновок объемом 10 мл, собранных во время работы Китейской экспедиции Нижегородского гос. университета под руководством Е.А. Молева. Образец был отобран на дне пифосов в раскопе 1 в., кв. 20. Этот слой датирован VI – V вв. н.э. После удаления мелких обломков, не поддающихся определению, в образце осталось 8 мл. Весь этот объем составляют зерновки ячменя пленчатого. Всего насчитано 260 зерновок. Основная часть зерновок имеет удлиненно-овальную форму и симметричное строение, и лишь незначительная часть их асимметрична. Такие признаки свидетельствуют о том, что в образце находились зерновки ячменя пленчатого многорядного.

В начале XXI в. поступление образцов из раскопок Китея продолжилось.

1. XXXVI, могила 294. Образец состоит из смеси 98 семян бобового растения вики посевной с небольшим количеством мелких обломков ракушечника. Семена

имеют округлую, иногда угловатую форму, с гладкой поверхностью, цвет их светло-коричневый с черным рисунком. Некоторые семена полностью черные. Размеры семян также варьируются: мелкие семена имеют диаметр (в среднем по 10 измерениям) 2,8 – 3,2 мм, крупные семена – 5,0 – 5,6 мм. На внешней поверхности семян хорошо виден узенький рубчик более светлого цвета. Длина рубчика колеблется от 0,8 до 1,6 мм.

2. XX1 (XXXII?), 1995, могила 4 (вырубная), изначально IV – III вв. до н.э.

В образце было две косточки сливы домашней *Prunus domestica* L размером 22,0 x 20,2 мм и 24,0 x 18,4 мм.

3. Р.1, кв. 27. Башня И, содержимое очага. Конец II в. до н.э. Погибла в пожаре III в. н.э.

На анализ после промывки поступил образец объемом 10 мл. В нем содержится много угольков, корешков современных растений, обугленных соломин и значительное количество разрушенных обугленных зерновок, не поддающихся определению. Вероятно, это результат сильного воздействия огня. Состав сохранившихся зерновок и семян: пшеница однозернянка – (2), пшеница голозерная – (28); ячмень пленчатый – (16), просо посевное – (1), косточки винограда культурного – (3).

Состав сорных растений: щетинник сизый – (1), просо куриное – (1), неопределимые семена из семейства Капустных (*Brassicaceae*) – (3).

4. Р. 2, кв. 22, шт. 13. Содержимое горла краснолаковой амфоры, датируемой II – III вв. н. э. Объем образца – 50 мл. Содержимое образца – обгоревшие, значительно поврежденные мелкие кости рыб, в том числе и позвонки, и очень обгоревшие, бесформенные черные комочки, возможно, принадлежавшие зерновкам. Обнаружены только две целые зерновки: пшеница голозерная – (1), ячмень пленчатый – (1).

5. Р. 2, кв. 22, очаг в кладке 95. I – II вв. до н.э. Объем образца – 5 мл. Среди массы угольков выявлено 10 косточек винограда культурного.

Рис. 14. Обугленные ягоды винограда (*Vitis vinifera*).
Городище Китей.

6. Святилище 65. II – III вв. н.э. Обугленные ягоды были обнаружены Н.В. Молевой в 2008 году. Дальнейшие исследования этих ягод в Институте археологии НАНУ подтвердили предположение о принадлежности их к винограду. Всего было 112 целых ягод, 17 разрушенных на половинки, четвертинки и более мелкие кусочки. Среди ягод есть выпавшие из них семена (косточки). Ягоды округлые, некоторые слегка удлиненные, у части из них сохранились плодоножки длиной от 1,2 до 2,8 мм (рис. 14). Средние размеры

ягод – 11,25 мм (по 27 измерениям) при макс. 18 мм и мин. 9 мм. Размеры в интервале 10 – 12 мм имеет наибольшее количество ягод. По мнению З.В. Янушевич, виноград с такими мелкими размерами ягод (в среднем около 12 мм) выращивался на греческих наделах Херсонеса в Северо-Западном Крыму [Янушевич, 1986, с. 65 – 66].

Семена, выпавшие или специально выделенные из ягод винограда для измерений, имеют округло-грушевидную форму при длине в среднем 5,44 мм (по 10 измерениям) и ширине 3,12 мм. Длина клювика 1,0 – 1,2 мм. Величина индекса длина/ширина колеблется в пределах 1,2 – 1,4. Халаза округлая, находится ближе к верхней части семени. Эти признаки дают основание определить виноград из Китея как культурный (*Vitis vinifera*). Хотя следует отметить, что определение видовой принадлежности винограда по ископаемым семенам и ягодам весьма затруднительно.

3.7. Поселение Новопокровка 1

Исследование пространственной организации одного из важнейших полисов Боспорского царства – Феодосии выявило ряд селищ, образующих в V – первой трети III вв. до н. э. его сельскую округу. На одном из поселений – Новопокровка 1 в 1994 г. и 1996 г. с применением промывки (флотации) в девяти ямах (ямы №№ 2, 3, 6, 7, 31, 32, 33, 38, 46) были отобраны обугленные зерновки и семена [Гаврилов, Пашкевич, 2002, с. 136]. Амфорный материал, чернолаковая посуда и гераклейские клейма в заполнениях этих ям позволили установить, что они были засыпаны в конце IV – начале III вв. до н.э.

Яма № 2, р. 2, кв.4. Объем поступившего образца – 16 мл. Уцелевшие зерновки составили 13 мл, остальные 3 мл – обломки зерновок, не поддающиеся определению. Зерновки плохой сохранности, они значительно разрушены, имеют выгоревшие полости. Состав зерновок, которые удалось определить, следующий: пшеница однозернянка – (3), пшеница двузернянка – (9), пшеница мягкая – (308), ячмень пленчатый – (2), ячмень голозерный – (58), рожь посевная – (112). Сорняки: костер ржаной – (1), щавель, не поддающийся определению – (1), горец вьюнковый – (1).

Яма № 3, р. 2, кв. 4. Образец объемом 37 мл состоял из следующих зерновок и семян – зерновые: пшеница двузернянка – (8), пшеница голозерная – (43), ячмень пленчатый – (942), рожь посевная – (4); бобовые: бобы – (1). Сорняки: подмаренник цепкий – (5), воробейник полевой – (2), щавель? не определенный до вида – (3), горец вьюнковый – (3).

Зерновки ячменя, преобладающие в яме, отличаются разнообразием. Часть зерновок удлиненная, довольно узкая, асимметричная. Есть зерновки короткие, более широкие. У некоторых зерновок есть так называемая «ножка», имеющая длину в пределах 1,0 – 1,2 мм. Много зерновок разрушено под действием сильного огня. Часть зерновок имеет проросший зародыш. Наиболее сохранившиеся зерновки были измерены. Средние размеры зерновок (по 50 измерениям):

Длина (L) = 6.59 (макс. 8,2; мин. 5 мин.) мм

Ширина (B) = 2.64 (макс. 3,6; мин. 1,8) мм

Толщина (H) = 1.98 (макс. 3; мин. 1,2) мм

Измерения зерновок пшеницы мягкой (по 30 измерениям) выявили следующие средние значения: длина (L) = 4.82 (макс. 5,4; мин. 3,6) мм; ширина (B) = 2.57 (макс. 3; мин. 2,2) мм; толщина (H) = 1.99 (макс. 2,2; мин. 1,8) мм.

Яма 6, кв. 9. Объем образца – 7,5 мл. Обнаружено небольшое количество растительных остатков. Состав зерновок и семян следующий: пшеница двузернянка – (3), пшеница мягкая – (132), ячмень пленчатый – (76), ячмень голозерный (6), рожь посевная (2), горох посевной – (1), подмаренник цепкий – (2).

Яма № 7, кв. 15. Объем образца – 25 мл. В его составе: пшеница однозернянка – (1), пшеница двузернянка – (6), пшеница голозерная – (176), ячмень пленчатый – (599), ячмень голозерный – (16), просо посевное – (1), вика эрвлия – (1), подмаренник цепкий – (6).

Яма 31. Р. 4, кв. 20. Образец поступил на анализ в двух пакетах. Суммарный объем их – 23 мл. После удаления примесей осталось 12 мл зерновок и семян следующего состава – зерновые: пшеница однозернянка – (4), пшеница двузернянка – (19), пшеница голозерная – (269), ячмень пленчатый – (124), ячмень голозерный – (22), просо посевное – (4), рожь посевная – (3); бобовые: вика эрвлия – (2), чечевица – (3), нут – (3).

Сорные растения и другие дикорастущие: костер ржаной – (4), марь белая – (6), синяк обыкновенный (*Echium vulgare*) – (2), щавель кучерявый (*Rumex crispus*) – (6), овес щетинистый или песчаный (*Avena strigosa*) – (4), воробейник полевой – (1), подмаренник цепкий – (3), орешки дымянки аптечной (*Fumaria officinalis*) – (9), вика, не определенная до вида, – (5), щавель обыкновенный – (4), «вилочки» пшеницы двузернянки – (3), обломки семени боба (*Vicia faba*) – (2).

Яма 32. Р. 4, кв. 20. Объем образца – 25 мл. После удаления соломин и угольков осталось 15 мл зерновок и семян. В образце выявлены зерновые: пшеница однозернянка – (3), пшеница двузернянка – (18), пшеница голозерная – (110), ячмень пленчатый – (47), ячмень голозерный – (54), рожь посевная – (5), просо посевное – (180), просо итальянское – (51); бобовые: вика эрвлия – (10), чечевица – (10), горох посевной – (1), нут – (3).

Найдены здесь зерновки и семена преимущественно сорных и дикорастущих растений: анхуза итальянская (*Anchusa italica*) – (1), анхуза (*Anchusa officinalis*) или воловик лекарственный – (2), костер полевой – (1), плевел опьяняющий (*Lolium temulentum*) – (8), марь белая – (20), горец вьюнковый – (3), щетинник зеленый – (4), синяк обыкновенный – (34), щавель кучерявый – (*Rumex crispus*) – (5), овес песчаный (*Avena strigosa*) – (1), воробейник полевой – (74), подмаренник цепкий – (2), орешки дымянки аптечной (*Fumaria officinalis*) – (26), вика, не определенная до вида, – (5), щавель обыкновенный – (5), вьюнок полевой – (2), овес щетинистый – (1), овсюг (*Avena fatua*) – (2), ежовник обыкновенный или просо куриное (*Echinocloa crus*

galli) – (9), липучка репейчатая (*Lapula heteracantha*) – (6), мятлик? (*Poa typ*) – (16), крапива двудомная (*Urtica dioica*) – (4).

Выявлены здесь и другие растительные остатки: семена винограда культурного – (3), семена бузины черной – (1), «вилочки» пшеницы однозернянки – (1), обломки скорлупы лещины – (1) и ореха грецкого – (2).

Яма 33. Р. 4, кв. 20. Объем образца – 43 мл. После освобождения его от примесей в виде угольков, обломков костей, чешуи рыб объем обугленных зерновок и семян составил 22 мл. Здесь выявлены зерновые: пшеница однозернянка – (8), пшеница двузернянка – (76), пшеница голозерная – (462), ячмень пленчатый – (223), ячмень голозерный – (56), рожь посевная – (30), овес посевной – (9), просо посевное – (37); бобовые: бобы – (10), вика эрвилия – (6), вика, не определенная до вида, – (12), чечевица – (9), горох посевной – (2), нут (*Cicer arietinum*) – (10).

Выявлены семена и зерновки следующих сорных и дикорастущих растений: анхуза итальянская – (22), костер полевой – (22), липучка репейчатая – (4), марь белая – (68), щетинник зеленый (*Setaria viridis*) – (7), синяк обыкновенный – (22), щавель кучерявый (*Rumex crispus*) – (17), вьюнок полевой – (5), овсюг – (2), овес щетинистый или песчаный – (3), просо куриное – (5), подмаренник цепкий – (11), вика, не определенная до вида, – (1), плевел опьяняющий – (22), щавель обыкновенный – (1), горец вьюнковый – (15), горец почечуйный – (4), орешки дымянки аптечной – (47), воробейник полевой – (1), плевел опьяняющий – (22), мятлик? – (16), крапива двудомная – (4).

Растительные остатки: обломки скорлупы ореха грецкого – (3), «вилочки» пшеницы однозернянки – (2) и пшеницы двузернянки – (1).

Яма 38. Р. 4, кв. 23. Объем образца после очистки от примесей составил 10 мл. В образце, кроме зерновок и семян, много растительных остатков зерновых культур в виде соломин, междоузлий, «вилочек». Состав зерновок и семян следующий: пшеница спельта (*Triticum spelta*) – (3), пшеница однозернянка – (2), пшеница двузернянка – (30), пшеница голозерная – (307), ячмень пленчатый – (86), ячмень голозерный – (46), рожь посевная – (4), просо посевное – (13); бобовые растения: чечевица – (3), горох посевной – (2), нут – (1). Здесь же выявлены косточки винограда культурного – (2) и три обломка косточки маслины.

Сорные и дикорастущие растения представлены в таком составе: анхуза итальянская – (12), костер полевой – (3), марь белая – (23), горец вьюнковый – (2), мятлик? – (5), щетинник зеленый – (3), щетинник сизый – (2), синяк обыкновенный – (40), овсюг (*Avena fatua*) – (3), ежовник обыкновенный – (4), овес щетинистый – (4), подмаренник цепкий – (6), просо куриное – (4), плевел опьяняющий – (10), щавель кучерявый – (3), воробейник полевой – (2), орешки дымянки аптечной – (18). Другие растительные остатки: «вилочки» пшеницы однозернянки – (4) и пшеницы двузернянки – (7), междоузлия пленчатых пшениц, часть колоска пшеницы голозерной, соломины.

Яма 46. Р. 4, кв. 25. Объем образца – 25 мл. После удаления примесей осталось

10 мл зерновок и семян следующего состава: пшеница однозернянка – (9), пшеница двузернянка – (32), пшеница голозерная – (123), ячмень пленчатый – (37), ячмень голозерный – (35), рожь посевная – (11), просо посевное – (155), просо итальянское – (31); бобовые: чечевица – (3), горох посевной – (3), вика эрвлия – (1), вика посевная – (1), нут – (2).

Сорные и дикорастущие растения: анхуза итальянская – (13), белена черная (*Hyoscyamus niger*) – (25), будяк полевой (*Cirsium arvense*) – (3), вьюнок полевой – (5), костер полевой – (4), марь белая – (23), горец вьюнковый – (35), горец почечуйный – (4), горец птичий, спорыш – (7), горец отклоненный (*Polygonum patulum*) – (2), горец шероховатый – (16), крапива двудомная – (1), клевер ползучий (*Trifolium repens*) – (2), липучка репейчатая (6), мятлик? – (16), щетинник зеленый – (4), щетинник сизый – (6), синяк обыкновенный – (3), осот полевой (*Sonchus arvensis*) – (6), просо куриное – (6), подмаренник цепкий – (4), просо куриное – (6), плевел опьяняющий – (2), щавель кучерявый – (14), щавель обыкновенный – (1), воробейник полевой – (13), орешки дымянки аптечной – (4), торица полевая (*Spergula sativa*) – (1).

Другие растительные остатки: «вилочки» пшеницы однозернянки – (4) и пшеницы двузернянки – (7), междоузлия пленчатых пшениц, часть колоска пшеницы мягкой, соломины.

Таким образом, результаты исследований показывают, что в находках из ям поселения Новопокровка 1 преобладают зерновки голозерной пшеницы и ячменя пленчатого. Ячмень по количеству в большинстве находок занимает второе место. За исключением ям №№ 3 и 7, в находках из которых он значительно превосходит зерновки голозерных пшениц. Зерновки голозерной пшеницы преобладают в пяти ямах (№№ 2, 6, 31, 33, 38) из девяти. Наряду с ячменем пленчатым выявлены зерновки ячменя голозерного. Их значительно меньше, за исключением находки из ямы № 2, где подсчитано 58 зерновок ячменя голозерного и только две зерновки ячменя пленчатого. Однако вполне вероятно, что зерновок голозерного ячменя было значительно больше. В отличие от других злаков зерновки голозерного ячменя сильно разрушены, и среди обломков, которые отмечены как не поддающиеся точному определению, возможно преобладание фрагментов именно ячменя голозерного. Ведь зерновки пленчатого ячменя более устойчивы к разрушению в процессе обугливания и хорошо сохраняются благодаря пленкам, в которые они заключены.

В небольшом количестве в смесях зерновок из ям зафиксированы зерновки пленчатых пшениц, причем если зерновки пшеницы однозернянки и спельты единичны и представлены не во всех ямах, то зерновок пшеницы двузернянки значительно больше (в яме № 33 насчитано 76 зерновок) и найдены они во всех ямах. Обычно небольшое количество зерновок пленчатых пшениц среди массы обугленного зерна пшеницы голозерной принято относить к тем растениям, которые засоряли ее посева. Однако вполне вероятно существование недалеко от поселения Новопокровка 1 самостоятельных посевов пленчатых пшениц. Археологические

материалы свидетельствуют о тесных контактах в этом районе между греческим и варварским населением в сфере экономических, социальных и этнических отношений [Гаврилов, 2004, с. 138]. Можно также предположить существование обмена зерновым материалом. Примитивные, не требовательные к почвенным и климатическим условиям, но дающие надежные урожаи пленчатые пшеницы и голозерный ячмень, а также традиционная культура скифов – просо обыкновенное, как показывают палеоэтноботанические материалы, выращивались местным населением. Греки, появившись в Северном Причерноморье и обосновавшись на удобных плодородных землях, выращивали известные им растения, состав которых отличался от ассортимента местных племен. Как уже упоминалось, в посевах греков были, прежде всего, голозерные пшеницы [Янушевич, 1986, с. 61; Пашкевич, 1986, с. 114; Pashkevich, 2001, с. 540].

Из других зерновых культур в исследованных ямах отмечены зерновки ржи и проса обыкновенного. В зерновой яме № 2 найдено 112 зерновок ржи, в яме № 33 – 30 зерновок, в остальных ямах – единичные зерновки. Зерновки проса преобладают в ямах №№ 32 и 46, причем наряду с зерновками проса обыкновенного здесь обнаружены также зерновки проса итальянского (*Panicum italicum*). З.В. Янушевич указывает на находки зерновок этого злака на поселении III в. до н.э. Маслины в Северо-Западном Крыму. Обнаружены также его зерновки в средневековых слоях на территории Херсонеса [Янушевич, 1976, с. 160-161].

Бобовые растения – горох посевной, вика эрвлия, нут, чечевица, бобы представлены в находках небольшим количеством семян. Но вполне можно утверждать, что они здесь выращивались.

Единичные находки семян винограда в ямах №№ 32, 33, 38, 46 пока не позволяют говорить о его возделывании в окрестностях Новопокровки 1. Возможно, позже, уже в средневековье, население занималось виноградарством и виноделием. А. Гаврилов ссылается на свидетельства Эвлия Челеби (1667 г.), который наблюдал в селении Коледж (современная Новопокровка 1) сады и виноградники. В наше время виноград выращивают здесь, но ягоды содержат мало сахара, поэтому вино получается невысокого качества. Виноград используется только для получения сока и виноматериалов [Гаврилов, 2004, с. 106].

Наряду с зерновками и семенами культурных растений в изученных материалах выявлено большое количество зерновок и семян сорняков. Они относятся преимущественно к так называемым сегетальным сорнякам, т.е. таким, которые засоряют посеvy зерновых культур. В их числе анхуза, дымянкa, воробейник полевой, коcтер полевой, горец вьющийся, горец почечуйный, горец птичий, подмаренник цепкий и др. Наличие их свидетельствует о долговременном использовании пахотных земель под посеvy. Возможно, часть семян, попавших в зерновые ямы, происходит от растений, которые использовались в хозяйстве в качестве топлива. Возможен и другой источник попадания семян в зерновой материал. Известно, что стенки ям для хранения зерна обычно обжигались, и для этих целей могли использоваться стебли сорных растений.

Глава 4. Реконструкция ассортимента выращиваемых и используемых растений

Палеоэтноботанические материалы, полученные в результате исследования поселений и городов греческих полисов: Артющенко 1, Артющенко 2, Китей, Мирмекий, Нимфей, Тиритака, дают возможность охарактеризовать состав выращивавшихся и используемых растений на землях Боспора периода греческой колонизации. Наибольшее количество обнаруженных зерновок принадлежит двум зерновым культурам – пшенице голозерной и ячменю пленчатому. Преобладание их наблюдается в материалах всех исследованных памятников, о которых шла речь выше, и на протяжении всего периода их существования, т.е. с VI в. до н.э. и до II–III вв. н.э. Палеоэтноботанические данные других греческих колоний Северного Причерноморья (Ольвии, Херсонеса) с окружающей их сельскохозяйственной территорией (хорой) показывают такое же преобладание этих двух зерновых культур [Янушевич, 1986, с. 41, 46; Пашкевич, 1995, с. 98 – 99; Pashkevich, 2001, p. 530 – 531, 540; Пашкевич, 2006]. Такое преобладание зерновок этих двух зерновых культур дает основание утверждать, что пшеница голозерная и ячмень пленчатый были основными растениями среди выращиваемых греками. Вполне вероятно, что переселенцы, поселившись на новых землях, использовали известный и привычный им состав растений, который они привезли с собою. Большое сходство в размерах зерновок голозерных пшениц, установленное в результате измерений на материалах одновременных памятников, свидетельствует о том, что на протяжении всего периода греческой колонизации выращивалась однотипная популяция этой пшеницы.

Как свидетельствуют имеющиеся палеоэтноботанические данные, до появления греческих поселенцев на северных берегах Черного моря (горный Крым, степная зона Северного Причерноморья) голозерная пшеница не была известна. Основными зерновыми культурами на обширной территории степной зоны были пленчатые пшеницы (преимущественно двузернянка) и пленчатый ячмень. На территории Крыма палеоэтноботанических данных доколониального времени немного. Известна находка в погребении катакомбной культуры в Северном Крыму у с. Болотное близ Сиваша (раскопки В.А. Корпусовой). Колоски пшеницы однозернянки находились в мешке в смеси с колосками пшеницы двузернянки (Янушевич, Корпусова, Пашкевич 1981). Вторая находка происходит из Юго-Западного Крыма. На поселении кизил-кобинской культуры Черная речка в яме с керамикой VII – V вв. до н.э. обнаружено более двух тысяч обугленных зерновок (раскопки О.Я. Савели). Почти 1980 зерновок, что составляет 99%, принадлежало пленчатой пшенице однозернянке и только 12 зерновок – пшенице двузернянке, 10 – пленчатому ячменю [Янушевич, Кузьминова, Савеля, 1988].

Кроме этих основных зерновых культур выращивались ячмень голозерный, возможно, просо посевное, рожь, а также бобовые растения – горох посевной, вика эрвлия, чечевица, бобы. Учитывая значительно меньшее количество зерновок этих культур в находках, можно предположить, что и значение их в хозяйстве было мень-

шим. При выводах, безусловно, следует исходить из того, что сохранившиеся ископаемые остатки непосредственно не отражают реально существовавшее соотношение между отдельными видами культурных растений.

Среди известных грекам зерновых культур на определенном этапе греческой колонизации были, кроме голозерных, также пленчатые пшеницы – однозернянка, двузернянка и спельта. Если вначале колонизации они могли засорять посевы голозерной пшеницы или ячменя, т.е. были известны как сорняки, то позже, в периоды ухудшающихся условий жизни в результате войн, эти пшеницы могли выращиваться как надежные зерновые культуры. Однако более вероятно поступление пленчатых пшениц в греческие города из горных районов, где их выращивание было обычным для местного населения.

Возделывание винограда на землях Боспора начинается, очевидно, в первых веках н.э. Письменные источники и незначительные пока что палеоботанические находки указывают на то, что в хозяйстве были также садовые растения и овощные культуры.

Находки семян инжира, косточек персика, грецкого ореха показывают, что определенное значение в диете имели фрукты, привозимые из метрополии. Они обнаружены при раскопках почти во всех греческих поселениях Северного Причерноморья. З.В. Янушевич определила в Херсонесе среди остатков пищи ягоды винограда, плоды дикой груши, плоды каштана настоящего, косточку миндаля, семена и остатки шишки сосны итальянской. Она же ссылается на устное сообщение М.О. Щеглова о находке косточек маслины на поселении Панское I в Крыму [Янушевич, 1986, с. 68]. Безусловно, большая часть растений из перечисленного списка (маслины, сосна итальянская, каштан настоящий) не входила в состав местной растительности, а их плоды или орехи привозились в колонии греками вместе с вином, маслом и иными предметами обихода.

Своеобразие состава растений, установленного в результате археоботанических исследований материалов греческих городов и поселений, хорошо прослеживается при сравнении его с данными из памятников ближайшего окружения: скифов, синдо-меотов, кизил-кобинцев. Эти племена использовали иной, чем греки, состав растений.

Несмотря на то, что местное население, проживавшее рядом с греческими колонистами, хорошо знало сельскохозяйственное производство, состав выращивавшихся растений был иным. Согласно сведениям Геродота, в Северном Причерноморье калипиды и алазоны сеяли и употребляли в пищу хлеб (?), чечевицу и просо, разводили чеснок и лук. По наблюдениям Плиния, сарматы ели кашу из проса, а Клавдий Элиан указывает, что просо употребляли в пищу, кроме сарматов, еще и меоты [Блаватский, 1953, с.74].

Палеоэтноботанические исследования свидетельствуют, что у скифов степной зоны Северного Причерноморья в V – IV вв. до н.э. в период перехода к оседлости и занятиям земледелием преимущество имели ячмень пленчатый и просо, известны

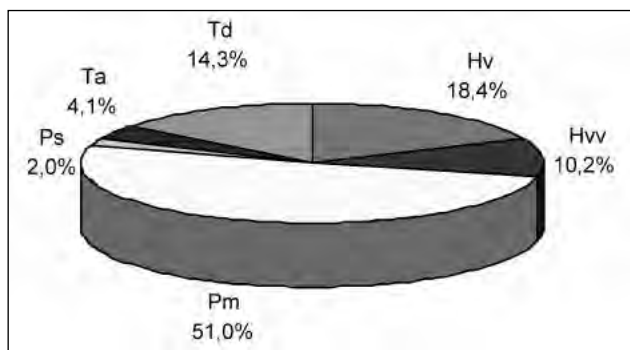

Рис. 15. Циклограмма состава культурных растений в материалах скифских памятников V – IV вв. до н.э.

им были пленчатые пшеницы, в основном пшеница двузернянка (рис. 15). На фрагментах керамики лепной, столовой и кухонной посуды, а также обмозки из ряда поселений и курганных могильников скифов находится значительное количество отпечатков зерновок и семян наряду с отпечатками соломин, листьев, чешуй. Чаще всего на них зафиксированы отпечатки зерновок проса, реже – отпечатки

зерновок ячменя пленчатого. Наиболее значительные материалы выявлены на поселении Лысая Гора и на Каменском городище. На керамике поселения Лысая Гора зафиксировано большое количество отпечатков, а в семи зерновых ямах найдены остатки обугленного зерна, преимущественно ячменя пленчатого с незначительной примесью зерновок пшеницы двузернянки. В небольшом количестве отмечены также зерновки пшеницы однозернянки и спельты и очень редко – зерновки голозерной пшеницы [Гаврилюк, Пашкевич, 1991, с. 59 – 62].

О том, что пшеница двузернянка входила в состав растений, выращивавшихся скифами, свидетельствует также большое количество отходов от обмолота двузернянки. Эти отходы в виде отпечатков колосков, чешуй и «вилочек» обнаружены З.В. Янушевич при анализе сырцовых кирпичей в одном из скифских помещений IV в. до н.э. греческой колонии Керкинитида в Северо - Западном Крыму [Янушевич, 1986, с. 50]. Кроме отпечатков, обнаружено также обугленное зерно. В пробе из скифского яруса (вторая половина II в. до н.э.) в Керкинитиде зерновки пленчатых пшениц – однозернянки и двузернянки составляют почти 30% (анализ Г.А. Пашкевич). Как обычно, в материалах, относящихся к периоду греческой колонизации конца V – начала III вв. до н.э., их количество незначительно [Кутайсов 2004, с. 16].

В степной Скифии, как показывают исследованные материалы, выращивались преимущественно ячмень пленчатый и просо – зерновые культуры, которые по своим агробиологическим особенностям (скороспелость, засухоустойчивость, использование в качестве корма для скота и птицы) хорошо соответствовали потребностям полукочевого образа жизни скифов. Находки зерновок ржи, обнаруженные в небольшом количестве (отпечаток зерновки на фрагменте керамики из поселения Лысая Гора и восемь обугленных зерновок, четыре отпечатка на Каменском городище), вероятнее всего, можно отнести ко ржи сорно-полевой, которая могла засорять посевы пшеницы или ячменя. Со временем значение ржи в хозяйстве скифов возросло, потому что к этому времени из растения сорно-полевого рожь стала растением культурным. Об этом могут свидетельствовать значительные находки этого злака

в материалах позднескифских поселений Крыма III – II вв. до н.э. По подсчетам З.В. Янушевич, значение ржи в это время достигает 60–80% среди найденных зерновок [Николаенко, Янушевич, 1981, с. 30]. Как указывалось выше, рожь найдена также в большом количестве на Сухо - Чалтырском поселении на Нижнем Дону.

Следует отметить, что в составе зерновок и семян сорняков, обнаруженных в материалах скифских памятников, преобладают те, которые относятся к растениям, произрастающим на пастбищах, сорных местах, по окраинам дорог. В материалах из поселений греков-колонистов преобладают растения, засоряющие поля. Очевидно, что занятие земледелием возникло у степных скифов из потребностей скотоводства и не подвергалось на начальном этапе своего существования влиянию соседних земледельцев [Пашкевич, 2000, с. 109; Пашкевич, Гаврилюк, 1991, с. 59 – 62].

Со временем, благодаря переходу к оседлому образу жизни и общению с населением соседних греческих полисов с высокоразвитым хозяйством, происходят значительные изменения в составе растений, выращивавшихся скифами. Ассортимент становится более разнообразным. В первых веках н.э. в его составе появляются неизвестные ранее скифам голозерные пшеницы и рожь.

О растениях, выращиваемых племенами кизил-кобинской культуры, сведений пока немного. В конце VI – начале V вв. до н.э. кизил-кобинцы переместились из предгорий Крыма к греческим колониям. Те скромные данные, которые имеются в настоящее время (о них шла речь выше), свидетельствуют о том, что эти племена использовали иной, чем греки, состав растений. Они выращивали пленчатые пшеницы – однозернянку, двузернянку и пленчатый ячмень.

О находках на меотских памятниках Прикубанья приводит данные Е.Ю. Лебедева [Лебедева, 1994 с. 111]. Результаты промывок культурных слоев на пяти памятниках выявили, к сожалению, очень незначительное количество зерновок. Среди них преобладают зерновки голозерной пшеницы. Находки пшеницы двузернянки единичны, к тому же ее зерновки найдены не во всех памятниках. В то же время зерновки проса обнаружены во всех пробах и по удельному весу эта культура занимает второе место. Использовать эти данные не представляется возможным, так как опубликованные результаты не расчленены хронологически. В списке приведены памятники с общей датой – от VI в. до н. э. до III в. н. э., что не дает возможности использовать эти результаты для сравнения. Учитывая большие значения проса и единичные находки ржи, можно предположить, что полученные материалы характеризуют ассортимент, использовавшийся в более позднее время, т.е. в период после рубежа н.э.

Подводя итог имеющихся данных, можно заключить, что до греческой колонизации в Крыму местными традиционными зерновыми культурами в эпоху бронзы и в раннем железном веке были пленчатые пшеницы и ячмень пленчатый. Поэтому заключение З.В. Янушевич о том, что «к началу греческой колонизации в Крыму уже существовали хорошо приспособленные к климату сорта – популяции голозерной пшеницы, пленчатого ячменя и бобовых растений, служивших основой экономики местных племен» [Янушевич, 1986, с. 69] можно считать несостоятельным. Это от-

носится, прежде всего, к голозерной пшенице, которая, исходя из находок, появилась в Северном Причерноморье с приходом греков.

Мнение И.Т. Кругликовой о том, что полба (пленчатая пшеница) была завезена греками из метрополии в свете современных данных, несостоятельно. Пленчатые пшеницы – однозернянка, двузернянка, спельта выращивались на территории Украины издавна, со времен появления здесь в неолите первых земледельческих племен [Янушевич, 1976; 1986; Гаврилюк, Пашкевич, 1991; Пашкевич, 1991, 1992]. Греческие переселенцы с появлением их в Северном Причерноморье не использовали местный ассортимент, в котором основную роль играли пленчатые пшеницы и ячмень.

Полученные данные позволяют внести коррективы в выводы, сделанные в свое время В.Д. Блаватским и И.Т. Кругликовой.

Вывод №1. Ассортимент растений, выращиваемых в Северном Причерноморье в античное время, оставался почти неизменным на протяжении всей греческой колонизации. Наиболее распространенными были «зерновые (?), чечевица и просо».

Появилась возможность указать точно, какие же «зерновые» были наиболее распространенными. Это голозерные пшеницы и ячмень пленчатый. Просо нужно исключить из этого списка. Чечевица была в составе выращивавшихся растений, но, вероятно, предпочтение имели вика эрвлия и вика посевная. Исходя из палеоэтноботанических данных, действительно ассортимент растений, выращиваемых в Северном Причерноморье в античное время, оставался почти неизменным на протяжении всей греческой колонизации.

Вывод № 2. Ассортимент был одинаковым как у греков-колонистов, так и у местных племен – меотов, скифов, сарматов.

Нет, ассортимент был разный.

Вывод № 3. Выращивалась пшеница местного, а не греческого происхождения.

Нет, выращивалась голозерная пшеница, привезенная греками из метрополии, а не местная, пленчатая пшеница.

Глава 5. Характеристика культурных и сорных растений

5.1. Пшеница (*Triticum*)

В проанализированных материалах отмечено большое разнообразие обугленных зерновок этого культурного растения. Обнаружены зерновки как пленчатых, так и голозерных пшениц. Абсолютное преимущество имеют зерновки голозерной пшеницы. Зерновки пленчатых пшениц найдены в значительно меньшем количестве.

Среди разнообразия растений, которые в наше время выращиваются, основное место принадлежит злакам, а среди них – пшеницам и рису. Большая часть человечества употребляет в пищу пшеницу, а остальная – рис.

Все культурные пшеницы разделяются на две большие группы – пленчатые и голозерные в зависимости от их способности освобождения зерновок от чешуй при созревании. Наиболее примитивными являются пленчатые пшеницы: пше-

ница однозернянка, пшеница двузернянка и пшеница спельта (рис. 16а,б,в). Их зерновки одеты в плотные грубые чешуи (пленки), освобождение от которых требует определенных усилий. Поэтому собирают и высевают такие пшеницы колосками, которые могут храниться до необходимости использования зерновок (рис. 17).

У голозерных пшениц, твердой и мягкой, пленки тонкие, зерновки легко выпадают из них при обмолачивании. Голозерные пшеницы сейчас преобладают (95%) среди посевов пшениц. Наиболее распространенной в наше время является пшеница мягкая (*Triticum aestivum*).

Пленчатые и голозерные пшеницы генетически тесно связаны и принадлежат к одним и тем же видам. Палеоэтноботанические материалы вместе с результатами исследований современной таксономии свидетельствуют о существовании пяти видов этого растения:

диплоидная однозернянка $2n=14$. И дикая и культурная формы имеют одно название – *Triticum monosocum* L.;

диплоидная урарту $2n=14$ – *Triticum urartu* Tuman. Известна только в диком состоянии;

Рис. 16. Пленчатые пшеницы:
а. пшеница однозернянка (*Triticum monosocum*); б. пшеница двузернянка (*Triticum dicoccon*); в. пшеница спельта (*Triticum spelta*).

Рис.17. Колоски пшеницы двузернянки (*Triticum dicoccon*), приготовленные к посеву.

тетраплоидная двузернянка, emmer, тип durum $2n=28$, дикие и культурные формы имеют сборное название – *Triticum turgidum* L.;

тетраплоидная Тимофеева $2n=28$ – *Triticum timopheevi* Zhuk. Дикие и культурные формы имеют общее название;

гексаплоидная мягкая $2n=42$ – *Triticum aestivum* L. Здесь объединены только культурные формы с общим названием *Triticum aestivum* L.

Практически все современные пшеницы принадле-

жат к двум видам: 1) гексаплоидная $2n=42$ мягкая пшеница *Triticum aestivum*, которая используется для выпечки хлеба и 2) твердая пшеница или тип durum – *Triticum turgidum* $2n=28$, которая используется для приготовления макаронных изделий и лепешек.

Более примитивными среди пшениц являются пленчатые пшеницы: однозернянка, тетраплоидная двузернянка и гексаплоидная спельта. Более «продвинутые», т.е. более прогрессивные – культурные пшеницы – тетраплоидная твердая, тип durum и гексаплоидная мягкая. Сегодня у гексаплоидной мягкой пшеницы *Triticum aestivum* разница между пленчатыми и голозерными разновидностями связана с одной мутацией, в то время как для большинства голозерных пшениц типа *Triticum turgidum* разница между пленчатостью и голозерностью связана с полигенетической системой.

Первыми одомашненными пшеницами были именно пленчатые пшеницы. Данные о первых растениях, которые начали выращивать, происходят из ряда ранне-неолитических поселений Ближнего Востока, возраст которых: 7600 – 7000 лет до н.э. (или соответственно с калиброванными данными: 8600 – 8000 лет до н.э.). При раскопках этих поселений найдены остатки пшеницы однозернянки и пшеницы двузернянки с морфологическими признаками, которые свидетельствуют о том, что эти пшеницы уже были культивированными.

Лингвистические данные также свидетельствуют о давнем происхождении этих пшениц. Так, Е. Столетова собрала около восьмидесяти названий пшеницы двузернянки на языках народов Европы и Ближнего Востока. Вот некоторые из них. Древнеегипетское название пшеницы двузернянки – *botet*, *bodet*, арабское – *alas*, греческое – *olura*, *zea*, древнеславянское – *пъуро*, польское – *samopsza*, *mochnatka*, татар-

ское – *борай*, итальянское – *farro, farre, ozzi, arzuolo*, немецкое – *Ammer, Ammelcorn, Atair, Amero, Americorn, Immer, Emmer, Emmercorn, Oemer*, английское – *emmer*.

Изучая ископаемые материалы из докерамических поселений Ближнего Востока, ученые установили, что культурные растения – злаки, бобовые и лен появились одновременно в пределах так называемого «первичного ядра» или «плодородного полу-месяца», находящегося на территории современной Турции. Из предгорных районов Малой Азии, этого нуклеарного центра, культурные растения быстро распространились по двум направлениям: на запад через Балканский полуостров в Европу и в долину Нила и на восток – в Центральную Азию и Индию. Те же культурные растения, которые возникли в нуклеарном центре Ближнего Востока, были также первыми культурными растениями, которые появились на территории Европы, Центральной Азии, Египта, Индии.

Генетические, геоботанические и палеоэтноботанические данные убедительно показывают, что корни раннего земледелия лежат на Ближнем Востоке. Сумма этих веских доказательств отбросила идею местного происхождения земледелия в Европе. Нет в Европе ни одного раскопанного археологами поселения, где бы были следы обработки и освоения представителей местной растительности. Культурные растения вместе с сельскохозяйственной техникой были принесены в Европу представителями новой цивилизации с Ближнего Востока.

5.2. Голозерные пшеницы

Морфологические признаки зерновок голозерной пшеницы следующие: они небольшие, округлой формы, слегка удлинённые, с глубокой бороздкой (рис. 18). Среди зерновок можно выделить более короткие и округлые, что будто бы дает основание отнести их к пшенице карликовой, и более удлинённые, характерные для пшеницы мягкой. Однако, в соответствии с принятой среди палеоэтноботаников договорённостью, о чем шла речь выше, в этом исследовании все найденные зерновки голозерной пшеницы не разделяются на два вида и названы обобщенно *Triticum aestivum s.l.*

Голозерная пшеница имеет ряд важных преимуществ перед древними пленчатыми пшеницами, которые выращивались на территории Украины длительное время как неприхотливые и нетребовательные к условиям произрастания. Преимущества эти следующие: округлой формы зерновки голозерных пшениц дают больший выход муки и соответственно – меньший отрубей; для перевозки и хранения таких зерновок нужен

Рис. 18. Зерновки голозерной пшеницы (*Triticum aestivum*). Городище Тиритака.

меньший объем тары. Известно, что собирались и хранились пленчатые пшеницы в колосках, что требовало больших объемов зерновиков или корзин. Голозерные пшеницы стойкие к полеганию, зерновки их легко вымолачиваются, не требуют при этом таких больших усилий, как при обмолоте пшениц пленчатых, у которых зерновки находятся в плотно прилегающих к их телу чешуях. Голозерные пшеницы бывают яровыми и озимыми, что обеспечивает им ряд преимуществ, в основном перед яровыми пленчатыми пшеницами.

В наше время голозерные пшеницы – наиболее распространенные пшеницы. Почти 90% мировых посевов составляют посевы именно голозерных пшениц. Наиболее важное экономическое значение имеет пшеница мягкая [*Triticum aestivum* subsp. *vulgare* (Vill.) MacKey (с синонимами *Triticum aestivum* L., *T. sativum* L., или *T. vulgare* Host.)]. Две другие голозерные пшеницы : – а) карликовая пшеница (*Triticum aestivum* subsp. *compactum* (Host) MacKey), синоним *T. compactum* Host) с плотным колосом, растет в Афганистане и в северо-западной части Америки и б) круглозерная индийская пшеница (*T. aestivum* subsp. *sphaerococcum* (Pers.) MacKey), синоним *T. sphaerococcum* Pers.), происходит из Индии и Пакистана [Zohary, Hopf, 2000, с. 52].

В соответствии с палеоэтноботаническими данными голозерная пшеница на северном побережье Черного моря появилась вместе с приходом сюда греческих колонистов и, наиболее вероятно, с теми, которые пришли из районов Малой Азии – из Милета и его окрестностей. Самые ранние палеоэтноботанические материалы начала греческой колонизации в Северном Причерноморье, полученные при исследовании греческих архаических поселений второй половины VII – первой трети V веков до н.э., содержат в преобладающем значении остатки двух зерновых культур – голозерной пшеницы и пленчатого ячменя [Pashkevich, 2001; Пашкевич, 2004]. Очевидно, что греки в процессе освоения новой территории использовали известный им ассортимент культурных растений и, вполне вероятно, что отсюда, с северных берегов Черного моря, мягкая пшеница со временем распространилась по всей территории Украины, придя на смену традиционным для местного населения пленчатым пшеницам.

А.Н. Щеглов предполагал (устное сообщение), что в Северное Причерноморье голозерная пшеница могла попасть также из Карпато-Дунайского бассейна. Пока сведений о ее выращивании здесь немного. Одно из них – находка большого количества зерновок голозерной пшеницы (преобладает) среди 400 мл обугленного зерна на поселении Орловка Одесской области, VI в. до н. э. [Пашкевич, 1991, с. 2]. Поселение находится в области распространения фракийской культуры Карпато-Дунайского региона. Фракийский элемент отмечен также восточнее, на ряде поселений Нижнего Побужья. Об этом же свидетельствуют следы металлообрабатывающего производства, обнаруженные на поселении Березань недалеко от Ольвии. Исследователи полагают, что это производство было связано с северо-балканским (фракийским?) миром [Доманский, Марченко, 2004, с. 28].

Третий путь, по которому голозерная пшеница, возможно, попала в Северное Причерноморье – из передней части Азии через Кавказ и Северо-Западное Предкавказье. Такого мнения придерживалась З.В. Янушевич. Она полагала, что голозерная пшеница культивировалась в Крыму еще до греческой колонизации. Возникнув на территории Передней Азии, включая Закавказье, она попала в Крым через Кавказ в эпоху бронзы или даже раньше, т.е. до появления здесь греков [Янушевич, 1986, с. 48]. В качестве подтверждения своего предположения З.В. Янушевич ссылается на находку Наной Русишвили на территории Грузии колосковых остатков голозерной пшеницы в археологических материалах VI тысячелетия до н.э. [Русишвили, 1988, с. 26 – 27; Янушевич, Русишвили, 1984, с. 21 – 33]. Однако все последующие палеоэтноботанические данные той же Н. Русишвили указывают, что с конца II тыс. до н.э. и на протяжении I тыс. до н.э. на Кавказе преобладали пленчатые, а не голозерные пшеницы [Русишвили, 1988, 26]. К сожалению, пока отсутствуют сведения о находках палеоэтноботанического материала на Прикубанье в предколониальный период, которые помогли бы получить ответ на этот вопрос.

Известно, что замена пленчатых пшениц на голозерные на Ближнем Востоке и в Средиземноморье произошла довольно рано. Уже в эпоху поздней бронзы эти пшеницы имели преимущество перед пленчатыми [Zohary, Hopf, 2000, с. 50]. Однако, исходя из палеоэтноботанических данных, в метрополии пленчатые пшеницы еще долго оставались основными в ассортименте [Sarpaki, 1992, с. 64 – 66; 1995, с. 300].

Выращивались ли эти пшеницы в античное время в Юго-Восточной Европе? К сожалению, почти все опубликованные в настоящее время данные касаются в основном ранних периодов в истории земледелия Юго-Восточной Европы. Материалы, полученные J.Renfrew, M.Hopf, D.Zohary для Греции, Македонии, Болгарии, обобщены Г. Кроллем в статье «Südosteuropa», написанной по поводу 20-летия работы Международной рабочей группы по палеоэтноботанике (IGWP) [Kroll, 1991, с. 161 – 177]. Согласно приведенным в статье данным, можно проследить появление в этой части Европы голозерных пшениц. На докерамических неолитических стоянках в Thessaly выявлены только ячмень, пленчатые пшеницы однозернянка (*Triticum monococcum*) и двузернянка (*Triticum dicoccon*), чечевица (*Lens culinaris*), горох (*Pisum sativum*), вика эрвлия (*Vicia ervilia*). Голозерная пшеница (*Triticum aestivum/durum*) к этому списку прибавляется позже, в раннем неолите, как и лен (*Linum*), чина (*Lathyrus sativus*) и нут (*Cicer*). В эпоху бронзы появляются новые виды культурных растений: просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*), чумиза (*Setaria italica*), маслина (*Olea*), рыжик (*Camelina sativa*), мак (*Papaver somniferum*), пшеница спельта (*Triticum spelta*) (очень редко).

Таким образом, у палеоэтноботаников сложилось мнение, что, возможно, выращивание голозерной пшеницы как самостоятельной культуры начинается с эпохи поздней бронзы (2-я половина III тыс. до н.э.). Следы этой пшеницы в этот период еще очень незначительны. Ее зерновки найдены в небольшом количестве среди массовых находок шестирядного пленчатого ячменя. В предыдущее время голозерная

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

пшеница (*Triticum aetivum/durum*) была лишь спутником в посевах пленчатых пшениц – однозернянки и двузернянки. Но в железном веке она уже занимает основное место среди зерновых культур. К этому же времени относятся и первые свидетельства выращивания овса, а рожь вошла в состав выращиваемых растений только с началом эры христианства [Kroll, 1991, с. 161].

В Италии возрастание роли голозерных пшениц (по данным палеоэтноботанических исследований) по сравнению с предыдущей эпохой неолита, где основными были пленчатые пшеницы и ячмень, отмечено в эпоху бронзы [Costantini, 1998, с. 11 – 12].

К сожалению, до сих пор мало палеоэтноботанических данных античного времени для территории Греции. Голозерная пшеница найдена только на одном памятнике Achilleion из двенадцати исследованных периодов докерамического, раннего и среднего неолита и на одном памятнике Servia из четырнадцати исследованных периодов позднего неолита. Основные зерновые культуры этого времени – пленчатые пшеницы, голозерный и пленчатый ячмень и бобовые – чечевица, горох, чина, нут. Почти такой же состав сохраняется и для эпохи бронзы. Находки голозерных пшениц в этот период тоже незначительны [Sarpaki, 1992, с. 64 – 66; 1995, с. 300]. В списке выращиваемых растений в Греции в эпоху неолита и бронзы А. Sarpaki называет еще твердую пшеницу (*Triticum durum*) [Sarpaki, 1992, с. 69].

Палеоэтноботанические исследования на Ближнем Востоке проводятся уже много лет большой группой исследователей из Англии, Франции и Америки на стоянках в долине Тигра – Эфрата, в Турции, Сирии, Иране. При датировании используются калиброванные даты, которые на тысячу лет больше тех, которыми обычно пользовались ранее. Например, дата 7000 лет до н.э. теперь имеет значение ca 8000 BP. Исследователей, которые работают в этом районе, интересует начало земледелия, появление ранних поселений земледельцев, переход к пище, в которой значительную роль начали играть зерновые, а потом и хлеб, и причины такого перехода. Большой интерес вызывают эти исследования у ботаников, которые изучают процесс перехода от дикорастущих растений к культурным, изучают изменения, происходящие при этом переходе в растениях и скрупулезно выискивают в палеоэтноботанических материалах морфологические признаки, свидетельствующие об этом. К сожалению, такое направление исследований привело к тому, что более поздние периоды истории культурных растений Ближнего Востока изучены крайне мало. Известно лишь несколько памятников, в которых представлены материалы I тыс. до н.э. и рубежа эр. Это Gordion, Hammam et-Turkman, Hadidi, Kamid el-Loz, Heshbon, Deir 'Alla. В соответствии с данными, обобщенными в работе американской исследовательницы Naomi F. Miller [1991, с. 133 – 160], в первый период, т.е. с начала доместикации, которое происходило в интервале от VIII тыс. лет до н.э. и до VI тыс. до н.э., на Ближнем Востоке самыми распространенными были пленчатые пшеницы, ячмень, чечевица, горох, нут, вика эрвилья, чина. В VI тыс. до н.э. возрастает роль голозерных пшениц – (*Triticum aestivum*) и (*Triticum durum*) и шестирядного ячменя [Zohary

& Hopf, 1988]. На памятнике Deir 'Alla в Иордании в материалах эпохи поздней бронзы, железного века и в последующие периоды найдены голозерные пшеницы (*Triticum aestivum* и *T.aestivo/durum*), двурядный ячмень, лен, вика эрвлия [W. van Zeist & Heers, 1973, Neef, 1989].

На территории Юго-Запада бывшего СССР (современные Молдова и Украина) длительное время также преобладали пленчатые пшеницы [Пашкевич, 2000]. Лишь с появлением греков в Северном Причерноморье главную роль стали играть голозерные пшеницы, вначале, по-видимому, только на территории, занятой колонистами и соседними с ними племенами, а со временем, особенно в период Древней Руси, распространившиеся более широко.

Гексаплоидная мягкая пшеница (*Triticum aestivum*) произошла в результате гибридизации уже domesticiрованной тетраплоидной пшеницы, возможно, пшеницы тургидум (*Triticum turgidum*) и дикого диплоидного эгилопса оттопыренного (*Aegilops squarrosa*). Предполагают, что это произошло в западной части ареала эгилопса, а именно – на юге Каспийского бассейна и на севере Ирана. Это стало возможным только после того, как пшеница стала культурным растением и использовалась в земледельческом хозяйстве [Zohary, 1969, 1973; Zohary & Hopf, 2000, с. 51 - 52].

Среди важных зерновых культур греко-римского времени в Средиземноморье была также твердая пшеница (*Triticum durum*). Об этом свидетельствуют находки мумифицированных зерновок твердой пшеницы в Египте. Тетраплоидная голозерная твердая пшеница является дериватом, мутантом от пшеницы двузернянки (*Triticum dicoccon*), и могла возникнуть в том месте, где уже эта domesticiрованная двузернянка произрастала. В отличие от гексаплоидных пшениц голозерные тетраплоидные пшеницы (в том числе и твердая) хуже приспособлены к условиям умеренного климата большей части Европы. На этом основании исследователи считают, что находки зерновок в археологических памятниках Центральной, Западной и Северной Европы следует относить все же к пшенице мягкой (*Triticum aestivum*), а не к пшенице твердой [W.van.Zeist & J.A.H. Bakker-Heeres, 1982 (1985), с. 196 - 198].

В обугленном состоянии отличить зерновки мягкой пшеницы от зерновок пшеницы твердой почти невозможно из-за большого сходства их морфологического строения и размеров [W.van.Zeist & J.A.Heeres, 1973, с. 25]. Некоторые палеоэтноботаники считают, что критерием для их различия могут служить междоузлия (rachis segments) [Nesbitt, 2001, с. 42]. Однако они встречаются в ископаемых материалах крайне редко. На помощь могут прийти сведения об экологических различиях этих пшениц. Твердая пшеница хорошо приспособлена к мягкому климату Средиземноморья с дождливой зимой и теплым сухим летом. Здесь она была до недавнего времени среди наиболее важных зерновых культур. Условия умеренного климата являются наиболее благоприятными для выращивания пшеницы мягкой.

О вероятном выращивании твердой пшеницы в Крыму в средневековье говорит находка небольшого количества междоузлий в материалах раскопок городского квартала средневекового Херсонеса. По ряду морфологических признаков (трапещиевид-

ная форма междоузлия с длиной 1,8 – 2 мм и шириной около 1 мм) их можно отнести к твердой пшенице (материал автора).

Эти данные согласуются с находкой нескольких тысяч обугленных зерновок твердой пшеницы в средневековой яме, врезанной в более древние слои, а именно – в слои таврского поселения Уч-Баш (X – IX вв. до н.э.) в Крыму (раскопки С.Ф. Стржелецкого). Получив для исследования этот материал (яма 56), З.В. Янушевич предположила наличие чистых одновидовых посевов твердой пшеницы в Крыму у тавров [Янушевич, 1986, с. 49]. Однако А.Н. Щеглов, разбирая дневники полевых работ С. Ф. Стржелецкого, обратил внимание на то, что яма была прорезана средневековыми слоями, и поэтому находку нескольких тысяч обугленных зерновок нужно отнести не к таврскому, а к более позднему времени, а именно – к средневековью.

Зерновки твердой пшеницы были также найдены в средневековом поселении Бакла, что подтверждает ее выращивание в Крыму на протяжении длительного времени [Янушевич, 1986, с. 49].

5.3. Пленчатые пшеницы

Пленчатые пшеницы в Европе найдены в материалах первых земледельцев, у племен культуры линейно-ленточной керамики. Многочисленные находки этих пшениц, прежде всего пшеницы двузернянки, на территории Англии, Швейцарии, Дании, Германии, Польши, Словакии, начиная с неолита и до средневековья, свидетельствуют о большом значении пленчатых пшениц для древнего земледелия Европы. В первом тысячелетии н.э. пленчатые пшеницы уступили свое значение голозерным, однако полностью не исчезли. Сейчас они встречаются в посевах на небольших площадях в горных районах Испании, Португалии, Швейцарии, Австрии.

Посевы полбы двузернянки были еще в конце XIX – начале XX ст. в восточных районах Европейской части России, за Уралом, вблизи Тюмени [Столетова, 1924 – 1925, с. 38 – 48]. В соответствии с данными, собранными В.В. Туганаевым, пшеница двузернянка в начале XX века высевалась в Прикамье, Среднем и Нижнем Поволжье чувашами, татарами и мордвою. Значение ее было достаточно весомым. Из 210, 8 тыс. десятин, которые высевались по всей Европейской России, на долю Средневолжского района приходилось 159 тыс. десятин [Туганаев, 1984, с. 67]. Однако в 30-х годах двузернянка утратила свое значение при переходе хозяйств на многополье. Одной из причин было также углубление горизонта пахоты с 10–13 см до 20 см и больше. Ведь пленчатые пшеницы высевались на почвах с неглубокой пахотой.

Длительное, на протяжении тысячелетий, существование пленчатых пшениц в посевах объясняется их агробиологическими особенностями. Эти пшеницы считались «надежным» хлебом благодаря своей засухоустойчивости, нетребовательности к качеству обработки и плодородию почвы, устойчивости к болезням. Именно эти свойства удовлетворяли древних земледельцев. «В ущельях гор, где климат отличается резкими сменами температур и почвы очень бедные, где другие хлебные злаки,

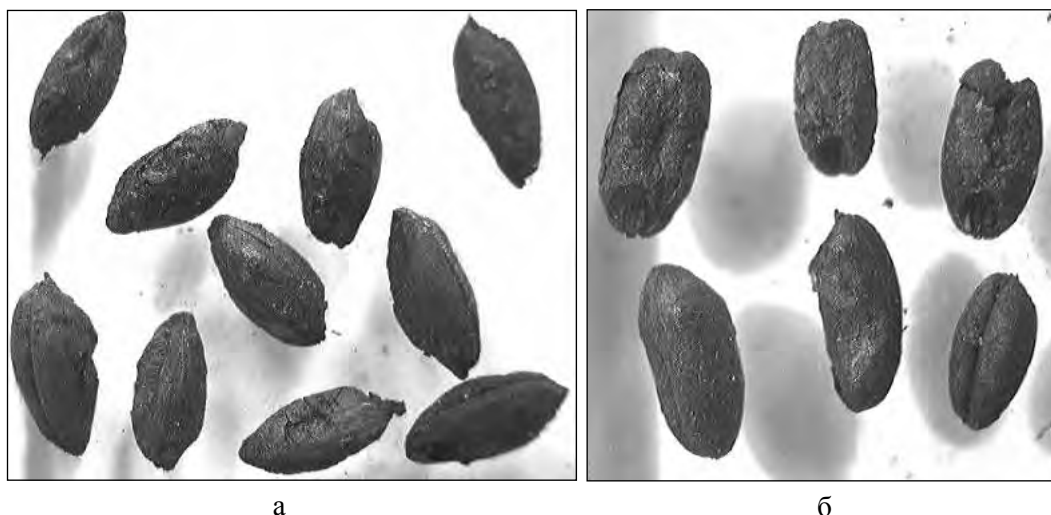
такие как голозерные пшеницы, расти не могут, там полба великолепно произрастает, мирясь с неблагоприятными условиями почвы и климата» [Столетова, 1924 – 1925, с. 34]. Может расти эта пшеница на черноземах, на подзолах и глинах и даже на торфяниках [Столетова, 1924 – 1925, с. 51]. Такая неприхотливость к грунтам связана с тем, что полба имеет хорошо развитую корневую систему. Пшеница двузернянка (полба) описана К.А. Столетовой, сотрудницей Н.И. Вавилова, как растение экстенсивных крестьянских хозяйств: «Полба возделывается в СССР преимущественно в крестьянских хозяйствах как культура малотребовательная к обработке почвы по сравнению с обыкновенной пшеницей и другими экономически более выгодными хлебами. Последние нуждаются в более культурных приемах обработки почвы по сравнению с полбой и поэтому не выносят экстенсивного ведения хозяйства крестьян» [Столетова, 1924 – 1925, с. 48]. Землю под посевы полбы возделывали на небольшую глубину сохой. Стебли у этой пшеницы крепкие, устойчивые к полеганию и потому в некоторых районах использовались как кровельный материал. Зерно обмолачивается с трудом, так как зерновки находятся в плотно прилегающих чешуях. Перед освобождением от чешуй зерновки нужно было подсушить, а потом истолочь в ступах, каменных или деревянных [Столетова, 1924 – 1925, с. 32]. Для посевов пользовались невымолоченными колосками. С появлением железного плуга посевы полбы сократились в связи с тем, что колоски сложно было удержать в почве. Они цеплялись за борону и выходили на поверхность. Вторая причина, согласно которой полба постепенно была вытеснена, – трудоемкий процесс обмолачивания.

В Европе увеличение посевов голозерных пшениц началось в первой половине I тыс. н.э. и тесно связано с прогрессом в земледельческом хозяйстве. Короткостебельные голозерные пшеницы оказались более приспособленными к хорошо обработанным почвам, появившимся с введением переложной системы землепользования. К тому же зерновки этих пшениц значительно легче обмолачивались, не требовали больших затрат труда для предварительного нагревания и обрушивания в ступах.

О давнем выращивании пленчатых пшениц и ячменя на территории Крыма свидетельствует находка у с. Болотное. Смесь необугленных колосков двух пленчатых пшениц – однозернянки и двузернянки найдена в захоронении катакомбной культуры (II тыс. до н.э.) в северной части Крымского п-ва, у с. Болотное (раскопки В.А. Корпусовой) около Сиваша [Янушевич, Корпусова, Пашкевич, 1981].

По мнению З.В. Янушевич, пшеница однозернянка выращивалась в Крыму местным населением до греческой колонизации. Она же приводит сведения, ссылаясь на Н.А. Дроздова и Е.И. Барулину, о выращивании однозернянки в Крыму и в начале XX в. [Янушевич, 1976, с. 23].

Зерновки пленчатых пшениц: однозернянки (*Triticum monococcum*), пшеницы двузернянки (*Triticum dicoccon*), пшеницы спельты (*Triticum spelta*), найденные в описанных выше материалах, имеют типичные морфологические признаки – удлиненную форму, более узкое тело, чем у зерновок голозерных пшениц (рис. 19а,б,в). У зерновок однозернянки брюшная сторона выпуклая или прямая, спинная – значительно припод-

а

б

Рис. 19. Зерновки пленчатых пшениц и их «вилочки»:

а. пшеница однозернянка (*Triticum monosocum*); б. пшеница двузернянка (*Triticum dicoccon*); в. «вилочки» пшеницы однозернянки и пшеницы двузернянки. Городище Тиритака.

в

нята, благодаря чему высота зерновки больше, чем ее ширина, и зерновка имеет своеобразный вид – она сплюснута с боков. У двузернянки – брюшная сторона прямая или немного углубленная, спинная сторона более пологая, чем у однозернянки.

5.4. Ячмень (*Hordeum*)

Второй преобладающей зерновой культурой в посевах греков был ячмень. Его зерновки в находках встречаются в равных значениях с пшеницей голозерной или превосходят ее. Письменные источники при перечне культурных растений ячмень ставят на первое место: «ячмень и пшеница», видимо, подчеркивая тем его

немаловажное значение в хозяйстве [Herper, 1990, с. 59]. Плиний замечал: «Умелые хозяева сеют пшеницу только для стола, а для кошелька, по их словам, ячмень».

В боспорских материалах найдены зерновки двух видов ячменя: ячмень голозерный (*Hordeum vulgare var. coeleste*) и ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare*). Зерновки пленчатого ячменя характеризуются типичными морфологическими

Рис. 20. Зерновки ячменя голозерного (*Hordeum vulgare var. coeleste*). Городище Тиритака.

признаками: они удлинено-овальные, с брюшной бороздкой, расширяющейся кверху, с остатками цветочных чешуй или следов от них в виде трех продольных ребер на спинной стороне. Среди зерновок симметричного строения встречаются асимметричные, что свидетельствует о принадлежности их к популяции ячменя пленчатого многорядного. Также встречаются в некоторых материалах другие зерновки. Они более короткие, овальные или ромбовидные, что характерно для плотноколосых популяций ячменя.

Зерновки голозерного ячменя во многих пробах оказались значительно разрушенными, что могло произойти под воздействием огня. На их теле есть выгоревшие полости, некоторые зерновки значительно увеличены в объеме, вздуты, что также происходит при действии высокой температуры. Сохранившиеся зерновки овальной формы, с максимальной шириной в центре или слегка ниже центральной части, с узкой глубокой бороздой, одинаковой ширины по всей длине (рис. 20).

Голозерный ячмень относится к зерновым культурам, предпочтительным в условиях примитивного земледелия. Он отличается выносливостью к неблагоприятным условиям выращивания, дает надежно урожаи в горных районах Юго-Западной Азии даже на высоте 2000 м над уровнем моря. Ячмень при отсутствии овса использовался как корм не только для лошадей, но и для других домашних животных.

Для выращивания ячменя наиболее подходящими являются сухие места водоразделов. В засушливых районах ячмень более урожайный, чем пшеница [Растениеводство, 1986, с. 33]. Среди зерновых культур ячмень самый скороспелый. При плохих всходах пшеницы из-за неблагоприятных погодных условий ячмень можно высевать на этом участке и успеть получить урожай. Из зерновок ячменя готовят ячневую и перловую крупы, мука используется для выпечки хлеба, но он низкого качества – грубый, быстро черствеет и становится ломким.

По данным Плиния (Естественная история NH, XVIII, 74), греки, предварительно замачивая зерна, готовят из ячменя кашу. Зерна высушивают, дробят вместе с семенами льна и кориандра. Н.И. Вавилов во время своего путешествия на Памир заметил, что там шестирядный голозерный ячмень выращивают специально на корм скоту и только небольшое количество зерна идет на приготовление лепешек, которые состоят из смеси дробленых зерновок ячменя, пшеницы, проса, ржи, семян гороха, чечевицы, бобов [Вавилов, 1987, с. 22].

Ячмень известен как хорошая фуражная культура, зерно его используется на корм скота (свиней, а также лошадей), особенно в тех районах, где овес не растет. Отсюда происходит и средневековое название ячменя – «конский», так как он «кормит скотину лучше, чем пшеница, и людям здоровее, чем плохая пшеница» [«Агрокультура...», 1936, с. 18]. Находят применение отходы обмолота и солома, которые по кормовым качествам приближаются к хорошему селу [Растениеводство, 1986, с. 124]. Колумелла писал: «Для всех деревенских животных он пища лучшая, чем пшеница, да и для человека он здоровее плохой пшеницы. Нуждающегося только он и спасает от голода» [Колумелла, цит. по Сергеенко, 1970, с. 149]. На плодородных землях ячмень является очень выгодной культурой, так как дает хорошие урожаи и требует меньших трудовых усилий.

5.5. Просо обычное (*Panicum miliaceum*)

Найденные в материалах зерновки проса обычного в большинстве случаев были без цветочных чешуй. Зерновки, освобожденные от чешуй, известны под названием пшено. Они имеют округлую, слегка удлинённую форму. Зерновки в пленках под действием огня обычно спекаются в плотные комки. Выделить из таких комков отдельные хрупкие зерновки почти невозможно.

По количеству находок просо в материалах античных памятников значительно уступает голозерной пшенице и ячменю. В материалах скифских памятников просо имеет большее значение. Оно входит в состав группы преобладающих культурных растений, иногда занимает первое место.

По засухоустойчивости просо занимает одно из первых мест среди других культурных растений, что делает его незаменимым в засушливых районах. Это культура быстросозревающая. От посева до уборки требуется лишь два месяца, то есть 60 – 65 дней, однако при этом исключаются заморозки и погода должна быть теплой. При прорастании зерна требуется очень немного влаги, значительно меньше, чем для любой другой зерновой культуры. Лучше всего просо растет на богатых, достаточно влажных почвах и совсем исключаются пески. Используют эту культуру на зеленый корм в виде послежнивных посевов. На кормление скоту идут отходы от обмолота – лузга и солома. Просяная солома и солома по своим кормовым качествам приближаются к луговому селу.

Крупа, то есть пшено, которую получают из проса, имеет высокие вкусовые качества, содержит много белка (12%) и жиров (3,5%). Пшено быстро разваривается и

хорошо усваивается. Малый объем, необходимый для посева, транспортабельность, засухоустойчивость, поздние сроки посева, простота и легкость приготовления пищи из проса – все это способствовало тому, что это растение было самой любимой зерновой культурой вначале у кочевых племен, а со временем и у земледельческих [Вавилов, 1987, с. 65].

По подсчетам Колумеллы, проса нужно было в 20 раз меньше средней нормы высева пшеницы и в 40 раз меньше средней нормы высева полбы двузернянки. Меньше посевного материала нужно было еще и по другой причине. При подсечном земледелии засоренность впервые подготовленного участка для посева была небольшой, так как сорняки и местная растительность уничтожались при выжигании. Отсутствие сорняков повышает всхожесть и, как следствие, повышает урожайность. Поэтому при подсечном способе ведения хозяйства необходимо лишь 50% посевного зерна по отношению к тому же количеству, что высевается на ту же площадь бывшего в длительном употреблении полевого участка. Как растение, которое требует чистоты поля, просо было удобной культурой при освоении новых целинных земель. Им пользовались при необходимости засеять гари, подсеки, целину в первый год освоения. Просо, как и пшеница двузернянка, относится к «надежным» хлебам. Страбон, называя просо среди основных зерновых культур, подчеркивал его надежность таким образом: это «... могущественное средство против голода, потому что просо устоит против всякой погоды и в нем никогда не бывает недостатка, хотя бы другой хлеб и плохо уродился». Как быстро созревающее растение, просо могло использоваться как «страховая» культура, то есть такая, которую можно было высевать вместо погибших растений от ранних заморозков.

5.6. Рожь посевная (*Secale cereale*)

Зерновки этого растения найдены в небольшом количестве, в основном в виде единичных зерновок. В материалах некоторых памятников (Китей, Тиритака) они вообще отсутствуют. Наибольшее количество зерновок ржи обнаружено в ямах Новопокровки 1. В зерновой яме № 2 насчитано 112 зерновок, в яме № 33 – 30 зерновок. Зерновки небольшие, имеют заостренное основание и тупую вершину. Размеры их в среднем (по 20 измерениям) такие: длина 4,8, ширина 1,8 мм.

Исходя из морфологических признаков обугленных зерновок, установить принадлежность их к культурной или сорно-полевой форме невозможно. Поэтому Карл Бере предложил считать небольшое количество зерновок ржи в образцах как принадлежащих сорно-полевому растению (*Secale segetale*) [Behre, 1992, p. 141]. Такая рожь засоряет посевы пшеницы или ячменя. Возможно, что на начальных этапах освоения греками новых территорий в их посевах была именно сорно-полевая рожь. По мнению З.В. Янушевич, именно к сорно-полевой ржи, несмотря на достаточно большие значения, иногда достигающие 60 – 80%, следует отнести находки ее зерновок в материалах поселений Панское 1 и Маслины III – II веков до н.э. в северо-западной части Крымского полуострова [Янушевич, 1976, с. 134 – 138; Николаенко,

Янушевич, 1981, с. 30]. Особенно большой интерес представляет находка на поселении Панское 1. Здесь подсчитано до 50 тыс. зерновок ржи, среди которых голозерная пшеница в одной из находок составляла 18,1%, а рожь – 81,9%, а в другой – 26,8%, а рожь – 73,2%. Со временем З.В. Янушевич изменила свое мнение и пришла к заключению, что именно тут, в степной части Крыма, произошел переход к озимым посевам пшеницы и ячменя и рожь в них, как более стойкая культура, чем пшеница, стала самостоятельной культурой [Янушевич, 1986, с. 54]. По мнению А.М. Щеглова, такие высокие значения ржи в материалах Панского 1 надежно свидетельствуют о том, что рожь уже в начале III в. до н.э. выращивалась как самостоятельная культура [Hannestad, Stolba, Ščeglov 2002, с. 329 – 330]. Подтверждением служит и находка большого количества зерновок ржи (95%) в материалах поселения Маслины (Владимировка) (раскопки В. Латышева).

На Сухо-Чалтырском городище на Нижнем Дону в слоях I – III веков н.э. найдены 31 тысяча 500 зерновок ржи, 8 зерновок полбы и 1 зерновка ячменя. Очевидно, рожь здесь можно рассматривать не как сорное, а как культурное растение.

По наблюдениям Н.И. Вавилова, Крым и вся северо-восточная часть Причерноморья были среди тех районов, где рожь из сорного растения перешла в состояние культурного. Название растения произошло от латинского «selecto», что значит «выбирать», что непосредственно связано с тем, что это растение было сорняком. Издавна его выбирали из посевов пшеницы или ячменя как злостный сорняк. Н.И. Вавилов во время своей поездки по странам Юго-Западной Азии отметил, что там нет культуры ржи: «Ее нет в посевах в Туркестане, Индии, Иране, Афганистане, Китае. Но везде в Юго-Зап. Азии рожь встречается в посевах ячменя и пшеницы как сорное растение». И далее «В работе «О происхождении ржи» (ссылка Н.И. Вавилова на свою же работу – Вавилов, 1917) я доказываю, что культурная рожь возникла из ржи – сорняка в Ю-З Азии, и мне представляется, не лишено вероятности, что горы Памира с их убогой старой культурой были одним из начальных очагов культуры ржи» [Вавилов, 1987, с. 23]. Таким образом, рожь, по принятой до настоящего времени гипотезе Н.И. Вавилова, является вторичным культурным растением, произошедшим из сорного. Некоторые исследователи считали, что предком ржи могли быть два вида ржи: *Secale montanum* и *Secale sylvestre*. Однако Н.И. Вавилов утверждал, что их нельзя считать предками культурной ржи. Сейчас наиболее правдоподобным считается, что дикой формой культурной ржи было однолетнее растение с ломким колосом рожь Вавилова (*Secale vavilovi*). От него в результате спонтанного скрещивания с *S. montanum* возникли на Ближнем Востоке разные формы сорной ржи и неизвестно, из какой формы с мелкими зерновками со свойствами сорняка произошла культурная рожь. Российские исследователи полагали, что это могла быть рожь сорно-полевая (*Secale segetale*), т.е. сорняк, растущий в Восточной Европе, Малой и Центральной Азии.

Происхождение культурной ржи, как предполагают исследователи, происходило таким путем. Вначале рожь была сорняком в посевах пшеницы или ячменя.

Отбирались растения с прочным, не рассыпающимся колосом. При продвижении на территории, где почвенные условия были менее благоприятными для пшеницы или ячменя, например, горы или более северные районы, роль таких растений возрастала. Наблюдательные хозяева замечали, что с такими сорняками, имеющими крупные зерновки, не следует бороться. Именно эти растения давали надежные урожаи в неблагоприятных для пшеницы и ячменя условиях.

В Европе процесс освоения ржи был связан с похолоданием, которое произошло около середины VIII в. до н.э. Повышение уровня грунтовых вод вынуждало земледельцев покидать освоенные земли и передвигаться на более легкие почвы, на которых рожь удавалась лучше, чем пшеница или ячмень. Карл Бере полагает, что немаловажную роль сыграла также смена техники пахоты и орудий сбора урожая. Появление железного серпа, при пользовании которым стебли срезались низко над землей, ограничило возможность разделять при сборе урожая пшеницу и рожь [Behre, 1992]. Менее устойчивые к климатическим и почвенным условиям пшеницы и ячмень заменялись рожью. Распространению ржи в Европе способствовало более частое использование озимых посевов. В V – IV вв. до н.э. находки ржи еще незначительны и ее можно рассматривать как примесь. В римское время произошло широкое распространение ржи в Европе. На некоторых памятниках отмечается уже значительное скопление чистого зерна [Litynska-Zajac, Wasylikowa, 2005, с.102-103]. По мнению К. Бере, берега Черного моря были тем местом, где рожь вошла в культуру. Исследователь ссылается на данные русских палеоэтноботаников, которые обнаружили очень давние находки ржи в Грузии, в слоях, относящихся к III тыс. до н.э., а затем и в более позднее время [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 62, 68, 79]. Уже в средневековье, как показывают многочисленные находки, рожь заняла одно из основных мест среди зерновых культур в Европе.

5.7. Бобовые растения

Среди бобовых растений в материалах греческих памятников найдены семена гороха посевного, вики эрвильи, вики посевной, чечевицы, нута, бобов. Все семена бобовых имеют типичную для каждого вида форму и в основном характеризуются небольшими размерами. Наиболее часто в материалах Боспора представлены семена вики эрвильи, вики посевной, чечевицы пищевой. Семена гороха, нута, бобов отмечены в очень незначительном количестве и не на всех памятниках.

Семена вики эрвильи [*Vicia ervilia*(L.) Willd.] довольно часто встречаются в материалах греческих поселений Северного Причерноморья [Янушевич, 1986, с. 54 – 60; Pashkevich, 2001, с. 534].

Вика эрвилья – неприхотливое и скороспелое бобовое растение. Она хорошо растет на различных почвах, устойчива к засухе. На юге может давать по два урожая в год. В прошлом выращивалась как для употребления в пищу людьми, так и на корм скоту (зеленая масса, сено). Использовать в пищу можно только с обязательным

предварительным вымачиванием. В настоящее время используется преимущественно в качестве корма для скота.

По мнению З.В. Янушевич, греки, очевидно, выращивали вику эрвилию в междурядьях виноградников. Она, как любое бобовое растение, обладает способностью обогащать почву азотом. В виноградниках вику эрвилию могли использовать как опору для молодых побегов виноградной лозы благодаря тому, что она имеет небольшой рост, исключая затенение винограда. К тому же у вики эрвиллии отсутствует такое качество бобовых, как оплетание [Янушевич, 1986, с. 60].

В большом количестве семена вики эрвиллии найдены в материалах конца V в. до н.э. в Керкинитиде (раскопки В. А. Кутайсова) [Пашкевич, 1991, с. 15], а также в материалах первой четверти IV в. до н.э. на поселении Панское I [Щеглов, Кузьминова, Янушевич, Чавчавадзе, 1989, с. 61–62]. Материалы средневекового квартала Херсонеса показывают, что это бобовое растение не утратило своего значения и в средневековье. Большие находки семян отмечены в материалах из Мирмекии и Тиритаки. В Мирмекии семена вики эрвиллии обнаружены в печи (17 шт.) и в яме № 71 (65 шт.). В материалах из Тиритаки обнаружено 240 семян вики эрвиллии с небольшой примесью зерновок ячменя пленчатого, пшеницы голозерной и семян чечевицы и гороха.

Найденные в исследованных материалах семена вики имеют округло-треугольную форму со средним значением диаметра (по 20 измерениям) 3,34 мм при макс. 4,2, мин. 2,6 (рис. 21).

Вика эрвилия известна как древнее культурное растение, первые следы которого зафиксированы в сельскохозяйственных поселениях VII – VI тыс. до н.э. в Турции. Большое количество обугленных семян ее найдено в различных фазах докерамического неолита (7500 – 6500 лет до н.э.), однако не установлено, относились ли эти семена к культурным растениям или дикорастущим. Позже семена вики эрвиллии

Рис. 21. Семена вики эрвиллии (*Vicia ervilia*).
Городище Тиритака.

были отмечены в материалах таких известных поселений первых земледельцев VI – V тыс. до н.э. Ближнего Востока, как Can Hasan 3, Nacilar, Erbaba. Со временем находки отмечены в неолите и бронзе Греции, Болгарии, Югославии, Румынии и Молдовы. Большой перечень этих находок приводят D. Zohary and M. Hopf. Согласно их заключению, выращивали вику эрвилию в прошлом преимущественно

в Турции, Греции и Болгарии, где она входила в состав первых культурных группировок. Одомашнивание вики эрвильи произошло в Анатолии, то есть там, где сейчас все еще встречается это растение в составе местной флоры [Zohary & Hopf, 2000, pp. 116 – 118].

В настоящее время вику эрвилью выращивают в незначительном количестве в Анатолии и странах Средиземноморья и употребляют в качестве корма для скота. Согласно Аристотелю, при употреблении вики эрвильи коровы увеличивают надой молока. Плиний отмечал, что вика эрвилья не требует большого ухода, имеет лечебные свойства, используется преимущественно на корм скоту.

Кроме вики эрвильи во многих исследованных материалах найдены семена еще одной вики – вики посевной (*Vicia sativa* L.).

Семена этого растения имеют округлую, иногда угловатую форму, с гладкой поверхностью коричневого цвета и с черным рисунком на ней. При обугливаниях этот рисунок иногда утрачивается. Семена варьируются в размерах: мелкие семена имеют диаметр (в среднем по 10 измерениям) 2,8 – 3,2 мм, крупные семена – 5,0 – 5,6 мм. На внешней поверхности хорошо виден узенький рубчик более светлого цвета, чем семя. Длина рубчика колеблется от 0,8 до 1,6 мм.

Вика посевная – однолетнее кормовое растение. Выращивают его на корм скоту в качестве зеленой массы (сена) и для получения семян, которые непригодны в пищу человеку и используются лишь для последующих посевов. В настоящее время это растение часто встречается как сорняк в посевах, в основном чечевицы и вики эрвильи. В древности вику употребляли в пищу только бедные люди, особенно в голодные годы [Zohary & Hopf, 2000, с. 116 – 119]. Семена перед употреблением следовало вымочить, так как они содержат ядовитые вещества, так же как семена вики эрвильи. Вика, как все бобовые растения, обогащает почву азотом и хорошо очищает поля от сорняков. Помимо посевов встречается в составе растительного покрова лугов, на опушках, вдоль полей, на открытых склонах. Это растение требовательно к влаге. Наиболее благоприятные условия для выращивания – районы с количеством осадков не менее 450 мм в год и почвами, хорошо удерживающими влагу [Растениеводство, 1986, с. 357 – 358]. В наше время вику посевную, имеющую высокую экологическую пластичность, выращивают как однолетнюю высокоурожайную кормовую культуру с хорошими питательными достоинствами для получения зеленой массы или сена.

Дикорастущие формы вики встречаются в растительном покрове стран Средиземноморья. Размеры семян как дикорастущих, сорных, так и культурных форм очень близки и иногда перекрывают друг друга, поэтому палеоэтноботаники считают, что определить с точностью, принадлежали ли найденные семена культурному растению или сорному, невозможно [Zohary & Hopf, 2000, с. 119].

Обугленные семена обычно в небольшом количестве встречаются в археологических материалах как Ближнего Востока, так и Европы, начиная с неолита. Первые находки семян вики посевной происходят из неолитического поселения Tell Abu Hureyra и Natufian в Сирии и докерамического San Hasan III в Турции.

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

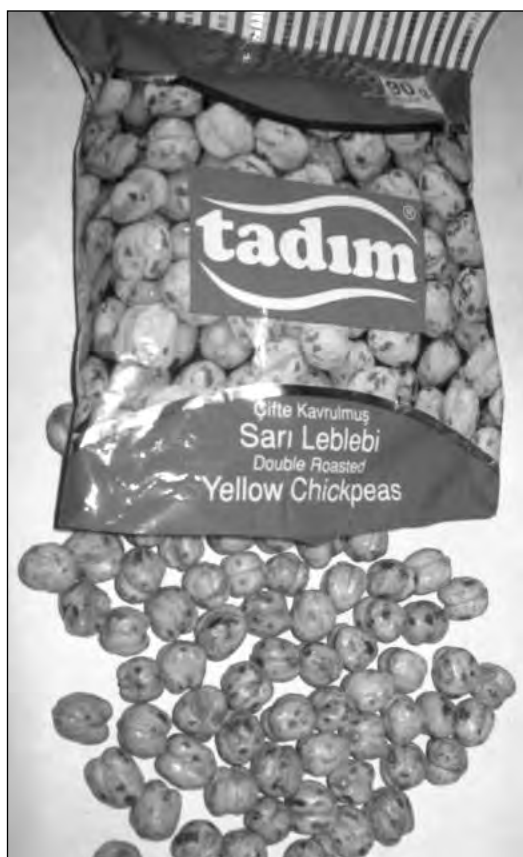
Есть находки вики посевной в неолитических и энеолитических слоях Болгарии, Венгрии, Словакии. К культурному растению палеоэтноботаники уверенно относят ископаемые семена вики посевной только начиная с римского времени [Zohary & Hopf, 2000, с. 119].

Обычно количество семян вики посевной в находках Боспора не превышает одного десятка. Однако есть несколько исключений. На поселении Артющенко 2 в яме 4 обнаружено 94 семени. При раскопках Нимфея на участке М, юго-западный раскоп, кв. 5, котлован 2, найдено 53 семени; в могиле № 294, р. XXXVI Китея – 98 семян вики посевной. В таком количестве обугленные семена вики посевной не были известны ранее ни на территории Молдовы, ни Украины.

Чечевица пищевая (*Lens culinaris Medik.*) представлена единичными находками и не на всех памятниках. Семена у чечевицы бывают двух размеров. Обнаруженные семена чечевицы относятся к мелкосеменным. Размеры их колеблются в пределах 3 – 3,4 мм. Первые находки семян чечевицы известны на территории Украины со времени позднего Триполья. Единичные семена чечевицы найдены в материалах скифских памятников Северного Причерноморья, черняховской, липицкой и пшеворской культур, в материалах пеньковской, лука-райковецкой культур [Пашкевич, 1991, с. 11, 13]. Значительно больше семян чечевицы встречается в материалах поселений и городищ древнерусского времени [Пашкевич, 2010]. Самые большие находки происходят из средневековых памятников. Более 10 литров мелких, диаметром 3 мм обугленных семян чечевицы, найдено в одной из хозяйственных построек золотоордынского города Старый Орхей (XIV – XV вв.) на территории современной Молдовы [Янушевич, Бырня, 1972, с. 273].

На юго-востоке Европы чечевица встречается в находках, начиная с раннего неолита. Появление ее в Европе в V тыс. до н.э. вместе с ячменем и пшеницей свидетельствует о том, что культурные формы этого растения пришли сюда с Ближнего Востока.

Существует мнение, что предком культурной чечевицы является небольшое растение – чечевица восточная [*Lens orientalis* (Boiss.) Schmalh]. Она широко распространена на Ближнем Востоке – по всей Турции, в Сирии, Ливане, Израиле, Иордании, на севере Ирака и Ирана, а также в близлежащих к ним Афганистане и Прикаспийских районах бывшего Союза. Встречается чечевица обычно на каменистых открытых склонах и среди степных группировок. Отличается от культурной чечевицы тем, что стручки раскрываются сразу же после созревания. Возможно, что domestикация чечевицы проходила как раз на Ближнем Востоке вместе с ячменем и пленчатыми пшеницами. Наиболее ранние находки небольших семян (от 2,5 до 3 мм в диаметре) уже культурной чечевицы происходят из земледельческих поселений Ближнего Востока, датируемых VII тыс. до н.э. Они всегда встречаются в смеси с зерновками культурных пшениц и ячменя [Zohary & Hopf, 2000, pp. 94 – 101]. В наше время чечевицу выращивают в странах Средиземноморья – в Испании, Марокко. Ее посевы есть также в Пакистане, Эфиопии, на Ближнем Востоке, в Индии. Для средиземноморского земледелия чечевица является типичным растением вместе с

б

а

Рис. 22. Современные семена нута (*Cicer arietinum* L.): а. из Турции; б. из Италии.

ячменем и пшеницей. Несмотря на невысокую урожайность, ее ценят как одно из наиболее питательных растений с хорошими вкусовыми качествами из-за высокого содержания белка (25%). Чечевица считалась на Руси важным пищевым растением в крестьянских хозяйствах. Из нее готовят супы, пасту в смеси с пшеницей или рисом.

Нут – турецкий горох, бараний горох (*Cicer arietinum* L.). В боспорских материалах находок семян этого растения немного. Возможно, что нут на землях Боспора не выращивался, а единичные ископаемые семена были привезены из метрополии. Найдены они в основном в ямах поселения Новопокровка 1.

В мире это растение занимает третье место среди культивируемых бобовых. Иногда в засушливых районах называется горохом. Семена нута имеют очень характерную форму – они подобны голове цыпленка, сокола или барана. Отсюда происходят различные названия нута: chick-pea, falcon-head, ram's-head. Последнее название совпадает и с научным названием нута (бараний горох) «*arietinum*», которое происходит от латинского слова *aries*, *arietis* – баран (рис. 22а,б).

Нут – многолетнее травянистое растение или небольшой куст. Это традиционное растение Средиземноморья, Западной Азии, Индии, Эфиопии. 80% всемирной

продукции получают в Индии. Нут хорошо растет в условиях субтропиков, средиземноморского климата с количеством осадков не менее 400 мм. Среди бобовых культур нут самый засухоустойчивый, хорошо приспособленный к выращиванию в районах с частыми засухами и дает надежные урожаи в условиях жаркого и засушливого климата. В условиях умеренного климата урожайность нута намного ниже. Как все бобовые, это растение обогащает почву азотом.

В семенах содержится от 18 до 26% белка, около 45 – 60% углеводов, около 5 – 9% жиров, благодаря чему они высоко ценятся как хороший заменитель мяса. Вареные, а потом поджаренные семена нута в восточных странах известны как сладости. Готовят из нута супы-пюре, гарниры, соусы и пасты, добавляя различные специи.

Бобы (*Faba vulgaris* Moench) вместе с горохом, чечевицей и нутом принадлежат к хорошо известным растениям Старого Света. Встречаются в теплом климате стран Средиземноморья преимущественно как озимая культура. Выращиваются также в Индии, Афганистане, Передней Азии, Марокко, Турции, некоторых районах Европы. Если в Средиземноморье и других южных районах бобы – это ценное пищевое белковое растение, то севернее они известны как кормовое растение. Главный поставщик бобов в мире – Китай.

Большие семена бобов (15 – 29 мм длина и 12 – 15 мм ширина) содержат 30 – 35% белка. Вареные семена и свежие зеленые бобы население стран Средиземноморья употребляет в пищу почти ежедневно. Используются в пищу также створки бобов. Муку из семян примешивают к пшеничной при выпекании хлеба. В животноводстве растения используют в качестве сена.

На территории Украины пока есть только одна большая находка семян бобов. Обугленные семена находились в двух из десяти пифосов, открытых в 1983 году при раскопках горелого помещения XVI века на укреплении Фуна в Крыму. В пифосе № 7 было 12 кг бобов, в пифосе № 10 – 9 кг. Другие пифосы были заполнены зерновками ржи, ячменя пленчатого и пшеницы двузернянки.

5.8. Лен культурный (*Linum usitatissimum* L.)

В помещении № 1 Тиритаки (конец первой четверти V в. до н.э.) обнаружено 7 спеченных в однородную массу комков, которые образованы семенами льна. Средние размеры семян (по 20 измерениям) – 3,7 x 2,0 мм. Из плотно спеченной массы выделить отдельные семена сложно, они очень хрупкие, легко рассыпаются при прикосновении. Комки однородные, состоят из семян льна, лишь только в одном из них найдена зерновка ячменя пленчатого.

Лен относится к первой волне domesticiрованных растений. Издавна его употребляли как для получения волокон, так и для получения масла. Существует две разновидности льна: те растения, из которых получают масло, имеют относительно короткий стебель и большие семена. Вторая разновидность имеет более высокий стебель и маленькие семена. Существуют и переходные формы, которые выращивают как для получения волокон, так и семян. При орошаемом земледелии

семена льна увеличиваются в размерах. В данной находке семена можно отнести к мелким.

До недавнего времени лен выращивался на большой площади от Атлантического побережья Европы на западе и до Индии на востоке, а также на юге – в Эфиопии [Dugant, 1976]. В прошлом волокна льна, более крепкие, чем шерстяные или хлопковые, были основным растительным материалом, который использовался для пошива одежды в Европе и на западе Азии. Однако во времена индустриальной революции лен был заменен хлопком, а в более недавние времена почти полностью заменен хлопком и синтетическими тканями. Использование семян льна для получения масла связано с тем, что в них содержится до 40% масла. Его можно использовать в пищу и для технических целей как смазочный материал, а также для освещения.

В археологических материалах лен встречается в виде семян и капсул, очень редко – в виде остатков стеблей или волокон. Волокна можно найти только под микроскопом, и то только в том случае, если они необугленные [Korber-Grohne, 1991].

Лен использовался еще до доместикации. Самые давние находки семян льна выявлены при раскопках палеолитических стоянок Ближнего Востока (9200 – 8500 bc) на севере Сирии [Hillmann et al., 1989]. Здесь еще не было следов культурных растений, т.е. использовались семена дикорастущих растений. Семена уже культурного льна найдены на многих докерамических неолитических земледельческих поселениях Ближнего Востока второй половины VIII тысячелетия до н.э. и в VII тыс. до н.э. Самые ранние находки культурного льна происходят из поселений Cayonu в Турции [Van Zeist, 1972; van Zeist and de Roller, 1991 – 1992], Ali Kosh в Иране [Helbaek, 1969], Jericho [Hopf, 1983] и Ain Ghazal в Иордании [Rollefson et al., 1985]. Семена небольшие, размером похожи на семена дикорастущих форм *Linum bienne*. Однако все они найдены вместе с зерновками культурных пшениц и ячменя, что указывает на вероятность выращивания льна, а не сбора семян из дикорастущих растений.

Распространение льна в Европу и в долину Нила из «первичного центра» происходило вместе с распространением неолитического земледелия. Семена льна были обнаружены в Греции в материалах раннеолитических стоянок, имеющих дату VI тыс. лет до н.э. В более северных и западных районах Европы самые первые находки культурного льна обнаружены в стоянках в интервале 4400 – 4000 лет до н.э. Они принадлежат к самой ранней земледельческой культуре – культуре линейно-ленточной керамики [Kroll, 1991]. В Польше лен был найден еще позже [Klichowska, 1976].

Известны также в небольшом количестве находки волокон льна. Хороший образец льняной ткани, сохранившийся без обугливания благодаря низкой влажности в засушливых районах Ближнего Востока, происходит из докерамического неолитического поселения Nahal Namar (начало VII тыс. до н.э.) около Мертвого моря [Schick, 1988]. Единичные кусочки льняной ткани найдены также в неолитическом Фаюме (V тыс. лет до н.э.) в Египте [Caton-Thompson and Gardner, 1934, с. 59]. Фрагменты ткани обнаружены в пещере драгоценностей (Cave of the Treasure) около

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

Мертвого моря (с. 3400 вс) [Bar-Adon, 1980]. Ткани из льна были хорошо известны в Египте, где их широко использовали для обворачивания мумий [Täckholm, 1976; Germer, 1985, с. 100].

Недавно о находке ткани из льна сообщила Э. Квавдзе, палеоботаник из Грузии. Во время палинологического исследования образцов почвы из заполнений десяти курганов Сафар-Хараба на юге Грузии, которые датируются II тыс. до н.э. (эпоха бронзы), под микроскопом были обнаружены нити и некоторые остатки одежды. Значительное количество нитей находилось под скелетом мужчины, что, очевидно, сохранило их от разрушения. Кроме льняных, были также найдены шерстяные нити. Они находились у колен. В образцах, отобранных под женскими скелетами, нитей было в два раза больше. Возможно, это связано с тем, что женщины одевались в более длинную одежду, что традиционно для Северного Кавказа [Kvavadze, Narimanishvili, 2006].

5.9. Виноград, орехи и фруктовые растения

Сведения о находках в ископаемом состоянии косточек яблонь, вишен, черешен, миндаля, инжира, персика, винограда в Крыму находим в работах некоторых исследователей [Стржелецкий, 1961, с. 80 – 82; Кругликова, 1975, с. 196; Янушевич, 1986, 68 - 69]. З.В. Янушевич нашла также семена сосны итальянской, пинии (*Pinus pinea*) в некрополе Херсонеса. Она же ссылается на устное сообщение А.М. Щеглова о находках косточек миндаля в материалах поселения Панское 1. Вне сомнения, большинство растений из этого списка были привезены греками из метрополии наряду с оливковым маслом, вином, изюмом и другими продуктами. Часть могла собираться в окрестностях (орешник, бузина, малина и др.)

В находках из Боспора (почти на всех исследованных памятниках) есть обломки скорлупы грецкого ореха (*Juglans regia*), лещины (*Corylus avellana*).

В находках из Мирмекия обнаружена костянка диаметром 6 мм, вероятно, вишни кустарниковой, (*Prunus fruticosa*) и половинка косточки сливы (*Prunus sp.*) длиной 10,5 мм и шириной в самой широкой части 6,2 мм. В материалах из Китея найдены две костянки сливы домашней (*Prunus domestica*) размером 22,0 x 20,2 мм и 24,0 x 18,4 мм. Обломки и целая костянка сливы найдены в Нимфее. В Новопокровке 1 обнаружены обломки косточек маслины (*Olea europea*). Маслина (*Olea europea*) – типичный представитель средиземноморского климата, для культивирования которой в Крыму нет подходящих условий. Это растение вместе с виноградом, инжиром и финиками, по мнению ряда исследователей, было экономически важным “классическим” продуктом в диете жителей Средиземноморья [Zohary & Hopf, 2000, с. 145]. В ископаемых материалах Боспора находки косточек маслины очень немногочисленны и, очевидно, они имеют импортное происхождение.

Большая часть растений из перечисленного списка, а именно инжир, слива, была привезена из метрополии и со временем прижилась здесь. Костянка вишни кустарниковой относится к местному растению.

Косточки сливы найдены в неолитических и эпохи бронзы материалах в Италии, Швейцарии, Австрии, Германии, Болгарии. Они имеют разные размеры и относятся к современным алыче (*Prunus cerasifera*) и терносливе (*Prunus insititia*). Очевидно, что все они были собраны в окрестных лесах. Если ранние находки были немногочисленными, то в памятниках римского времени в Германии и соседних странах обнаружено уже большое количество косточек сливы домашней (*Prunus domestica*), что, по мнению палеоэтноботаников, свидетельствует о ее культивировании. Подтверждением служат письменные источники и рисунки сливы, известные с римского времени. В то же время исследователи считают, что в настоящее время пока еще мало что известно о происхождении сливы домашней и о начале ее выращивания [Zohary & Hopf, 2000, с. 181].

Семена (косточки) винограда в находках встречаются в основном в обугленном состоянии, т.е. они черные. Изредка попадаются семена светлого цвета, очевидно, они мумифицированы. Встречаются также раздробленные семена. Обычно они находятся около давлений и образовались в процессе приготовления вина. В ископаемых материалах из Нимфея и Китея обнаружены также плодоножки от ягод винограда.

Определение происхождения ископаемых семян винограда от дикорослой или культурной форм производится на основе их морфологических особенностей. По критерию, использовавшемуся З.В. Янушевич, различия между семенами культурных сортов и дикорастущих популяций выражаются в их размерах и форме. У дикорастущего лесного винограда (*Vitis sylvestris*) семена короткие, округлые, с небольшим клювиком, с четко выраженной халазой – она находится в средней части тела. Для семян дикорастущего винограда З.В. Янушевич приводит следующие размеры: средняя длина семени 4,66 мм, длина клювика 0,7 мм, величина индекса 1,4 – 1,5 [Янушевич, 1986, с. 61]. У культурных сортов винограда семена удлиненные, грушевидной формы, с более длинным клювиком, размер которого 1 – 2 мм. Халаза чаще бывает овальной и находится в верхней трети семени. Важным признаком является величина индекса: отношение длины семени к ширине. Дикорастущие формы винограда имеют величину индекса (в среднем) 1,2 – 1,4, у культурных – около 2 мм [Янушевич, 1976, с. 189; 1986, с. 61 – 62]. При этом З.В. Янушевич отмечает, что в археологических образцах античного времени нет четких различий между культурными и дикими формами, а наибольшее количество семян можно отнести к промежуточным формам. Причину она видит в том, что окультуривание винограда происходило на месте, т.е. в Северном Причерноморье, с использованием растущего здесь местного мелкоягодного винограда, выносливого и приспособленного к климатическим и почвенным условиям Крыма [Янушевич, 1986, с. 62]. Эти выводы были построены на анализе находки из Илурата. Смесь семян винограда объемом 2000 см³, различающихся по форме и размерам, обнаружена в цистерне винодельни III в. н.э. З.В. Янушевич разделила найденные здесь семена по морфологическим признакам на четыре группы: от мелких семян почти округлой формы длиной около 5 мм и шириной 3,8 – 4 мм с коротким клювиком до очень крупных семян – около 8 мм длиной и длинным клювиком размером до 3 мм.

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

Выделены среди них и две промежуточные формы. По мнению исследовательницы, в цистерне была смесь сортов культурного винограда [Янушевич, 1986, с. 66].

В книге «Palaeoethnobotany», вышедшей в 1973 г., Джейн Ренфрью сообщает, что проблема принадлежности семян винограда к культурным или дикорастущим формам является объектом дискуссии среди палеоэтноботаников в течение нескольких десятилетий. При этом она ссылается на критерии, предложенные Stummer (1911): у дикорастущего винограда семена небольшие, короткие и широкие, у культурных форм они более длинные и узкие. Исследователь также предлагает для более надежного отличия учитывать величину индекса – отношение длины к ширине. У дикорослого винограда лесного индекс равен 54 – 82 при максимуме около 64 – 65. У культурных форм эта величина колеблется в пределах 44 – 75 при максимуме 55 [Renfrew, 1973, p. 129].

По мнению З.В. Янушевич, находки небольших семян винограда в материалах из Херсонеса свидетельствуют о распространении в Северо-Западном Крыму популяции с небольшими ягодами, близкими к дикому винограду лесному [Janushevich, Nikolaenko, 1979, с. 126]. З.В. Янушевич полагала, что дикий виноград был введен здесь в культуру и со временем его использовали для селекции. И далее она пишет, что позже греки стали использовать для селекции сорта, привезенные из Греции, благодаря чему в III в. н.э. произошел качественный скачок в развитии виноградарства в Крыму. Как раз с этого времени появились разнообразные сорта культурного винограда – винные, кишмишные, столовые [Янушевич, 1986, 69].

Однако следует признать, что существует мнение исследователей о том, что в ископаемом материале установить с уверенностью принадлежность найденных семян к дикой или культурной форме практически невозможно. Проведенные детальные исследования показали, что вариации размеров и форм семян у культурного и дикорослого винограда очень велики и интервалы их перекрывают друг друга [Fascar, 1970, 1973; Zohary & Hopf, 2000, с. 153]. Границы между культурными клонами и дикими формами в настоящее время очень размыты благодаря легкости скрещивания между ними, особенно в тех местах, где дикий виноград распространен в непосредственной близости к виноградникам, и даже первые гибриды F_1 оказываются плодоносящими. Очевидно, что картина распространения дикого винограда в древности искажена этими «сорными» формами, занявшими вторичные местообитания.

Дикий виноград распространен в настоящее время на юге Европы, на Ближнем Востоке, на юге Каспийского бассейна. «Определитель высших растений Украины» (1999 г.) приводит данные о распространении дикого винограда на Украине: «встречается он преимущественно в дубовых лесах на каменистых склонах и в поймах рек в Закарпатье, по Днестру, Ю. Бугу, Днепру, на островах и косах Черного моря, в горных лесах и предгорьях Крыма» (с. 241). Растения отличаются и по внешнему виду, и по косточкам. Листья у дикорастущего винограда почти цельные, ягоды небольшие, размером 6 – 8 (10) мм, округлые, синевато-черные. Распознать дикий виноград можно также по наличию 3 – 4 косточек в ягоде. Растения такого винограда двудомные и

обычно содержат равное количество женских и мужских растений. В противоположность им культурные виды винограда однодомные.

Самые ранние свидетельства культивирования винограда происходят из нескольких памятников ранней бронзы в Леванте. Отсюда вино и изюм экспортировали в Египет. В Тессалии и Македонии следы культивирования винограда известны из слоев позднего неолита (4300 – 2800 вс) [Kroll, 1991, p. 166]. Археоботанические находки подтверждают культивирование винограда на Кавказе в период бронзы [Wasylikowa et al., 1991. – p. 235].

Вполне вероятно, что интродукция винограда в Крыму началась здесь с появлением греческих переселенцев и селекция происходила на основе местной лозы с привозимыми из Греции сортами. Ведь в материалах ни кизил-кобинской культуры Горного Крыма, ни скифской степных районов Крыма семена винограда (даже дикорастущего) не найдены. Очевидно, что семена винограда из находок в ранних материалах VI – V вв. до н.э. с Березанского поселения и из боспорских городищ Мирмекий и Тиритака – это импорты, которые были привезены в Северное Причерноморье из метрополии как изюм или вино. Позже семена винограда, которые попали в ископаемое состояние, произошли от растений, выращивавшихся в окрестностях греческих городищ Боспора.

Установлено, что в Средиземноморском бассейне виноград вместе с оливками (*Olea europea*) и инжиром (*Ficus carica*) составляют классический набор – триаду используемых в пищу фруктов. Палеоэтноботанические материалы Боспора содержат свидетельства использования этих фруктов, однако говорить о выращивании здесь можно, вероятно, только двух из них. Это виноград и инжир. Оливки можно причислить к списку привезенных из метрополии импортов, так как агробиологические условия для произрастания маслины в Северном Причерноморье неблагоприятны.

Инжир, фи́га, фиговое дерево (*Ficus carica* L.). Семена инжира выявлены в материалах Нимфея, имеющих даты III – II вв. до н.э. В более ранних материалах находки семян инжира отсутствуют, так же как и в материалах местных племен – кизил-кобинцев и скифов.

Вполне вероятно, что инжир был введен в культуру греками-переселенцами в Северном Причерноморье и через два-три столетия проживания греков превратился в выращиваемое в Крыму растение. Инжир – типичное неприхотливое растение субтропиков Средиземноморского бассейна. Небольшое дерево или кустарник. Плоды называют «винными ягодами». Дикорастущие растения входят в состав растительного покрова Средиземноморья, занимая каменистые склоны, осыпи, скалистые участки, берега ручьев. Встречается здесь также «дикая» поросль от культивируемого инжира, которая хорошо разрастается на местообитаниях, нарушенных деятельностью человека, – по краям плантаций, на террасах, вдоль оград, на руинах. Такая поросль происходит, очевидно, из семян культурных клонов. У диких растений плоды сравнительно небольшие и почти несъедобные. В роду *Ficus* есть также высокие деревья инжира колхидского (*Ficus colchica*

Grossh.) и инжира талышского (*F. hyarcanica* Grossh.). Они растут в нижнем поясе широколиственных лесов, встречаются на Колхидской низменности, в северной части Турции и на южном побережье Каспийского моря, в Иране и прилегающих районах Закавказья. Плоды у них несъедобные [Жуковский, 1964, с. 622].

Самые ранние находки семян инжира известны из неолитических стоянок Ближнего Востока. Трудно определить, происходят ли они от диких или культивируемых растений. D. Zohary и M. Hopf считают, что они произошли от дикорастущих растений. Сведения о выращивании инжира в Месопотамии относятся ко второй половине III тыс. до н.э., в Египте его находки известны начиная с 2750 лет до н.э. В это же время инжир культивировался в Сирии. Таким образом, начиная с эпохи бронзы инжир входил в состав «триады»: виноград, оливки, инжир – растений, обычных в диете жителей Средиземноморского бассейна [Zohary & Hopf, 2000, с. 163-164]. В русский язык название «фиговое» дерево пришло от латинского родового видоизмененного слова *Ficus* – фи́га. На Руси это растение имело такие названия: винная ягода, смоковница, смоква. Плоды инжира обладают большим количеством полезных свойств. В них содержится до 24 % сахаров, количество которых в сушеных плодах увеличивается до 37%. В инжире есть органические кислоты, дубильные вещества, белок, жиры, витамины, минеральные вещества. По содержанию калия инжир уступает лишь орехам. Употребляют инжир в свежем и сушеном виде, готовят из его плодов варенье, джемы.

5.10. Ископаемые остатки сорняков и растений местной флоры

Зерновок, семян сорняков и растений местной флоры в исследованных материалах немного, они обнаружены преимущественно единичными находками, за исключением находок на поселении Новопокровка 1. Здесь список выявленных зерновок и семян довольно большой, и представлены они в значительных количествах. Растения, которые их продуцировали, относятся преимущественно к так называемым сегетальным сорнякам, т.е. к таким, которые засоряют посеvy зерновых культур. Это дымьанка, воробейник полевой, костер полевой, костер ржаной, щетинники, горец вьющийся, горец почечуйный, горец птичий, подмаренник цепкий, марь белая, просвирник и др. Наличие их свидетельствует о долговременном использовании пахотных земель под посеvy хлебных злаков. Вероятно, часть семян, попавших в зерновые ямы, могла произойти от растений, которые использовались как топливо. Это могли быть растения местной флоры, собранные в окрестностях поселений. К их числу можно отнести воловик (*Anchusa*), мятлик (*Poa*), овсяницу (*Festuca*).

Воловик в Крыму широко распространенное растение. В «Определителе высших растений Крыма» (1972) приводится описание пяти видов этого рода. Все они – одно- и многолетние травянистые растения высотой от 15 до 80 см. Орешки, выявленные в ископаемых материалах, удлиненные, своеобразной яйцевидно-треугольной формы, с морщинистой поверхностью размером от 2,5 до 4 мм. Произрастают воловики на сухих каменистых и степных склонах, встречаются на пустырях, у дорог, в садах. Корни двух из них использовались для получения краски.

Овсяница (*Festuca*) растет на сухих склонах, на горных лугах, опушках, в разреженных лесах, на каменистых обнажениях.

Сорные растения представлены зерновками и семенами типичных засорителей полей – костер полевой (*Bromus arvensis*), костер ржаной (*Bromus secalinus*), подмаренник цепкий (*Galium aparine*), щетинник сизый (*Setaria glauca*), щетинник зеленый (*Setaria viridis*), марь белая (*Chenopodium album*), щавель воробьиный (*Rumex acetosella*), горец вьюнковый (*Polygonum convolvulus*), ежовник обыкновенный (*Echinochloa crus-galli*), горец шероховатый (*Polygonum scabrum*).

Эти растения известны как сорняки, но в то же время они встречаются в составе растительных группировок по краям полей, в садах, вдоль дорог, в окрестностях поселений.

Некоторые растения являются антропогенными индикаторами, т.к. встречаются на местах с нарушенным естественным покровом, богатых органическими веществами. К их числу относятся щавель воробьиный (*Rumex acetosella*), бузина черная (*Sambucus edulus*). Это так называемые рудералы.

Костер полевой (*Bromus arvensis*) принадлежит к типично сорным растениям. В ископаемом материале обугленные зерновки костра полевого имеют продолговатоланцетную форму, они узкие, без чешуй. На брюшной стороне находится глубокий желобок. Длина зерновок колеблется в пределах 4,5 – 5 мм, ширина – 1,8 – 2 мм. Колоски длиной 1-2 см содержат много зерновок. Их легко собирать. Зерновки съедобные. Это растение засоряет преимущественно озимую рожь и пшеницу. Встречается в посевах, на окраинах полей, у дорог, на лугах. Растет в степных и лесостепных районах Украины, в горном Крыму. Неизвестно, выращивали это растение прежде, но значительное количество находок зерновок костра в ископаемых неолитических памятниках можно объяснить сбором его зерновок первыми земледельческими племенами.

Костер ржаной, житняк (*Bromus secalinus*). Однолетнее или двухлетнее растение – типичный полевой сорняк, засоряющий посева озимой ржи. Распространяется исключительно с посевным материалом. Длина ископаемых зерновок 5 – 7 мм. Есть глубокий желобок. Чаще всего костер ржаной встречается в наше время в Полесье и в западных лесных районах Украины. Известно, что не так давно зерновки костра ржаного собирали и использовали для приготовления каш, киселей, супов [Рева М.Л., Рева Н.Н., 1976, с. 87].

Плевел опьяняющий (*Lolium temulentum*). Зерновки имеют яйцевидно-эллиптическую форму, длину в пределах 5,0 – 6,5 мм, желобок с брюшной стороны. Засоряет преимущественно яровые культуры – овес, ячмень, а также может встречаться среди озимой пшеницы. Зерновки ядовиты. Попадание незначительного количества зерновок в зерно может вызывать судороги. Ядовитость зерновок вызвана алкалоидом темулином, вырабатываемым мицелием гриба – симбиоза строматинии, которая развивается под семенным покровом зерновки.

Подмаренник цепкий (*Galium aparine*). Результаты проведенных измерений обнаруженных в ископаемых материалах семян показали следующие значения: средние

размеры семян (по 10 измерениям) колеблются в пределах 2,04 x 1,98 x 1,52 мм. Семена этого растения очень засоряют зерно. Подмаренник цепкий встречается в посевах как озимых, так и яровых культур, растет также в садах, на огородах. В обугленном материале семена подмаренника находят довольно часто, что связано, очевидно, с высокой продуктивностью растения. На одном растении может образовываться до 1000 семян.

Воробейник полевой (*Lithospermum arvense*) и воробейник лекарственный (*Lithospermum officinale*).

Семена обоих видов – орешки округло-треугольной формы, слегка яйцевидной. На верхушке орешки сужаются в клювик. Основа орешков расширенная и округленная. У орешков воробейника лекарственного поверхность гладкая, у воробейника полевого – поверхность крупнобугорчатая. В оболочках орешков содержится известь, благодаря чему они имеют блестящую белую поверхность, изредка желтоватую или сероватую. Размеры орешков колеблются в пределах 3,8 – 4,2 мм – длина и 1,8 – 2,0 мм – ширина. Иногда найденные орешки имеют темную поверхность. Но, как правило, цвет и структура поверхности сохраняются неизменными в ископаемом состоянии, поэтому у исследователей возникают сомнения при определении возраста найденных семян.

В основном находки орешков колеблются в пределах одного десятка, но иногда орешки воробейника находят в ископаемых материалах в большом количестве. Так, в ботросе № 11 (VI в. до н.э.) в Ольвии найдено 60 мл орешков воробейника полевого; 270 орешков воробейника лекарственного вместе с зерновками ячменя пленчатого, пшеницы двузернянки и проса найдено в заполнении ямы № 2 на территории римского укрепленного лагеря возле с. Орловка вблизи Измаила в Одесской области. В ископаемых материалах из памятников Боспора наибольшее количество орешков воробейника лекарственного найдено в яме 32 на поселении Новопокровка 1.

Самые древние орешки воробейника на территории Украины происходят из поселения сабастиновской культуры (поздняя бронза) Виноградный Сад. При промывке здесь содержимого хозяйственных ям и культурных слоев найдены орешки обоих видов. Самая молодая находка происходит из древнерусского городища Райки. Образец № 2687 состоял из 200 мл орешков воробейника лекарственного.

Оба вида воробейника распространены по всей Европейской части бывшего Союза, главным образом, в черноземной полосе. Растут они по мусорникам, встречаются в посевах озимых и яровых культур, на залежах. Самые древние семена обоих видов найдены В.Цейстом на неолитических поселениях Сирии [Van Zeist W. and J.A.H. Bakker - Heeres, 1982, с. 212 - 213]. Около 600 орешков воробейника лекарственного найдено в погребении Коджаджермен в Болгарии, культура Гумельница [Renfrew, 1973, с. 175]. По мнению Д. Ренфрю, этот сбор использовался для изготовления бус. Именно бусы, вернее, орешки *Lithospermum purpureo-coeruleum* с аккуратными отверстиями, благодаря которым эти орешки нанизывались на нить, образуя бусы, находились в горшке, найденном в телле культуры Гумельница в Румынии [Cârciumăru, 1985, p. 125]. Возможно также иное

назначение этих растений. Известно, что корень воробейника содержит красильные вещества, а в семени есть жирные масла.

Ежовник обыкновенный, или петушье просо (*Echinochloa crusgalli*). Зерновки этого сорного растения встречаются довольно часто среди обугленного зерна почти на всех исследованных памятниках. Зерновки имеют овально-ланцетную форму, почти округлые. На некоторых из них сохранились цветочные чешуи. Размеры зерновок в пленках – 3 x 2,2 мм, без пленок – 2 x 1,5 - 1,7 мм. Ежовник обыкновенный засоряет яровые культуры, особенно просо. В то же время растение имеет и полезные свойства, так как может использоваться в качестве неплохой кормовой травы, а зерно употребляется как корм для домашней птицы. В голодные годы употреблялось в пищу людьми вместо пшена. Растение сильно истощает почву.

Щетинник сизый (*Setaria glauca*) и щетинник зеленый (*Setaria viridis*). Зерновки этих растений найдены почти во всех исследованных материалах.

Узкая, удлиненная зерновка щетинника зеленого имеет гладкие цветочные чешуи, которые редко сохраняются в обугленном состоянии. Длина зерновки около 2 мм, ширина – 1-1,2 мм. Это растение – обычный сорняк в посевах проса и иных зерновых культур, встречается на окраинах полей, возле жилья, на паровых полях.

Щетинник сизый имеет овальную зерновку и плотно облегающие ее поперечно-морщинистые цветочные чешуи. Длина зерновки в чешуях – 1,8 - 2 мм, ширина – 1,1 - 1,4 мм. Растение встречается как сорняк в посевах проса и других зерновых культур, растет также вдоль дорог, по мусорникам, на выгонах, по берегам рек. Зерновки могут употребляться в пищу. Это растение – послежнивный сорняк, дает до 6000 зерновок, которые быстро осыпаются при созревании, засоряя почву. На стерне образует сплошную щетку. Очень истощает почву, портит ее структуру.

Марь белая (*Chenopodium album*). Находки семян этого растения достаточно частые в исследованных материалах. Семена плоские по форме, слегка округлые, с закругленным зародышем, размеры колеблются в пределах 1 – 1,5 мм. Поверхность семян гладкая, черная и блестящая. Растение широко распространено в посевах, растет вдоль дорог, по мусорникам. В особенности часто встречается в посевах ржи и проса. В то же время этот сорняк может использоваться в пищу. Из листьев варят супы, семена идут на муку, которую добавляют в хлеб в голодные годы. Из семян готовят также крупу, которая напоминает манную крупу. Продуктивность растения очень большая. Подсчитано, что одно растение может давать до 100 тысяч семян (85 г), а с гектара это 4 – 6 ц [Helbaek, 1960].

Проблема интерпретации находок сорных растений в палеоэтноботанических материалах сложная. К ней обращались многие исследователи, надеясь дать ответ на ряд вопросов хозяйственной деятельности. Первая сложность – отрывочность сведений. Казалось бы, ее можно уменьшить, используя сопоставление с современными материалами.

Однако К. Бере считает, что такое сопоставление некорректно. Причина следующая. В раннем земледелии дифференциация сорняков была незначительной и их

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

сообщества не соответствовали современным. При обработке земли сохой создавались благоприятные условия для развития в междурядьях многолетних сорняков. Появление отвального плуга привело к образованию новых биоценозов, в которых многолетние виды сорняков были разрушены и на смену им пришли однолетники [Behre, 1981, p. 229].

На основе материалов линейно-ленточной керамики из памятников Швейцарии показано, что те виды, которые были полевыми сорняками, теперь входят в другие сообщества – рудералов. Они растут теперь на полянах, по окраинам полей, на опушках лесов. В прежние времена поля занимали иные места – это были поймы рек, побережья озер, где почвы богаты нитратами. В таких местах возникли многие сорняки и рудералы. Отсюда они распространились на сходные местообитания, однако при этом значительно изменившись физиологически и морфологически [Behre, Jakomet, 1991, с. 84].

Казалось бы, наличие семян многолетников может указывать на длительное использование полей, плохую их обработку и использование двух-, трехпольной систем [Natho, 1957, p. 154; Gluza, 1984, p. 161 – 165]. Но следует учитывать, что рассеивание многолетних сорняков имеет иную биологию, чем однолетних. Так, василек синий (*Centaurea cyanus*) рассеивает свои семена одновременно с полевыми растениями. Поэтому его семена могут встретиться в ископаемых находках вместе с зерновками культурных растений. Однако есть многолетние сорняки, которые могут прорасти двумя путями – вегетативно или из семян, сохранившихся в почве. Поэтому находки их семян в собранном урожае проблематичны.

Можно ли по наличию тех или иных сорняков установить время уборки урожая? Совместная находка зерновок культурных растений и сорняков предполагает, что созревание их происходило одновременно. Например, зерновки ежовника созревают и высыпаются из колосьев в конце июля – в августе. Наличие их в ископаемом материале вместе с зерновками пшеницы или ячменя дает основание прийти к заключению, что уборка урожая происходила в июле – августе. Однако в археологической находке (яме, культурном слое) могут оказаться материалы смешанные, принесенные из разных мест, с разных полей. Таким образом, и в этом случае однозначный ответ на этот вопрос невозможен.

Заключение

Палеозтноботанические исследования греческих поселений Боспора показывают преобладание в ископаемых материалах двух зерновых культур – голозерной пшеницы и пленчатого ячменя. Преобладание этих культур подтверждается данными, полученными из всех исследованных памятников – Артющенко 1, Артющенко 2, Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Китей, Новопокровка 1. Очевидно, что пшенице голозерной и ячменю пленчатому отдавали предпочтение греческие поселенцы на протяжении длительного времени – в течение всего периода колонизации, т.е. начиная с VI в. до н.э. и по II-III вв. н.э. Хорошим подтверждением служат палеозтноботанические материалы

из других греческих колоний Северного Причерноморья – Ольвии, Херсонеса с окружающей их сельскохозяйственной территорией (хорой). Здесь также установлено преобладание в находках зерновок этих же двух зерновых культур – голозерной пшеницы и ячменя [Янушевич, 1986, с. 41, 46; Пашкевич, 1995, с. 98 – 99, Pashkevich, 2001, p. 530 – 531, 540; Пашкевич, 2006]. Вполне вероятно, что греки, поселившись на новых землях, использовали известный и привычный им состав растений, который они принесли с собою. Использование этого ассортимента было длительным, о чем свидетельствует большое сходство в размерах ископаемых зерновок голозерных пшениц, обнаруженных в материалах разновременных памятников.

Гречиха не выращивалась поселенцами, пришедшими на земли Боспора. Также она отсутствовала в посевах в метрополии. Появление этого растения в Европе относится к средневековью.

Значительную роль в ассортименте играли бобовые растения. Среди них наибольшее значение имела, очевидно, вика эрвлия, находки семян которой наиболее многочисленны. Выращивали также горох, чину, чечевицу, бобы. Нельзя недооценивать значение бобовых в рационе питания поселенцев. Они удовлетворяют потребность в протеинах и калориях. Особенно в тех случаях, когда мясная пища бывает лишь определенный короткий период. Благодаря своим питательным свойствам бобовые имеют даже название – «мясо для бедных людей». Если пшеница дает только 1 917 000 калорий на гектар, то бобовые могут давать 2 375 000 калорий на гектар. Ячмень производит тоже достаточно много калорий – 2 465 000 на гектар, однако бобовые дают значительно больше протеина – 190 кг протеина на гектар, а ячмень – 83 кг, пшеница – только 70 кг на гектар [цит. по Sarpaki, 1992, с. 74]. Еще одно ценное качество бобовых – их семена могут длительно храниться.

Бобовые растения, чередуясь со злаками, способствуют улучшению качества почвы, обогащают ее азотом, зеленую массу бобовых используют для корма скота как в свежем виде, так и в качестве сена.

О типичной «триаде» – маслина, зерновые, виноград, – известной для метрополии, на берегах северного побережья Черного моря не приходится говорить. Маслина вместе с виноградом, инжиром и финиками, по мнению ряда исследователей, была экономически важным «классическим» продуктом в диете жителей Средиземноморья [Zohary & Hopf, 2000, с. 145]. В колониях Боспора не было подходящих климатических и почвенных условий для выращивания маслины. И если в палеоэтноботанических материалах из Греции, Сицилии и Милета обломки и целые косточки этого растения многочисленны, то в материалах Боспора такие находки единичны. Находки их в материалах Боспора можно объяснить, вероятно, импортным происхождением.

Безусловно, отличия климатических и почвенных условий, с которыми столкнулись переселенцы, способствовали использованию ими на новых землях несколько иного и более ограниченного состава выращиваемых растений. Тем не менее, используя знакомый им ассортимент, они успешно применили его в новой обстановке. Настолько успешно, что выращиваемые ими объемы голозерных пшениц и ячменя

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

были достаточными не только для внутреннего потребления, но и для торговли и обмена. Климатические и почвенные условия оказались вполне благоприятными для выращивания зерновых культур: мягкая зима с обильными осадками весной и в первой половине лета, длительный вегетационный период – почти четыре месяца, плодородные черноземные почвы.

Греки-переселенцы с самого начала освоения новой территории использовали известный им ассортимент культурных растений, значительно отличающийся от того, который использовался местными, соседними с ними племенами скифов, кызыл-кобинцев, меотов.

Начиная с неолита и на протяжении тысячелетий непритязательные, выносливые пленчатые пшеницы играли основную роль в посевах различных племен на территории Украины. Только с приходом греков на юге в Северном Причерноморье появляется голозерная пшеница как ведущая зерновая культура (наряду с ячменем) наряду с прогрессивными способами ведения сельскохозяйственного производства. Торгово-обменные отношения посевов с местным населением способствовали появлению у местных племен более разнообразного ассортимента, в том числе и этой пшеницы.

В находках из памятников ранних скифов в V–IV вв. до н.э. преобладали ячмень пленчатый и просо, в меньшей мере – пленчатые пшеницы, то есть растения, которые по своим агробиологическим особенностям более всего соответствовали потребностям полукочевого образа жизни. Со временем этот ассортимент у скифов при переходе к оседлому образу жизни и общению с населением соседних греческих полисов с высокоразвитым хозяйством претерпевает значительные изменения. Он становится более разнообразным, появление в его составе в начале I тыс. н.э. неизвестных голозерных пшениц и ржи было связано, по-видимому, с потребностями торговли или обмена.

Данные, приведенные в работе, не претендуют на решение вопросов экономической деятельности на территории греческих колоний Боспора. Но они могут служить надежной основой при таких исследованиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Агрокультура в памятниках западного средневековья: переводы и комментарии. М.-Л. Изд. АН СССР, 1936. – 364 с.
- Анфимов Н.В. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // МИА, 1951. - 23. - с. 144 – 154.
- Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, - М. Изд. АН СССР, 1953. - 208 с.
- Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья), - Л.: Наука, 1984. - 248 с.
- Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Труды по прикладной ботанике и селекции, 1926, т. 26. – 2. - с. 3 – 248.
- Вавилов Н.И. Происхождение и география культурных растений, Л.: Наука, 1987. - 440 с.
- Виноградов Ю.А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. – М., Наука, 1992. – с. 99 – 120.
- Виноградов Ю.А. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ, – 1995. – 3. – с. 152 – 160.
- Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004. - 368 с.
- Гаврилов А.В., Пашкевич Г.А. Палеоботанические материалы из античного поселения Новопокровка 1

Боспорские исследования, вып. XXXII

- и некоторые вопросы организации земледелия в сельской округе Феодосии в IV – начале III в. до н.э. Сб.: Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб. 2002, - часть 1. – с. 134 – 138.
- Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А.* Земледельческий компонент в экономике степной Скифии, Сов. археология, 1991. - с. 51 – 54.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.- Л.: АН СССР. - 1949. - 622 с.
- Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.-Л.: АН СССР. – 1955. – т. 1. – с. 23 – 147.
- Доманский Я.В., Марченко К.К.* Базовая функция раннего Борисфена // *Borystenika*. Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном, Николаев, 2004. - с. 23 – 28.
- Дробшиев Ю.П., Пашкевич Г.О.* База даних з палеоетноботаніки // Український ботанічний журнал, 1991.- 48.- 5. - с. 61 – 65.
- Дроздов Н.А.* Дикая и культурная однозернянка в Крыму // Труды по прикладной ботанике и селекции, т.13, 1922 – 1923. - с. 515 – 524.
- Естественная история, кн. ХУШ, М. - Л.: ОГИЗ – Сельхозгиз, 1937. - 304 с.
- Жуковский П.М.* Культурные растения и их сородичи. Л. : Колос, 1964. - 791 с.
- Зеест И.Б.* Раскопки Киммерика в 1947 – 1948 гг. // ВДИ, 1949. - 3. - с. 92 – 101.
- Зеест И.Б.* Архаические слои Гермонассы // КСИА, 1961. - 83. - с. 53 – 58.
- Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI – I вв. до н.э.) // БИ, Симферополь - Керчь. – 2007. – Вып. XV.
- Зинько В.Н., Пашкевич Г.А.* Палеоботанические материалы из ранних комплексов Тиритаки // – БИ, Симферополь - Керчь. – 2010. - Вып. XXIV. - с. 65 – 83.
- Карасев А.Н.* Монументальные памятники Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. - М.-Л., 1964. - с. 27 – 130.
- Кирьянов А.В.* Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора // КСИА, 1962 – 91. - с. 92 – 97.
- Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э.- Киев: Наук. думка, 1993. - 184 с.
- Крапивина В.В., Кудренко А.И.* Винодельни первых веков нашей эры в Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э., Киев, 1986, с. 52 – 64.
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. - М., 1975. - 300 с.
- Крыжницкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.* Сельская округа Ольвии. - Киев: Наук. думка, 1989. - 240 с.
- Крыжницкий С.Д., Щеглов О.М.* Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. - 1991.-1. - с. 46-56.
- Күзьмінова Н.М., Охотников С.Б.* Культурні рослини Нижнього Подністров'я у VI – V ст. до н.е. (за даними палеоетноботанічного аналізу) // Археологія, 1987. - 60. - с. 80 – 83.
- Кутайсов В.А.* Керкитида в античную эпоху. Киев – 2004. - 325 с.
- Лебедева Е.Ю.* Палеоботанические исследования на античных памятниках Восточного Крыма // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья, 1991. - с. 167 – 168.
- Лебедева Е.Ю.* Результаты исследования палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // Боспорский сборник, 1994, – 5. - с. 108 – 112.
- Леви Е.И.* Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1951-1960 гг.) // Ольвия. Теменос и агора, М. - Л., 1964. - с. 5 - 25.
- Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В.* Палеоетноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. Наука, Москва, 1977. - 128 с.
- Лейтунська Н.О.* Економіка Ольвійської держави / Археологія, 1995. - 3. - с. 16 – 27.
- Николаенко Г.М., Янушевич З.В.* Культурные растения из раскопок сельской округи Херсонеса, КСИА АН СССР, 1981. - 168. - с. 26 – 34.
- Одрін О.* Природні ресурси та торговельно-економічний потенціал античних держав Північного Причорномор'я. – Київ. - 2005. – 94 с.
- Определитель высших растений Украины. Киев, Фитосоциоцентр. 1999. - 548 с.
- Определитель высших растений Крыма, Л.: Наука. – 1972. - с. 552.

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

- Пашкевич Г.А. Растительные остатки из памятников ольвийской хоры. Проблемы исследования Ольвии. Парутино, 1985. - с. 65.
- Пашкевич Г.А. Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений сельской округи Ольвии. // Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). – Киев, Наукова думка, 1990. - с. 114 – 119.
- Пашкевич Г.А. Палеозитоботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н.э. – II тыс. н.э. Каталог 1. - Препринт. - К., 1991. - 48 с.
- Пашкевич Г.О. До реконструкції асортименту культурних рослин епохи неоліту – бронзи на території України // Стародавнє виробництво на території України. К.: Наук. думка, 1992. - с. 179 – 194.
- Пашкевич Г.О. Палеоботанічні матеріали з розкопок Ольвії // Археологія, 1995. - 3. - с. 97 – 108.
- Пашкевич Г.А. Палеозитоботанические исследования скифских памятников степной зоны Северного Причерноморья // Скифы и сарматы в 7 – 3 вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. Москва, 2000. - с. 101 – 109.
- Пашкевич Г.А. К проблеме изучения Северного Причерноморья в античную эпоху // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. – Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. - с. 302 – 311.
- Пашкевич Г.О. Про склад рослин, вирощуваних на початку грецької колонізації Північного Причорномор'я // *Byzthenica* – 2004. Матеріали міжнародної наукової конференції к 100-літтю початку досліджень острова Березань Е.Р. фон Штэрном. – Николаев, 2004. - с. 131 – 138.
- Пашкевич Г.А. Современное состояние палеозитоботанических исследований Херсонеса // Херсонесский сборник. – вып. XV, 2006. - с. 165 – 179.
- Пашкевич Г.О. 2010. Палеозитоботанічні дослідження давньоруського часу та середньовіччя на території України. – Сб. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Археологія і давня історія України. Випуск 1. – Київ, 2010. - с. 477 – 483.
- Пашкевич Г. А., Дробышев Ю. П. Создание базы данных по палеозитоботанике. Сб. «Комплексные методы исследования археологических источников». Материалы совещания. М., 1989. - с. 13.
- Плиний. Естественная история, кн. ХУШ, М.-Л.: ОГИЗ – Сельхозгиз, 1937. - 304 с.
- Плиний Гай. Естественная история. 1949, Книга XVIII // ВДИ, 2. – с. 273 – 317.
- Подгородецкий П.Д. Крым: Природа. – Симферополь: Таврия. – 1988. – 192 с.
- Растениеводство. М., Агропромиздат, 1986. - 512 с.
- Рева М.Л., Рева Н.Н. Дикі і стівні рослини України. К., Наукова думка, 1976. - 166 с.
- Русишвили Н.Ш. Ископаемые виды пшеницы с территории Грузии // Флора, геоботаника и палеозитоботаника. Ботанические исследования. - Кишинев: Штиинца, 1988. - с. 17 – 28.
- Сергеенко М.Е. Ученые земледельцы Древней Италии. - Л.: Наука, 1970. - 292 с.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков: Майдан, 2001. - 828 с.
- Стржелецкий С.Ф. Клery Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник, 1961. - 6. - с. 1 – 168.
- Столетова Е.А. Полба - эммер. *Triticum dicoccum* Shrank. // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1924 – 1925. - т. 14. - 1. - с. 27 – 105.
- Туганаев В.В. Агрофитоценозы современного земледелия и их история, М.: Наука. – 1984. - 88 с.
- Фармаковский Б. В. Раскопки Ольвии в 1902 и 1903 гг. // ИАК. - 1906. - вып. 13. - с. 1 – 306 с.
- Фляксбергер К.А. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю, КСИА ИИМК, 1940, вып. 8. с. 117 - 119.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. - М. : Наука, 1972. – 352 с.
- Щеглов А.Н. Северо - Западный Крым в античную эпоху. - Л., Наука, 1978. - 159 с.
- Щеглов А.Н. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII – V вв. до н.э. Письменные источники и археология // Причерноморье в VII – V вв. до н.э. - Тбилиси, Мацниереба, 1990. - с. 99 – 121.
- Щеглов А.Н., Кузьминова Н.Н., Янушевич З.В., Чавчавадзе Е.С. Земледелие на поселении Панское 1. Северо-Западный Крым в IV – начале III века до н.э. // Ботанические исследования. Флора и растительность. - Кишинев: Штиинца. - 1989. - Вып 5. - с. 50 – 69.
- Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976. - 214 с.
- Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья. Палеозитоботанические исследования. Кишинев, 1986. - 92 с.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Янушевич З.В., Бырня П.П. Из истории земледелия на территории Старого Орхея (видовой состав культурных растений) // Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. – Кишинев, 1972. - с. 267 – 276.
- Янушевич З.В., Корпусова В.Н., Пашкевич Г.А. Пшеница из захоронения катакомбной культуры // Известия АН Молд. ССР, серия биологических и химических наук. - 1981. - 5. - с. 24 – 28.
- Янушевич З.В., Кузьминова Н.Н., Савеля О.Я. К истории возделывания пшеницы однозернянки на территории СССР // Флора, геоботаника и палеоэтноботаника. Ботанические исследования. – 1988. – 1. - с. 12 – 17.
- Янушевич З.В., Русишвили Н.Ш. Новые палеоэтноботанические находки на раннеолитическом поселении Арухло // Человек и окружающая его среда, Тбилиси, 1984. – 9. - с. 21-33.
- Щеглов А.Н., Кузьминова Н.Н., Янушевич З.В., Чавчавадзе Е.С. Земледелие на поселении Панское 1 (Северо-Западный Крым в IV – начале III вв. до н.э. // Флора и растительность: ботанические исследования, Кишинев, 1989. - вып. 5. - с. 50 – 69.
- Badura M. Szczątki gryki (*Fagopyrum esculentum* Moench) ze średniowiecznego Kołobrzegu // Rośliny w dawnej gospodarce człowieka warsztaty archeobotaniczne. Red. K.Wasylikowa. Polish botanical studies. Guidebook series. Krakow, 1999. - 23. - pp. 219 – 231.
- Bar-Adon, P. The cave of the treasure. The finds from the cave in Nahal Mishmar. // Israel Exploration Society, Jerusalem, 1980. - 243 p.
- Behre, K.-E. 1981. The interpretation of anthropogenic indicators in pollen diagrams // Pollen et Spores, 1981.- 23. - pp. 225 – 245.
- Behre, K.-E. The history of rye cultivation in Europe // Vegetation History and Archaeobotany, 1992. - 1. - pp. 141 – 156.
- Behre K.-E., St.Jakomet The ecological interpretation of archaeobotanical data. // Progress in Old World Palaeoethnobotany, 1991. - pp. 81 – 108.
- Caton-Thompson, G. and Gardner, E.W. The desert Fayum // Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, London, 1934.
- Cârciumăru M. Le collier de semences d'ulmeni (culture de Gumelnița) // DACIA, Bucurest, 1985. - 29. - pp. 125–127.
- Costantini L. The origin of the Mediterranean diet in Italy // Revista di Antropologia (Roma), 1998. – 76. - pp. 7 – 15.
- Denell R. The interpretation of plant remains Bulgaria // Papers in economic prehistory. - Cambridge, 1972, pp. 149 – 159.
- Denell R. Archaeobotany and early farming in Europe // Archaeology, 1978, 131, 1, pp. 8 – 13.
- Durrant, A. Flax and linseed // Evolution of crop plants (ed. N.W. Simmonds), Longman, London, 1976. - pp. 190 – 193.
- Facsar, G. Habitus studies on seeds of *Vitis vinifera* L. sorts // Acta Agronomica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1970. – 19. - pp. 403 – 406.
- Facsar, G. Agricultural-botanical analysis of the Medieval grape seeds from the Buda castle hill // Mitteilungen des archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1973. – 4. - pp. 157 – 173.
- Greig J. Archaeobotanical and historical records compared – a new look at the taphonomy of edible and other useful plants from the 11th to the 18th centuries A.D. // Circea. 1996. - 12. – 2. - pp. 211 – 247.
- Germer, R. Flora des pharaonischen Agypten // Verlag Philip von Zabern, Mainz, 1985. - 259 p.
- Gluz, I. Neolithic cereals and weeds from the locality of the Lengyel culture at Nowa Huta-Mogila near Cracow // Acta Palaeobotanica, 1984. - 23 (2). - pp. 123 – 184.
- Hannestad Lise, Stolba Vladimir F., Ščeglov Alexander N. Panskoe 1. The monumental building, - Aarhus University press, 2002. - 1. – 6. - 368 p.
- Harlan J.R. The early history of wheat: earliest traces to the sack of Rome // Wheat science – today and tomorrow. Eds. L.T. Evans and W.J.Peacock, Cambridge University Press, 1981, pp. 1 – 19.
- Helbaek H. Comment on *Chenopodium album* as a food plant in prehistory // Bericht des Geobotanischen Institut der Eidg. Techn. Hochschule, Stiftung Rübel Zurich., 1959- 1960, 31, pp. 16 – 19.
- Helbaek H. Plant collecting, dry-farming and irrigation agriculture in prehistoric Deh Luran. W: Prehistory and human ecology of the Deh Luran Plains. Red. F. Hole, K.V. Flannery, J.A. Neely. Memoirs Mus. Anthropol. Univ. of Michigan, 1969. – 1. - pp. 383 – 426.
- Hepper F., Nigel. Pharaoh's flowers. The botanical treasures of Tutankhamun, London, 1990. - 80 p.

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

- Hillman G., Madeyska E., Hatner J. Wild plant food and diet at Late Paleolithic Wadi Kubbania: the evidence from charred remains // The prehistory of Wadi Kubbania, red. A.E. Close. Southern Methodist University Press, Dallas, 1989. – 2.- pp. 162 – 242.
- Hopf, M. Jericho plant remains // Excavations at Jericho, (eds.K.M. Kenyon and T.A. Holland), British School of Archaeology in Jérusalem, London: 1983. – 5. - pp. 576 – 621.
- Janic L. Wandering weed. The journey of Fagopyrum plant as a indicator of human movement in Eurasia // Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. The Mcdonald Institute for archaeological research, Cambridge, 2000. - 1. - pp. 128 – 134.
- Janushevich Z.V. The specific composition of the wheat finds from ancient agricultural centres of the USSR. // Proceeding of the 6 Symposium of the International Work Group for Palaeoethnobotany, Groningen, 1984.
- Janushevich Z.V. and Nikolaenko G. M. Fossil remains of cultivated plants in the ancient Tauric Chersonesos // Archaeo - Phisika, 1979. - 8. - pp. 115 – 134.
- Januševič Z.V., Alexander N. Ščeglov Palaeoethnobotanical material // Hannestad Lise, Stolba Vladimir F., Ščeglov Alexander N. Panskoe I. The monumental building. - Aarhus University press, 2002. - 6. - 1. - pp. 327 – 331.
- Klichowska M. Aus paläoethnobotanischen studien über pflanzenfunden aus dem Neolithicum und der Bronzezeit auf polnischen Boden // Archaeologia Polona, 1976. – 17. - pp. 27 – 67.
- Knörzer K. - H. Urgeschichtliche unkräuter im Rheinland // Vegetatio. – 1971. - 23 - 1-2.
- Körber-Grohne U. The determination of fibre plants in textiles, cordage and wickerwork. In: New light on early farming recent developments in palaeoethnobotany (ed. J. Renfrew), Edinburgh University Press, Edinburgh, 1991. - pp. 93 – 194.
- Kroll H. Südosteuropa. // Progress in Old World palaeoethnobotany. A retrospective view on occasion of 20 years of International Work Group for Palaeoethnobotany, eds. W. van Zeist, K. Wasylkova & K.-E. Behre. A.Balkema/Rotterdam/Brookfield, 1991. - pp. 161 – 177.
- Kvavadze E., Narimanishvili G. The remain of Gossipium, Linum and sheep hairs as textile fibers of cotton, flax and wool in palynological material from Bronze Age burials // Palyno-Bulletin, Institute of Botany, University of Innsbruck, Austria. Eds. J.Nicolas & K.Oeggel, 2006, Vol.2 –ISSN 1816 – 4374.
- Lityńska-Zajac Maria Krystyna Wasylkova, Przewodnik do badań archeobotanicznych. – Sorus. – Poznan, 2005. – 566 p.
- Miller N.F. The Near East. W: Progress in Old World Palaeoethnobotany (red. W.van Zeist, K.Wasylkova, K.-E.Behre). A.A.Balkema, Rotterdam, 1991. - pp. 133 – 160.
- Natho L. Die neolithischen pflanzenreste aus Burgliebenau bei Merseburg. Beiträge zur frühgeschichtliche Landwirtschaft, 1957. – 3. - pp. 99 – 157.
- Neef R. Plants, // Picking up the threads: A continuing review of excavations at Deir Alla, Jordan (eds. G.van der Kooij and M.M. Ibrahim), University of Leiden Archaeological Centre, 1989. - pp. 30 – 37.
- Nesbitt Mark. Wheat evolution: integrating archaeological and biological evedence // Wheat taxonomy: the legacy of John Perciva, – 2001. – pp. 37 – 59.
- Pashkevich G.A. Paleoethnobotanic examination of archaeological sites in the Lower Dneeper region, dated to the last centuries A. D. // Plants and encient man. - Rotterdam: Boston Balkema, 1984. - pp. 227 – 283.
- Pashkevich Galina A. Archaeobotanical studies on the northern coast of the Black Sea // Eurasia antiqua, 2001. - 7. - s. 511 – 567.
- Pashkevich Galina. Palaeoethnobotanical evidence of agriculture in the steppe and the forest-steppe of East Europe in the Late Neolithic and Bronze Age // Prehistoric steppe adaptation and the horse. Edited by Marsha Levine, Colin Renfrew & Katie Boyle. McDonald Institute monographs. Cambridge, 2003, pp. 287 – 297.
- Progress in the Old World Palaeoethnobotany. A retrospective view on the ocasion of 20 years of the International Work Group for Palaeoethnobotany. A. A. Balkema/Rotterdam/Brookfield, 1991. - 350 p.
- Renfrew Jane. Palaeoethnobotany. The prehistoric food plants of the Near East and Europe. Methuen & Co LTD, 1973. - 248 p.
- Rivera Nunez, D. and Walker, M. J. A Review of Palaeobotanical Findings of Early Vitis in the Mediterranean and of the Origins of Cultivated Grape-Vines, with Special Reference to New Pointers to Prehistoric

- Exploitation in the Western Mediterranean // Review of Palaeobotany and Palynology, 1989. 61. - pp. 205 – 237.
- Robinson D.E., Harild J.A.* Arkaeobotaniske analyser af jordprever fra Sct.Peder Straede og Algade, Roskilde // Nationalmuseets Naturvidenskabelige Undersøgelser, Rapport nr.8. 1996.
- Rollefson, G.O., Simmons, A.H., Donaldson, M.L., Gillespie, W., Kafafi, Z., Köhler-Rollefson, I.U., McAdam, E., Ralston, S.L. and Tubb, M.K.* Excavation at the Pre-Pottery Neolithic B village of 'Ain Ghazal (Jordan) // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin, 1985. - 117. - pp. 69 – 116.
- Sarpaki A.* The palaeoethnobotanical approach. The Mediterranean Triad or is it a Quartet? // Agriculture in Ancient Greece. Proceeding of the Seventh International Symposium at the Swedish Institute at Athens, 16 – 17 May 1990, Stockholm, 1992. - pp. 61 – 76.
- Sarpaki A.* Toumba Balomenou: plant remains from Early and Middle Neolithic levels // Res archaeobotanicae International Workgroup for palaeoethnobotany. Proceeding of the 9th Symposium Kiel, 1992, ed. H. Kroll & R. Pasternak, 1995. - pp. 281 – 300.
- Sarpaki A.* The archaeobotanical material from the site of Pyrgouthi in the Berbati Valley: the seeds // Pyrgouthi, 2005. - pp. 313 – 341.
- Schick T.* Nahal Hemar cave: cordage, basketry and fabrics // 'Atiqot, Dept. Antiquities & Museums, Jerusalem, 1988. – 38. - pp. 31 – 43.
- Schiemann E.* Weizen, roggen, gerster. Systematik, geschichte und Verwendung. Fischer, Jena, 1948. - 102 p.
- Stika H.-P.* Pflanzenreste aus dem archaischen Milet. Vorbericht zur Kampagne 1992 // Archäologischer Anzeiger, 1997/2. - s. 109 – 188.
- Stika H.-P., Heiss Andreas G., Zach B.* Plant remains from the early Iron Age in western Sicily: differences in subsistence strategies of Greek and Elymian sites // Vegetation History Archaeobot., 2008. – 17. - 1. - pp. 139 – 148.
- Stummer R.A.* Zur Urgeschichte der Rebe und des Weinbaues // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, 1911. - 41.
- Täckholm V.* Faraos Blomster // Generalstabens Litografiska, Trelleborg, Sweden, 1976.
- Terpó, A.* The carpological examination of wild-growing vine species of Hungary // Acta Botanica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1976. - 2(1-2). - pp. 209 – 247.
- Terpó, A.* The carpological examination of wild-growing vine species of Hungary. II. Qualitative and quantitative characteristics of vine seeds // Acta Botanica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1977. – 23. - pp. 247 – 273.
- Wasylikowa, K., Cărciumaru, M., Hajnalová, E., Hartyányi, P., Pashkevich, G., Janushevich Z.* East – central Europe. // Progress in Old World laeoethnobotany. A retrospective view on occasion of 20 years of International Work Group for Palaeoethnobotany. - eds. W. van Zeist, K. Wasylikowa & K.-E. Behre: Balkema/Rotterdam/Brookfield, 1991. - pp. 207 – 239.
- Wiethold J.* Plant remains from town-moats and cesspits of medieval and post-medieval Kiel (Schleswig-Holstein, Germany // Res archaeobotanicae. 9th Symposium IWGP, Kiel, Oetker-Voges, 1995. - pp. 359 – 384.
- Zeist W. van* Palaeobotanical results in the 1970 season at Çayönü, Turkey, Helinium, 1972. – 12. - pp. 3 – 19.
- Zeist W. van and de Roller G.J.* The plant husbandry of aceramic Çayönü, S.E. Turkey // Palaeohistoria, 1991 – 1992. - 33/34. - pp. 65 – 96.
- Zeist W. van.* Aperçu sur la diffusion des vegetaux cultives dans la region Mediterraneenne // Colloque sur la mise en place, l'evolution et la caracterisation de la flore et la vegetation circummediterraneene (Fundation L.Emberger). - Montpellier: Naturalia Monspeliensia, Special volume, - 1980. - pp. 129 – 145.
- Zeist W. van & J.A. Heers.* Paleobotanical studies of Deir 'Alla, Jordan // Paleorient, 1973. – 1. - pp. 21 – 35.
- Zeist W. van and J.A.H. Bakker-Heeres.* Archaeobotanical studies in the Levant. 1. Neolithic sites in the Damascus basin: Aswad, Ghoraife, Ramad // Palaeohistoria, 982 (1985). – 24. - pp. 166 – 256.
- Zohary D.* The progenitors of wheat and barley in relation to domestication and agriculture dispersal in the Old World // The domestication and exploitation of plants and animals. Eds. P.J. Ucko and G.W. Dimbleby. – London, Duckworth, 1969. - pp. 47 – 66.
- Zohary D.* The origin of cultivated cereals and pulses in Near East // Chromosomes Today, 1973. – 4. - pp. 307 – 320.
- Zohary D.* Domestication of the Grapevine *Vitis vinifera* L. in the Near East, // The origins and ancient history of Wine: New York, 1995. - pp. 31 – 43.

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

Zohary D. and M. Hopf. Domestication of plants in the Old World. The origin and spread of cultivated plants in the West Asia, Europe and the Nile Valley. - Oxford University press: New York, 2000. - 316 p.

REFERENCES

- Agrikultura v pamyatnikakh zapadnogo srednevekov'ia : perevodi i komentarii.* M.-L. Izdatel'stvo AN SSSR, 1936, 364 p.
- Anfimov N.V. *Zemledelie u meoto-sarmatskikh plemen Prikuban'ia.* MIA, 1951, vol. 23, p. 144 – 154.
- Blavatskii V.D. *Zemledelie v antichnikh gosudarstvakh Severnogo Prichernomoriia,* M., Izdatel'stvo AN SSSR, 1953, 208 p.
- Brashinskii I.B. *Metodi issledovaniia antichnoi torgovli (na primere Severnogo Prichernomoriia),* L., Nauka, 1984, 248 p.
- Vavilov N.I. *Tsentryi proishozhdeniia kulturnih rasteniy.* Trudi po prikladnoy botanike i selektsii. 1926. vol. 26 (2), p. 248.
- Vavilov N.I. *Proishozhdenie i geografiia kulturnykh rasteniy.* L. Nauka, 1987, 440 p.
- Vinogradov Yu.A. *Mirmekiy. Ocherki arheologii i istorii Bospora.* M., Nauka, 1992, pp. 99 – 120.
- Vinogradov Yu.A. *Nekotorye diskussionnyie problemyi grecheskoy kolonizatsii Bospora Kimmeriyskogo.* VDI, 1995, vol. 3, pp. 152 – 160.
- Gavrilov A.V. *Okruga antichnoy Feodosii.* Simferopol, 2004, 368 p.
- Gavrilov A.V. Pashkevich G.A., *Paleobotanicheskie materialy iz antichnogo poseleniya Novopokrovka I i nekotoryie voprosy organizatsii zemledeliya v selskoy okruge Feodosii v IV – nachale III v. do n.e. Bosporskiy fenomen. Pogrebalnye pamyatniki i svyatilischa.* SPb. 2002. chast' 1, pp. 134 – 138.
- Gavrilyuk N.A., Pashkevich G.A. *Zemledelcheskiy komponent v ekonomike stepnoy Skifii. Sovetskaya arheologiya.* 1991, pp. 51-54.
- Gaydukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo.* M.- L. Izdatel'stvo AN SSSR. 1949, 622 p.
- Gaydukevich V.F. *Istoriya antichnykh gorodov Severnogo Prichernomorya. Antichnyie goroda Severnogo Prichernomorya.* M.-L. Izdatel'stvo AN SSSR, 1955, vol. 1, pp. 23 – 147.
- Domanskiy Ya.V., K.K.Marchenko. *Bazovaya funktsiya rannego Borisfena. Borystenika. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 100-letiyu nachala issledovaniy ostrova Berezan' E.R.fon Shternom.* Nikolaev, 2004, pp. 23 – 28.
- Drobishev Yu. P., G. O. Pashkevich. *Baza danih z paleoetnobotaiiki. Ukrayinskiy botanichniy zhurnal,* 1991, vol.48 (5), pp. 61 – 65.
- Drozdov N.A. *Dikaya i kulturnaya odnozernyanka v Krymu. Trudy po prikladnoy botanike i selektsii,* 1922 – 1923, vol.13, pp. 515 – 524.
- Estestvennaya istoriya,* kniga. XVIII, M. - L, OGIZ – Selhozgiz, 1937, 304 p.
- Zhukovskiy P.M. *Kulturnye rasteniya i ih sorodichi.* L., Kolos, 1964, 791p.
- Zeest I.B. *Raskopki Kimmerika v 1947 – 1948 gg. VDI,* 1949, vol. 3, pp. 92 – 101.
- Zeest I.B. *Arhaicheskie sloi Germonassyi. KSIA,* 1961, vol. 83, pp. 53 – 58.
- Zinko V.N. *Hora gorodov evropeyskogo poberezhya Bospora Kimmeriyskogo (VI – I vv. do n.e.). BI,* Simferopol-Kerch, 2007. –Vypusk XV.
- Zinko V.N., Pashkevich G.A. *Paleobotanicheskie materialy iz rannih kompleksov Tiritaki. BI,* Simferopol – Kerch', 2010, Vypusk XXIY, pp. 65 – 83.
- Karasev A.N. *Monumentalnyie pamyatniki Olviyskogo temenosa. Olviya. Temenos i agora.* M.-L., 1964, pp. 27 – 130.
- Kiryranov A.V. *Materialy po zemledeliyu iz raskopok antichnykh poseleniy Bospora. KSIA,* 1962, vol. 91, pp. 92 – 97.
- Krapivina V.V. *Olviya. Materialnaya kultura I – IV vv. n.e.* Kiev, Izd. Naukova dumka, 1993, 184 p.
- Krapivina V.V., Kudrenko A.I. *Vinodelni pervykh vekov nashey eryi v Olvii. Antichnaya kultura Severnogo Prichernomorya v pervyie veka n.e.,* Kiev, 1986, pp. 52 – 64.
- Kruglikova I. T. *Selskoe hozyaystvo Bospora.* M., 1975, 300 p.
- Kryzhitskiy S.D., Buyskiy S.B., Burakov A.V., Otreshko V. *Selskaya okrug Olvii.* Kiev, Naukova dumka, 1989. 240 p.
- Krizhitskiy S.D., Scheglov O.M. *Pro zernoviy potentsial antichnih derzhav Pivnichnogo Prichornomor'ya. Arheologiya,* 1991, vol.1, pp. 46 – 56.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Kuzminova N.M., Ohotnikov S.B. Kulturni roslini Nizhnogo Podnistrov'ya u VI – V st. do n.e. (za danimi paleoetnobotanichnogo analizu). *Arheologiya*, 1987, vol. 60, pp. 80 – 83.
- Kutaysov V.A. *Kerkinitida v antichnyu epohu*. Kiev, 2004, 325 p.
- Lebedeva E.Yu. Paleoetnobotanicheskie issledovaniya na antichnykh pamyatnikakh Vostochnogo Kryima. *Drevneyshie obschnosti zemledeltsev i skotovodov Severnog skotovodov Severnogo Prichernomor'ya*, 1991, pp. 167 – 168.
- Lebedeva E.Yu. Rezultaty issledovaniya paleoetnobotanicheskikh materialov s meotskikh pamyatnikov Prikubanya. *Bosporskiy sbornik*, 1994, 5, pp. 108 – 112.
- Levi E.I. Itogi raskopok olviyskogo temenosa i agoryi (1951-1960 gg.). *Olviya. Temenos i agora*, M. - L., 1964, pp. 5 – 25.
- Lisitsyina G.N., Prischepenko L.V. *Paleoetnobotanicheskie nahodki Kavkaza i Blizhnego Vostoka*. Nauka, Moskva, 1977, 128 p.
- Leypunskaya N.O. Ekonomika Olviyskoy derzhavi. *Arheologiya*, 1995, vol. 3, pp. 16 – 27.
- Nikolaenko G.M., Yanushevich Z.V. Kulturnye rasteniya iz raskopok selskoy okrugy Hersonesa. *KSIA AN SSSR*, 1981, vol. 168, pp. 26 – 34.
- Odrin O. *Prirodni resursi ta torgovno-ekonomichniy potencial antichnih derzhav Pivnichnogo Prichernomor'ya*. Kiiv, 2005, 94 p.
- Opredelelitel vysshih rasteniy Ukrainy. Kiev, Fitosotsiotsentr. 1999, 548 p. Opredelelitel vysshih rasteniy Kryima, L., Nauka, 1972, p. 552.
- Pashkevich G. A. Rastitelnyye ostatki iz pamyatnikov olviyskoy horyi. *Problemy issledovaniya Olvii*. Parutino, 1985, p. 65.
- Pashkevich G. A. Sostav kulturnykh i sornykh rasteniy iz raskopok poseleniy selskoy okrugy Olvii. *Antichnyye poseleniya Nizhnego Pobuzhya (arheologicheskaya karta)*. Kiev, Nauk. dumka, 1990, pp. 114 – 119.
- Pashkevich G. A. *Paleoetnobotanicheskie nahodki na territorii Ukrainy. Pamyatniki I tyis. do. n.e. - II tyis. n.e. Katalog I*. Preprint, Kiev, 1991, 48 p.
- Pashkevich G.O. Do rekonstruktsiy asortimentu kulturnykh roslin epohi neolitu – bronzi na teritoriyi Ukrainy. *Starodavne virobnytstvo na teritoriyi Ukrainy*. Kiyiv, Nauk. dumka, 1992, pp. 179 – 194.
- Pashkevich G. O. Paleoetnobotanichni materlali z rozkopok Olviyi. *Arheologiya*, 1995. vol. 3, pp. 97 – 108.
- Pashkevich G.A. Paleoetnobotanicheskie issledovaniya skifskikh pamyatnikov stepnoy zonyi Severnogo Prichernomor'ya. *Skify i sarmaty v 7 – 3 vv. do n.e. Paleoekologiya, antropologiya i arheologiya*. Moskva, 2000, pp. 101 – 109.
- Pashkevich G.A. K probleme izucheniya Severnogo Prichernomor'ya v antichnyu epohu. *Bosporskiy fenomen. Pogrebalnyye pamyatniki i svyatilischa*. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Gos. Ermitazha, 2002. pp. 302 – 311.
- Pashkevich G.O. Pro sklad roslin, viroschuvanih na pochatku gretskoy kolonizatsiyi Pivnichnogo Prichernomor'ya. *Borysthenica – 2004. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 100-letiyu nachala issledovaniy ostrova Berezan E.R. fon Shternom, Nikolaev, 2004*, pp. 131 – 138.
- Pashkevich G.A. Sovremennoe sostoyanie paleoetnobotanicheskikh issledovaniy Hersonesa. *Hersonesskiy sbornik*. – vyip. XV, 2006, pp. 165 – 179.
- Pashkevich G.O. Paleoetnobotanichni doslidzhennya davnoruskogo chasu ta serednovichchya na teritoriyi Ukrainy. *Problemi davnoruskoy ta serednovichnoy arheologiyi. Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*. Vipusk 1. – Kiyiv, 2010, pp. 477 – 483.
- Pashkevich G. A., Drobyshchev Yu. P. Sozdanie Bazyi dannykh po paleoetnobotanike. *Kompleksnyye metody issledovaniya arheologicheskikh istochnikov*. *Materialy soveschaniya*. M., 1989, p. 13.
- Plinyi. *Estestvennaya istoriya*, kn. XVIII, M.-L., OGIz – Selhonzgiz, 1937, 304 p.
- Plinyi Gay. *Estestvennaya istoriya*. 1949, *VDI*, 2, pp. 273 – 317.
- Podgorodetskiy P.D. *Kryim: Priroda*. Simferopol, Izd. Tavriya, 1988, 192 p. *Rasteniyevodstvo*. M., Agropromizdat, 1986, 512 p.
- Reva M.L., Reva N.N. *Diki yistivni roslini Ukrainy*. Kiyiv, Naukova dumka, 1976, 166 p.
- Rusishvili N.Sh. Iskopaemye vidy pshenitsy s territorii Gruzii. *Flora, geobotanika i paleoetnobotanika. Botanicheskie issledovaniya*. Kishinev, Izd-vo Shtiintsa, 1988, pp. 17 – 28.
- Sergeenko M.E. *Uchenye zemledeltsy Drevney Italii*. L., Nauka, 1970, 292 p.
- Sorochan S.B., Zubar V.M., Marchenko L.V. *Zhizn i gibel Hersonesa*. Kharkov, Izd-vo Maydan, 2001, 828 p.
- Strzheletskiy S. F. Kleryi Hersonesa Tavricheskogo. *Hersonesskiy sbornik*, 1961, vol.6, pp. 1 – 168.

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования ...

- Stoletova E.A. Polba - emmer. *Triticum dicoccum* Shrank. *Trudy po prikladnoy botanike, genetike i selektsii*, 1924 – 1925, vol. 14 (1), pp. 27 – 105.
- Tuganaev V.V. *Agrofitotsenozyi sovremennogo zemledeliya i ih istoriya*. M., Nauka, 1984, 88 p.
- Farmakovskiy B. V. Raskopki Olvii v 1902 i 1903 gg. *IAK*, 1906, vyip. 13, pp. 1 – 306.
- Flyaksberger K. A. Arheologicheskie nahodki hlebnih rasteniy v oblastyakh, prilgayuschih k Chernomu moryu, *KSIA IIMK*, 1940, vyip. 8, pp. 117 – 119.
- Shelov D.B. *Tanaïs i Nizhniy Don v pervyie veka n.e.* M., Nauka, 1972, 352 p.
- Scheglov A.N. *Severo - Zapadnyiy Kryim v antichnuyu epohu*. L., Nauka, 1978, 159 p.
- Scheglov A.N. Severopontiyskaya trgovlya hlebom vo vtoroy polovine VII-V vv. do n.e. *Pismennyye istochniki i arheologiya // Prichernomorie v VII – V vv. do n.e.* Tbilisi, Matsniereba, 1990, pp. 99 – 121.
- Scheglov A.N., Kuzminova N.N., Yanushevich Z.V., Chavchavadze E.S. Zemledelie na poselenii Panskoe 1. Severo-Zapadnyiy Kryim v III – nachale IV veka do n.e. *Botanicheskie issledovaniya. Flora i rastitelnost*. Kishinev, Izd.-vo Shtiintsy, 1989, vyip 5, pp. 50 – 69.
- Yanushevich Z.V. *Kulturnyye rasteniya Yugo-Zapada SSSR po paleobotanicheskim issledovaniyam*. Kishinev, 1976, 214 p.
- Yanushevich Z.V. *Kulturnyye rasteniya Severnogo Prichernomor'ya. Paleobotanicheskie issledovaniya*. Kishinev, 1986, 92 p.
- Yanushevich Z.V., Byirnya P.P. Iz istorii zemledeliya na territorii Starogo Orheya (vidovoy sostav kulturnykh rasteniy). *Voprosy ekonomicheskoy istorii Moldavii epohi feodalizma i kapitalizma*. Kishinev, 1972, pp. 267 – 276.
- Yanushevich Z.V., Korpusova V.N., Pashkevich G.A. Pshenitsa iz zahoroneniya katakombnoy kultury. *Izvestiya AN Mold. SSR, seriya biologicheskikh i himicheskikh nauk*. 1981, vol. 5, pp. 24 – 28.
- Yanushevich Z.V., Kuzminova N.N., Savelya O.Ya. K istorii vzdelyvaniya pshenitsy odnozernyanki na territorii SSSR. *Flora, geobotanika i paleobotanika. Botanicheskie issledovaniya*. 1988, vol. 1. pp. 12 – 17.
- Yanushevich Z.V., Rusishvili N.Sh. Novyye paleobotanicheskie nahodki na ranneneoliticheskom poselenii Aruhlo. *Chelovek i okruzhayushchaya ego sreda*, Tbilisi, 1984, vol. 9, pp. 21 – 33.

Резюме

Палеоэтноботанические исследования греческих поселений Боспора показывают преобладание в ископаемых материалах двух зерновых культур – голозерной пшеницы и пленчатого ячменя. Преобладание этих культур подтверждается данными, полученными из всех исследованных памятников – Артющенко 1, Артющенко 2, Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Китей, Новопокровка 1. Очевидно, что пшенице голозерной и ячменю пленчатому отдавали предпочтение греческие поселенцы на протяжении длительного времени – в течение всего периода колонизации, т.е. начиная с VII в. до н.э. и по II – III вв. н.э. Вполне вероятно, что греки, поселившись на новых землях, использовали известный и привычный им состав растений, который они принесли с собою. Отличия климатических и почвенных условий, с которыми столкнулись переселенцы, способствовали использованию ими на новых землях несколько иного и более ограниченного состава выращиваемых растений. Тем не менее, используя знакомый им ассортимент, они успешно применили его в новой обстановке. Настолько успешно, что выращиваемые ими объемы голозерных пшениц и ячменя были достаточными не только для внутреннего потребления, но и для торговли и обмена. Климатические и почвенные условия оказались вполне благоприятными для выращивания зерновых культур: мягкая зима с обильными осадками весной и в первой половине лета, длительный вегетационный период – почти четыре месяца, плодородные черноземные почвы. Греки-переселенцы с самого начала освоения новой территории использовали известный им ассортимент культурных растений, значительно отличающийся от того, который использовался местными, соседними с ними племенами скифов, кизил-кобинцев, меотов.

Данные, приведенные в работе, не претендуют на решение вопросов экономической дея-

тельности на территории греческих колоний Боспора Киммерийского, но они могут служить надежной основой при таких исследованиях.

Summary

Paleo-ethno-botanical studies of Greek settlements of the Bosporus show predominance of two crops – *Triticum aestivum* and barley - in fossil materials. The prevalence of these crops is supported by data obtained from all studied monuments - Artyushchenko 1, Artyushchenko 2, Myrmekion, Tyritake, Nymphaeum, Kytaiia, and Novopokrovka 1. It is obvious that the Greek settlers favoured these crops for a long time - for all colonization period, i.e. from the VIIth century BC till the II-III cc. AD. It is likely that the Greeks that settled on new lands, used well-known and familiar plants, which they had brought with them. Differences of climatic and soil conditions which settlers faced, promoted the use of different and more limited cultivated plants on the new lands. However, they applied the new assortment in new situation successfully.

So successfully that they grew such volumes of wheat and barley that were sufficient not only for domestic consumption but also for trade and exchange. The climatic and soil conditions were quite favorable for growing crops: mild winters with heavy rainfall in spring and early summer, a long vegetation period - almost four months, and fertile black soil. From the very beginning of settling in the new territory, the Greek settlers used known range of cultivated plants, which was significantly different from that which was used by local, their neighboring tribes of the Scythians, Kizil-Koba settlers, and Meotians.

The data represented in the article, are not intended to solve issues of economic activities in the territory of the Greek colonies of Cimmerian Bosporus, but they can serve as a reliable basis for such studies.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БИ - Боспорские исследования
- ВДИ - Вестник древней истории
- ИАК - Известия императорской Археологической комиссии
- КСИА - Краткие сообщения Института археологии СССР
- МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
- ОГИЗ - Объединение государственных книжно-журнальных издательств при Наркомпросе РСФСР

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашкевич Галина Александровна,
доктор биологических наук
pashkevich11@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pashkevich Galina Aleksandrovna,
DSc in Biology
pashkevich11@yandex.ru